



**СВЕТСКОСТЬ, СЕКУЛЯРИЗМ,
РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ,
ЮРИДИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.**

**SECULARISM, SECULARITY AND
RELIGION: HISTORICAL, LEGAL,
AND PHILOSOPHICAL ASPECTS**

БИШКЕК, 2020

СВЕТСКОСТЬ, СЕКУЛЯРИЗМ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ, ЮРИДИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

Монографический сборник статей
под редакцией доктора философских наук
Элбакян Е.С.

БИШКЕК, 2020

УДК 1/14
ББК 87
С 24

С24 Светскость, секуляризм, религиозность: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты. / Под ред. Е.С. Элбакян – Бишкек, 2020 г. – 246 с.

Secularism, secularity and religion: historical, legal, and philosophical aspects. / Edited by E. S. Elbakyan -Bishkek, 2020 – 246 p.

ISBN 978-9967-483-44-6

В сборнике представлены работы участников международной научно-практической конференции «Светскость, секуляризм, религиозность в постсоветском пространстве: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты», проходившей 23-25 октября 2019 года в г. Бишкек, Кыргызстан. Предназначен для широкого круга читателей, занимающихся и интересующихся вопросами религии, светскости, права, политики и образования.

The collection presents the works of participants of the International Scientific and Practical Conference «Secularism, Secularity, Religiosity in the Post-Soviet Countries: historical, legal, and philosophical aspects», held on October 23-25, 2019 in Bishkek, Kyrgyzstan. The collection is aimed at a broad audience of readers who are interested in religion, secularism, law, politics, and education.

ISBN 978-9967-483-44-6

УДК 1/14
ББК 87

© ОО «Центр Религиоведческих Исследований», 2020



SECULARISM, SECULARITY AND RELIGION : HISTORICAL, LEGAL, AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Collection of articles
Edited by Elbakyan E.S.

BISHKEK, 2020

23-25 октября 2019 года в Бишкеке состоялась Международная научно-практическая конференция «Светскость, секуляризм, религиозность в постсоветском пространстве: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты». В ней приняли участие делегации 14 стран. Организаторами конференции выступили Кыргызско-Российский славянский университет, Международный центр по изучению религии и права Университета им. Бригама Янга (США), Центр религиоведческих исследований Кыргызстана.

В течение трех дней ученые, практикующие юристы, чиновники обсуждали светскость как мировоззренческий феномен, гарантии свободы совести и место в них светскости государства, секуляризацию в истории Западной Европы и роль в формировании светских государств, юридические аспекты свободы вероисповедания в светском и религиозном типах государства; современный опыт реализации свободы совести и свободы вероисповедания в государствах различного типа; модели государственно-религиозных отношений и механизмы регулирования деятельности религиозных организаций и многое другое.

Результатом многочасовых дискуссий стал этот сборник, представляющий, хотя и не все, но значительно число докладов, с которыми выступали участники конференции

On October 23-25, 2019, the International Scientific and Practical Conference «Secularism, Secularity, and Religion in the Post-Soviet Countries: historical, legal, and philosophical aspects» was held in Bishkek. Delegations from 14 countries took part in it. The conference was organized by the Kyrgyz-Russian Slavic University, the International Center for Law and Religious Studies of the Brigham Young University (USA), Research Center for Religious Studies of Kyrgyzstan.

For three days, scholars, practicing lawyers, and officials discussed secularism as a worldview phenomenon, guarantees of freedom of conscience and the place of secularity of the state, secularization in the history of Western Europe and the role in the formation of secular states, legal aspects of religious freedom in secular and religious types of the state; modern experience in the implementation of freedom of conscience and freedom of religion in states of various types; models of state-religious relations and mechanisms for regulating the activities of religious organizations and much more.

The result of many hours of discussions was this collection, representing, although not all, but significantly the number of reports presented by conference participants.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ В ФОКУСЕ НАУКИ

- Элбакян Е.С.* Религиозная традиционность/нетрадиционность: точка зрения религиоведа.....9
- Шмидт В.В.* Религиоведение и религиоведческие компетенции в мире без границ: вызовы и проблемы определенности.....15
- Загребина И.В.* Проблемы религиоведческой экспертизы в России.....35
- Халиков Р.Х.* Окцидентофобия как ключевая характеристика контрсекуляризма.....41

РЕЛИГИЯ В ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

- Пинкевич В.К.* Политизация общества и государственно-конфессиональные отношения в современной России.....48
- Ситников М.Н.* Религия и метаморфозы конфессиональной идеологии.....56
- Мельников А.Л.* Владимир Путин: набожный лидер светского государства.....61
- Мурзахалилов К.С.* Анализ деятельности государственных органов в реализации религиозных прав и свобод в Кыргызстане.....68

РАДИКАЛИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ, РЕЛИГИЯ

- Мусабекова Ч.А.* Проблемы законодательной регламентации и квалификации материалов «экстремистскими» в Кыргызской Республике.....78
- Гасанов Р.В.* Роль политики мультикультурализма в борьбе с религиозным экстремизмом: на примере азербайджанского опыта.....84
- Шаповал Ю.В.* Возвращенцы из Сирии: вызов светскости в Казахстане?.....94
- Азизи Р.А.* Роль светского потенциала в ПНЭ (опыт Таджикистана).....100
- Клевакова А.В.* Психолого-психиатрические риски личности террориста.....105

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

- Шабуров Н.В.* Как изучать религию в пост-секулярной ситуации?
Российский опыт109
- Стимак З.* Построение светского государства. Международные организации и религия в образовании.....115

ПРИНЦИП СВЕТСКОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

- Ряховский В.В.* Актуальные проблемы реализации свободы совести в контексте ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», антиэкстремистского и смежного с ним законодательства в Российской Федерации.....127
- Карасева С.Г.* Между государственным регулированием и глобализацией: зазоры для религиозной свободы (пример Беларуси).....136

<i>Абдирасулова Г.Ж.</i> Обеспечение правосудия и защита свободы религии в Кыргызской Республике.....	141
<i>Подкуйко Ю.В.</i> Сравнительный анализ внешнего влияния на постсоветские государства Центральной Азии: религиозный аспект.....	145
<i>Ажыбекова К.А.</i> Место ислама в светской Киргизии и современной геополитической борьбе.....	151
<i>Курбанова Н.У., Бекбоева Ч., Карасартова Ч.</i> Модели государственно-исламских отношений в постсоветских центральноазиатских государствах: сравнительный анализ.	156
<i>Киселёв О.С.</i> Атеизм, секуляризм и светскость в современной Украине.....	163
<i>Титаренко В.В.</i> Религиозная идентичность в Украине в координатах свободы религии..	156
<i>Рагимов Р. Ю.</i> Азербайджанская модель мультикультурализма: теория и практика.	176
<i>Павличенко З.Ю.</i> Правовые аспекты паломничества в Кыргызской Республике....	181

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ

<i>Пчелинцев А.В.</i> Токсичное законодательство в религиозной сфере: последствия и пути преодоления.....	187
<i>Подопригора Р.А.</i> Административно-правовое воздействие на религиозные объединения: опыт Казахстана.....	190
<i>Озолин В.А.</i> Практика применения «Закона Яровой» в части маркировки печатных изданий, аудио- и видеоматериалов и указание полного наименования религиозных организаций.	195
<i>Сибирева О.В.</i> Статья 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации как одна из угроз свободе совести в России.....	199
<i>Кулов С.С.</i> Баланс между свободой религии и убеждений и свободой выражения мнений в последних решениях Европейского суда по правам человека.....	203
<i>Чугунов С.В.</i> Автономия религиозных объединений, как гарантия эффективного осуществления права на свободу вероисповедания. Практика Европейского суда по правам человека.....	215
<i>Асланова И.Ш.</i> Религиоведческая экспертиза в рамках уголовных дел по экстремизму: обзор судебной практики в Кыргызской Республике.....	217

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ СЕКУЛЯРНОСТИ

<i>Ашраф А.</i> Идеологические основы секулярности, секуляризма и религиозные вызовы на постсоветском пространстве.....	225
<i>Феррари С.</i> Действительно ли безопасность и свобода религии или убеждений являются несовместимыми?.....	232
<i>Эмон А. М.</i> Развертывание “исламского”: четыре регистра для анализа.....	236
Сведения об авторах.....	242

CONTENT

RELIGION AS AN ACADEMIC DISCIPLINE

- Elbakyan E.S.* Religious Tradition / Non-Tradition: The Point of View of a Religious Scientist.....9
- Schmidt V.V.* Religious studies and religious studies competencies in a world without borders: challenges and problems of certainty.....15
- Zagrebin I.V.* Problems of religious expertise in Russia.....35
- Khalikov R.Kh.* Occidentophobia as a Key Feature of Counter-secularism.....41

RELIGION IN A POLITICAL AND IDEOLOGICAL CONTEXT

- Pinkevich V.K.* Politicization of society and state-confessional relations in modern Russia.48
- Sitnikov M.N.* Religion and metamorphoses of confessional ideology.....56
- Melnikov A.L.* Vladimir Putin: the pious leader of a secular state.....61
- Murzahalilov K.* Analysis of measures by the State institutions to execute religious.....68

RADICALISM, EXTREMISM, RELIGION

- Musabekova Ch.A.* Problems of legislative regulation and qualification of materials «extremist» in the Kyrgyz Republic.....78
- Hasanov R.* The Role of the Policy of Multiculturalism in the Struggle Against Religious Extremism: in the Example of Azerbaijani Experience.....84
- Shapoval Yu.V.* Returnees from Syria: a challenge to secularism in Kazakhstan?.....94
- Azizi R.A.* The role of secular potential in PNE (Tajikistan experience).....100
- Klevakova A.V.* Psychological and psychiatric risks of a terrorist personality.....105

RELIGION AND EDUCATION

- Shaburov N.V.* How to study religion in a post-secular situation? Russian experience...109
- Stimac Z.* Building a secular state. International organizations and religion in education.115

THE PRINCIPLE OF SECULARISM AND ITS IMPLEMENTATION IN THE POST-SOVIET STATES

- Ryakhovsky V.V.* Actual problems of the implementation of freedom of conscience in the context of the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations», anti-extremist and related legislation in the Russian Federation.....127

<i>Karassyova S.G.</i> Between government regulation and globalization: clearances for religious freedom (example of Belarus).....	136
<i>Abdirasulova G. Zh.</i> Ensuring justice and protecting freedom of religion in the Kyrgyz Republic.....	141
<i>Podkuyko Yu.V.</i> Comparative analysis of external influence on the post-Soviet states of Central Asia: religious aspect.....	145
<i>Azhybekova K.A.</i> The place of Islam in secular Kyrgyzstan and modern geopolitical struggle.....	151
<i>Kurbanova N.U., Bekboeva Ch., Karasartova Ch.</i> Models of State-Islamic Relations in the Post-Soviet Central Asian States: A Comparative Analysis.....	156
<i>Kiselev O.S.</i> Atheism, secularism and secularity in modern Ukraine.....	163
<i>Titarenko V.V.</i> Religious identity in Ukraine in the coordinates of freedom of religion..	170
<i>Rahimov R.</i> The Azerbaijani Model of Multiculturalism: Theory and Practice.....	176
<i>Pavlichenko Z.Yu.</i> Legal Aspects of Pilgrimage in the Kyrgyz Republic.....	181

LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN THE RELIGIOUS SPHERE

<i>Pchelintsev A.V.</i> Toxic legislation in religious sphere: consequences and ways to overcome.....	187
<i>Podoprighora R.A.</i> Administrative and legal impact on religious associations: the experience of Kazakhstan.....	190
<i>Ozolin V.A.</i> The practice of applying the «Yarovaya’s Law» in terms of marking print media, audio and video materials and indicating the full name of religious organizations.....	195
<i>Sibiryova O.A.</i> Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as one of the threats to freedom of conscience in Russia.....	199
<i>Kulov S.S.</i> The balance between freedom of religion and belief and freedom of expression in recent judgments of the European Court of Human Rights.....	203
<i>Chugunov S.V.</i> Autonomy of religious associations as a guarantee of the effective exercise of the right to freedom of religion. Practice of the European Court of Human Rights.....	215
<i>Aslanova I.Sh.</i> Religious expertise within the criminal cases on extremism: the Kyrgyz Republic court practice overview.....	217

MODERN UNDERSTANDING OF SECULARITY

<i>Ashraf A.</i> Ideological Underpinnings of the Secularity, Secularism and Religious Challenge in Post-Soviet Central Asian States.....	225
<i>Ferrari S.</i> Are freedom of religion or belief and security reconcilable?.....	232
<i>Emon A.E.</i> Ideological Underpinnings of the Secularity, Secularism and Religious Challenge in Post-Soviet Central Asian States.....	236
Information about authors.....	244

РЕЛИГИЯ В ФОКУСЕ НАУКИ

RELIGION AS AN ACADEMIC DISCIPLINE

Элбакян Е.С.

Религиозная традиционность/нетрадиционность: точка зрения религиоведа

Elbakyan E.S.

Religious Tradition / Non-Tradition: The Point of View of a Religious Scientist

Аннотация: В докладе рассматриваются различные аспекты религиозной традиционности, делаются попытки ввести критерии для дифференциации традиционных и нетрадиционных религий, предлагаются устоявшиеся термины «историческая религия», «новая религия», показывается роль и место «традиционной» и «нетрадиционной» религиозности в глобальном мире.

Ключевые слова: исторические религии, новые религиозные движения, религиозная традиционность (нетрадиционность), критерии традиционности, традиционные и нетрадиционные религии в условиях глобализации

Abstract: The report discusses various aspects of religious tradition, attempts are made to introduce criteria for differentiating traditional and non-traditional religions, the established terms «historical religion», «new religion» are proposed, the role and place of «traditional» and «non-traditional» religiosity in the global world is shown. .

Keywords: historical religions, new religious movements, religious tradition (non-traditional), criteria of traditional, traditional and non-traditional religions in the context of globalization

Словосочетания «традиционная религия» и, соответственно, «нетрадиционная религия» имеют достаточно широкое распространение. Помимо распространения, они подразумевают и некоторые практические следствия для упоминаемых в этой связи конкретных религиозных направлений. Так, в представлениях общества «традиционная» религия носит позитивный оттенок, а «нетрадиционная», как правило, негативный. С точки зрения государственной политики, нередко бывает так, что религиозная традиционность воспринимается как нечто стабилизирующее общество, укрепляющее его нравственность и др., в то время как нетрадиционная религиозность - как нечто непонятное, а потому таящее в себе непредсказуемость и опасность для общества и государства.

В этой связи хотелось бы разобраться в том, что являет собой религиозная «традиционность» (и, как ее «бинарная оппозиция», религиозная «нетрадиционность»), каковы их критерии, влияние на жизнь общества и т.д.

Предваряя свое выступление, замечу, что вопрос о традиционности/нетрадиционности религий может рассматриваться в разных аспектах.

В онтологическом и гносеологическом аспектах религиозная традиционность имеет условно тождественную идентичность. Онтологически в картине мира любой религии («традиционной» или «нетрадиционной») наличествует трансцендентное, сверхъестественное, которое оказывается определяющим аксиологическо-нормативным ориентиром жизни человека и центром его «мироздания».

В гносеологическом аспекте – во всех религиозных традициях трансцендентное непознаваемо, хотя и ощущаемо лишь в очень ограниченном спектре (даже в том случае, когда оно становится имманентным миру, например в пантеизме).

В антропологическом аспекте в разных типах религий (без учета отдельных нюансов) сущностные отличия между представлениями о человеке, его месте во взаимоотношениях с Богом (трансцендентным), соотношении субъекта и объекта данных отношений и т.д. также отсутствуют

Этическая составляющая подавляющего большинства религий, искусственно делимых на традиционные и нетрадиционные, также во многом идентична - она содержит бинарные рекомендации: что делать должно (религиозно мотивированные заповеди), а что нельзя (религиозно мотивированные запреты) и т.д.

Теологический аспект, естественно, в каждой религии или религиозном направлении, имеет свою специфику. Но в целом его общая ориентированность выстраивается по единой для всех религий модели, в которых сверхъестественное (в частности, Божественное, если речь идет о христианстве) выступает объектом, наличествуют соответствующие предметные области и методы изучения объекта.

Таким образом, провести демаркацию между религиозной традиционностью и нетрадиционностью по линии онтологического, гносеологического, антропологического, этического или теологического аспектов, на мой взгляд, весьма затруднительно, если вообще возможно.

Остается еще важнейший – социальный аспект. Именно он, по моему мнению, является ключевым при рассмотрении обозначенной проблемы.

В этой связи возникают вопросы о критериях определения «традиционности»: это возникновение и срок существования на данной территории (в рамках страны, государства, этноса и др.)? степень инкорпорированности в социокультурный контекст территории (страны, государства, этноса и др.)? количество последователей?

Думается, что ответы на поставленные вопросы заставят нас усомниться в том, что данные позиции могут выступать критериями выявления традиционности/нетрадиционности той или иной религии, религиозного направления.

Так, говоря о возникновении и длительности существования той или иной религии (мировоззренческой традиции) в конкретном регионе, стране и рассуждая, например, о России, мы сталкиваемся с серьезной проблемой. Так, в преамбуле к Закону о свободе совести и религиозных организациях (№ 125-ФЗ) признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, а в числе «наиболее уважаемых» названы «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [Закон о свободе совести и религиозных организациях]. Вместе с тем, религии, заявленные в преамбуле к данному Закону, возникли в других регионах мира и были привнесены на Русь в силу ряда социально-политических причин. В таком случае «религиозной традицией

России» следует считать религиозное многообразие – т.е. различные автохтонные системы представлений (языческие верования) народов, населяющих страну (и по фактору возникновения, и по длительности существования).

Вспомним феномен двоеверия возникший после христианизации, в частности, Сибири, - в данном случае, очевидно, что в качестве «религиозной традиционности» выступает шаманизм, а благодаря христианизации «сверху» на него «наложилась» «новая» религия - христианство в форме русского православия (аналогичные процессы были и при крещении Руси, когда переплетались исконные (старые) языческие верования с новой христианской религией, на века сохранив это «переплетение», в том числе, и в обрядовой практике - масленица, святочные гадания и т.п.)

Степень инкорпорированности в социокультурный контекст и массовость как еще два условных критерия религиозной традиционности напрямую связаны с социальной адаптивностью.

Можно ли представить себе развитие и рост в условиях Европы 16 века, например, саентологии или разлизма? Или, рост популярности какого-либо архаичного культа в условиях начала 3 тысячелетия? В пример можно привести хотя бы демонстративно-пародийное в отношении религии движение, вроде культа «макаронного монстра», который не вызывает особого интереса даже среди испытывающих к религии неприязнь (шутовство или т.н. «религии-шутки»).

В настоящее время складывается ситуация, при которой «новые» религии в гораздо большей степени отражают современное видение многих проблем и в большей степени вписываются в современные субкультуры (например, молодежную) или отвечают духовным поискам интеллектуалов, не удовлетворенных ответами на «вечные вопросы», которые даются в религиях, известных многие века. Отсюда и существенный рост сторонников «нетрадиционных» религий, и общие тенденции высокой динамики роста новых религиозных организаций с учетом соотношения номинальной и реальной «религиозности», ее интенсивности, степени, характера и т.д.

Религиозная традиционность, по понятным причинам, «консервирует» ценностно-нормативную основу образа жизни своих последователей [см. Глаголев В.С., с.1271], и препятствует социальной адаптивности, как правило, не учитывая или учитывая в незначительной степени социальные новации [см., например, Шмидт В.В., с. 277-295]

Независимо от наличия у религии коммуникативной функции, религиозная традиционность, порождает и своего рода дезкоммуникативность, что проявляется, в том числе, в доведении до некоего предела конфессиональной ограниченности. В подобных случаях для верующих существенно затруднено или невозможно общение с внешним миром, с представителями других конфессий или неверующими (например, в некоторых монастырях). Это естественно, т.к. религиозная традиционность в своей сущности всегда консервативна и ориентирована в большей степени на идеалы прошлого, идентифицируя собственную организацию и ее членов с определенным образцом ценностно-нормативных установок и соответствующим им образом жизни последователей, а не на поиск, не на устремленность в будущее и, в этой связи, противостояние «попыткам ее модернизации в соответствии с социально-культурными изменениями...» [Кырлежев А.И., с. 1271]

Таким образом, при использовании понятия религиозной традиционности, очень сложно найти строгие критерии отнесения тех или иных феноменов религиозной жизни к «традиционным» в собственном смысле слова. Поэтому, на мой взгляд, корректнее использовать понятия «исторических» (или «старых») и «новых» религий, указывая известные признаки тех и других [см. Элбакян Е.С., с. 32-46].

Вместе с тем, общество и различные стороны его жизни находятся в постоянной динамике, что, так или иначе, влияет на религию и религии, даже с учетом «традиционности» и «консерватизма» большинства из них.

Как известно, в последнее десятилетие происходит виртуализация религии, и религиозные отношения из социальных во многом переходят в «виртуальные». Религиозные движения активно и профессионально используют современные технологии, современные средства массовой информации. Сегодня даже в дни крупных праздничных мероприятий верующим вовсе необязательно находиться в контексте сакрального пространства – храме или мечети, вполне достаточно принимать в них участие «онлайн», посредством сети Интернет или наблюдая по телевизору. То же самое наблюдается с обращением к сакральным текстам или к их толкованиям (разъяснениям), с чем можно ознакомиться во Всемирной Сети. Там же можно узнавать обо всех событиях той или иной религиозной организации, общаться на форумах с единомышленниками или дискутировать с оппонентами. Религиозная община как ядро «первичной» приходской жизни утрачивает былую ценностно значимую средовую определенность – функциональную коммуникативную значимость, нанося существенный урон тому, что имплицитно подразумевается под «религиозной традиционностью».

Подобные метаморфозы находят отражение в религиозной деятельности. Порой, при посещении современных церквей, создается устойчивое впечатление, что находишься в хорошо работающем офисе, где культово-ритуальные практики попадают в графу «оказания религиозных услуг», предлагаются прейскуранты на проведение тех или иных обрядов и таинств (например, цены на венчание при участии хора выше, чем без такового, о чем можно прочесть при входе в некоторые храмы и т.д.). По существу, выхолащивается мистическая суть религии, когда место мистики занимает «мистификация», которая по большей части рассматривается в качестве «коммерческого проекта», свидетельствуя тем самым о дефиците веры у самих ее проводников, становящихся «мистификаторами».

Вместе с тем, как уже отмечалось, в подавляющем большинстве религий, остаются весьма действенными те не ограниченные сугубо конфессиональной спецификой общечеловеческие нормы и ценности, которые являются универсальными. Рассмотренные в аспекте неуклонной глобализации, эти унифицированные (общечеловеческие) ценности и нормы вполне могут становиться основой для развития общества, несмотря на мультирелигиозность большинства современных государств. Более того, именно религии изначально принадлежала идея глобализации, ставящая целью объединить весь мир (устранить этно-религиозную конфликтогенность и трансформировать условия – разделить религиозно-мировоззренческое и этико-правовое как политико-идеологическое) по существу универсальными нормами и ценностями.

Каждый регион мира может быть охарактеризован с точки зрения преимущественной распространенности определенных религиозных групп, где религия в пределах каждой нации или этнической группы обладает собственными уникальными характеристиками – этико-правовыми нормами и аксиологически ориентированными стереотипами. Исторические религии, связанные со светскими общественными институтами, ценностями и мировоззрением в целом, безусловно, вынуждены реагировать на процессы глобализации. Несмотря на их сопротивление глобализации – в первую очередь модернизации моделей организации, которую они могут ощущать угрозой своему типу религиозности, что, в частности, стимулирует рост фундаментализма, это объективный мировой процесс, который способствует и сохранению «исторической религиозности»,

поверх которой располагается религиозность нового типа, т.к. глобализации сопутствует детерриториализация религии. В глобализующемся мире любая религия может обретать последователей там, где исторически их никогда не было, и терять в регионах традиционного распространения. Субъектом выбора все чаще становится отдельная личность, независимо от своей формальной принадлежности к какой-либо религиозной или этнокультурной традиции. Плюрализм и даже эклектизм религиозных воззрений распространяется не только лишь на уровне различных обществ, но и на уровне индивидуального сознания верующих.

Массовое распространение получает и синкретическая религиозность или квазирелигиозность, в которой причудливым образом сочетаются разные, далекие друг от друга, а порой и противоречащие друг другу, элементы, взятые из различных религиозно-философских направлений.

Новая религиозность (религиозная «нетрадиционность»), представленная новыми религиозными движениями (НРД) является религиозным каналом глобализации. Нередко представляя собой синкретизм разных религиозно-философских систем Запада и Востока, такая религиозность разрушает некие границы, или то, что под этими границами понималось традиционно, – своего рода религиозно-идеологические водоразделы культур и цивилизаций (Тойнби, Фукуяма), - в которые были веками «встроены» исторические религии, и создает духовно-нравственное (мировоззренческое) основание для распространения глобализационных процессов во всех сферах жизни общества, включая экономику, информацию, политику и культуру.

Такая своего рода «альтернативная социализация» свидетельствует о социальной активности НРД, их высокой адаптивности к потребностям современного социума с выдвиганием собственных социально-политических парадигм и ценностных ориентиров, чаще всего отличных от исторических традиций того или иного отдельного общества, но согласующихся с общим трендом глобализации. В ответ на это, «старые» религии акцентируют внимание на своей длительной истории, культуре, влиянии на былое формирование национального самосознания народа, увязывая себя с определенным регионом, этносом, страной и противопоставляя ее тенденции вестернизации, с которой неизменно ассоциируется глобализация. Попытки же принятия «историческими» религиями глобалистских норм (установок) и ценностей находят отражение в их реакциях или отношении к другим религиям – базируется ли оно на демократических принципах свободы совести и вероисповедания, или априорно исходит из приоритета своей религии и восприятия всех остальных как «ложных» и «вражеских».

Адаптация к мультирелигиозному пространству, характерному для современного этапа глобализации, дается историческим религиям с большим трудом, в первую очередь из-за нежелания терпеть на своей «канонической территории» любые иные религиозные направления, независимо от их «традиционности» или «нетрадиционности». Это, как и в целом консерватизм, существенно снижают возможности социальной адаптации исторических религий, и во многом перспективы их будущего развития.

Сегодня свободный выбор религии возможен в мировом пространстве благодаря своеобразному «глобальному религиозному рынку», предлагающему религию (религиозную и философско-мировоззренческую систему) «на любой вкус». С одной стороны, это в противовес секуляризационным процессам, вплоть до «обожествления» права – «культы права», интегрирует желающих обрести религиозную веру, а с другой – дифференцирует их в зависимости от того, какое религиозное направление выбирается.

Ответной реакцией на присущее глобализации нивелирование религиозных, национальных, региональных, культурных различий становится усиленное акцентирование на них с актуализацией местнических тенденций, фрагментацией общества, национализмом и регионализмом.

Глобализация влечет определенные трансформации в религиозном комплексе «исторических» религий. По мере постепенного изменения религиозного сознания верующих происходят изменения и в культовой практике (например, переход с латыни на национальные языки в католическом богослужении после Второго Ватиканского собора и др.), и в восприятии других религий, с которыми приходится соседствовать.

В ряде регионов мира сегодня соперничают между собой две основных тенденции. Первая – условно «консервативная» (иногда именуемая «фундаменталистской») требует ставить местные религиозные традиции выше глобальных; вторая – условно «либеральная», напротив, отдает приоритет глобальным ценностям и нормам, в том числе толерантности, предполагающей равные условия присутствия разных религиозных направлений в одном и том же регионе или стране. Именно эти две тенденции, по существу, и представляют (с учетом местной специфики) современный религиозный дискурс в аспекте глобализации.

Заметно стремление «старых» религий к укреплению связей со светской властью, с этническими и национальными группами, для которых такие религии воспринимаются «историческими», стремление таким образом противостоять натиску новых религий и обеспечить перспективы собственного существования с распространением своих доктринальных положений и религиозно-социальных норм, что можно рассматривать как их защитную реакцию.

Таким образом, однозначной оценки религиозной традиционности/нетрадиционности, как и роли религии в процессе глобализации с обратным влиянием глобализации на религию, дать нельзя. Это амбивалентное единство весьма противоречиво и многоаспектно.

Стоит лишь еще раз отметить различия в подходах «исторических» («традиционных») религий, ориентированных на продление срока жизни, и «новых» («нетрадиционных») религий, играющих все более заметную роль в глобализующемся социуме. Формы миссионерской деятельности и методы коммуникаций последних, с учетом их динамичного роста и социального состава, включающего молодежь и наиболее интеллектуально развитые слои населения, отрыв от государственно-национальных границ и интересов, от культурно-исторической ассоциированности с определенным социальным сообществом, говорят сами за себя.

В этой связи мне видится весьма актуальным «прикладной аспект» религиоведения, включающий в себя, в том числе, наблюдение за религиозными процессами в России и мире, изучение динамики не только новой религиозности, но и диалога между консерватизмом и модернизмом в рамках собственно религиозных традиций, государственно-религиозных и религиозно-общественных отношений и т.п. Результаты подобных наблюдений и изучений можно фиксировать как на общем, так и на локальном, региональном уровнях, например, работать над открытым проектом «Интерактивной религиозной карты России». То есть теоретические посылки (возможно, дискуссионные) дополнить практическим исследованием, а возможно и скорректировать теоретические выводы, исходя из реальной практики.

Библиографический список

Глаголев В.С. Традиция религиозная //Энциклопедия религий/ Под ред. Забияко А.П., Красникова А.Н., Элбакян Е.С. М.: Академический проект, 2008. С. 1271-1272.

Закон о свободе совести и религиозных организациях // [URL] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

Кырлежев А.И. Традиционализм религиозный // //Энциклопедия религий/ Под ред. Забияко А.П., Красникова А.Н., Элбакян Е.С. М.: Академический проект, 2008. С. 1271.

Шмидт В.В. Религия: определенность как проблема безопасности (философский, теологический, религиоведческий контекст) // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сборник докладов / Под ред. А.П. Забияко, М.М. Шахнович, Е.А. Аринина, П.К. Дашковского, В.В. Шмидта, Е.С. Элбакян. Благовещенск: Изд-во Амурского государственного университета, 2018. С. 277-295.

Элбакян Е.С. //Классификация религий и типология религиозных организаций / Редколлегия Кантеров И.Я., Элбакян Е.С., Яблоков И.Н., Ситников М.Н.. М.: АТиСО, 2008. С. 32-47.

Шмидт В.В.

Религиоведение и религиоведческие компетенции в мире без границ: вызовы и проблемы определенности¹

Schmidt V.V.

Religious studies and religious studies competencies in a world without borders: challenges and problems of certainty

Аннотация: В статье поставлена проблема эффективного и устойчивого воспроизводства религиозных гражданско-политических отношений с учетом уровневых особенностей, включая определение условий, при которых Российское государство и религиозные, этнокультурные традиции сохраняют свою стабильность как внутри себя, так и во взаимодействии между собой и прочими третьими лицами, становясь не чувствительными к процессам трансформации и воздействию (внутреннему, внешнему, глобальному).

Ключевые слова: Государство, общество, религиозные традиции и отношения, идеология, этно-религиозное многообразие, государственно-религиозные отношения, религиозная система, политико-правовое регулирование, институты гражданского общества, экспертный совет, религиоведение, этнополитика

¹ Материал подготовлен на основе данных научно-исследовательской работы по теме «Система экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации», выполненной в рамках государственного задания РАНХиГС на 2018 г. (рег. № НИОКТР АААА-А18-118013190105-2) по научному направлению «Социально-исторические, политико-правовые, культурологические и философские исследования» при участии к-та соц. наук М.И. Богачева и аспиранта РАНХиГС Я.О. Аллахвердян.

Abstract: The article poses the problem of effective and sustainable reproduction of religious civil-political relations, taking into account level features, including determining the conditions under which the Russian state and religious, ethnocultural traditions maintain their stability both within themselves and in interaction between themselves and other third parties, becoming not sensitive to transformation processes and effects (internal, external, global).

In the annex to the article, draft statutory documents for a self-regulatory professional organization of religious researchers are given.

Keywords: state, society, religious traditions and relations, ideology, ethno-religious diversity, state-religious relations, religious system, political and legal regulation, civil society institutions, expert council, religious studies, ethnopolitics

К началу XXI в. тенденции глобализации плотно вошли в повестку дня всех без исключения государств мира как на региональном, так и глобальном уровне – проблема устойчивого развития сомкнулась с проблемами неоднородности потенциалов акторов международных отношений (СМО), а сами акторы вынуждены решать проблемы суверенизации в условиях жесткого регулирования ресурсов всех видов – их воспроизводства и распределения. С учетом формирования трансформационных тенденций к определенностям нового уровня – Целей устойчивого развития ООН – выработки принципов и универсалий, способных задавать и удерживать модели миропорядка, определяемые как глобальные, универсальные, учитывая в том числе и рекомендации ВІРМ, – с 20 мая 2019 г. государства Мира перешли на новую систему определения основных единиц измерения «СИ» [см.: Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.; Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А., с. 76–84; Ризоев Ш.Х., Шмидт В.В., 125–129; Шмидт В.В., с. 80–91; Аллахвердян Я.О., Богачёв М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С., с. 108–118], отметим: 11 сентября 2019 г. Премьер-министр России подписал поручение о подготовке перечня правовых актов СССР и РСФСР для признания утратившими силу или недействующими на территории Российской Федерации [Поручение Д. Медведева...]. На Украине, например, процесс трансформации тезаурусов начат более 5 лет назад – формируется Универсальная национальная энциклопедия [Указ Президента України...]; в Беларуси на базе Белорусского института стратегических исследований [Указ Президента Республики Беларусь...] ведутся отраслевые дискуссии по формированию государственных политик, в том числе и исторической, с учетом «Рекомендаций по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь» [Рекомендаций по теоретико-методологическим основам...].

Итак, поскольку составные элементы политико-правовой культуры общества хорошо известны, как и место религиозного фактора в них, самоочевидным становится, почему в кризисные периоды актуализируются проблемы, связанные именно с ним – повестка дня по обеспечению национальной безопасности формируется с учетом охранительных мероприятий в системе воспроизводства метафизических систем – национальной мифологии и культо-ритуальных практик (религиозных систем)².

Динамика международных отношений конца XX – начала XXI в. свидетельствует о том, что в мире деконструктивистских технологий проявляется мульти-полярность

² Именно этим обусловлено изменение вектора в части реализации новой редакции Стратегии государственной национальной политики, подготовленной и внесенной 13.03.2018 ФАДН [Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703...], а также см. материалы Заседания президентского Совета по межнациональным отношениям от 26.10.2018 [Материалы Заседания...].

с весьма гибкой и неустойчивой геометрией центров силы/притяжения³. В данных условиях естественной реакцией является стремление национальных государств (картин мира) обеспечить свою устойчивость за счет охранительных мероприятий в отношении национальных тезаурусов, языков (в широком смысле – алфавитов, логик, мифо-ритуальных практик) и этно-религиозных традиций [см.: Анненков В.И., Лаптев В.Б., Сергеев Н.А.; Возженников А.В.; Аллахвердян Я.О., Богачёв М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С., с. 108–118].

В условиях подготовки к модернизации/трансформации СМО, человечество (религиозные и этнокультурные традиции в лице своих институций, включая государство) испытывало и будет испытывать нарастание / усиление политико-правовой радикализации – так государства пытаются обеспечить свой суверенитет, стимулируя политико-идеологическую гомогенизацию обществ. Не исключение в данных процессах и Россия с ее уникальным опытом манипуляций в семиосфере и давления политико-правовыми инструментами на духовную сферу, прежде всего религиозную и этнокультурную, что обуславливает особое внимание к их ресурсам – традициям и традиционному, новациям и модерну, памятуя, что базовыми, фундаментальными функциями у религии являются ее идеократическая (репродуктивно-телеологическая) функция [Козлов М.В., Шмидт В.В. (2013)].

В настоящих условиях считаем целесообразным на системной основе обеспечивать анализ опыта в сфере управления гражданско-политическими процессами в религиозной и этно-политической сферах – опыта в условиях формационных трансформаций с учетом внедрения компетентностных подходов, в соответствии со следующими *задачами*:

³ Генсек ООН в новогоднем послании, 31.12.2017 объявил «красную тревогу», предупредив о росте ксенофобии [Генсек ООН...].

Также см. международные правовые акты, оказывающие заметное влияние на формирование отраслевых государственных политик, а с ними и динамику ценностных установок и ориентиров общества, – резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, среди которых:

Всеобщая декларация прав человека (№ 217 А (III) от 10.12.1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (№ 2200 А (XXI) от 16.12.1966), Венская декларация и Программа действий [по правам человека] (А/Сота.157/24) и Декларация ООН об образовании и подготовке в области прав человека (№ 66/137 от 19.12.2011), а также Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека (рек. СМ/Rec(2010)7 от 11.05.2010);

об Альянсе цивилизаций (№ 64/14 от 10.11.2009), Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями (№ 56/6 от 09.11.2011), Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (№ 70/1 от 25.09.2015), Декларация и Программа действий в области культуры мира (№ 53/243 от 06.10.1999), «Международный год мира и Международный день мира» (№ А/RES/36/67 от 27.11.1981, провозгласившая 21 сентября Международным днем мира);

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (02.11.2001), Декларация принципов международного культурного сотрудничества (04.11.1966), Конвенция об охране нематериального культурного наследия (17.10.2003), Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (СЛТ-2005 от 20.10.2005) и «Культура и развитие» (№ 57/249 от 20.12.2002), провозгласившая 21 мая Всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития;

Декларация о расе и расовых предрассудках (27.11.1978), Декларацию о правах коренных народов (№ 61/295 от 13.09.2007), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (№ 36/55 от 25.11.1981, О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (№ 64/164 от 18.12.2009), О поощрении религиозного и культурного взаимопонимания, гармонии и сотрудничества (№ 58/128 от 19.12.2003), Декларация о содействии диалогу и взаимопониманию между религиями и цивилизациями (А/62/553 от 28.11.2007), О поощрении межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира (№ 64/81 от 7.12.2009) а также «Всемирная неделя гармоничных межконфессиональных отношений» (№ 65/5 от 20.10.2010), провозгласившая 1-7 февраля Всемирной неделей гармонизации межрелигиозных отношений, и декларация № А/RES/73/296 об учреждении 22 августа Международным днем памяти жертв актов насилия на основе религии или убеждений и декларацию, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (№ 47/135 от 18.12.1992), Декларация принципов терпимости (№ 5.61 от 16.11.1995), провозгласившая 16 ноября Международным днем терпимости, и др.

- обеспечить ревизию понятия «религия» в контексте философско-религиоведческого и теологического, а религиозного фактора в контексте социально-политического подхода с учетом принципов системности и диалектичности, онтичности и онтологизма;
- анализировать изменения (совершенствование) основ государственной политики в сфере религиозных отношений с учетом принципа онтологизма в контексте философско-политологического, религиоведческого, институционального и формационного подходов;
- обобщить оценки государственно-религиозных отношений в Российской Федерации, с учетом достаточности оснований для системно-эпистемологической критериальности – субъектность, институциональность, метафоризм, и дать предложения по инструментализации их экспертно-аналитического и консультационного сопровождения.

Экспертно-аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов

«Человек» – базовое понятие не только в истории философско-обществоведческой мысли, но и целом истории и культуры, отражающее способ экспликации всех видов субъектных отношений⁴, то из этого следует, что человек как *индивид* реализуется в био-социально-политических отношениях (= институционально, как функция, получившая легитимацию во всеобщем) как результат формирования конвенциональных общностей-структур (малые группы: семья, сообщества с признаками этических, эстетических, кратократических установок и предпочтений, включая сферу профессиональной определенности и управления-распределения; большие группы: этно-, гражданско-политические, социокультурные). Регулятором в них выступают нормы субординации / субвенционализма, оформленные как норма морали / права – опыт установления и обеспечения легитимации всей системы отношений в целом и каждой ее части. Репродуцируется данная система отношений, как правило, интенсивным образом.

В развитии общества с отлаженным демократическим механизмом кроме государства определяющую роль играют общественные институты, к числу которых относятся религиозные объединения (религиозные традиции и сообщества – организации), с отраслевой элитой (интеллигенцией). (Государство в этой модели маркирует онтологический план, а общество – онтический. Традиционная культура как сумма ценностей, в свою очередь, в отношении к обществу и индивиду, всем видам их отношений, выступает в той же роли, что и государство к обществу.)

Религиозные организации (религии как традиции и их институты) своей культовой деятельностью по сути сохраняют-транслируют сакрализованно-ритуализированную онто-аксио-гносеологическую модель Бытия как универсалию Ойкумены (Мира), в рамках которой реализуется типовая (этнонациональная) картина мира. И в этом смысле они выступают как ино-бытийное в отношении ко всем иным формам бытия, обеспечивая их определенность, конкретность. Это и является сутью отчуждения – удостоверения / установления и обеспечения принципа и механизма различения по достаточности основания – качественной «природной» определенности.

⁴ В целях настоящей статьи мы опираемся на следующий объем базовой дефиниции «Человек есть объект, знающий себя как нетождественное себе» в рамках концепции «Конституирующая модель бытия» [подробнее см.: Харитонов А.С., Шмидт В.В.].

К концу XX – началу XXI в. современный мир с его сравнительно недавно установленным миропорядком (окончание Второй мировой войны – 1945 г.) оказался в состоянии надвигающегося глобального кризиса, стимулируемого ростом социальных, техногенных, экологических и иных угроз как неспособностью государств и демократических институтов задействовать социокультурный (духовный = диалектический) потенциал национальных картин мира, но при этом именно в нем, этом потенциале, усматривается корень противоречий, а потому государства все более стремятся к «глобализации» на принципах универсализма (в том числе и в духовной сфере – единство гуманитарных, культурных, религиозных ценностей), обеспечивающих принципиальную деперсонификацию этнонациональных культур и деификацию крато-этатизма [см.: Анненков В.И., Лаптев В.Б., Сергеев Н.А.; Возженников А.В.; Петров В.Л.; Прохожев А.А.; Семенов В.А.; Торукало В.; Удовик С.Л.; Губченко А.В.].

Заметим, что на исходе XX в. также обострилась проблема сокрытия и нивелирования смысла: все более очевидными становятся тотальная манипуляция и сокрытие истины (достоверной информации), увеличивающийся процент недостоверного, ложного знания, а неспособность внятно определить суть целеполагания, цели существования человека, общества, государства и власти порождает бессистемную деятельность на разных уровнях организации бытия и формирует общую конфликтогенность системы, угроза обострения которой приобретает масштаб гуманитарной катастрофы [см.: Зеленков М.Ю.].

«Мир как органон», в аристотелевском смысле, имеет единственную цель – поддержание своей целостности. Единство и целостность природы, как известно еще со времен Платона, обусловлены взаимодействием Бытия и Небытия, а потому перед человечеством и встает проблема: найти / создать / реализовать такую модель этого взаимодействия, при которой человечество будет стабильно развиваться, минимизируя риски и угрозы. Такая же задача – выработать оптимальную модель своего сохранения и развития (взаимодействия бытия и небытия) стоит и перед каждым этнонациональным и государственным образованием [см.: Ставцев С.Н.; Харитонов А.С., Шмидт В.В.; Шмидт В.В. (2011)].

В современных подходах к определению понятия религии, включая понятие «религиозный фактор», ее / их места и роли, как было отмечено выше, в общественных процессах нет достаточной четкости и конкретности. Несмотря на предпринимаемые попытки осмысления взаимоотношений религии и политики – от их взаимоисключения до взаимообусловленности и чуть ли не тождественности, – очевидной остается проблема использования религиозного фактора (в обобщенном виде – религии) в политических целях (в широком смысле); и эта проблема все еще не получила достаточного освещения [см.: Зеленков М.Ю.; Козлов М.В., Шмидт В.В.; Телегин В.Н., Телегина С.В., Шмидт В.В.].

Религиозный фактор – понятие (термин), характеризующий влияние религии как социального института на иные, нерелигиозные, стороны общественной жизни. Проблема религии и религиозного фактора в системе социокультурных ориентаций и социально-политических детерминант, особенно в секулярных и постсекулярных обществах, не нова [см. например: Тейлор Ч.; Телегин В.Н., Телегина С.В., Шмидт В.В.; Узланер Д.]. В своем историческом развитии он, реализуясь в форме духовно-нравственных убеждений и ценностей индивида(ов), формировал (или оказывал фундаментальное влияние) на мировоззренческие установки общества, определяя культурный код и преобладающие особенности наций. Влияние религиозного фактора очевидно, например, на гражданско-политическом и государственно-политическом уровнях институциональной организации социума – в его иерархической и аксиологической моделях.

Одной из функций религиозного фактора (религии) является мировоззренческая, которая создает собственную картину мира, ее метафизику, влияющую на отношение человека к действительности, на его ориентации, установки и поведение [см.: Элбакян Е.С. (2012), с. 67]. При этом организация общества гомеостатична, поскольку создается в результате общественно-целесообразной, т.е. политически обусловленной, деятельности отдельных людей и групп, не предполагающей какого-либо предела его (общества) существования.

В настоящее время религиозный фактор (религия) стал приобретать все большее политическое значение: во-первых, воспринимается политиками как инструмент (механизм) вовлечения и использования гражданских институтов при реализации своих стратегий; во-вторых, являясь нематериальным активом, религиозный фактор несет потенциал идеологии противостояния овеществленным доводам, среди которых финансовые, экономические, технические и военные аспекты, учитываемые при последовательном сближении интересов стран-участниц интеграционного процесса. Эффективность его использования обусловлена отсутствием в иных – нерелигиозных – идеологиях инструментов для его купирования и вычленения, и, как итог, – снятия с повестки обсуждения [см.: Козлов М.В., Шмидт В.В.].

Практика взаимоотношений, например, Русской Православной Церкви и государства показывает, что роль религиозных институтов, а также структур гражданского общества, защищающих религиозные ценности, может иметь сильную позицию – играть ведущую по отношению к государству роль, определяя и защищая системообразующие ценности онто-теократического порядка, в связи с чем в 2018 г. в контексте рассуждений Председателя Конституционного суда России В.Д. Зорькина «Буква и дух Конституции» [Зорькин В.Д.] в дискуссионное пространство российского общества были внесены два тезиса:

– *Дискин И.Е.*: «Пришла пора закончить сюжет об отделении Церкви от государства. Для этого у нас в России все предпосылки есть, потому что у нас растет количество членов общества с ориентацией на религиозные ценности, а государство рассматривает веру как воплощение этого духовного развития и поддерживает граждан, которые ориентированы на духовные ценности. Государство принимает и поддерживает стремление верующих жить именно так – ориентироваться на духовные ценности общественного развития и государство понимает, что светскость стесняет таких граждан. Светскость должна быть ориентирована на вклад религии на упрочение духовно-нравственного единства» [Дискин И.Е.];

– *Шмидт В.В.*: «Если мы все же намерены обеспечить уникальность суверена, как о том пытается сказать Его Честь, Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин, тогда Российской Федерации предстоит: 1) статью 2 Конституции, в которой постулируется, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» дополнить положением «наряду с образом [и/или понятием] Бога», 2) разработать и принять Стратегию (концепцию) государственной политики в сфере религиозных отношений и идеократии или обратное – декларировать последовательное и полное неучастие государства (государственных институтов) в делах веры граждан и созданных для удовлетворения этих целей организаций, обеспеченных четким комплексом стимулирующе-ограничительных мер; 3) в системе права произвести ревизию и выделить все исключения, относящиеся к регулированию религиозной сферы, распространив на них принцип уникальности – сформировать самостоятельную отрасль, оформив в виде Кодекса с системой подзаконных актов» [Шмидт В.В. «Субъектность...»].

К итогам второго десятилетия XXI в. можно уверенно констатировать факт: религиозная система Российской Федерации в основных ее структурных элементах, включая нормативно-правовую базу и тип государственно-религиозных отношений, и качественно-количественных показателях сложилась – серьезных изменений более ожидать не стоит – система вошла в стадию устойчивого качественного развития, все более приобретая черты уникальной отрасли в системе народного хозяйства страны со специфическими для неё регламентами, нормами учета/отчетности и регулирования [см.: Религии России; Атлас; Новые религиозные организации; Религии народов современной России; Современная религиозная жизнь; Элбакян Е.С. (2012); Элбакян Е.С. (2014)].

Кроме этого, объективно возникла потребность в принятии системных мер по приведению сфер государственно-религиозных и гражданско-религиозных отношений в обособленную форму, с четким структурированием и описанием ее основных элементов, в том числе их функциональной и содержательной наполненностью, установлением и определением соответствующего правового статуса этих элементов, а также систематизацией нормативных правовых актов федерального, регионального и местного уровней. При этом важнейшей задачей, особенно на этапе становления, является способность государства, в лице органов власти и управления, обеспечить единообразную деятельность всех акторов государства, которые вовлечены в сферу государственно-религиозных отношений с пресечением любых злоупотреблений властью и нарушений права на свободу совести и вероисповедания граждан и жителей Российской Федерации.

Формы, средства, технологии обеспечения религиозно-политических процессов

На протяжении 2016–2018 гг. на разных академических площадках прошла серия крупных мероприятий⁵, на которых особое внимание уделялось проблемам развития религиозоведческих и теологических компетенций, особенно компетенциям и ответственности исследователя-эксперта, поскольку во многом от них зависит состояние уровня и качества религиозных гражданско-/государственно-политических отношений и диалога на межинституциональном уровне, а в целом – стабильности межрелигиозных

⁵ См.: Всероссийские симпозиумы Большой кафедры религиоведения и религиозных отношений в РАНХиГС «Религия в аспектах философских, теологических, религиоведческих подходов: проблема определения объекта и экспертизы» (Москва, апрель 2016) [Религия в аспектах...], «Взаимодействие государственных, общественных и религиозных институтов: проблемы безопасности, устойчивости и воспроизводства» (Москва, декабрь 2017) [Взаимодействие государственных...], «Религиозно-политические процессы в Российской Федерации: система экспертно-аналитического обеспечения и проблемы безопасности» (Москва, апрель 2018) [Религиозно-политические процессы...], а также и промежуточные конференции, симпозиумы и круглые столы на региональных площадках: «Религия как фактор этнокультурной и национально-государственной идентичности» (Орел, май 2016) [Религия как фактор...], «Государство, Общество и Церковь: укрепление межнационального и межрелигиозного согласия, развитие и совершенствование механизмов взаимодействия» (Новосибирск, май 2016), «Религиозные организации и группы в России: религиоведческий, богословский, правовой аспекты» (Рязань, октябрь 2016) [Религиозные организации...], «Религиозность в контексте этнополитических процессов: социологическое, политологическое, религиоведческое измерение» (Москва, декабрь 2016) [Религиозность в контексте...], «Религии, общество, государство: динамика религиозного пространства в современном российском социуме и новые форматы взаимоотношений» (Москва, май 2017) [Религии, общество...], «Специалист в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений: вызовы времени и профессиональный стандарт» (Москва, июнь 2017) [Специалист в сфере...], «Социальное партнерство государства и религиозных объединений в современном мире: правовые и практические аспекты» (Владивосток, сентябрь 2017) [Социальное партнерство...], «Взаимодействие государственных, общественных и религиозных институтов: проблемы устойчивости и воспроизводства» (Саратов, декабря 2017) [Взаимодействие государственных...], «Традиции государственно-религиозных и межрелигиозных отношения в России – новый международный стандарт» (Москва, январь 2018) [Традиции...], «Развитие государственно-конфессиональных отношений в современной России на основе единства взглядов и многообразия традиций» (Нижний Новгород, апрель 2018) [Развитие...], «Этнокультурный и религиозный факторы: история и перспективы будущего» (Москва, май 2019) [Этнокультурный и...], «Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений и свободы совести в России в теории и практике» (Москва, декабрь 2019) – [URL: Конституционно-правовые...], «Государственно-религиозные отношения: вызовы времени и актуальные проблемы» (Минск, август 2019) [Государственно-религиозные отношения...].

отношений, качеству религиозной сферы как значимой отрасли хозяйства страны.

На площадках Всероссийского симпозиума «Религиозно-политические процессы в Российской Федерации: система экспертно-аналитического обеспечения и проблемы безопасности» (Москва, апрель 2018), IV Конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций» (Благовещенск, сентябрь 2018), а также Всероссийском форуме «Религия в контексте политической и конституционно-правовой системы Российской Федерации» (Москва, октябрь 2018) были актуализированы проблемы, связанные с инструментарным обеспечением отрасли – создание организации в виде Саморегулируемой профессиональной организации (см. здесь Приложение 1), которая в своей деятельности имела бы возможность учитывать требования Федерального закона «О независимой оценке квалификации» (№ 238-ФЗ, принят 03.07.2016), а также обеспечении Профессионального стандарта № 1191 «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» (приказ Минтруда России от 02.08.2018 № 514н; зарегистрирован в Минюсте России 07.09.2018 № 52115) [Шмирдт В.В. (2019); Ненашев А.Н., Шмирдт В.В., с. 119–157].

В части определения форм, средств и технологий системы экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на территории Российской Федерации представляется целесообразным рассматривать экспертное и аналитическое обеспечение сепарационно, но с применением единого системно-структурного подхода. Обозначенный подход укрупненно структурируется на три составных части (структурные элементы).

Наполненность первой части отражает информацию и раскрывает ответ на вопрос *кем*, т.е. кем осуществляется/проводится экспертное и/или аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов; наполненность второй части раскрывает ответ на вопрос – *как*, т.е. как и каким образом осуществляется экспертное и/или аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов; третья часть раскрывает ответ на вопрос – *когда*, т.е. когда осуществляется/проводится экспертное и/или аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов.

В отношении первой части отметим, что она предстает в виде двух элементов – это профессиональное религиозноведческое сообщество (специалисты и эксперты) и непосредственно самого эксперта.

Можно констатировать факт, что в российском обществе возникла объективная потребность в централизации и юридикации религиозноведческого экспертного сообщества, а соответственно потребность в четком определении целей и задач этого сообщества; в установлении порядка приобретения/прекращения/лишения членства в этом сообществе; в определении прав и обязанностей его членов; в закреплении функционала сообщества, а также в определении прочих критериев и/или положений, наличие которых обеспечит качественную деятельность образующих общества специалистов и экспертов и его эффективное взаимодействие и поддержку всем заинтересованным лицам, субъектам, системам.

Представляется обоснованным в качестве основной задачи для религиозноведческого экспертного сообщества определить научное исследование религии (религиозных, философских, идеологических систем и соответствующих им мировоззрений и культурных, социально-политических традиций) и воспроизводство предмет-объектной области религиоведения, которая определена как «религиозный комплекс» и зафиксирована в паспорте научной специальности 09.00.14 Философия религии и религиоведение, а также иных, учитывающих религиозный фактор, для чего оно разрабатывает и утверждает стандарты и правила профессиональной деятельности, под

которыми понимаются требования к осуществлению профессиональной деятельности, обязательные для выполнения всеми членами Общества.

К неосновным, но не менее важным задачам профессионального общества представляется возможным отнести содействие в становлении и укреплении на территории Российской Федерации института религиоведческой экспертизы как инструмента, обеспечивающего национальную безопасность России в части безопасности ее религиозной системы, а также оказание содействия всем органам власти и управления на всех уровнях в институционализации российской нации и управления межэтническими отношениями.

В отношении организационно-правовой формы религиоведческого экспертного сообщества представляется целесообразным определить данную форму как саморегулируемая организация, чья деятельность законодательно регламентируется Федеральным законом (ФЗ) от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».

Кроме функционала, наличие которого предусмотрено ФЗ от 01.12.2007 № 315-ФЗ, считаем необходимым предусмотреть право саморегулируемой организации, а точнее саморегулируемой религиоведческой экспертной организации вносить на рассмотрение органов государственной власти Российской Федерации, и/или органов государственной власти субъектов Российской Федерации и/или органов местного самоуправления предложения по вопросам формирования и реализации государственной политики, осуществляемой различными государственными органами, в том числе местного самоуправления политики в отношении предмета саморегулирования, которым является изучение и воспроизводство собственно предмет-объектной области, которая определяется как «религиозный комплекс» и зафиксирована в паспорте научной специальности 09.00.14 Философия религии и религиоведение (приказ Минобрнауки России от 23.10.2017 № 1027 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени»).

Правозащитник, адвокат и специалист по свободе совести и вероисповедания И.В. Загребина, с мнением которой мы солидарны, считает, что от эксперта, принимающего участие в комплексной религиоведческой экспертизе, требуется способность делать выводы в более широком контексте, чем это традиционно принято в научной среде [см.: Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н.; Загребина И.В.; Загребина И.В., Пчелинцев А.В., Элбакян Е.С.]. Исходя из этого, по ее мнению, является целесообразным, возможность эксперта пройти соответствующую подготовку, окончание которой будет удостоверено соответствующим документом (сертификат, диплом и т.д.).

Необеспеченность Российской Федерации квалифицированными специалистами-религиоведами, соответственно, не способствует успешному развитию практики проведения религиоведческой экспертизы, а также становлению института религиоведческой экспертизы как инструмента, обеспечивающего национальную и религиозно-конфессиональную безопасность всей территории Российской Федерации, пока в качестве экспертов выступают отраслевые или смежные специалисты, не прошедшие экспертной аттестации и не имеющие соответствующих удостоверяющих их уровень квалификации документов.

Предполагается, что эксперты должны проходить аттестацию и на систематической основе подтверждать актуальность своих знаний. Представляется возможным реализацию профильной отраслевой аттестации осуществить, как в рамках профессионального религиоведческого экспертного сообщества, с привлечением профилирующих

кафедр соответствующих высших учебных заведений страны с учетом требований Федерального закона от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации», который устанавливает критерии и аттестацию только средствами профессионального сообщества, а также вырабатывает предложения по соответствующим критериям, которые впоследствии должны быть утверждены профильными министерствами и ведомствами.

Не вызывает сомнений, что у эксперта, в обязательном порядке должно быть профильное высшее образование (в нашем случае религиозное образование), подтвержденная квалификация не ниже кандидата наук, а также опыт участия в проведении экспертиз и различного рода исследований, в том числе и междисциплинарных, при этом желательно определить этот опыт измеряемыми, количественными показателями, к примеру не менее 3 лет, а течение которых эксперт систематически, но не реже трех раз в год проводил и/или чувствовал в проведении экспертизы и/или исследования в соответствующей области.

«Авторизация» религиозным экспертным сообществом соответствующего специалиста-эксперта (т.е. персонификация члена названного сообщества и его знаний, умений и навыков) будет способствовать профессиональному, полному, всестороннему и объективному рассмотрению вопросов, которые выносятся на экспертизу и/или соответствующее исследование.

Еще одной из основных задач в этом отношении является создание условий для организации мышления эксперта/исследователя, реализация которой достигается в стенах высших учебных учреждений с учетом специфики предмета, который подлежит экспертизе, так как религиозное, как и любая другая гуманитарная наука, имеет ряд особенностей, пониманием которых должен владеть эксперт-религиовед.

Вторая часть – *как и каким образом* осуществляется экспертное обеспечение религиозно-политических процессов.

Основными способами осуществления экспертного обеспечения религиозно-политических процессов являются внесудебный и судебный порядок проведения экспертиз.

К внесудебным экспертизам можно отнести государственную религиозную экспертизу, которая основана на достоверных и научно обоснованных методиках, независимое и объективное исследование учредительных и иных документов, а также практики регистрируемой организации. Такое исследование проводится по решению регистрирующего уполномоченного органа уполномоченными экспертами и специалистами в области религиозного и государственно-религиозных отношений на предмет определения религиозного характера организации и достоверности сведений относительно основ вероучения религиозного объединения и соответствующей ему практики.

Общей целью религиозной экспертизы является установление религиозного либо нерелигиозного характера организации, определение наличия признаков религиозной организации, а также, в составе комплексной экспертизы (совместно с лингвистической частью) исследовать религиозную литературу и сделать выводы, позволяющие суду обнаружить или не обнаружить в исследуемых экспертом объектах элементы экстремизма.

При проведении религиозной экспертизы особое значение приобретают вопросы соответствия ее общенаучным и юридическим принципам, а также, в практическом аспекте, наличия общей методики ее проведения, в основе которой лежат

унифицированный категориально-понятийный аппарат и конкретные методы экспертного исследования, общепринятые в современном российском религиоведении⁶. Это означает, что религиоведческая экспертиза не предназначена для научных или политико-правовых дискуссий, выяснения различных позиций, сложившихся в религиоведении по тому или иному вопросу, критики одних позиций и поддержки других, историографического обзора религиоведческих работ или предшествующих экспертных заключений и т.д. Религиоведческая экспертиза должна опираться на нормативный (учебники, словарно-энциклопедические и справочно-аналитические издания, к проблемным – монографии и научные статьи), а не полемически проблематизируемый текст.

Задачей религиоведческой экспертизы являются четкие, не допускающие разнообразия толкований ответы на вопросы, поставленные перед экспертом, изложенные с опорой на источники, которые необходимо проанализировать и оценить, а также на знание объекта изучения. Например, при изучении какой-либо религиозной организации, эксперту необходимо посетить ее, ознакомиться с ее деятельностью, религиозной практикой и соответствующими документами.

Таким образом, религиоведческая экспертиза является специализированным текстом, в котором в системном и логическом виде с научных (религиоведческих) позиций представлены сведения о той или иной религии – религиозной традиции или религиозном направлении, – и который является предельно лаконичным ответом на поставленные перед экспертом конкретные вопросы. Объектом религиоведческой экспертизы являются религиозные объединения, их деятельность, произведенная, приобретенная, импортированная и распространяемая религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы; учредительные и иные документы; религиозные учебные программы; предметы религиозного назначения; материалы, содержащие сведения об осмотре культовых зданий и сооружений, иных объектов и помещений, специально предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, предметов; сведения о содержании богослужений и других религиозных обрядов и церемоний, описывающие предметы материального мира, в которых различными приемами, средствами и способами реализован замысел религиозного объединения. В свою очередь предметом религиоведческой экспертизы являются подлежащие установлению обстоятельства, в соответствии с конкретными вопросами, поставленными перед экспертом, а субъектом – лицо или группа лиц проводящих религиоведческую экспертизу [Резолюция круглого стола...].

Касательно судебных религиоведческих экспертиз, то основополагающей их сложностью является отсутствие единообразного характера судопроизводства, тут следует заметить: до недавнего времени для России подобная категория дел, т.е. судебные дела, где одной из сторон судебного процесса выступают религиозные объединения и/или представители (носители) религиозно-окрашенных мировоззренческих систем, доктрин и/или установок, не была актуальной, да и в настоящее время имеет немногочисленный характер, в связи с чем российское общество, в том числе юристы и религиоведы, имеют возможность наблюдать за процессом становления и развития правовой системы

⁶ В качестве отправной точки, на наш взгляд, могут быть признаны «Основы религиоведения: учебник для ВУЗов» (под ред. д-ра филос. н., проф. И.Н. Яблокова, неоднократно переиздававшийся в издательстве «Высшая школа»), а также словарно-энциклопедические издания: «Религиоведение: энциклопедический словарь» (под ред. д-ров филос. н., проф. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: «Академический проект», 2006) и «Энциклопедия религий» (под ред. д-ров филос. н., проф. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. - М.: «Академический проект», 2008).

Российского государства и соответствующей нарабатываемой судебной практики.

Также сложности начинают возникать в процессе правоприменения норм, в частности, Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который в ст. 4 закрепляет принципы государственной судебно-экспертной деятельности, к числу которых относит законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники, а в последующих статьях – ст. 5–8 – раскрывает суть каждого из перечисленных принципов, но, к сожалению, не содержит норму, которая обязывала бы эксперта при подготовке экспертных заключений применять такие общенаучные принципы, как верификация, фальсификация, объективность, рациональность, методичность, истинность, системность, изменяемость частей, интерсубъективность, аксиологическая нейтральность и т.д. Более того, обозначенное требование в отношении обязательного применения общенаучных принципов при проведении государственной религиоведческой экспертизы не содержит и специальный нормативный правовой акт – Приказ Минюста Российской Федерации от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе», определяющий порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы. Соответственно, разделяя точку зрения проф. Э.С. Элбакян, можно сделать вывод, что только в случае применения общенаучных принципов при подготовке экспертных заключений, можно говорить о действительно религиоведческой экспертизе и, как следствие, о ее объективности и научной обоснованности [см.: Аллахвердян Я.О., Богачёв М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С.; Загребина И.В., Пчелинцев А.В., Элбакян Е.С.; Резолюция круглого стола...].

Если посмотреть на судебную экспертизу через призму связанности суда ее результатам, то выводы, к которым приходит эксперт в процессе своей профессиональной деятельности, целиком и полностью зависят от полноты / качества / корректности и профессионализма, поставленных перед экспертом вопросов, которые, следует отметить справедливости ради, вправе представлять суду все стороны и лица, участвующие в деле. Заметим: законодатель также установил, что окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом и, несмотря на то, что возможность обжалования определения суда о назначении экспертизы весьма призрачна [Институт судебных экспертиз...], заинтересованные стороны и лица судебного процесса могут воспользоваться правом, предусмотренным законом и заявить отвод эксперту либо ходатайствовать перед судом о назначении повторной, дополнительной, комплексной или комиссионной экспертизы. Безусловно, все подобные процедуры требуют от всех без исключения сторон и лиц, участвующих в судебном процессе, не просто юридической подкованности, а высокого уровня профессионализма. Кроме этого, не стоит забывать и о том, что заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы, а оценивается судом по своему внутреннему убеждению наряду с другими доказательствами, имеющими в материалах дела [см.: Гражданский процессуальный кодекс...].

В связи с этим, представляется возможным сделать вывод, что пока в обществе (будь то Российском или каком-либо еще) будет существовать лояльность и/или потребность в непрофессионализме / необъективности, в том числе и в вопросах, связанных с производством экспертиз, непрофессиональные, ангажированные эксперты / экспертизы будут иметь место, и, как следствие, будет оставаться потребность преодолеть / разорвать

этот замкнутый круг ради все той же безопасности, ее устойчивости.

Экспертное обеспечение религиозно-политических процессов может осуществляться как на стадии регистрации соответствующей религиозной организации, так и в рамках соответствующего судебного процесса, это и составляет основу третьей составной части – когда осуществляется / проводится экспертное обеспечение религиозно-политических процессов.

Следуя ранее предложенному подходу, аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов также рассмотрим посредством раскрытия трех составных частей (структурных элементов).

Первая часть – *кем осуществляется / проводится* аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов. По нашему мнению, индивидуально определенное обеспечение аналитики, должно осуществляться сообществом, в состав которого должны входить представители органов власти и управления, при этом наличие обозначенных представителей может быть на нерегулярной основе (например, привлекать в зависимости от сложности рассматриваемых вопросов, вероятности возникновения аналогичных вопросов / ситуаций на территории иных субъектов; по желанию соответствующих представителей и т.д.). Следующими, кто, по нашему мнению, должны входить в состав обозначенного сообщества это научно-экспертные представители, о которых более детально было упомянуто выше. Неотъемлемой частью данного сообщества должна быть представители религиозных организаций и этнокультурных традиций, образующие социальный пласт и являющиеся составляющей частью гражданского общества Российского государства. Соотношение всех вышеприведенных представителей должно соответствовать принципам паритетности и способствовать к принятию таких решений, которые бы удовлетворяли потребности / разрешали возникающие ситуации для лиц, в отношении которых данные решения принимаются, а также обеспечивали устойчивость и безопасность Российской Федерации.

Вторая часть – *как и каким образом* обеспечивается аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов.

Обеспечение аналитики осуществляется посредством сбора и обработки различной информации, которая может классифицироваться как информация, представляющая возможность оказывать влияние / воздействие на религиозно-политические процессы либо информация, представляющая собой прецедентный характер для обозначенных процессов.

На основании обработки полученной информации и ее системном рассмотрении в совокупности со всей информацией, имеющейся в распоряжении и полученной от различных источников и регионов, разрабатываются рекомендации к дальнейшим действиям как органам власти и управления, так и отдельным предприятиям, учреждениям, организациям, включая и религиозные. Затем данные рекомендации направляются адресату, после чего необходимо получить обратную связь с целью корректировки рекомендаций (в случае необходимости), а также для определения возможности распространения данной практики (если она будет признана позитивной) на других адресатов (если эта практика будет признана целесообразной для иного адресата). Безусловно, как только встает проблема подготовки рекомендаций, актуализируется вопрос, каков будет статус рекомендаций – будут ли они носить императивный, или все же диспозитивный характер. (Видится, что данные рекомендации должны обладать диспозитивным характером, т.е. в полной мере должны обладать рекомендательными

свойствами, при этом должна быть предусмотрена возможность применения отдельной процедуры, посредством которой данные рекомендации обретают соответствующий правовой статус, обязательный к исполнению адресатом.)

В отношении структурной представленности сообщества, целесообразно местом базирования данной структуры иметь политико-административный центр региона, предполагая при этом наличие структурных представительств (возможно обособленных / аффилированных структурных представительств) на региональном уровне. (При этом структурное деление данных представительств может не соответствовать административно-территориальному делению Российской Федерации.)

Третья часть – *когда осуществляется / проводится* аналитическое обеспечение религиозно-политических процессов. Вся работа, связанная с аналитическим обеспечением религиозно-политических процессов в Российской Федерации должна осуществляться на постоянной, систематической основе при наличии соответствующей систематической отчетности от региональных структурных представительств, содержащей информацию о текущей ситуации и показатели краткосрочных прогнозов (пессимистических, средних и оптимистических).

На основе сказанного отметим:

во-первых, Российская Федерация представляет собой государство с уникальным этно-национальным и религиозным составом – на ее территории и насчитывается порядка двухсот этносов и находятся более тридцати тысяч официально зарегистрированных различных религиозных организаций [Федеральная служба...]. Этнический и конфессиональный портрет России свидетельствует о том, что в таком разнородном государстве как Россия участие религиоведов-экспертов в экспертно-аналитической деятельности является стратегически важным и жизненно необходимым для сохранения межнационального мира и межрелигиозного согласия, которые являются залогом стабильного развития общества и государства и их устойчивости;

во-вторых, необходимо оказать содействие в становлении на территории Российской Федерации института религиоведческой экспертизы, включая инструментализацию профессионального религиоведческого общества, не только как важной составляющей в системе правовых гарантий свободы совести и вероисповедания, но и как инструмента, обеспечивающего национальную и религиозно-конфессиональную безопасность всей территории России, а также оказание теоретико-методологического обеспечения деятельности органам власти и управления в части управления межэтническими отношениями;

в-третьих, правовой статус эксперта-религиоведа должен быть закреплен и раскрыт на законодательном уровне, где в императивном порядке должно быть предусмотрено образовательный и профессиональный ценз, уровни профессиональной и практической подготовленности, а также иные умения и навыки, которыми должен обладать эксперт. Эксперт должен обладать профильным высшим образованием (в нашем случае – религиоведческим), подтвержденной квалификацией не ниже кандидата наук, стажем работы по специальности не менее пяти лет, а также опытом участия в проведении экспертиз и различного рода исследований, в том числе и междисциплинарных, при этом данный опыт должен определяться измеряемыми показателями (к примеру, не менее 3 лет, в течение которых эксперт систематически, но не реже трех раз в год проводил и/или участвовал в проведении экспертизы и/или исследования в соответствующей области);

в-четвертых – заключение религиоведческой экспертизы должно основываться на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств и материалов, предоставленных для экспертизы, следовательно, выводы, сделанные экспертами должны быть обоснованы в процессе проведения экспертной работы, а ответственность эксперта, за фальсификацию выводов заключения религиоведческой экспертизы и/или их необоснованности, должна найти свое закрепление в Российском законодательстве;

в-пятых, возникает объективная необходимость разрешения вопроса об интеграции религиоведов, в том числе экспертов-религиоведов в другие, смежные отрасли научного и/или профессионально знания, которое представляется возможным обеспечить посредством включения религиоведов в различные процессы исследования и /или выработки решений/ предоставление рекомендаций по этно-национальным и/или религиозным вопросам либо имеющим отношения / влияние на обозначенный круг вопросов субъектами различного уровня – от органов власти и управления до институтов гражданского общества).

* * *

Подводя итог, очертим круг наиболее важных проблем:

1) В условиях отсутствия надлежащей нормативно-правовой базы и регулятора, обеспечивающего контроль и надзор над разделением светского и религиозного, произошло сближение государственных структур и церковных институций в части обеспечения схожих (тождественных) функций в процессах культурного и общественного воспроизводства – системы ценностей (= идеократии).

Дальнейшее изучение функций и ресурсов государственных и общественных институтов, включая институты религиозной системы, как элементов системы социально-политических, гражданско-государственных и международных отношений, обеспечит, с одной стороны, эффективное использование собственно механизмов решения оперативно-тактических задач, а с другой – достижение устойчивого развития и стратегического партнерства.

Ориентация в организационной деятельности на системно-эпистемные установки, включая актуализацию философско-религиоведческого «конституирующая модель бытия» и телеологического подходов в современных социальных практиках, позволяют получать результаты высокой точности (фундаментального порядка) в различных областях жизни общества и обеспечивать эффективное разрешение конфликтов.

Полагаем, что отраслевые специалисты (религиоведы, философы и теологи) в условиях глобальных трансформаций могут быть востребованы в целях обеспечения вызовов национальной безопасности – как для повышения методолого-технократической культуры общества и власти в целом, так и для обеспечения их социально-политической, идеологической прагматики – объяснения смыслов и целей;

2) Анализ качественных показателей системы религиозных гражданско-политических в контексте системного подхода приводит к констатации следующих фактов:

– возникла объективно потребность в принятии системных мер по приведению сфер государственно-религиозных и гражданско-религиозных отношений в обособленную форму, с четким структурированием и описанием ее основных элементов, в том числе их функциональной и содержательной наполненности, установлением и определением соответствующего правового статуса этих элементов, а также систематизацией нормативных правовых актов федерального, регионального и местного уровней. При этом,

важнейшей задачей, особенно на этапе становления, является способность государства, в лице органов власти и управления, обеспечить единообразную деятельность всех акторов государства, которые вовлечены в сферу религиозных гражданско-политических (государственно-религиозных, гражданско-религиозных, межрелигиозных) отношений с пресечением любых злоупотреблений властью и нарушений права на свободу совести и вероисповедания граждан и жителей Российской Федерации;

– представляется, что в среднесрочной перспективе в числе важнейших задач перед правовой системой будет стоять комплекс проблем, связанных с ревизией понятийного аппарата, используемого для описания и правового регулирования сферы религиозных гражданско-политических отношений, и прежде всего, собственно содержания, которым сфера этих общественных (публичных) отношений охватывается. Для настоящего этапа развития этих отношений высокое значение имеет анализ содержания нормативного закрепления принципа «Свободы совести», а также проблем, связанных с обзором регионального законодательства, регулирующего государственно-религиозные отношения, вскрывает его несистемность, отсутствие единообразия реализуемых в его рамках принципов, слабое использование новаций в сфере правотворчества и нормативного обеспечения государственно-религиозных отношений. В этой связи представляется возможным говорить о необходимости ревизии регионального законодательства, регулирующего государственно-религиозные отношения, и формирования соответствующих модельных законов, которые могли бы служить качественной основой для работы региональных органов законодательной власти.

Одним из этапов этой работы может стать создание Стратегии (концепции) государственной политики в сфере идеократии и религиозных отношений или категорический от нее отказ; а также обеспечение мер по де-политизации и идеологизации религиозной сферы и де-религиозации сферы политических гражданских и государственных отношений.

На систематической основе наладить профессиональное экспертирование ситуации в сфере религиозных гражданско-политических отношений, включая формирование базы квалифицированных специалистов и экспертов, не ангажированных религиозно и идеологически – способных сохранять мировоззренческий (религиозно-аксиологический) нейтралитет, в целях объективного и беспристрастного обеспечения экспертного сопровождения процессов в данной сфере;

– изучение теологии, философии и религиоведения – это взаимодополняющие, последовательные элементы процесса образования.

Последовательное изучение теологии и религиоведения, наряду с изучением философии (теоретико-методологического и историко-философского её разделов) обеспечивает развитие у человека его философско-религиоведческих и религиоведческо-теологических компетенций. Так, изучив основы теории и практики конкретной теологии (религиозной традиции), человек оказывается подготовлен к познанию всего многообразия религиозных картин России и мира. (Обращаем внимание на эти вопросы, поскольку действующие в РФ образовательные стандарты позволяют образовательным организациям самостоятельно формировать программы обучения с учетом специфики региона.)

Представляется, что в среднесрочной перспективе в числе важнейших задач перед религиоведческим и теологическим сообществами будет стоять комплекс проблем, связанных с подготовкой условий формализации статуса крупнейших религиозных

объединений как акторов системы международных отношений [Шмидт В.В. Суверенитет], а также проблем, связанных с трансформацией системы права страны с учетом давления принципов и норм наднациональных систем права – внедрения новой парадигмы, отражающей изменения правового статуса физического лица (акцентуация на роли личности в праве, где личность выступает в качестве истинного источника права, создателя всех правовых идей, величайшей правовой ценности) как субъекта права в контексте развития общей теории права, обеспечения и защиты базовых прав и свобод [см.: Павлов В.И., с. 20–24].

В условиях нарастающей отраслевой спецификации в системе общественных отношений, российскому религиозоведческому и теологическому сообществам потребуются создание дополнительных инструментов обеспечения интеграционных процессов, включая сетевое взаимодействие [Шмидт В.В. (2015)].

3) С учетом накопленного историко-методологического опыта и фактических данных – опыта реализации Стратегии государственной национальной политики и институционального развития социальной сферы Российской Федерации, видится целесообразным:

- введение новых профессий – внести в «Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» новые должности: «Специалист в сфере национальных отношений», «Специалист в сфере религиозных гражданско-политических отношений»;

- создание и реализация на условиях гражданско-государственного партнерства интерактивного проекта «Религиозная карта России: энциклопедия духовных традиций и практик народов» [см.: Аллахвердян Я.О., Богачёв М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С., с. 108–118];

- создание и реализация на условиях гражданско-государственного партнерства с международным участием научно-издательского проекта «Патрология Россия: антология религиозно-философской мысли народов России и мира» [см.: Религии России; Шмидт В.В. (2015); Шмидт В.В. (2009); Шмидт В.В. (2011)].

Библиографический список:

Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Судьбы народов России в XXI в.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: научно-методические основания разработки и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. – Махачкала, 2013.

Аллахвердян Я.О., Богачёв М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С. Религиоведение в контексте национальной безопасности // Государственная служба. – 2019. – Т. 21, № 2.

Анненков В.И., Лаптев В.Б., Сергеев Н.А. Национальная безопасность России (геополитические и военно-политические аспекты): уч. пособие. – М., 2005.

Атлас современной религиозной жизни России: в 3 т. / под ред. М. Бурдо, С. Филатова. – М., 2005–2009.

Взаимодействие государственных, общественных и религиозных институтов: проблемы устойчивости и воспроизводства» (Саратов, декабря 2017) // URL: <http://igsu.ganepa.ru/events/p61045/>

Возженников А.В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. – М., 2002.

Генсек ООН в новогоднем послании объявил «красную тревогу», предупредив о росте ксенофобии // ТАСС, 31.12.2017 – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4854232>

Государственно-религиозные отношения: вызовы времени и актуальные проблемы (Минск, август 2019) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p135762/>

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002. № 138-ФЗ (ред. от 27.06.2018).

Губченко А.В. Глобальный контекст безопасности современного государства // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4.

Дискин И.Е. Светское государство и духовные опоры нравственного развития» (конференция «Традиционные религии за сильную Россию: религия и политика в многополярном мире», СПб.: Смольный, 2018, 7 Ноября.) // URL: https://m.mr7.ru/articles/192689/?fbclid=IwAR0p0b6TSLVSz1PRZRYFpJ_7zYDma79C2ARujnkNX2oRa1ouLoqFwzteBIg

Загребина И.В. Государственная религиоведческая экспертиза: теория и практика. – М., 2012.

Загребина И.В., Пчелинцев А.В., Элбакян Е.С. Религиоведческая экспертиза: учебн. для бакалавриата и магистратуры. – М., 2018.

Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). – Воронеж, 2007.

Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 2014. – Вып. 236.

Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018, 9 Окт. – URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>

Институт судебных экспертиз и криминалистики: Результаты экспертизы // URL: <https://ceur.ru/library/articles/jekspertiza/item100462/>

Козлов М.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор и идеология: проблемы метода социально-политического моделирования // Евразия: духовные традиции народов. – 2013. – № 3–4.

Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений и свободы совести в России в теории и практике» (Москва, декабрь 2019) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p93847/>

Материалы Заседания президентского Совета по межнациональным отношениям от 26.10.2018 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58922>

Ненашев А.Н., Шмидт В.В. Профессиональный стандарт «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений»: политический аспект и идеологический контекст // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. № 2 (28).

Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник / Миссионерский отдел Московского Патриархата РПЦ. – Белгород, 1997.

Основы религиоведения: учебник для ВУЗов / под ред. д-ра филос. н., проф. И.Н. Яблокова. – М., 1994.

Павлов В.И. «Смерть» субъекта права или к вопросу о необходимости новой концепции «правового человека» // Философия права. – 2010. – № 3.

Петров В.Л. Геополитика России (возрождение или гибель?). – М., 2003.

Поручение Д. Медведева о подготовке перечня правовых актов СССР и РСФСР для признания утратившими силу или недействующими на территории Российской Федерации // URL: <http://government.ru/orders/selection/404/37841/>

Прохожев А.А. Национальная безопасность: основы теории, сущность, проблемы. – М., 1996.

Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н., Свобода совести в современной России. – М., 2017.

Развитие государственно-конфессиональных отношений в современной России на основе единства взглядов и многообразия традиций» (Нижний Новгород, апрель 2018) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p71613/>

Резолюция круглого стола «Проблемы религиоведческой экспертизы» // URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/03/d33944/?print=1>

Рекомендаций по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь // URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoretiko-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki/>

Религии народов современной России: словарь / ред. кол. М.П. Мчедлов, Ю.И. Аверьянов, В.Н. Басилов и др. – М., 1999.

Религии России: учебное. пособ. / сост. и общ. ред. О.Ю. Васильевой, В.В. Шмидта. – М., 2009.

Религии, общество, государство: динамика религиозного пространства в современном российском социуме и новые форматы взаимоотношений» (Москва, май 2017) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p48464/>

Религиоведение: энциклопедический словарь / под ред. д-ров филос. н., профф. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2006.

Религиозно-политические процессы в Российской Федерации: система экспертно-аналитического обеспечения и проблемы безопасности» (Москва, апрель 2018) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p70588/>

Религиозность в контексте этнополитических процессов: социологическое, политологическое, религиоведческое измерение» (Москва, декабрь 2016) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p37204/>

Религиозные организации и группы в России: религиоведческий, богословский, правовой аспекты» (Рязань, октябрь 2016) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p33011/>

Религия в аспектах философских, теологических, религиоведческих подходов: проблема определения объекта и экспертизы» (Москва, апрель 2016) // URL: <http://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/v-ranhighs-obsudili-vyzovy-xxi-veka-religiovedeniya-i-teologii>

Религия как фактор этнокультурной и национально-государственной идентичности» (Орел, май 2016) // URL: <http://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/sostoyalsya-vserossijskij-simpozium-religiovedov-organizovannyj-akademiej>

Ризоев Ш.Х., Шмидт В.В. Власть: проблема дефиниции // Вестник Томского гос. университета. Сер. История. – 2019. – № 58.

Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России. – М., 1998.

Современная религиозная жизнь России: опыт систематического описания: в 4 т. / отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. – М., 2004–2006.

Социальное партнерство государства и религиозных объединений в современном мире: правовые и практические аспекты (Владивосток, сентябрь 2017) // URL: <http://igsu.ru>

ranepa.ru/events/p52870/

Специалист в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений: вызовы времени и профессиональный стандарт (Москва, июнь 2017) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p49394/>

Ставцев С.Н. Трансцендентальный характер фундаментальной онтологии Хайдеггера // Метафизические исследования: сознание. – Вып. 6. – 1998.

Тейлор Ч. Структуры закрытого мира // Логос. – 2011. – № 3.

Телегин В.Н., Телегина С.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского Союза // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 2.

Торукало В. Нация: история и современность. – М., 1996.

Традиции государственно-религиозных и межрелигиозных отношения в России – новый международный стандарт» (Москва, январь 2018) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/events/p66816/>

Удовик С.Л. Глобализация: семиотические подходы. – М., 2002.

Узланер Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным // Континент. – 2008. – № 136.

Указ Президента Республики Беларусь за № 49 от 12.02.2019 «О создании Белорусского института стратегических исследований» // URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/kommentarij-k-ukazu-49-ot-12-fevralja-2018-g-20467/

Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43843>

Указ Президента Украины за № 1 от 02.01.2013 «Про велику українську енциклопедію» // URL: https://vue.gov.ua/ВУЕ:Про_ВУЕ

Федеральная служба государственной статистики: Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на конец 2017 (обновлено 18.04.2018) // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/#

Харитонов А.С., Шмидт В.В. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 3.

Шмидт В.В. «Патрология Россияка»: перспективы исторического и метафизического бытия «Русского мира» // Кириллица: от возникновения до наших дней. – СПб, 2011.

Шмидт В.В. «Субъектность в системе религиозно-политических отношений: проблемы суверена и суверенизации – вызовы времени» (Всероссийский форум «Религия в контексте политической и конституционно-правовой системы Российской Федерации», М.: Общественная Палата РФ, 16-17 Окт.) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/news/p85672/>

Шмидт В.В. От 60-летия «ВФ» к 80-летию «ИФ»: («Патрология Россияка»: к обоснованию проекта и перспективах метафизического бытия «русского мира»)// Вопросы религии и религиоведения. Вып. I: Антология отечественного религиоведения: сб. / сост. и общ. ред. Ю.П. Зуев, В.В. Шмидт. Ч. IV: Кафедра государственно–конфессиональных отношений РАГС. – М., 2009.

Шмидт В.В. Религиоведение в системе вызовов и народохозяйственных задач России начала XXI в. // Религиоведческие исследования. – 2015. – № 1.

Шмидт В.В. Религия: к проблеме дефиниции // Религиоведение. – 2018. – № 4.

Шмидт В.В. Специалист в сфере национальных и религиозных отношений:

профессиональный стандарт // – Этносоциум. 2019. – № 8.

Шмидт В.В. Суверенитет религиозных объединений // URL: https://www.youtube.com/watch?v=gc4LnPuHb_8

Элбакян Е.С. Изучение религии в научной парадигме: общее и особенное // Евразия: духовные традиции народов. – 2012. – № 1.

Элбакян Е.С. Обзор религиозно-конфессиональной ситуации в странах постсоветского пространства и Восточной Европы. – М., 2012.

Элбакян Е.С. Религии России: словарь-справочник. – М., 2014.

Энциклопедия религий / под ред. д-ров филос. н., проф. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2008.

Этнокультурный и религиозный факторы: история и перспективы будущего (Москва, май 2019) // URL: <http://igsu.ranepa.ru/events/p124093/>

Загребина И.В.

Проблемы религиозной экспертизы в России

Zagrebina I.V.

Problems of religious expertise in Russia

Аннотация: Проблема религиозной экспертизы очень актуальна в современной России. Несмотря на то, что этот вид экспертизы приобретает все большее значение, религиозная экспертиза все еще испытывает недостаток в теоретических основах и до сих пор остается за рамками научных исследований. Сегодня не изучены вопросы условий и специальных методов такой экспертизы, предмета экспертизы, статуса эксперта, пределов применения специальных знаний и так далее.

Ключевые слова: религиозная дискриминация, свобода совести и свобода вероисповедания, религиозная экспертиза, эксперт, выводы религиозной экспертизы

Abstract: The problem of religious expertise is very topical in today's Russia. Despite the fact that this type of expertise is gaining more and more importance, religious expertise is still lacking theoretical foundations and till nowadays remains beyond the scope of scientific research. Still unexplored are the questions of conditions and special methods of such expertise, the subject of expertise, the status of expert during expertise, the limits of application of special knowledge and so on.

Keywords: religious discrimination, freedom of conscience and freedom of belief, religious expertise, expert, findings of religious expertise

Религиозная экспертиза упорядочена совокупностью юридических норм, регулирующих свободу вероисповедания и деятельность религиозных объединений. Проводя правовой анализ природы, понятия и особенностей религиозной экспертизы невозможно обойти стороной исследование понятия «религия», имеющего в контексте рассматриваемой нами темы важное правовое значение. Данное понятие является ключевым и для идентификации того или иного мировоззренческого движения.

Несмотря на то, что данный термин активно используется в действующем законодательстве России, его законодательное закрепление отсутствует. Между тем, производные термины, такие как «религиозное объединение», «предметы религиозного назначения» и др. нашли свое законодательное закрепление. Исследуя законодательство других стран, отметим что:

Во Франции, ключевой считается статья 2 Закона 1905г., провозглашающая, что «Республика не признает, не финансирует и не субсидирует ни какую религию» [Цит. по: Бадеван-Годме Б., с. 595]. И судам, и законодателям а priori не дано права высказываться по вопросам религии, учитывая нейтральность государства, не признающего никакой религии. На практике судья (Государственного совета или Кассационного суда) решает эти вопросы от дела к делу, но избегает давать общие определения, к которым можно было бы прибегнуть в других делах.

Решение о признании той или иной группы или ассоциации в качестве религиозной принимаются судами в каждом отдельном случае по-своему. В качестве правовых источников в данном случае выступают министерские циркуляры, издаваемые Бюро религий Министерства внутренних дел, и опыт судебной практики Государственного совета, Конституционного совета и Кассационного суда [Цит. по: Бадеван-Годме Б., с. 599].

В законодательстве Нидерландов понятия «религия» и «церковь» не определяется. В конкретных случаях вопрос решается государственной администрацией, а в конфликтных ситуациях – судом [Ван Байстервельд, с. 429].

В Испании «Основной Закон о религиозной свободе» не дает правового определения того, что такое церковь или деноминация. Более того, идея «религиозных нужд» весьма размыта, поскольку закон не дает правового определения» [Цит. по: Подопригора Р.А. (2010), с. 423].

Американские ученые Майкл Ариенс и Роберт Дестро отмечают, что даже в США, несмотря на полувековую практику интерпретации Верховным судом языка Первой поправки, суд так и не предложил конституционного определения религии [Цит. по: Подопригора Р.А. (2010), с. 425].

Единственный, известный нам случай наличия четкой дефиниции понятия «религия» встречается в статье 3 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»: «религия – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующие им поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в сверхъестественное» [Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях»].

Учитывая отсутствие четкого определения того, что такое «религия», в Казахстане, например, было отказано в регистрации Церкви Последнего Завета по причине того, что это больше философское, нежели религиозное течение, хотя в России данная организация зарегистрирована именно как религиозная.

Комитет ООН по правам человека отметил в своем официальном толковании статьи 18 Международной Конвенции о гражданских и политических правах: «Понятия “убеждение” и “религия” толкуются широко. Статья 18 не ограничивает в своем применении традиционными религиями или религиями и убеждениями с институциональными характеристиками или практиками, аналогичными традиционным религиям» [Цит. по: Подопригора Р.А. (2010), с. 425].

В настоящее время в религиоведении существует довольно большое количество

совершенно разных по объему и содержанию определений религии. Так, например, профессор Е.И. Аринин приводит в приложении к учебному пособию сто известных и наиболее распространенных в науке дефиниций «религии» [Аринин Е.И., с. 288-310].

Такое разнообразие дефиниций, по мнению ученых-религиоведов, связано с самой сложностью феномена, разнообразием религиозных практик и философских концепций. Наличествуют как инклюзивистские определения, включающие в себя широкое трактование данного понятия, так и эксклюзивистские, утверждающие истинность и абсолютность лишь одной религиозной традиции. Последние характерны для работ исследователей с четко выраженной конфессиональной позицией [Кильмашкина Т.Н., с. 91].

На невозможность выработки адекватного определения религии указывает и Л.Н. Митрохин: «Можно даже констатировать, что адекватное формально-логическое определение религии дать вообще невозможно; ее сущность постигается лишь в результате выявления ее конкретных многообразных форм и существенных характеристик» [Новая философская энциклопедия, с. 437].

О невозможности в принципе выработать такое определение в силу его «необъятности и сложности» высказываются ученый из Казахстана Р.А. [Подопригора (2002), с. 45-55] и ученый из России А.В. Пчелинцев [Пчелинцев А.В. (2012), с. 28].

В тоже время, нельзя не отметить наличие даже в отечественном законодательстве ряда попыток дать определение феномену «религии». Так, в статье 1 действующего закона Республики Тыва от 16 марта 1995г. «О свободе совести и религиозных организациях» приводится такое определение: «Религия - одна из форм общественного сознания, совокупность мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа, которые являются предметом поклонения» [Закон Республики Тыва «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 апреля 1995 года № 253]. Аналогичный закон Республики Бурятия приводит иную дефиницию: «Религия – исторически обусловленная форма общественного сознания, являющаяся совокупностью представлений и культовой практики, основанной на вере в действительные и сверхъестественные силы и существа, которые являются объектом поклонения» [Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 года №610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»]. В данном случае мы имеем различную содержательную трактовку, нарушающую принцип единства понятийного аппарата законодательства.

Таким образом, по нашему мнению, несмотря на то, что определение понятия «религия» актуально, учитывая чувствительность религиозной сферы, а также конституционный принцип отделения государства от религиозных объединений, дать четкое, единообразное определение таким понятиям, как «религия» сложно. Между тем, автор считает, что необходимо сформулировать единые признаки религии используя максимально широкий подход, и законодательно закрепить их в действующем законодательстве.

Переходя к сущности религиоведческой экспертизы отметим, что немаловажное значение данного вида экспертизы состоит в том, что она позволяет проводить профилактику преступности на религиозной почве, поскольку может выявить несоответствие реальной практики декларируемым целям организации. При этом отметим, что религиоведческая экспертиза не должна рассматриваться как использование специальных познаний для борьбы с религиозными объединениями, по тем или иным причинам не угодными органам власти, а как специальный инструмент объективного изучения религиозной сферы с применением профессиональных знаний, и относиться к

числу инструментальных гарантий конституционной свободы вероисповедания.

Обращая внимание на проблемы, связанные с правовым регулированием данного вида экспертизы, отметим следующее:

В законодательстве РФ не раскрываются такие понятия, как «религиоведческая экспертиза», «заключение религиоведческой экспертизы» и др. Следует отметить, что неразработанность используемого понятийного аппарата является общей проблемой законодательства в сфере свободы совести и свободы вероисповедания в России.

Также отметим, что теоретическое развитие в правовой доктрине Российской Федерации получила только судебная экспертиза. Внесудебная экспертиза практически не изучена. Поскольку религиоведческая экспертиза является одним из видов внесудебной экспертизы, ее правовая природа также осталась за рамками исследования. До настоящего времени данный вид экспертизы ни разу не становился предметом самостоятельного юридического научного изучения. Это приводит к правовым коллизиям в законодательстве и спорным ситуациям в юридической практике.

Так, например, прокуратура Хабаровского края обратилась в суд с требованием ликвидировать Церковь евангельских христиан «Благодать» и запретить ее деятельность на территории Хабаровского края. 27 апреля 2011 года Хабаровский краевой суд удовлетворил требования прокуратуры. При этом в обоснование решения были положены религиоведческое исследование о научности которого можно судить по используемой терминологии: «религиозная организация «Благодать» относится к неопятидесятническому религиозному движению и признается деструктивной религиозной организацией сектантского типа... Методы воздействия на сознание человека, применяемые на религиозных мероприятиях церкви христиан веры евангельской «Благодать» и ей подобных неопятидесятнических сект, несут опасность для психического и физического здоровья граждан и должны расцениваться как психическое насилие» [Личный архив автора].

Приведенная цитата содержит целый ряд сомнительных либо откровенно ненаучных утверждений, начиная с некорректного обозначения конфессиональной принадлежности. Полное наименование исследуемой организации - Местная религиозная организация Церковь евангельских христиан «Благодать» - указывает на принадлежность церкви к пятидесятничеству. Откуда же взялся термин «неопятидесятническая»? Данный термин, который не используется в зарубежном религиоведении, нов ходу у сектоведов, является негативным вариантом названия харизматического движения. Харизматическое движение — движение внутри христианства, в основном среди протестантских общин, но также получило распространение среди католиков и незначительно среди православных. Таким образом, термин «неопятидесятническая секта» не только не может служить для объективного определения конфессиональной принадлежности религиозной организации, но и является оскорбительным для ее членов.

Из экспертизы не ясно, кем и на каком основании экспертируемая церковь признается «деструктивной религиозной организацией сектантского типа». Кроме того, само употребление слова «секта» некорректно. Термин не только не встречается в основополагающих международно-правовых документах, но и в силу исторически сложившейся практики, ментальности российского народа и его культуры, воспринимается в России менее нейтрально, нежели в Европе. Этот термин, по сути, приобрел у нас оскорбительный оттенок [Пчелинцев А.В. (2010), с.621].

Так называемые «методы воздействия» не являются уникальными, применяющимися исключительно в данной конфессии катехизическими программами («Альфа-курс», Тресдиас, инкаунтер) или распространенными в христианстве религиозными практиками (возложение рук или молитва на иных языках и сошествие Святого Духа, также присущие не только пятидесятникам). Так, к примеру, «Альфа-курс» проводится в большинстве христианских конфессий (хотя и не всеми членами этих конфессий одобряется), включая православие, католицизм, протестантизм различных деноминаций, являясь программой практического знакомства с христианством, разработанной в конце 1970-х годов.

И наконец, заключение о причинении вреда психическому и физическому здоровью не может быть сделано в рамках религиозно-экспертной экспертизы ввиду отсутствия у эксперта медицинского образования со специализациями в области психиатрии и в области охраны здоровья.

Суд не только проигнорировал ненаучность и предвзятость данной экспертизы, но и обосновал выдержками из экспертных заключений свое решение: «Таким образом, в судебном заседании совокупностью доказательств подтвержден факт того, что со стороны МРО «Благодать» имеются действия, посягающие на личность, права и свободы граждан, а также наносящие ущерб нравственности и здоровью граждан. Данные действия выражаются в использовании МРО «Благодать» методик («Альфа-курс», Тресдиас, инкаунтер, громкая молитва, приводящая к разговору на «иных» языках, ритуалы наложения рук на голову и тело человека «Сошествие Святого Духа»), каждая из которых в отдельности и все вместе содержат в себе элементы внушения, самовнушения, психологического манипулирования, осуществляемых на фоне измененных «трассовых» состояний сознания, то есть воздействуют на психическое состояние граждан. Действиями МРО «Благодать» нанесен ущерб здоровью граждан» [Материалы из архива Местной религиозной организации Церковь Христиан Веры Евангельской «Благодать» г.Хабаровска].

Таким образом, суд, который должен быть объективен и беспристрастен, не только не отнесся критически к сомнительным «исследованиям», но и без веских оснований приговорил к ликвидации Церковь, годами существующую на территории данного края, имеющую многочисленные благодарственные письма от Администрации края и социальных учреждений за проводимую ею благотворительную работу.

Следует отметить, что впоследствии решением Верховного суда РФ дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции (Определение Верховного Суда РФ от 05.07.2011 N 58-Г11-15), и хотя судья был назначен тот же самый, решение Хабаровского краевого суда от 17 августа 2012 года было совершенно другим: отказать в удовлетворении заявления и. о. прокурора Хабаровского края о ликвидации и запрете деятельности на территории Хабаровского края местной религиозной организации Церковь Христиан Веры Евангельской «Благодать» г. Хабаровска.

Следующий пример едва не спровоцировал международный скандал. Судебный процесс был инициирован прокуратурой города Томска, в июне 2011 года обратившейся в Ленинский районный суд Томска с заявлением о признании книги экстремистской и внесение её в Федеральный список экстремистских материалов. С июня 2011 г. по март 2012 в порядке особого производства, проходил судебный процесс о признании экстремистским материалом главного канонического текста вайшнавов «Бхагавад-гита как она есть» – единственного широко распространенного русскоязычного издания священного индуистского текста «Бхагавад-гита» с комментариями к нему Свами

Прабхупады - основателя Международного общества сознания Кришны. Попытки признать экстремистской священную индуистскую книгу, история которой исчисляется тысячелетиями вызвали протесты политиков Индии, и критику со стороны ученого сообщества в России.

В ходе судебных слушаний, состоявшихся в августе 2011 года, подготовившие экспертное заключение учёные «признали его несостоятельность и ненаучность» и отказались от сделанных в экспертизе выводов [Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхагавад-гите как она есть»].

Одним из самых громких процессов последних лет стал судебный процесс в Южно-Сахалинске. 12 августа 2015 года судья Южно-Сахалинского городского суда Наталья Перченко признала «экстремистским материалом» книгу «Мольба к Богу», выпущенную тиражом 10 тысяч экземпляров по заказу Духовного управления мусульман азиатской части России, согласившись с мнением прокурора Татьяны Билобровец о том, что материал содержит признаки экстремизма, а также призывы к террористической деятельности и захвату человека. В частности, как сообщалось ранее, поводом послужили некоторые суры Корана, в том числе первая сура «Аль-Фатиха», которую мусульмане называют «матерью писания».

5 декабря 2015 года Сахалинский областной суд удовлетворил апелляционные жалобы главы Чеченской республики Рамзана Кадырова, а также круга заинтересованных лиц и организаций, отменив ... решение Южно-Сахалинского городского суда о признании «экстремистским материалом» книги «Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в исламе»[РАПСИ].

Таким образом, до недавнего времени авторитетные древние священные тексты были юридически не защищены, а, следовательно, не защищены граждане, исповедующие ту или иную религию, для которой эти тексты являются основополагающими. Законодатель исправил эту ситуацию, и внес изменения в Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В настоящее время закон содержит положение о том, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами (статья 3.1.).

В связи с актуальностью данного вида экспертиз, в заключение отметим, что на сегодняшний день для России чрезвычайно важна научная и методическая разработка религиозно-экспертной. Это необходимо, в том числе, и для дальнейшей выработки выверенного и действенного правового регулирования данного вида экспертизы, незаслуженно обойденной вниманием законодателя.

Библиографический список:

Аринин Е.И. Религиоведение (Введение в основные концепции и термины): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академический Проект, 2004.

Бадеван-Годме Б. Государство и церковь во Франции. // Государства и религии в Европейском Союзе. / Сост. Г. Робберс. М.: Институт Европы РАН, 2009.

Ван Байстервельд С. Государство и церковь в Нидерландах. // Государства и религии в Европейском Союзе. / Сост. Г. Робберс. М.: Институт Европы РАН, 2009.

Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» // [URL] <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19202054&p2={NRPA}>.

Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 года №610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» // [URL] http://docs.pravo.ru/document/view/12121660/?not_paid_redirect=1.

Закон Республики Тыва «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 апреля 1995 года № 253 // [URL] http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/

Кильмашкина Т.Н. Конфликтология. Социальные конфликты. – М.: Юнити-дана, 2009.

Личный архив автора

Материалы из архива Местной религиозной организации Церковь Христиан Веры Евангельской «Благодать» г.Хабаровска.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3.

Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). Алматы: Аркаим, 2002.

Подопригора Р.А. Свобода религии и убеждений и дискреционное санкционирование религиозной деятельности со стороны государства. // Свобода религии и убеждений: основные принципы. / Под ред.: Т. Линдхольма, К. Дурэма и Б. Тахзиб-ли. М.: Институт религии и права, Университет Бригама Янга, ТЦ Юнеско, 2010.

Пчелинцев А.В. Конституционное право граждан на свободу вероисповедания и проблемы его реализации в Российской Федерации // Свобода религии и убеждений: основные принципы. Под ред.: Торе Линдхольма, Кола ДуремаиБахииТахзиб-Ли. М.: НИЧУ «Институт религии и права», Центр по изучению религии и права Университета Бригма Янга, ТЦ ЮНЕСКО, 2010.

Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы / М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

РАПСИ // [URL] http://rapsinews.ru/judicial_news/20151105/274869510.html#ixzz50sTjpv8

Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхагавад-гите как она есть» // [URL] <https://globalsib.com/11485/>

Халиков Р.Х.

Окцидентофобия как ключевая характеристика контрсекуляризма

Khalikov R.Kh.

Occidentophobia as a Key Feature of Counter-secularism

Аннотация: История контрсекулярного движения восходит к раннему модерну, и оно имеет огромный потенциал сегодня. Активность контрсекуляризма растет с повышением роли секуляризма как идеологического тренда. На первых стадиях речь шла, скорее, о диссидентском движении внутри европейских стран, однако в результате одновременной экспансии западного колониализма и секуляризма контрсекуляризм соединился с антиколониальным трендом за пределами Запада. Сегодня контрсекуляризм присутствует как религиозная идеология также и в регионах, где нет длительной истории противостояния секулярного и контрсекулярного.

Ключевые слова: контрсекуляризм, идеология, модерн, окцидентофобия

Abstract: The history of counter-secular movement reaches early Modernity and it still has high potential today. Activity of counter-secularism rises with rising of secularism as ideological trend. On the first stages it was kind of dissident movement in European countries, however, as a result of the simultaneous expansion of Western colonialism and secularism, counter-secularism has merged with the anti-colonial trend outside the West. Today, counter-secularism is present as a religious ideology also in regions which do not have a long history of confrontation between the secular and the counter-secular.

Keywords: counter-secularism, ideology, modernity, occidentophobia

Современные религиоведческие и философские теории нередко оперируют терминами, призванными обозначать положение вещей, пришедшее на смену секулярной повестке. Понятия «постсекулярного», «десекулярного» и близких к ним обозначают нечётко прочерченное состояние современности, когда секулярность Модерна уже потеряла абсолютный авторитет даже на Западе, а на смену ей пришло нечто новое. Поэтому, пока не будет ярче проявлено это состояние, многим исследователям представляется более целесообразным рассуждать о некоем «откате» в процессе расколдовывания мира. Впрочем, и «постсекулярное», и «десекулярное» как описание положения вещей возвращают нас к эволюционистскому и одновременно универсалистскому видению мира, так же как и само понятие «секулярное». Дело в том, что описывая положение вещей в мире или даже в одной только западной его части как секуляризацию или постсекуляризацию, невольно мы несколько упрощаем картинку. Происходит генерализация отдельной тенденции к уровню общего состояния эпохи — то есть считается, что в течение определенного времени все человечество двигалось в направлении более секулярного бытия, а сейчас происходит или его трансформация, или возвращение к более ранней стадии, то есть мы объясняем вещи через эволюционистскую парадигму.

Альтернативное видение заключается в том, что параллельно с секуляризацией идёт обратный процесс, и учёные, интересующиеся секуляризацией, гораздо реже обращаются к нему. Истоки этого процесса можно наблюдать как минимум с XVI-XVII вв., то есть он существует примерно столько же, сколько и секуляризация, усиливается вместе с усилением секуляризации, а не приходит ей на смену. Контрсекулярная религиозность, или контрсекуляризм, является своеобразной антитезой секулярного мировоззрения, и она противостоит, на самом деле, как секулярному, так и традиционному. Её носители во многом разделяют современный стиль мышления и восприятия окружающего мира, но трагизм заключается в том, что они не считают секулярную повестку идеальной и пытаются от неё отказаться, преодолеть Модерн или уничтожить его.

Термин «контрсекуляризм» иногда появлялся в научных публикациях в течение второй половины XX века. В предисловии к классическому сборнику «The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics» П. Бергер писал: «Можно быть уверенным, что модернизация имела определенные секуляризующие эффекты, в одних местах большие, в других меньшие. Но она спровоцировала также мощные движения контрсекуляризации... Контрсекуляризация является, по крайней мере, столь же важным феноменом в современном мире, как и секуляризация» [Berger P., с. 3-6]. Впрочем, на тот момент становилось модным вообще отрицать секуляризацию и уделять внимание другим вопросам, а даже сам Бергер перешел к другим концепциям, в частности, теории

плюрализации. Впоследствии об идее вообще почти забыли. Как пишет исследователь теорий Бергера В. Карпов, «Оглядываясь на сильные формулировки Бергера, можно было бы ожидать, что они спровоцируют взрывообразный рост исследований, посвященных контрсекуляризационным тенденциям и пытающихся раскрыть десекуляризационные паттерны в разных культурах и обществах. Это означало бы серьезное смещение исследовательского ракурса в рамках социологии религии. Однако пока трудно говорить о таком смещении» [Карпов В., с. 114]. Перспективная идея осталась стала маргинальной, пока само явление контрсекулярного не перешло из разряда контркультуры в разряд альтернативных глобализационных проектов с правительственной поддержкой. Именно переход в плоскость политики остро поставил вопрос об исследовании контрсекуляризма как современной и имеющей историю тенденции.

Стремительное распространение секулярного мировоззрения после французской революции 1789 года привело к нескольким взаимосвязанным последствиям. Во-первых, обострился процесс выхода классической религиозности из публичного пространства, прежде всего — западного, но в результате цепной реакции также и восточного. Домодерные религиозные институты не соответствовали просветительским настроениям эпохи, а потому возникла мысль, что вскоре традиционные религиозные формы исчезнут, чтобы уступить место новым. Во-вторых, взрывообразно возникали мировоззренческие движения, которые ставили целью удовлетворить тягу людей к трансцендентному, при этом не противопоставляя себя развитию науки и технологий. Кроме противостояния секуляризму, их отличали стремление приобщиться к истокам, поиск подлинной духовности на Востоке, эклектизм в вероучении и отсутствие четкой догматики. Вместе с неклассическими мировоззрениями типа оккультизма или нью-эйдж появлялись также реставрационизм, фундаментализм и другие движения, религиозный характер которых сомнений не вызывает.

Противостояние западному мировоззрению и мироустройству является первой и самой заметной чертой контрсекулярной религиозности. Собственно, контрсекуляризм и заключается в том, что одной из самых высших добродетелей этого типа религиозности является борьба против секулярного Запада, который воспринимается как синоним бездуховности, материализма, упадка. Такая антагонистическая позиция по отношению к секуляризму могла возникнуть только после широкой экспансии последнего, особенно после проникновения западного секуляризма в колонии и другие незападные территории, население которых оказалось перед новой для себя секулярной идеологией внезапно.

Экспансия секуляризма не равна секуляризации, на что справедливо обращает внимание Талал Асад [Asad T., p. 16]. Секуляризм как политическая идеология, имеющая целью как можно шире внедрить секулярное мировоззрение, возникает уже после появления секулярных настроений. Если «секулярное» и секуляризация появились уже в Средние века, то секуляризм как идеология (на самом деле, как и большинство классических идеологий) возник в эпоху французской революции и Наполеона. Секуляризм предлагает, согласно Асаду, собственное понимание религии, этики и политики, то есть комплексное мировоззрение и правила жизнеустройства, а не просто ситуацию, когда религия исчезает из пространства публичных институтов или из частной жизни многих людей. И именно экспансия идеологии секуляризма произошла в течение XVIII-XIX веков, вызвав, наряду с колониальной экспансией западных государств, всплеск контрсекулярной религиозности. Поскольку секуляризм связан с колониальной экспансией, контрсекуляризм нередко находит свое воплощение в ненависти к Западу,

или в окцидентофобии.

Внутри самого Запада контрсекулярные движения также имеют черты, которые можно обозначить как окцидентофобию, или как очарование Востоком. Начиная по крайней мере с XVII века, постоянно возникают течения, обвиняют Запад в материализме и деградации, ища, взамен, подлинной духовности на Востоке. В частности, такие пассажи неоднократно встречаются в розенкрейцерской литературе. На рубеже XVIII-XIX веков расцветает явление, которое Э. Саид называет «ориентализмом», то есть смесью исследования, восторга и владычества европейцев по отношению к Востоку. Восточные цивилизации, к тому же в своем классическом, а не современном проявлении, стали источником вдохновения и для политиков, и для поэтов. Саид, вместе с другими исследователями, подчеркивает увлечение европейских романтиков Востоком как источником обновляющих сил для Европы, погрязшей в модерном материализме [Саид Э., с. 177]. Параллельно с романтическим, появляется Восток оккультистский, многочисленные визионеры, во главе с Жозефом-Александром де Сент Ив д'Альвейдром, Еленой Блаватской и другими, получают от восточных мудрецов послание по обустройству западной духовности.

Увлеченность духовностью Востока и противопоставление ее материализму Запада несколько раз актуализировалась в течение XX века. Так, М. Элиаде отмечал значительную вспышку оккультизма в США сразу после Второй мировой, а затем в конце 1960-х. Впоследствии эти вспышки перешли в более стабильное явление нью-эйдж. Одной из важнейших черт движения нью-эйдж является отрицание современного западного мира и поиски духовности на Востоке. Этот признак ставит на первое место в определении нью-эйдж Воутер Ханеграфф: «Мышление нью-эйдж в целом характеризуется постоянной картиной имплицитного или эксплицитного культурного критицизма. В контексте нью-эйдж можно насчитать очень широкую палитру идей и убеждений, но под ними всегда есть общее недовольство некоторыми аспектами западного мышления, которые можно выделить в современной культуре. Сторонники мышления нью-эйдж не обязательно имеют очень эксплицированные идеи о «новой эре», которая приближается, но они все согласны, что наше общество может и должно измениться» [Hanegraaff W., p. 291]. Разнообразие течений в рамках нью-эйдж, с постоянными переходами из одной организации в другую, взаимным чтением литературы и практикой упражнений из различных течений, позволяет говорить о эклектизме, произвольном использовании восточной символики, но в нем обычно присутствует четкое отмежевание от секулярной западной цивилизации.

Таким образом, противостояние западным ценностям не обязательно ведет к созданию собственной аксиологической системы. Впрочем, в течение XX-XXI веков возникли уже целые системы ценностей, которые имеют целью противостоять секулярным. В частности, внутри самого западного мира, а также на его границах альтернативной аксиологией есть дискурс семейных, или традиционных, ценностей. Такие ценности интуитивно воспринимаются многими людьми, которые исповедуют очень разные взгляды, как политические, так и религиозные. Единственным общим знаменателем для них может выступать противостояние западной ценностной парадигме.

В определенной степени сочетаясь с религиозными идентификациями, призыв к семейным ценностям все же не является возвращением к традиционной религиозности или набожности. Если понимание семьи в каждой религии имеет свои зафиксированные особенности, регулируемые откровением и относительно неизменные, то отсылки к семейным ценностям в политических идеологиях часто размыты и не апеллируют к

сверхъестественному. Фамилиализм, противопоставляя интересы семьи интересам индивида, является частью более широкого движения против гуманистического индивидуализма. Индивидуализм, признание человеческой личности как высшей ценности — это сущностно современный подход к соотношению коллектива и индивида. В домодерных обществах активность индивида была тесно связана с активностью коллектива и получала свой смысл лишь в связи с коллективными практиками. Это касалось как политической жизни (вспомним известное высказывание Аристотеля о человеке как политическом существе), так и в общественной стратификации. Коллектив, а не индивид, преимущественно был субъектом религиозных ритуалов в традиционном обществе. Как отмечает А. Байбурин, даже ключевой герой ритуала в традиционном обществе обычно не является главным актором — так, вместо жениха во время свадьбы выступают его родственники и друзья, вместо новорожденного во время крещения — крестные родители и т. д. [Байбурин А., с. 196-197]. Коллективными являются подавляющее большинство религиозных ритуалов и обрядов в домодерных обществах, зато в эпоху модерна даже религиозные практики индивидуализируются. Например, в вере бахаи, которая начала структурно оформляться уже в XIX веке, базой ритуальной практики являются индивидуальные молитвы и медитации, подавляющее большинство ритуалов является индивидуальной [Иоаннесян Ю., с. 249]. Индивидуализм в практике и вероучении неоднократно привлекал внимание исследователей религии, становясь предметом таких концепций, как «приватизация религии», «шейлаизм» и др.

Предпочтение индивида в его отношениях с коллективом отражено и в международных документах, начиная от Устава ООН, и в национальных конституциях. Эволюционизм и европоцентризм западных политических лидеров, а также сложная послевоенная ситуация способствовали тому, что международная правовая система была построена в XX веке именно на основе этого современного западного подхода к соотношению индивида и коллектива. Альтернативные видения считались несовершенными и не принимались во внимание, и даже коллективистские тоталитарные режимы были вынуждены принимать эти правила игры. Например, в преамбуле к Конституции СССР 1977 года утверждалось, что в советском обществе «законом жизни является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех». Конституция Китайской народной республики (КНР) 1982 года гарантировала личные свободу и достоинство граждан КНР (этот принцип действует и сегодня).

Однако с обострением мировоззренческого кризиса на Западе и наступлением глобализованного века возникает вопрос законности распространения западной аксиологической матрицы на общества, ценности которых имеют коллективистский характер. Так, в среде Коммунистической партии Китая (КПК) в начале 2010-х годов происходила дискуссия по поводу правомерности применения западной по происхождению и индивидуалистической по содержанию системы прав человека в Китае. Коротко позиция КПК по соотношению индивидуальных и коллективных интересов изложена в «Коммюнике относительно актуального состояния идеологической сферы» от 2013 года, также известном как «Документ №9» [Document 9]. Один из пунктов этого документа заключается в том, что внедрение западного концепта прав индивидуального человека и развития гражданского общества может привести к претензии со стороны организаций гражданского общества на властный авторитет, которым сейчас владеет Компартия. Параллельно институты гражданского общества могут поставить под сомнение и идеологическую базу существования коммунистического режима в КНР. Следовательно,

политика китайских властей была направлена на идеологическое противостояние западным либеральным ценностям и создание собственной глобализационной ценностной платформы, которая стала известна как проект инклюзивной глобализации и подкреплена глобализацией экономической в рамках «одного пояса, одного пути».

Контрсекулярные движения сознательно ищут вдохновения за пределами открытого общества и трансцендентальной коммуникации, пренебрегают национальными границами и системой международного права образца второй половины XX века. При этом несоответствие современных проявлений религиозности классическим паттернам является проблемой для исследователей религии, ведь в определенной степени размывает предмет исследования. Классическое понимание религиозности предусматривает, что целью религии должно быть духовное возвышение, а методом этого возвышения - участие в ритуалах, религиозное образование и стяжание добродетелей. Контрсекуляризм часто не имеет с материнской традицией неразрывной линии преемственности, авторитеты-контрсекуляристы не обязательно включены в традиционную структуру иерархии, не обязательно ставят вообще традиционные ценности типа набожности и богословия во главу угла. Особенности контрсекуляризма являются ориентированность на будущее (конец света или духовная эволюция); попытка донести религиозную истину максимально широкому числу людей, в том числе насильно; отношение к борьбе против бездуховного Запада как к высокой религиозной добродетели. Контрсекулярные идеологии несут собственную религиозность по-своему, ведь главной целью является действительно спасение или установление идеального порядка, но способ достижения этой цели заключается в борьбе с секулярным Западом. Последний олицетворяет силы Тьмы, тогда как себя носители контрсекулярной религиозности видят сторонниками сил Света. Борьба между ними имеет космический, а следовательно сакральный характер, что часто осознается в эсхатологических категориях финальной битвы Добра и Зла. В этот момент политическая идеология переходит к религиозному мировосприятию.

Для осмысления таких феноменов, которые имеют черты религии, но не являются религией в классическом понимании этого слова, полезно обращаться в поисках религиозности к сообществам, которые не повторяют классические христианские, исламские и другие установки и практики. Американский религиовед Натан Коллар предлагает использовать для определения религии не систематизаторский метод, когда мы называем религией то, что имеет похожие на христианство черты, а функциональный, когда религией признается явление, которое позволяет человеку удовлетворить базовые потребности в служении, справедливости, принадлежности к группе, преодолеть страх смерти и решить непосильные задачи, выйти за пределы биологического самоопределения, объединиться в сообщество единомышленников. Такой функциональный подход может позволить исследователю увидеть самостоятельное религиозное явление там, где раньше накладывались образцы секулярных институтов вроде спортивных, экономических, политических. И может оказаться, что сегодня или в будущем эти институты и движения будут лучше понятны благодаря такому подходу [Kollar N., p. 8-9]. Преимущества функционального подхода позволяют взглянуть под другим углом на политические идеологии, сетевой маркетинг, фанатские движения, а в случае контрсекулярных движений он позволит не путать последние с материнскими традициями, единственными полномочными представителями которых они зачастую пытаются стать.

Возникая как противовес секуляристской и колониальной активности европейских государств и связанных с ними режимов в других частях света, контрсекуляризм оказался

органически связан с противостоянием Западу как олицетворению материалистических, антирелигиозных ценностей. Окцидентофобия на периферии породила дискурс собственных, отличных от западных, ценностных систем (православной, конфуцианской, индуистской и т. д.), а в самих метрополиях контрсекулярные движения также нередко оказывались связаны с увлечением восточной мудростью и коллективистской организацией общества. Будучи связана с отрицанием индивидуализма, спиритуализмом, эсхатологичностью и архаизацией идеологии, окцидентофобия является одной из главных характеристик контрсекуляризма.

Библиографический список:

Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – Санкт-Петербург: Наука, 1993.

Гирц К. «Внутреннее обращение» на современном Бали ; пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 201-224.

Иоаннесян Ю.А. Вера бахаи. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2009.

Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – № 2(30). – 2012. – С. 114-164.

Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. – Санкт-Петербург: Русский мир, 2006.

Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, modernity. – Stanford: Stanford University Press, 2003.

Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. by P. Berger. – Washington: Ethics and Public Policy Center, 1999. – P. 1-18.

Document 9: A ChinaFile Translation [URL]: <https://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation>.

Hanegraaff W. New Age religion and Secularization // Numen : International Review for the History of Religions. – V. 47. – 2000. – P. 288-312.

Kollar N. Religions' Future in the Anthropocene // Worldviews: Global Religions, Culture, Ecology. – V. 23. Number 1. – 2019. – P. 1-32.

РЕЛИГИЯ В ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ RELIGION IN A POLITICAL AND IDEOLOGICAL CONTEXT

Пинкевич В.К.

Политизация общества и государственно-конфессиональные отношения в современной России

Pinkevich V.K.

Politicization of society and state-confessional relations in modern Russia

Аннотация: Предлагаемая статья представляет собой попытку осмысления взаимосвязи религиозных вопросов и процессов политизации современного российского общества.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, свобода вероисповеданий, гражданский активизм

Abstract: The proposed article is the comprehension the relationship of religious issues and the processes of politicization of modern Russian society.

Keywords: secular state, Constitution, state-confessional relations, freedom of conscience, freedom of religion, civil activism

13 мая 2019 года в Екатеринбурге радикально обострился конфликт вокруг строительства храма святой Екатерины в сквере рядом с домом правительства. В ходе протестной акции 13 мая толпа около двух тысяч человек оттеснила полицию, повалила ограждение будущей стройплощадки и захватила сквер. Противоборство защитников сквера, полиции, представителей ЧОП и мастеров единоборств продолжалось до утра 14 мая. Противостояние в итоге достигло такого накала, что удостоилось комментария президента РФ, после которого беспорядки прекратилось. Особенностью конфликта стало то, что в протест включились довольно аполитичные и лояльные группы населения. Когда «дым рассеялся» стал совершенно ясным провал политики властей, тем более очевидный, что параллельно в Красноярском крае (где также были протесты против строительства храма в центре города) губернатор не стал ничего обострять и избежал беспорядков.

Именно благодаря Красноярску высветился второй, более глубокий пласт екатеринбургского конфликта, вскрывший, возможно, самую острую проблему государственно-конфессиональных отношений в современной России. Общественность Екатеринбурга выступила не только против строительства в парковой зоне, но еще и против использования одной конфессией близости к власти для решения своих узкокорпоративных задач.

Глава Русской православной церкви (РПЦ) прокомментировал ситуацию в Екатеринбурге, находясь с визитом во Франции. Патриарх назвал ее «делом темным», но при этом явление «храмоборчества» в России – «редким и экзотическим» [Фаустова М.].

Однако невозможно отрицать, что случаи т. н. «храмоборчества», уже на протяжении нескольких лет стали частью политического пейзажа в разных регионах страны и давно перестали быть редкостью и экзотикой. Да и сама религиозная проблематика в последние годы (примерно с 2012 года) существенно усложнилась, политизировалась и уже не может быть сведена к проблемам только «храмоборчества».

Так, например, важнейшими событиями в 2012-2013 годах стало применение репрессий против группы «Pussy Riot» и вслед за этим принятие закона о защите религиозных чувств. В 2014–2015 годах имели место протесты против строительства храмов, скандал с оперой «Тангейзер» в Новосибирске и нападение на выставку в московском Манеже. В 2016-2017 годах продолжились конфликты в связи со строительством храмов, возникали конфликты вокруг передачи храмов. Фактором политической напряженности стало принятие антимиSSIONЕРСКОГО «Закона Яровой». И, наконец, в 2018 году сохранился отмечаемый последние несколько лет государственный курс на ужесточение политики в отношении протестантов и новых религиозных движений [Сергазина К].

В рамках статьи мы рассмотрим наиболее типичные и резонансные в политическом отношении явления, связанные с религиозным вопросом. К ним мы отнесли эпизоды, связанные со строительством храмов в парковых зонах (на примере московского парка «Торфянка»), передачу храмов РПЦ МП и вопросы реституции (на примере Исаакиевского собора), а также законы о защите чувств верующих и ограничении миссионерской деятельности («Закон Яровой»).

Строительство храмов в парковых зонах

Строительство храмового комплекса в небольшом парке «Торфянка» было одобрено в 2012 году — в рамках программы «200 храмов». Местные жители и примкнувшие к ним защитники природы выступили против строительства храмового комплекса. Однако Церковь – не без поддержки городских властей - продолжала настаивать на строительстве храма в парковой зоне. Разгорелась горячая полемика, и противостояние носило порой очень жесткий характер, сопровождалось нарушениями общественного порядка и физическим насилием. Событие вызвало интерес средств массовой информации, политиков, общественных деятелей. В итоге строительство храма было заморожено, противники строительства одержали победу.

Происшедшее в парке «Торфянка» дает достаточно оснований говорить о случившемся не как о бытовом конфликте между местными жителями и застройщиками, а о более глубоком как с идейной, так и с событийной точек зрения, явлении. Рассмотрим эти основания.

В конфликте проявился высокий уровень солидарных действий местных жителей. Было создано общественное движение «За парк Торфянка». Защитники Торфянки,

организовали «оборону» своей территории, наладили круглосуточное дежурство на объекте и разработали стратегию и тактику сопротивления. Как показали события, здесь имел место не частный случай столкновения интересов в отдельно взятом месте, не локальный, но общественно значимый конфликт. Мы видим, что к протесту подключились не только местные жители, но и сторонние люди, чьи интересы непосредственно в этом конфликте не затрагивались. Жителей «Торфянки» поддержали студенты [Православный фундаментализм опасен для общества, как и любой другой. Заявление инициативной группы студентов МГУ. 3 декабря 2017] и дальнбойщики [В Москве задержали дальнбойщиков, ехавших на митинг против строительства храма РПЦ МП в Торфянке]. К протестующим присоединились представители политических партий (Яблоко, КПРФ), местных депутатов и общественных организаций [Сергей Митрохин требует объяснить причину ареста защитников «Торфянки». Пресс-релиз московского отделения Демократической партии «Яблоко»].

Не только событийный ряд, но, главным образом, сложная идеологическая палитра конфликта (традиционалисты против либералов, светскость против православной государственности, права человека против религиозных чувств и т.д.), вызвала большой общественный интерес, что привело к широкому освещению события в средствах массовой информации.

Отдельная резонансная тема – расслоение среди православных в их отношении к протестующим и позиции патриархии. Несмотря на то что глава РПЦ МП патриарх Кирилл (Гундяев) идентифицировал протестующих как сектантов и язычников» [Глава РПЦ МП Кирилл (Гундяев) заявил, что те, кто протестует против строительства храмов его Церкви в городских парках, - «сектанты и язычники»], на стороне протестующих выступили православные «церковные интеллектуалы» [Ненавидящие себя православные. В РПЦ МП растет «внутренняя эмиграция», но она не спасет систему] и обычные православные миряне [Православные в защиту парка Торфянка. Рассказывают участники акции у ХХС 16 ноября].

Обращает на себя внимание высокий накал противостояния с властью, которая приняла в конфликте сторону Церкви. Еще со времен мэра Москвы Юрия Лужкова был накоплен очень большой опыт споров между местными жителями и застройщиками. Власть и застройщики обычно легко справлялись со спорными ситуациями, переводя их из плоскости уличного противостояния в стандартный формат публичных слушаний. Но здесь все пошло по-другому. Борьба за парк продолжалась больше года. За это время у власти было множество возможностей остановить противостояние, но этого не произошло. Уже на начальной стадии конфликта митинги противников строительства разгоняла полиция. 14 ноября 2016 года у активистов, выступающих против строительства православного храма в московском парке «Торфянка», прошли обыски. Защитников парка обвиняли по 148 статье УК («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»). Уголовное дело против защитников парка было возбуждено по факту публичного оскорбления чувств верующих (часть 1 статьи 148 УК) и незаконного воспрепятствования деятельности религиозной организации (часть 3 статьи 148 УК) [Кашин О.]. В итоге, государственно-церковный альянс отступил под давлением общественного мнения. Приостановление строительства храма показало, что это мнение существует и способно проявлять себя в действии.

Отличительной чертой конфликта стало активное (в том числе и силовое) противостояние с православными активистами в лице движения «Сорок сороков».

Движение объединяет лиц православного вероисповедания, одной из программных задач которого заявлена защита строительства православных храмов от всяческого противодействия. Оно аффилировано с руководством РПЦ МП. «Сорок сороков» попали в фокус общественного внимания из-за того, что в социальных сетях противники строительства храма в парке Торфянка пожаловались на случаи нападения на них со стороны «православных активистов» и опубликовали соответствующие видеозаписи [В ответ на возбуждение дела против защитников Торфянки РПЦ МП обещала «проверить» сведения о противоправных действиях активистов движения «Сорок сороков»].

Успех «Торфянки» запустил так называемый «эффект умножения». Если в 2016 году конфликты вокруг строительства храмов были единичными, то уже в 2017 году их становится существенно больше. Против строительства новых церквей в 2017 году выступили жители Красноярска (храм на стрелке), Чувашии, подмосковной Черноголовки (поклонный крест), Екатеринбурга (набережная Исети), Нижнего Новгорода (парковая зона), Махачкалы (озеро Ак-Гель), Смоленска (Соловьинная роща), Ростова-на-Дону (сквер Анатолия Собино), Брянска (парковая зона), Каменска-Уральского, Томска (сквер) и др. [Основные проблемные зоны во взаимоотношениях общества, религиозных организаций и государства в 2017 году].

Если же говорить о содержательном (идейном) наполнении рассматриваемого явления, то все перечисленное позволяет нам квалифицировать события вокруг парка «Торфянка» как действия, предпринимаемые по собственной инициативе, независимо и вопреки государственной власти, направленные главным образом против использования одной конфессией близости к власти для решения своих задач за счет общества.

Передача храмов и вопросы реституции

10 января 2017 года губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко объявил о передаче Исаакиевского собора РПЦ МП. Жители Санкт-Петербурга ответили на заявление Полтавченко протестами. Формальным поводом для общественного недовольства стала непубличность церковной реституции, то есть попытки властей «тайком» передать здание собора церкви. В течение нескольких месяцев в городе прошло множество публичных акций как в поддержку музея, так и в поддержку позиции губернатора. Так, например, здесь прошел десятитысячный митинг на Марсовом поле и защитники Исаакиевского собора и профсоюзы прошли единой колонной по Невскому проспекту. С другой стороны, имели место митинг и крестный ход в поддержку передачи собора церкви в котором принимали участие дети, и прокуратуре города пришлось проводить проверку законности привлечения несовершеннолетних. Вокруг передачи собора произошло не в пример больше событий, чем вокруг скромного московского парка, о котором шла речь выше, однако оба эти события объединял высокий уровень гражданской и политической активности, в результате которой «протестующие» одержали победу.

Мы видим также, что коллизия затронула не только Петербург, но и вышла на федеральный уровень. Министерство культуры, Конституционный суд, Администрация президента и, собственно, сам Президент так или иначе оказались вовлеченными в конфликт.

На «Прямой линии» 15 июня 2017 года Владимир Путин, отвечая на вопрос о статусе Исаакиевского собора, сказал, что Россия – это «светское государство, оно таким сложилось и будет». Заметим, что это утверждение Президента резко контрастировало с его же высказыванием четырьмя годами раньше на Архиерейском соборе в феврале

2013 года. Тогда он говорил о необходимости «отказаться от вульгарного понимания светскости» и тем самым расширить толкование понятия «светское государство» в сторону признания за церковь больших полномочий в жизни общества. Что произошло за эти четыре года, и что заставило Президента так радикально пересмотреть свои взгляды? Ответ один – это резкое изменение общественных настроений, выразившееся в гражданских и политических акциях жителей Петербурга.

Событие передачи музея РПЦ МП стало поводом для выражения недовольства сложившимися отношениями Церкви и государства, состоянием государственно-конфессиональных отношений в России в целом. Общественность города выступила против отступления государства от конституционных принципов светскости и использования РПЦ МП близости к власти только в своих интересах.

Одним из важных следствий петербургских событий весны-лета 2017 года стало то, что глава Юридического отдела патриархии Ксения Чернега назвала «факторами, лежащими вне правового поля» [Немедленной передаче Исаакиевского собора РПЦ МП «препятствуют факторы, лежащие вне правового поля», заявила глава Юридического отдела патриархии]. Имелись в виду, конечно, «вдруг» вскрывшиеся проблемы в отношениях Церкви и общества.

В самый разгар «Исаакиевского конфликта» состоялось весьма знаковое, хотя и сравнительно мало освещаемое СМИ, событие, – встреча патриарха со «светскими интеллектуалами». 12 июня 2017 г. Патриарх Кирилл впервые провел закрытую встречу со светскими политологами и философами. Беседа с пятнадцатью экспертами прошла в Свято-Даниловом монастыре и продлилась около двух часов. В ее ходе обсуждались проблемы взаимодействия церкви и общества. Несмотря на закрытый характер встречи, «просочившаяся» в СМИ информация позволяет, пусть в общих чертах, воспроизвести обсуждавшиеся вопросы. К основным из них можно отнести: а) проблемы роста негативного отношения к Церкви среди молодежи; б) проблемы толерантности и межконфессиональных отношений; в) соответствие амбиций и притязаний Церкви конституционным принципам; г) необходимость выработки новой стратегии взаимодействия с властью [Скрыльников П.].

Проблемы взаимоотношений Церкви и общества нашли в этот период широкий отклик и в экспертном сообществе. Рамки статьи позволяют только проиллюстрировать небольшую часть затронутых тем: а) проблемы Церкви при коммуникации с наиболее активными модернистскими, проевропейскими группами [Макаркин А.]; б) неприятие действий Церкви и падение ее авторитета в обществе [Сокуров А.]; в) протест общества против «клерикального тяготения к силе и власти, к собственности и деньгам» [Ольшанский Д.]; г) о «языке вражды» между Церковью и обществом [Чапнин С.]; об ошибках Церкви во взаимоотношении с обществом [Митрофанов А.].

Отдельно необходимо отметить внимание экспертов к возникшей проблеме взаимоотношения Церкви с бизнес-сообществом. Закон о реституции 2010 года, по которому РПЦ МП получила право требовать имущество даже никогда не принадлежавшее этой организации, поставило ее в ряд игроков на рынке передела недвижимости, что сформировало «платежеспособный спрос» на публичную критику РПЦ МП. Всплеск информационной войны против Церкви и патриарха Кирилла в 2012 году (обсуждение роли Церкви по приговору для «Pussy Riot», нанопыльная квартира, «не существовавшие» часы Брежнев) – отражение отнюдь не только общественных настроений, но и прямого спонсорства заинтересованных бизнес-структур. К этому же ряду явлений можно

отнести информационные кампании вокруг дела священника Грозовского, освещаемое Первым каналом (2013), информационной кампании вокруг идеи «русского мира» (2014) и, конечно, Исаакиевского и Екатеринбургского сюжетов [Лурье Г.].

Законы о защите чувств верующих и ограничении миссионерской деятельности

26 июня 2013 года были внесены изменения в российском законодательство, ужесточающие ответственность за оскорбление чувств верующих. С самого начала, еще на стадии обсуждения закона о защите религиозных чувств, многими экспертами и общественными деятелями высказывались серьезные опасения, поскольку совершенно неформализуемое понятие «чувства» и новая дефиниция понятия «верующего» делало его открытым к самым разным толкованиям и, самое главное, к размыванию регулирующих функций закона, который, согласно базовому правилу юриспруденции, не может выходить за рамки формальной принудительной нормы. Кроме того, «защита чувств верующих» ставит в совершенно двусмысленное положение группы неверующих, или тех, чья вера не может быть четко идентифицирована с каким-либо учением, или конфессией. Они оказываются как бы вне правовой защиты, что при неопределенности юридических формулировок может создать условия, при которых эти группы будут маргинализированы, или вообще окажутся вне закона. Закон о чувствах верующих не отменил (поскольку Конституция по статусу выше Федерального закона), но практически дезавуировал конституционный принцип свободы совести (ст. 28), равенства граждан независимо от отношения к религии (ст. 19, ч. 2), положение о признании в нашей стране идеологического многообразия (ст. 13) и ряд других конституционных норм, регулирующих религиозный вопрос.

Очевидно, что такое расхождение законов и Конституции создало новые возможности для административного произвола. Последствия, увы, не заставили себя ждать: довольно быстро появился ряд судебных дел. Обвинения в возбуждении ненависти и оскорблении чувств верующих были предъявлены блогеру Соколовскому за публикацию провокационных видеороликов атеистического свойства, в том числе, сюжета о ловле покемонов в екатеринбургском Храме-на-Крови (прокурор потребовал 3,5 года колонии, в итоге блогер получил два года три месяца с испытательным сроком в два года). В целом ряде регионов православные епархии выступали за отмену театральных постановок (в Новосибирске режиссера оперы «Тангейзер» также пытались обвинить в оскорблении религиозных чувств). Наконец, в 2017 году депутат Госдумы РФ Наталья Поклонская обвинила режиссера фильма «Матильда» Алексея Учителя в оскорблении чувств верующих за неканоничный образ царя-мученика Николая II.

Еще один закон, или блок «антитеррористических» законопроектов, который в СМИ называют «пакетом», или «Законом Яровой», был подписан президентом 6 июля 2016 года. Если обобщить положения «Закона Яровой» в части, относящейся к миссионерству, то они заключаются в следующем: каждый верующий, говорящий о Боге вне культового здания от имени религиозного объединения, должен иметь при себе документ от организации. Религиозные группы, которые уведомили о своем существовании, также должны выдавать документы своим миссионерам. В жилых помещениях можно проводить обряд, но нельзя проповедовать или приглашать туда неверующих. Кроме того, жилое здание нельзя сделать культовым. Проповедующий свою веру в сети Интернет, в

средствах массовой информации «либо другими законными способами» также должен иметь документ от организации. Санкции предусматривают штрафы для граждан до 50 тысяч, а для организаций до 1 млн рублей. Еще ранее, в июле 2015 года, были приняты поправки к Закону о свободе совести, согласно которым религиозные группы фактически должны уведомлять органы власти о своем существовании, что в совокупности с «Законом Яровой» привело к тому, что любая группа верующих, собравшаяся сама, без какого-либо разрешения, на улице или в частном доме, может быть оштрафована [Лункин Р.].

Два года правоприменительной практики показали контрпродуктивность «Закона Яровой». Он принимался в целях противодействия терроризму, но по нему не была пресечена деятельность ни одной террористической организации и не был привлечен к ответственности ни один террорист. Вместе с тем, вынесено несколько сотен постановлений по делам об административных правонарушениях, связанных с этим законом; под его действие попали главным образом протестантские конфессии [Ряховский В.].

Не заставили себя ждать и негативные последствия для всего общества. Основанием для преследования теперь могло послужить все что угодно. Любая случайность, будь то неосторожный перепост, обидчивый прихожанин титульной церкви, разговоры о религии не с теми людьми и не в том месте, завалившаяся на полке книжка, оказавшаяся в «экстремистских» списках, десятки других поводов, которые невозможно предвидеть – все стало представлять угрозу.

Обычный гражданин вдруг почувствовал себя незащищенным от произвола власти. Закон о защите религиозных чувств вместе с «пакетом Яровой» стали символом и воплощением контроля государства за частной жизнью граждан. И понятно, что, поскольку наступление на базовые права осуществляется посредством «религиозных» законов, постольку в глазах общества Церковь причастна к этому не меньше, чем само государство, а может быть и больше. Ведь именно Церковь всегда утверждала примат религиозной традиции над гражданскими свободами. И вот настал момент, когда отвлеченные разговоры о православной трактовке прав человека вдруг обрели «практическую» сторону. Отвлеченные проповеди о неприменимости в России «западных» стандартов прав человека, обернулись для общества реальным отнятием этих прав, а для церкви – бременем ответственности за это.

Выводы

1. События в Екатеринбурге, парке «Торфянка» и Санкт-Петербурге являются частными случаями многочисленных проявлений процесса политизации общества, связанного с нарастающим недовольством состоянием государственно-конфессиональных отношений в стране. Общество выступает против отступления государства от конституционных принципов светскости и использования РПЦ МП близости к власти в своих узкокорпоративных интересах.

2. Изменение религиозного законодательства и связанное с этим ущемление гражданских прав воспринимается обществом как символ и воплощение контроля государства за частной жизнью граждан. Это становится все более заметным и значимым фактором политизации общества.

3. Ухудшение правового климата в стране все больше в сознании граждан связывается с идейным влиянием РПЦ МП. Проповеди о неприменимости в России «западных»

стандартов прав человека, оборачиваются для общества реальным ограничением этих прав, а для Церкви – бременем ответственности за это.

Библиографический список:

В Москве задержали дальнобойщиков, ехавших на митинг против строительства храма РПЦ МП в Торфянке / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=118607>.

В ответ на возбуждение дела против защитников Торфянки РПЦ МП обещала «проверить» сведения о противоправных действиях активистов движения «Сорок сороков»/ Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=122937>.

Глава РПЦ МП Кирилл (Гундяев) заявил, что те, кто протестует против строительства храмов его Церкви в городских парках, - «сектанты и язычники» / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=122658>.

Кашин О. Противостояние вокруг Торфянки – управляемый конфликт / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=122904>

Лункин Р.А. От религиозного бума к Закону Яровой: атеизм без атеизма и православие без православия / Религия и право: сетевой журн. 24 ноября 2016 // [URL] <http://www.invictory.com/columns/1429/>

Лурье Г. Слабое звено в стае хищников / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <https://credo.press/224516/>.

Макаркин А. Зачем патриарх Кирилл встречался с политологами и философами// [URL] <http://www.cpt.ru/comments/kommersant-fm--zachem-patriarh-kirill-vstrechalsya-s-politologami-i-filosofami.html>.

Митрофанов А. «Мы упустили созидание нашей Церкви» // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=124127>.

Немедленной передаче Исаакиевского собора РПЦ МП «препятствуют факторы, лежащие вне правового поля», заявила глава Юридического отдела патриархии / Кредо.ру: [портал о религии]. // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=125914>.

Ненавидящие себя православные. В РПЦ МП растет «внутренняя эмиграция», но она не спасет систему / Кредо.ру: [портал о религии] // URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=127273>

Ольшанский Д. Церковь - это такой же офисный билдинг, огромный и шумный. Как и все те, от которых мы раньше бежали // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=124465>

Основные проблемные зоны во взаимоотношениях общества, религиозных организаций и государства в 2017 году / Сова: [информационно-аналитический центр] // [URL] <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2018/02/d38792/>.

Православный фундаментализм опасен для общества, как и любой другой. Заявление инициативной группы студентов МГУ, 3 декабря 2017/ Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=128953>.

Православные в защиту парка Торфянка. Рассказывают участники акции у ХХС 16 ноября / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=122983>.

Ряховский В.В. Парадоксы борьбы с «экстремизмом»: нужно ли видеть угрозу в религии / Религия и право: сетевой журн. 2017.23 ноября // [URL]: <http://www.sclj.ru/>

news/detail.php?SECTION_ID=466&ELEMENT_ID=7714.

Сергазина К. Церковь, общество, государство: покровительство властей религиозным организациям / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL]: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=125594>.

Сергей Митрохин требует объяснить причину ареста защитников «Торфянки». Пресс-релиз московского отделения Демократической партии «Яблоко»/ Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=122876>.

Скрыльников П. Путин ограничил Церковь «Прямой линией». РПЦ [МП] согласна на диалог с обществом, но хочет вести его на своих условиях / Независимая газета . 2017. 26 июня // [URL] http://www.ng.ru/facts/2017-06-21/9_422_president.html.

Сокуров А. (интервью) Ну почему безнадёга? Это жизнь... // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=125907>

Фаустова М. Три храма в сутки минус Екатеринбург. Как строительство храма на Урале обернулось политическим кризисом / НГ-религии. 2019. 4-5 июня // [URL] <https://credo.press/224851>.

Хватова Я. Свято место. Какие музеи Петербурга были переданы в собственность РПЦ/ Аргументы и факты. 2015. 28 июня // [URL] http://www.spb.aif.ru/city/event/svyato_mesto_kakie_muzei_peterburga_byli_peredany_v_sobstvennost_rpc.

Чапнин С. Недобрый голос Церкви / Кредо.ру: [портал о религии] // [URL] <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=124373>

Ситников М.Н.

Религия и метаморфозы конфессиональной идеологии

Sitnikov M.N.

Religion and metamorphoses of confessional ideology

Аннотация: В начале третьего тысячелетия наблюдаются заметные изменения роли религии в жизни общества и государства. Крупные религиозные институты, сложившиеся как хранилища религиозных традиций и своих доктринальных ценностей демонстрируют сегодня готовность пренебречь ими ради социального и политического комфорта. Пример драмы, разыгравшейся в последние годы в мире восточного христианства (православии), продемонстрировал что церковное понятие «симонии» в его широком смысле может превращаться для отдельных конфессий из порочного и нежелательного для них явления в свойство, говорящее о «достоинстве».

Abstract: At the beginning of the third millennium, distinct changes in the role of religion in the life of society and the state are observed. Large religious institutions that have developed as repositories of religious traditions and their doctrinal values today demonstrate a willingness to neglect them for the sake of social and political comfort. An example of a drama that has been played in recent years in the world of Eastern Christianity (Orthodoxy) has demonstrated that the church concept of «symony» in its broad sense can be transformed for individual denominations from a vicious and undesirable phenomenon into them, a property that speaks of «dignity».

Ключевые слова: религия, конфессия, власть, общество, политика, идеология

Keywords: religion, confession, power, society, politics, ideology

При обращении к понятиям «религии» или «религиозности», у большинства сегодня возникают ассоциации с известными религиозными направлениями или организациями, с образами людей несколько «не от мира сего» в широком диапазоне – от бородатых старцев и подчеркнута строго или гротескно одетых персонажей до типичных представителей экзотических религиозных направлений и культов. На постсоветском пространстве к таким ассоциациям, конечно, нельзя не добавить сверкающие золотом купола наиболее распространенных у нас культовых зданий - православных храмов и мусульманских мечетей или более строгих архитектуры и декора католических, а особенно протестантских зданий. Все это, не считая массы сопутствующих ассоциаций, связанных со всевозможной мелочью - иконками, браслетами, крестиками и прочей культовой бижутерией.

Ассоциация с понятием «идеология» здесь возникает несравнимо реже. Причем, не только у простого обывателя или профессионального наблюдателя – репортера или политика, но и у специалистов, хорошо знающих о существовании такого аспекта любой из религий.

Впрочем, на фоне редко вспоминающих об этой стороне религии людей, чаще всего упоминают о ней активные атеисты. Правда, и они, как правило, особо не вникают в то, что реально представляет собой это явление, ограничиваясь лишь противопоставлением категорий «религиозность» и «атеизм».

Сама по себе «чисто-религиозная» идеология, как известно, понимается, как упорядоченная и последовательная система представлений о сверхъестественном, которая опирается на основные положения того или иного религиозного вероучения – на его основы, теологию (если она есть) и соответствующую религиозную философию. В чистом виде религиозная идеология при большей или меньшей осознанности неотделима от религиозной жизни последователей того или иного религиозного направления и органична для них как реализация личной веры в сообществе своих единоверцев и в обществе в целом. Эта идеология в большинстве случаев и является самым важным и эффективным проявлением наиболее известных и влиятельных религий. Или, во всяком случае, являлась до недавних пор.

Сегодня нам гораздо чаще приходится сталкиваться с новой модификацией хорошо знакомых по истории религиозных идеологий. Это идеологические конструкции, которые будет правильнее определять, как «религиозно-мотивированные» идеологии, где под понятием религии подразумеваются наиболее вульгарные стереотипы представлений о ней. То есть, что-то вроде того, с чего мы начали – нестандартно одевающиеся представители, непонятные таинственные действия, иконки, амулеты, золотые купола и т.д.

Такого рода идеология усваивается людьми не вследствие личного религиозного опыта, который предполагает, например, регулярную молитву, строгое следование религиозным предписаниям и размышления над источниками вероисповедания. Сегодня такая идеология усваивается благодаря активной политике отдельных организаций некоторых религий. То есть, по существу, это идеологии тех институций, что являясь формально выразителями религиозных концепций для верующего человека, представляют собой организованные структуры, «работающие» с массовым сознанием людей, которые могут быть далеко не приверженцами этих религий.

Причем, в настоящее время достаточно очевидно, что это и становится их главной ролью, так как о целях лучше говорить в ином контексте.

Таким образом, речь должна идти уже не о «религиозной идеологии», как специфическом признаке определенной религии, а о прагматичной для определенного времени и места идеологии, в пропаганде которой использована религиозная терминология (понятия, образы, мифология, театральность культа и т.д.) в целях сохранения репутации ее (религии) обоснований и удовлетворения нужд обеспечивающего существование организаций этой религии агента - легальной светской власти, политического режима, финансовой олигархии и проч.

История свидетельствует, что успешное использование таких религиозно мотивированных идеологий существовало во все времена, немало способствуя совершенствованию способов манипулирования обществом, а затем и процессам образования и развития государственности. Иными словами, использование религиозной мотивации было во многом и чаще всего конструктивным. Однако, на нынешнем рубеже тысячелетий, этот традиционно эффективный «религиозно-государственный симбиоз» дает заметные сбои.

Ярким примером получения первых плодов таких сбоев можно назвать, например, идеологические процессы, происходящие параллельно в православных церквях и в государствах, где эти церкви играют заметную роль.

Это можно наблюдать по ситуации, возникшей в результате политических и межконфессиональных осложнений между Россией и Украиной, которые вылились в развивающуюся на наших глазах межконфессиональную и межнациональную драму. Два независимых самостоятельных государства, по-разному воспринимающих религиозно-мотивированную идеологию «Русского мира», использованную в качестве политического инструмента, вошли в конфликт и продолжают в него погружаться. Кто кого стимулирует здесь – церковь светских политиков или светские стратеги церкви, в настоящий момент уже не столь важно. Но напряженность – и пропагандистская, и политическая растет, приобретая характер необратимости.

Похожий процесс наблюдается на примере конфликта Московского и Константинопольского патриархатов, где идеологическим обоснованием стал уже не столько «русский мир», сколько лишь одна из его составляющих – теория конфессиональной исключительности «русской церкви», как чуть ли ни «всей полноты православия». Конфликт в разной степени влияет и на дипломатические отношения между странами, в которых базируются или присутствуют участвующие в нем религиозные организации – это Россия, Франция, Турция, Кипр и др.

Само по себе христианство с его новозаветными основаниями и вселенским характером здесь не имеет уже никакого отношения к идеологии, ставшей одним из источников подобных проблем. Если точнее, то идеологию, возникшую, например, при непосредственном участии крупнейшей религиозной организации в России, корректно определять уже не религиозной, а «конфессиональной» - то есть, обусловленной политической позицией конкретной конфессии в определенный момент времени. Если же попытаться определить основные постулаты такой идеологии, то нетрудно заметить, что это полное и безоговорочное созвучие с социальными и политическими проектами и тенденциями светской власти, где собственно «религиозное» отодвигается на задний план. Остающаяся видимость «религиозной идеологии» играет роль оболочки, своего рода обертки, в которой населению предлагается далекая от религиозных ценностей

«конфета».

То есть, по существу под наименованием конфессиональной идеологии на данном примере следует понимать вполне себе светскую (корпоративную, партийную, государственную, своего рода «партийную» и т.п.) идеологию или одну из форм ее продвижения.

Такого рода религиозные «проводники» той или иной внерелигиозной политики до сих пор представляют большую ценность для светской власти в разных государствах. Причем, не только в теократических, что совершенно естественно, но и в некоторых демократических. В тех, где провозглашается религиозная свобода с равенством религий перед законом и, следовательно, какого-то доминирования одной из привилегированных, в т. ч. конфессиональных идеологий быть не должно.

На постсоветском пространстве абсолютное первенство среди таких «проводников» внерелигиозной политики сегодня удерживает, конечно, Московский патриархат (РПЦ). Это не должно говорить о какой-то особой предрасположенности именно православной религиозной идеологии к дрейфу в сторону от религиозных ценностей. Их замещение нынешней идеологией «русского мира», которая ориентирована на поддержание интересов текущего политического режима произошло в силу иронии истории. Религиозные структуры именно этого направления в христианстве были созданы в 1943 году руководством атеистического государства. Изначальный симбиоз конкретной церкви с властью в большой степени опирался, конечно, и на предыдущий опыт тесного сотрудничества дореволюционной церкви с государством. Однако, если вместо православия выбор Сталина выпал бы на любое другое вероисповедание, то не исключено, что православные верующие могли оказаться сегодня в России на месте Свидетелей Иеговы.

Тем не менее, после сделанного еще коммунистической властью выбора и полной дискредитации марксизма-ленинизма, для заполнения идеологического вакуума новой светской властью были востребованы услуги РПЦ. С принятием ее руководством такого предложения при гарантиях всемерной поддержки церкви государством, она энергично приступила к выполнению своей идеологической функции. Реализация гарантий со стороны светской власти вылилась в нарастающий поток преференций – сначала только социальных, затем материальных и административных, что требовало от клерикальной номенклатуры в качестве благодарности еще большего усердия. Это вынуждало церковь идти на все более откровенные компромиссы с требованиями внутри- и внешнеполитических трендов тем паче, что взамен она получала все более и более существенные преференции.

Нужны знаковые памятники истории? Вот вам оборонная крепость на подступах к Москве – Новодевичий монастырь [Новодевичий монастырь передан Русской Православной Церкви]. Нужны собственные территории? Берите заповедный Валаам, откуда выселим всех коренных жителей [Цыганкова С.]. В придачу – Соловки с государственным музеем, потом территории в Крыму, под Геленджиком и т.п. Для поддержания культового реноме и бизнеса нужны храмы? Появилась «программа-200» [Истинные цели «Программы-200» храмов] с массовой застройкой дворов, скверов и парков культовыми объектами для РПЦ в разных регионах. Для повышения эффективности идеологической работы с населением в школах за счет бюджета вводится учебный предмет для привития религиозных навыков с 1 класса. Затем начинается эксперимент с предоставлением заниматься этим с детьми с детского сада [Роткевич Е.].

Нет ресурсов для развития богословской школы? Так, поможем превратить «пастырское богословие» в науку - введем эту теологию в РАН [Экономов И.]...

Но за большие земные блага всегда приходится платить.

Любопытно, что перерождение или мутации религиозной идеологии в наиболее серьезной форме наблюдается в пространствах таких апробированных веками авраамических религиях, как христианство и ислам.

Две эти религии постоянно находятся на слуху. Именно ссылками на них мотивируются различные громкие инициативы разной степени радикальности. Здесь и хорошо известные попытки обвинений в экстремизме и международном терроризме религии ислама, что используется в качестве предлога для дискриминации мусульман. Здесь и путанные умозаключения насчет предрасположенности всего восточного христианства (православия) к готовности обслуживать любые интересы любой власти, невзирая на мораль.

Порочность подобных позиций в отношении самих религий вполне очевидна. Но не менее очевидно и то обстоятельство, что «идеологические мутанты», апеллирующие к этим религиям, и в самом деле нередко оказываются здесь очень «при чем». То, что их активная деятельность на внерелигиозном – политическом, военном, экономическом поприще, дискредитирует религию, их не смущает. Религия представляет для них интерес только, как способ камуфлирования истинных целей, которые уже далеко не религиозны.

Становится все очевиднее, что религиозная пассионарность, которая отчетливо наблюдается в некоторых «молодых», в том числе синкретичных религиях, «старыми» или «мировыми» религиями, напротив, утрачивается. Это обнаруживается в переносе акцентов в идеологиях их организаций (конфессий) с «духовного» на сугубо «земное» с целью нивелировать угасание в таких организациях собственно религиозного. Им важно структурно развиваться, расти или хотя бы поддерживать свое существование в условиях меняющегося мира, а значит – кооперироваться с теми силами, которые здесь и сейчас «на коне». Верующие люди часто называют это служением «князю мира сего», что иногда очень недалеко от истины.

Таким образом, бывшая «религиозная идеология», которая в своем чистом виде, скорее всего и стала прообразом всех последующих типов идеологий, на примере активности мощных и влиятельных религиозных организаций, возможно, завершает свой цикл. Возникшая как комплекс мировоззренческих принципов религии, она становилась инструментом силовой политики, важным фактором при ведении войн, неоценимым инструментом при образовании государств и колонизации земель. Затем акценты в ней смещались преимущественно в сторону обеспечения стабильности светской власти, для которой она стала эффективной мотивацией при манипулировании массовым сознанием. Ну, а уже к нашему времени всеобщего системного кризиса (в том числе кризиса религиозности), когда аргументы «старых» религий все быстрее утрачивают свою эффективность, мощные религиозные структуры в корпорации со светскими политическими структурами, выполняют новые функции.

Правда, того, что это оборачивается уже не былой «сакрализацией власти», а совершенно противоположным эффектом, участники корпораций не замечают.

Что же касается непрекращающегося процесса религиознеза со всеми его новыми религиями и возрождением исчезнувших, то для России, например, происходящее может

восприниматься в каком-то смысле закономерным.

Например, сегодня руководство РПЦ из-за дефицита компетентности в клерикально-идеологических кадрах, разгоняет собственную команду, которая незамедлительно превращается в оппозицию [Солдатов А.]. Внутрицерковный кризис [Судаков О] накладывается на общий кризис восприятия церкви населением, на сомнительное участие в начавшемся расколе православного мира и на малоадекватную активность многочисленных церковных и «околоцерковных» персонажей. Растущее число таких неприятных факторов со временем способно окончательно скомпрометировать идею русского православия и, как следствие, привести к образованию в стране нового христианского подполья.

При этом не исключено и появление на политической арене новой «титупольной» религии...

Библиографический список:

Истинные цели «Программы-200» храмов / Kritix. 2014. 12 мая // [URL] <https://kritix.ru/religion-and-atheism/541-istinnye-tseli-programmy-200-khramov>

Новодевичий монастырь передан Русской Православной Церкви / Православие и мир 2010. 23 марта // [URL] <https://www.pravmir.ru/novodevichij-monastyr-peredan-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/>

Роткевич Е. Чему и как будут учить в православных детских садах / Город 812 // [URL] <http://gorod-812.ru/chemu-i-kak-budut-uchit-v-pravoslavnyih-detskih-sadah/>

Солдатов А. Разогнанные и очень обиженные/Новая газета. 2019. 15 августа // [URL] <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/15/81611-razognannye-i-ochen-obizhennye>

Судаков О. Тяжелые проблемы или системный кризис РПЦ /Протестант. 2011. Сентябрь // [URL] <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/09/tyazhelye-problemy-ili-sistemnyj-krizis-rpc/>

Цыганкова С. «Дайте нам жить на Валааме» Обитателей острова пытаются через суд переселить на материк / Российская газета. 2015. 12 ноября // [URL] <https://rg.ru/2015/11/12/reg-szfo/valaam.html>

Экономов И. РАН, ВАК и теология / Троицкий вариант - наука. 2017. 06 июня // [URL] <https://trv-science.ru/2017/06/06/ran-vak-i-teologiya/>

Мельников А.Л.

Владимир Путин: набожный лидер светского государства

Melnikov A.L.

Vladimir Putin: the pious leader of a secular state

Аннотация: Парадоксы религиозности элиты в современной России. Как разрешаются в политикуме противоречия между индивидуальными представлениями о вере, государственным строем и политической целесообразностью.

Ключевые слова: Владимир Путин, секулярное государство, российская федерация, русская православная церковь, клерикализм

Abstract: Paradoxes of religiosity of the elite in modern Russia. How conflicts are resolved in politics between individual ideas about faith, the political system, and political expediency.

Keywords: Putin, secular state, Russian Federation, Russian orthodox church, clericalism

16 мая 2019 года на вопрос журналиста о протестующих против строительства храма в Екатеринбурге Владимир Путин ответил вроде бы в шутку: «Протестуют против чего? Они что, безбожники?» И добавил, уже серьезно: «Безусловно, нужно мнение учесть, если речь идет о местных жителях, а не записных активистах из Москвы, которые приехали пошуметь. Храм должен объединять людей, не разъединять» [Путин предложил провести опрос жителей о строительстве храма в Екатеринбурге]. И шутку и последующий серьезный совет можно рассматривать как спонтанную реакцию президента России, в которой он проявил себя как частное лицо, как бы не успев прийти в соответствие с образом гаранта Конституции, обеспечивающей гражданам свободу мировоззрения, в том числе возможность не верить в Бога, а также провозглашающей Россию светским государством.

Вскоре россияне имели еще одну возможность услышать высказывания Владимира Путина, позволяющие судить о его личных взглядах на религию. 7 июня, комментируя в ходе пленарного заседания Петербургского международного экономического форума уголовное дело основателя инвестиционного фонда Baring Vostok Майкла Калви, Путин заявил слушателям: «Возьмите Библию – там все написано: не укради, не пожелай жену ближнего своего. Не воруй, веди себя прилично, и дело с концом» [«Не укради и не прелюбодействуй»]: Путин два дня подряд советует малым и великим читать Библию]. Днем ранее, на встрече с руководителями международных информационных агентств, один из участников попросил президента назвать какую-нибудь книгу, которую он посоветовал бы почитать детям до того, как они станут взрослыми. «Библию пусть почитают. Это в любом случае пойдет на пользу. Тору прочитают пускай, Коран. Все это точно пойдет на пользу и мальчикам, и девочкам», – ответил Путин. Он пояснил, что «во всех мировых религиях заложены гуманистические начала, и, если мы будем следовать этим правилам, мир станет лучше, спокойнее и стабильнее» [«Не укради и не прелюбодействуй»]: Путин два дня подряд советует малым и великим читать Библию].

Эта двойственность положения религии в России при президенте Путине отражается не только в репликах главы государства, но и в государственном церемониале. Скажем, после церемонии инаугурации 7 мая 2018 года в Благовещенском соборе Кремля был совершен благодарственный молебен патриарха Московского и всея Руси. «После практически всенародного избрания вас президентом Российской Федерации, в этот день, когда вы вступили в должность, мне хотелось бы сердечно приветствовать вас от лица Русской православной церкви, от лица ее епископата, духовенства, монашествующих и огромного количества верующих людей, которые, несомненно, поддерживали вас, видя в вас не только лидера, успешно управляющего государством, но и человека, преданного Отечеству, – обратился к президенту патриарх Кирилл. – Человека, для которого духовная традиция является его собственной традицией, для которого и материальное, и духовное благополучие людей является основной задачей при исполнении президентского долга» [Патриарх Кирилл совершил благодарственный молебен по случаю вступления в должность Президента России Владимира Путина].

Традиция молебнов после церемонии инаугурации возникла не сегодня, начало ей положил патриарх Алексей II (Ридигер) в 2000 году, когда Владимир Путин вступал в свой первый президентский срок. Надо заметить, что государственная и церковная церемонии отделены друг от друга встречей президента с гостями, представителями общественности.

В 2017 году глава государства не раз поднимал вопрос о светском характере РФ и

неизменности этого принципа. В ходе «Прямой линии» Путин заявил на всю страну, что Россия – светское государство, «таким оно сложилось и таким будет» [Прямая линия с Владимиром Путиным. On-line тезисы]. Но что означает понятие светскости в представлении президента, который посещает православный храм и регулярно наносит визиты в монастыри?

Президент не раз давал это понять, и его размышления зависели от того адресата, к которому он обращался в тот или иной момент. В феврале 2013 года, встречаясь с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви (РПЦ), Владимир Путин сообщил иерархам, что понимание термина «светский» в последние годы было неправильным: «Сохраняя, безусловно, светский характер нашего государства, не допуская огосударствления церковной жизни, мы должны уйти от вульгарного, примитивного понимания светскости» [Президент России встретился с участниками Архиерейского собора].

На встречах с правозащитниками Путин подчеркивал равнозначное отношение к традиционным религиозным общинам России, невозможность выделить в правах одну из них. «Мы в такой среде часто в последнее время говорим о том, что у нас светское государство. Давайте не будем этого забывать применительно ко всем конфессиям. Это чрезвычайно важная вещь. Нельзя говорить, что у нас светское государство в отношении одной конфессии и забывать это в отношении другой. У нас либо светское государство, либо нет. У нас светское государство», – заявил он на встрече с членами Совета по правам человека в декабре 2017 года [Путин: Россия - светское государство применительно ко всем конфессиям].

Однако время от времени президент отдает приоритет «главной» из религий страны, подчеркивая исторически обусловленный характер ее доминирования в обществе. На церемонии освящения храма Новомучеников в Сретенском монастыре 25 мая 2017 года президент произнес следующие слова: «Нашу страну – саму российскую государственность – невозможно представить без духовного, исторического опыта Русской православной церкви» [Владимир Путин: Россию невозможно предствить без духовного опыта Русской православной церкви].

23 февраля 2018 года, в День защитника Отечества, Владимир Путин обсуждал с Сергеем Шойгу проект храмового комплекса во славу русского оружия в подмосковной Кубинке. Это был разговор главнокомандующего с министром обороны, духовенство при нем не присутствовало. Хотя обсуждался храм, про священноначалие Русской православной церкви вспомнили лишь в конце беседы. «Здесь мы сможем реализовать самые-самые архитектурные мечты, а потом все творчество наших художников», – сообщил Шойгу. «С патриархом только согласуйте», – напомнил Путин. В сентябре 2019 года стало известно, что в оформлении храма будут отражены эпизоды военной истории, которые мало связаны с церковностью: войны в Афганистане и Чечне. Образцом для убранства избран Морской собор в Кронштадте, однако он прославляет деяния воинства православной империи, а не «безбожного» Советского Союза, как будущее главное святилище Российской армии.

Вспомогательная роль в укреплении военно-патриотического духа – одна из функций, которую определил для церкви президент. Еще сюда входят духовно-нравственное воспитание, социальное служение, поддержка материнства и детства. Пожалуй, в области образования и социальных проектов государство в наибольшей степени идет на поводу у церкви, поддерживая административно и финансово ее начинания.

Но в идеологической сфере администрация Владимира Путина за все эти годы сформулировала собственную концепцию, которая, с одной стороны, выходит за рамки конкретных вероучений, а с другой – нацелена на решение определенных политических задач. Начиная с середины 2000-х годов, когда Российской Федерации пришлось распрощаться с мечтами об интеграции в общее европейское политическое и экономическое пространство и наша страна пошла по «особому» пути, возникла необходимость в идеологическом обосновании нового проекта. Администрация не хотела полного разрыва с Европой. Возникла идея объявить себя другой, «лучшей Европой», сохраняющей те «традиционные ценности», которые Запад утратил, соблазнившись либерализмом.

В сентябре 2005 года Владимир Путин совершил паломничество на Афон. Это было первое посещение Святой горы лидером российского государства. В беседе с игуменом Иверского монастыря гость из России заявил, что «сила России – прежде всего в духовности». Вскоре публике была представлена концепция «духовных скреп» – неологизма, рожденного путинской эпохой. Подразумевалась совокупность представлений о морали, которая позволяет обществу эффективно функционировать. Одним из важных элементов этого нравственного комплекса стала лояльность государству, идее общественного порядка и стабильности. Все подходящие элементы были заимствованы из нескольких религиозных традиций и произвольно адаптированы под концепцию. «Это ответ на живую потребность людей в нравственной опоре», – однажды объяснил Путин. В свою очередь, субстрат из разных вер, приспособленный к политической задаче, сам по себе символизирует содружество «традиционных» религий под сенью крыл державного двуглавого орла.

«Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились, – сообщил глава государства в Послании Федеральному собранию в декабре 2012 года. – Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо. Мы и не собираемся идти по этому пути. Мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества» [Путин: российское общество испытывает дефицит милосердия].

Годом позже, отвечая на вопросы журналистов, президент пояснил: «Для меня важно защитить наше население от некоторых квазиценностей, которые очень сложно воспринимаются нашими гражданами». По его словам, требуется защита от некоторых социальных групп, которые «не просто живут как им хочется, а достаточно агрессивно навязывают свою точку зрения другим людям и в других странах» [Путин считает важным оградить россиян от агрессии против традиционных российских ценностей]. В то время как раз заработал запрет на гей-пропаганду среди несовершеннолетних.

Кандидатская программа Путина 2012 года содержала в себе пункт о «традиционных ценностях» России. «Наша сила – в духовном богатстве и единстве многонационального российского народа. Возрождению и укреплению этих ценностей мы будем всемерно содействовать через развитие культуры, сотрудничество с традиционными религиозными

конфессиями», – гласит текст документа [Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года)].

Однажды Владимир Путин назвал распад СССР величайшей геополитической катастрофой XX века. Спустя несколько лет он повторил, что по-человечески более всего жалеет об этом историческом событии. Начиная со своего первого президентского срока Путин пытается склеить две враждующие России, «красную» и «белую». В январе 2018 много шума наделали слова Владимира Путина о «мощах Ленина» из документального фильма «Валаам», показанного на телеканале «Россия 1». «Были совсем жесткие богоборческие годы, когда уничтожали священников, разрушали храмы, но одновременно ведь создавали и новую религию, – поделился своими взглядами президент. – Коммунистическая идеология очень сродни христианству на самом деле. Свобода, братство, равенство, справедливость – это же все заложено в Священном писании, это все там есть. А кодекс строителя коммунизма? Это сублимация, это примитивная выдержка из Библии, ничего там нового не придумали». А вот те самые слова, которые вызвали широкий резонанс: «Ленина положили в Мавзолей – чем это отличается от мощей святых для православных, да просто для христиан? Мне говорят: «Нет, в христианском мире нет такой традиции». Как же нет? На Афон поезжайте, посмотрите, там мощи святые есть, да и здесь (на Валааме. – *А.М.*) тоже святые мощи Сергия и Германа. То есть, по сути, ничего нового тогдашняя власть не придумала, она просто приспособила под свою идеологию то, что человечество уже давно изобрело» [«Валаам»: Владимир Путин о православии, коммунизме и вере].

Эту мысль Владимир Путин повторяет в различных выступлениях достаточно регулярно на протяжении последних нескольких лет. Так, на встрече с доверенными лицами в президентскую кампанию 2012 года «главный кандидат» сообщил, что «в коммунистической идеологии основные постулаты взяты были из традиционных мировых религий». «Кодекс строителя коммунизма – это что такое? Все равно что в Библии посмотреть или в Коране: не укради, не убей, не пожелай жены ближнего своего», – говорил он [Путин и «мощи» Ленина]. То же касается и «мощей» Ленина, только тогда президент сравнивал Мавзолей с Киево-Печерской, Псковской лаврами и Афоном. Спустя год он повторил свою идею почти слово в слово на большой пресс-конференции.

После крушения коммунизма идеологический вакуум должен быть заполнен духовными ценностями, которыми Россия жила до 1917 года. «Без этих ценностей общество деградирует, – подчеркнул глава государства в 2012 году, – безусловно, мы должны к ним вернуться, понять их ценность и на базе этих ценностей двигаться вперед». Возникший в России после крушения коммунизма вакуум мог быть заполнен только религией, повторил спустя пять лет Путин в интервью Оливеру Стоуну. Президент отметил, что не считает возрождение православия в стране своей заслугой. «Это не я сделал. Это сделал сам русский народ», – сказал он.

В ночь с 18 на 19 января 2018 года российские телезрители с изумлением наблюдали, как президент и главный кандидат на предстоящих выборах Владимир Путин в тулупе и валенках подходит к крещенской проруби и по деревянным ступенькам спускается в студеную воду. Лидер государства резко осенил себя крестом и трижды окунулся в иордань. Президент не в первый раз совершил крещенское погружение, но только в тот раз показали кадры с президентским обрядом. Выяснилось, что глава государства провел праздник в Нило-Столобенской пустыни на берегу Селигера.

Эта съемка показывает, как изменилась «сакральная» стилистика российской политики с начала эпохи Путина. 18 лет назад, когда Владимир Владимирович еще только приступал к управлению Россией, известный американский телеведущий Ларри Кинг в интервью задал ему вопрос: «Ходит много разговоров о вас и ваших религиозных взглядах. Мне говорили, что вы носите крест. Вы крещеный? Вы верующий? Каковы ваши взгляды на религию?» – «Вы знаете, я предпочитаю не особенно распространяться на эту тему, – ответил начинающий президент. – Я считаю, что есть вещи, которые человек должен хранить в себе. Веру нельзя выставлять напоказ. Что касается креста, то я его раньше никогда не носил» [Шевченко М.Л.]. Затем Путин рассказал историю, как простой крестик, подаренный ему матерью и освященный в Иерусалиме, остался невредимым, и с тех пор он с символом христианства не расстается. «Вы верите в высшие силы?» – продолжил свои расспросы Ларри Кинг. «Я верю в человека. Я верю в его добрые помыслы», – отвечал российский президент. Спустя 18 лет, обращаясь к президенту после благодарственного молебна по случаю инаугурации председатель РПЦ прямо указал на личную веру лидера государства.

За годы, пока Владимир Путин находится у власти, многое произошло. Избран патриарх Московский и всея Руси Кирилл, который через какое-то время объявил войну «ереси человекопоклонничества». При посредничестве президента в 2007 году был подписан «Акт о каноническом общении» Московского патриархата и Зарубежной церкви. Во время президентства Дмитрия Медведева началась широкая кампания по возвращению церкви имущества религиозного назначения. Старт кампании дала встреча премьер-министра Путина с патриархом Кириллом в январе 2010 года, во время которой РПЦ был обещан Новодевичий монастырь. В ходе передачи памятников культуры и истории в собственность епархиям возникло немало конфликтных ситуаций, и последняя по времени – вокруг Исаакиевского собора в Петербурге, судьба которого отчасти кулуарно, отчасти публично определяется до сих пор. Также в президентство Медведева в школы после долгой борьбы и в компромиссном формате проникло изучение религиозных культур, которое сейчас имеет перспективы значительного расширения. Уполномоченным при президенте по правам ребенка стала супруга священника Анна Кузнецова, а министром образования и науки, а затем - министром просвещения – лояльный РПЦ историк Ольга Васильева.

Усиление влияния религий и прежде всего Русской православной церкви на общество не могло бы произойти, если бы правящий тандем Путин–Медведев не демонстрировал личную приверженность духовным традициям старой России, причудливо перемешанным с проявлениями модерна. И Путин, и Медведев традиционно посещают богослужения на Рождество и на Пасху. Сложилась своеобразная традиция: Владимир Путин неизменно встречает пасхальную ночь в московском храме Христа Спасителя, а на Рождество странствует по разным храмам и монастырям большой страны. Рождество 2018 года президент встретил в одном из старейших храмов Санкт-Петербурга. Годом ранее – в Свято-Юрьевом монастыре в Великом Новгороде. Еще ранее – в храме села Тургиново Тверской области, где будущего лидера России крестили. Только ночь с 6 на 7 января первых двух лет своего первого срока во главе государства Путин оставался в Москве.

Президент часто встречается с представителями православного духовенства. Однако никогда не происходило так, чтобы РПЦ или любая другая религиозная организация вдохновляла Путина на принятие политических решений. Наоборот, это Межрелигиозный совет делал заявления в поддержку тех решений, которые уже были приняты Кремлем.

Таким образом, президент спокойно показывает свою личную набожность, однако в официальной обстановке напоминает, что он избран для руководства светским государством. При этом он демонстрирует своеобразное понимание духовных традиций. Вместе с тем Путин охотно использует религиозный фактор, если того требуют политические обстоятельства. Вот такой прагматичный подход к религии и религиозным организациям, прежде всего Московскому патриархату, характеризует политическое проявление этой сферы общественной жизни России. Возникающие порой противоречия такой модели отношений церкви и государства, как правило, игнорируются властями или воспринимаются как данность.

Библиографический список:

«Валаам»: Владимир Путин о православии, коммунизме и вере / Вести.ру. 2018. 14 января // [URL] <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2975733>

Владимир Путин: Россию невозможно предствить без духовного опыта Русской православной церкви / Православие.ру. 2017. 25 мая. // <https://pravoslavie.ru/103811.html>

«Не укради и не прелюбодействуй»: Путин два дня подряд советует малым и великим читать Библию // Независимая газета. 2019. 07 июня.

Патриарх Кирилл совершил благодарственный молебен по случаю вступления в должность Президента России Владимира Путина / Православие.ру. 2018. 7 мая // [URL] <https://pravoslavie.ru/112766.html>

Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года) // [URL] <https://putin2012.ru/program>

Президент России встретился с участниками Архиерейского собора / Православие.ру. 2013. 1 февраля // [URL] <https://pravoslavie.ru/59175.html>

Прямая линия с Владимиром Путиным. On-line тезисы// Независимая газета. 2017. 15 июня.

Путин и «мощи» Ленина // [URL] <https://www.mk.ru/politics/2012/12/11/785670-putin-i-moschi-lenina.html>

Путин предложил провести опрос жителей о строительстве храма в Екатеринбурге / Россия 24 // [URL] <https://www.youtube.com/watch?v=J36snMbgDAkwww.mk.ru>

Путин считает важным оградить россиян от агрессии против традиционных российских ценностей / ИТАР-ТАСС. 2012 19 декабря // [URL] <https://tass.ru/obschestvo/844930>

Путин: российское общество испытывает дефицит милосердия/ РИА новости // [URL] <https://ria.ru/20121212/914453619.html>

Путин: Россия - светское государство применительно ко всем конфессиям / РИА новости // [URL] <https://ria.ru/20161208/1483151478.html>

Шевченко М.Л. // [URL] Во что верит президент? / Независимая газета. 2000. 13 сентября // [URL] http://www.ng.ru/facts/2000-09-13/1_president.html

Мурзахалилов К.С.

Анализ деятельности государственных органов в реализации религиозных прав и свобод в Кыргызстане

K. Murzahalilov

Analysis of measures by the State institutions to execute religious rights in Kyrgyzstan

Аннотация: В статье проанализированы нормы действующего Закона Кыргызской Республики “О свободе вероисповедания и религиозных организациях” спорного характера и другие нормативно – правовые акты регулирующие деятельность Государственной комиссии по делам религии. Выделены ряд этапов в реализации государственной политики в сфере государственно – конфессионального взаимодействия начиная с 1996 по 2019 годы. В заключительной части автором даны рекомендации по улучшению и оптимизации деятельности уполномоченного органа по делам религии.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, закон, указ Президента, постановление Правительства, религия, ситуация, свобода вероисповедания, комиссия, политика, регистрация

Abstract: This article analyses norms of the existing law of the Kyrgyz Republic “on freedom of believe and religious organizations” which are under debate as well as other documents regulated by the State Commission for Religious Affairs. Several stages of the implementation of the State policy within the interaction between the State and confessions from 1995 to 2019 are indicated. In conclusion, the author provides recommendations on improvement the activities of the State Commission for Religious Affairs.

Keywords: the Kyrgyz Republic, law, decree of the President and Government, religion, situation, freedom of believe, commission, policy, registration

Став независимым государством, субъектом международного права, Кыргызская Республика начала проводить самостоятельную религиозную политику, и реформировала конституционно–правовые основы своих отношений с религиозными объединениями. Практически сразу с момента обретения независимости Кыргызской Республикой 16 декабря 1991 года был принят первый закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях». В начале 1992 года был ликвидирован Совет по делам религий при Совете министров Кыргызской Республики.

Закон о религии впервые в истории республики предусматривал независимость религиозных организаций от государства, использование и создание своих СМИ наравне с другими субъектами государственными, общественными объединениями, получение религиозного образования, предоставление им статуса юридического лица [Ботоев Ж. и др., с. 146]. Закон, по сути, отражал положения Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 года. Несмотря на многие недостатки, он расценивался экспертным сообществом как наиболее демократичным среди постсоветских стран.

В 1994 году руководство Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) и Русской Православной Церкви, озабоченные усилением прозелитизма в стране, обратились к Правительству Кыргызской Республики с предложением внести дополнения в существующий закон, ограничивающий деятельность нетрадиционных религий

[Кимсанбай ажы, с. 4].

Уже к 1995 году в республике складывалась неоднозначная религиозная ситуация. Тем более, государство в этот период занимало позицию постороннего наблюдателя, особо не выстраивая внятной политики в сфере государственно – конфессиональных взаимоотношений.

В августе 1995 года на заседании Правительства Кыргызской Республики был рассмотрен вопрос «О религиозной обстановке в Кыргызской Республике и задачах органов власти по формированию государственной политики в религиозной сфере» и принято соответствующее постановление. Власти признались, что религиозная обстановка выпала из поля зрения государственных органов. В документе проанализированы факты, вызывающие беспокойство государства: активизация миссионеров и нетрадиционных религиозных организаций; неконтролируемое расширение исламского фундаментализма; бессистемное строительство мечетей; проблемы в организации хаджа; неготовность традиционных религий к выполнению своих уставных функций; проведение линии сепаратизма мусульманских общин юга; крупные пожертвования богатых людей из Саудовской Аравии мечетям Оша под предлогом создания совместных предприятий; насаждение антирусских настроений миссионерами из Пакистана и Иордании; сбор разведанных; использование телеканала «Пирамида» в пропаганде нетрадиционных учений (общества Кришны, Далай Ламы, Бахаи, церкви единения Муна, детей Христовых); проблемы прозелитизма в Нарынской, Ошской, Таласской областях и в г. Бишкеке [Постановление Правительства Кыргызской Республики от 10 августа 1995 г. № 345 «О религиозной обстановке в Кыргызской Республике и задачах органов власти по формированию государственной политики в религиозной сфере», с. 11 - 12]. Постановление запретило в частности, безвозмездную передачу государственной собственности религиозным организациям и культурам. Для выработки практических советов по урегулированию взаимоотношений государственных органов и религиозных объединений предлагалось создать при Правительстве на общественных началах Консультативный совет по делам религий с привлечением компетентных специалистов. Оно также наложило запрет на преподавание любых религий в государственных школах [Зульфья М., с. 114].

Ситуация, складывающаяся к началу 1996 г., показывала, что необходимо искоренить иллюзии относительно безразличия государства к проблемам, возникающим в религиозной сфере. В соответствии с Указом Президента Кыргызской Республики 4 марта 1996 года создана Государственная комиссия при Правительстве Кыргызской Республики по делам религий (далее Госкомиссия), как центральный орган исполнительной власти, призванный разрабатывать и осуществлять государственную политику по отношению к религиям и религиозным организациям.

13 мая 1996 года постановлением Правительства утверждено Положение о Госкомиссии и определены основные ее задачи. Как показывает практика, создание государственного органа по делам религии позволило скоординировать работу государственных органов и религиозных структур, выработать необходимую нормативно - правовую базу.

Следующим шагом правового регулирования государственной политики в отношении религий стал Указ Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 1996 г. «О мерах по реализации прав граждан Кыргызской Республики на свободу совести и вероисповедания». Указом утверждены три Временных

положения⁷. В соответствии с ними государство гарантировало широкие возможности для деятельности религиозных организаций.

Однако не все было так гладко. Зачастую дело доходило до конфликта с религиозными организациями, не желавшими пройти учетную регистрацию, вмешивались международные организации и вопрос получал большой общественный резонанс [Лымарь А., с. 2].

Следует отметить, что регистрация религиозных организаций в республике разделена на два этапа: обязательная учетная регистрация в Госкомиссии и регистрации в органах юстиции для получения статуса юридического лица, когда она имеет право на приобретение имущества, открытие банковского счета и ведение любой другой договорной деятельности. Если религиозная организация занимается коммерческой деятельностью, то она должна платить налоги.

В целях реализации верующими республики религиозных убеждений, постановлением Правительства Кыргызской Республики от 19 февраля 1998 года утверждено «Положение об организации и осуществлении паломничества в Мекку (Хадж, Умра) из Кыргызской Республики». Данное решение было направлено на оказание содействия в организации хаджа, мобилизации государственных органов для проведения важного для мусульман обрядового мероприятия. Эти вопросы призван был решать созданный республиканский штаб, в состав которого входили представители ДУМК, Госкомиссии, соответствующих министерств и ведомств.

Вопросы совершенствования разработки и осуществления государственной политики в сфере религий отражено в постановлении Правительства от 7 июля 1998 года «О Концепции деятельности Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по делам религий по разработке и осуществлению государственной политики в сфере религий».

Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 31 июля 2001 года был утвержден состав Межведомственного совета по делам религий⁸. Деятельность Межведомственного совета, оказывал существенное влияние в решение вопросов и проблем, стоящих в религиозной сфере. Например, за период с 1997 по 2008 годы проведены 52 заседания данного совета, где рассмотрены вопросы религиозной ситуации в республике, религиозного экстремизма, организации и итоги паломничества, деятельность местных органов власти по вопросам религии и другие актуальные вопросы касающихся религиозной ситуации.

Задачи урегулирования взаимоотношения государственных органов с религиозными организациями определены в постановлении Правительства от 5 апреля 2001 г. «О

⁷ Временное положение о регистрации религиозных организаций, которое устанавливает обязательность учетной регистрации религиозных организаций (религиозных общин, групп, приходов, мечетей, храмов и других зданий и помещений религиозного назначения) и их объединений.

Временное положение о регистрации миссий зарубежных религиозных организаций и лиц иностранного гражданства, прибывающих в Кыргызскую Республику с целью религиозной деятельности, которое устанавливает обязательность учетной регистрации миссий зарубежных религиозных организаций и центров, всех лиц иностранного гражданства, прибывающих в республику с целью миссионерской или другой деятельности религиозного характера.

Временное положение о религиозном обучении, которое призвано упорядочить процесс религиозного обучения, устанавливает обязательность учетной регистрации религиозных учебных заведений, а также лиц, выезжающих за границу с целью религиозного обучения.

⁸ Межведомственный совет по делам религий был образован как консультативный и координационный орган, призванный разрабатывать рекомендации по проведению государственной политики в религиозной сфере, координировать усилия государственных органов и религиозных организаций, направленные на сохранение стабильности в обществе, укрепление духовности и веры, достижение межрелигиозной толерантности.

мерах по реализации прав граждан Кыргызской Республики на свободу совести и вероисповедания» от 14 ноября 1996 г.». Согласно данного решения перед Госкомиссией поставлена задача провести учет действующих и строящихся объектов религиозного назначения, упорядочение процесса выделения земельных участков под их строительство, обязательное согласование проектов с территориальными архитектурными службами. Обозначенные меры дали толчок к активизации деятельности Госкомиссии. Кроме того, согласно решению Межведомственного совета от 30 мая 2003 г., повсеместно в областных, районных государственных администрациях были созданы Координационные советы по делам религий, а также советы в местных самоуправлениях.

Исходя из необходимости оперативного решения возложенных на нее задач и в связи с Баткенскими событиями (1999 – 2000 гг.) постановлением Правительства от 12 апреля 2001 года было принято решение о переводе Госкомиссии в г. Ош. Половина сотрудников (4) постоянно базировались в г. Ош.

5 апреля 2004 г. постановлением Правительства Кыргызской Республики утверждена «Государственная программа противодействия религиозному экстремизму в Кыргызской Республике на 2004-2005 годы». Ранее работа по религиозному экстремизму проводилась на основе «Плана превентивных мер по недопущению религиозного экстремизма и фундаментализма на территории республики», «Плана мероприятий по борьбе с религиозным экстремизмом и недопущению политизации ислама в Кыргызстане», а также исходя из решений Совета безопасности Кыргызской Республики «О задачах по укреплению национальной безопасности Кыргызской Республики на современном этапе» от 3 января 2003 года.

20 июля 2004 года Правительством Кыргызской Республики принято постановление «О работе Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, местных государственных администраций и органов местного самоуправления по предупреждению и профилактике религиозного экстремизма и недопущению межнациональной розни».

15 октября 2005 года Указом Президента Кыргызской Республики Госкомиссия преобразовано в Государственное агентство по делам религий при Правительстве Кыргызской Республики.

Постановлением Правительства Кыргызской Республики «О порядке организации паломничества из Кыргызской Республики» от 13 декабря 2005. года утвержден новый порядок по осуществлению хаджа в Мекку и Медину.

В связи с обострившейся религиозной ситуацией на юге страны связанной активизацией экстремистских течений, проблемами прозелитизма, межконфессиональными конфликтами, начиная с 2006 года, государство активизировало деятельность в религиозной сфере.

6 мая 2006 года была принята «Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики». Приоритетной задачей реализации данной Концепции являлся совершенствование законодательства Кыргызской Республики в области религий [О концепции государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики, с. 39].

7 сентября 2007 года на заседании Совета безопасности Кыргызской Республики рассмотрен вопрос «О религиозной ситуации в Кыргызской Республике», где были даны указания Министерству юстиции, Государственному комитету национальной безопасности и другим государственным органам о доработке существующего законодательства в отношении религиозной деятельности, нормативно-правовой нормы

первичной регистрации религиозных организаций.

Заседание Совета безопасности можно расценивать как реализацию властями Кыргызстана решений Бишкекского саммита Шанхайской организации сотрудничества» [Калматов Т.].

В целях противодействия деятельности религиозно-экстремистской партии «Хизбут-Тахрир», дискредитации ее доктрин и сторонников перед общественностью распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 21 января 2008 года утвержден «Межведомственный план по предупреждению и недопущению распространения религиозного экстремизма, фундаментализма, деятельности религиозно-экстремистской партии «Хизб ут-Тахрир» и конфликтов на религиозной основе до 2010 года».

Решением Правительства Кыргызской Республики Межведомственный совет по делам религий был преобразован в Координационный совет по противодействию религиозному экстремизму согласно постановлению от 5 августа 2009 года.

В соответствии с постановлением Правительства Кыргызской Республики от 19 сентября 2008 года «Об организации и осуществлении паломничества граждан Кыргызской Республики в Мекку» организация паломничества на хадж была возложена на ДУМК, а государство во главе с Вице-премьер-министром оказывало содействие в решении организационно-практических вопросов.

22 мая 2008 года Жогорку Кенеш Кыргызской Республики в целях совершенствования правового механизма взаимодействия государства и религиозных организаций принял постановление «О религиозной ситуации в Кыргызской Республике». На основании данного постановления была создана парламентская комиссия с привлечением членов Правительства. Комиссии была поручена изучить религиозную ситуацию, провести анализ в сфере государственно-религиозных отношений и по их итогам представить предложения по совершенствованию законодательства на рассмотрение Жогорку Кенеша.

В течение 2008 года общественность республики широко обсуждало проект закона «О свободе совести и вероисповедания, религиозных организациях Кыргызской Республики». Споры шли вокруг количественного ценза п. 3, ст. 8: «Религиозная организация создается по инициативе не менее 200 граждан Кыргызской Республики, достигших совершеннолетнего возраста и постоянно проживающих на территории Кыргызской Республики».

Протест по этому поводу был вызван со стороны 300 евангельских церквей Кыргызстана. Против принятия законопроекта выступили также ОБСЕ, Фридом Хауз, Хельсинская правозащитная группа, выдвинувшие свои возражения против дискриминации религиозных меньшинств. Европейский союз также выразил озабоченность относительно принятого закона.

Буквально в день подписания закона в ряде информационных агентств прошла новость: «Лидеры Конгресса США настоятельно рекомендуют президенту Курманбеку Бакиеву не подписывать данный закон, так как этот шаг может стать несоблюдением норм ОБСЕ» [The Washington Times: Конгресс США призывает президента Кыргызстана не подписывать закон о свободе религии, который может испортить репутацию страны].

6 ноября 2008 года Жогорку Кенешем Кыргызской Республики был принят Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» и подписан Президентом Кыргызской Республике 31 января 2009 года.

Закон состоит из 30 статей (в Законе от 1991 года имелись 23 статьи) и предусматривает введение уточненной терминологии, а также положений, согласно которым:

– создание религиозной организации возможно по инициативе не менее 200 граждан Кыргызской Республики, постоянно проживающих на территории республики (по Закону от 1991 года – не менее 10 человек);

– религиозные объединения образуются при наличии не менее 10 религиозных организаций (по Закону от 1991 года Закону нет количественного требования);

– не допускается вовлечение детей в религиозные организации, запрещаются настойчивые действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие (прозелитизм);

– определен порядок учетной регистрации в государственном органе по делам религий религиозных организаций, миссий зарубежных организаций, миссионера, религиозных учебных заведений;

– запрещается распространение литературы, печатных, аудиовидеоматериалов религиозного характера в общественных местах (на улицах, бульварах), обход квартир, детских учреждений, школ и высших учебных заведений;

– определен контроль за деятельностью религиозной организации.

Как показала практика, с принятием нового Закона удалось снять некоторые моменты связанных хаотичным развитием религиозной ситуации, в частности учетной регистрацией религиозных организаций, культовых объектов, иностранных граждан - миссионеров, миссии зарубежных религиозных конфессий.

Проведенный анализ наиболее спорных моментов Закона показывает следующее:

1. По положению о наличии не менее 200 граждан для организации религиозной организации. Понимание данной нормы Закона и его заключительных положений представляет, что Закон не имеет обратной силы, соответственно, религиозные организации, зарегистрированные до вступления его в силу и имеющие меньшую численность, могут действовать в установленном порядке.
2. Требование по количеству 200 человек может быть применимо лишь ко вновь создаваемым религиозным организациям. При этом уставы и иные учредительные документы действующих религиозных организаций до приведения в соответствие с данным Законом могут действовать в той части, которая не противоречит принятому Закону.
3. По запрещению распространения информации религиозного характера. Данная норма рассматривается в совокупности с другой нормой, которой предусматривается порядок распространения такой информации в местах, принадлежащих религиозным организациям на правах собственности, а также в местах, выделяемых в установленном порядке для этих целей местными государственными администрациями. Соответственно, запрет предусматривается лишь для строго определенных 6 мест - общественных местах (на улицах, бульварах), при обходе квартир, детских учреждений, школ и высших учебных заведений.
4. По запрещению прозелитизма. В условиях Кыргызстана определенную остроту стали приобретать вопросы, связанные с обострением межконфессиональных отношений по вопросам похорон граждан, поменявших вероисповедание, к примеру, перешедших из мусульман в протестантские общины. С учетом этого, положение Закона по прозелитизму предусматривает запрет: на настойчивые действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие и на незаконную миссионерскую деятельность. При этом ответственность за

прозелитизм может наступить в случаях, предусмотренных законодательством, которым пределы такой ответственности еще предстояла определить. К сожалению, степень ответственности по данному вопросу до сегодняшнего дня не была установлена.

Необходимо отметить, что если закон от 1991 года свел до необходимого минимума государственно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций, то закон от 2008 года усиливает позиции государства и предоставляет государственным органам правовые полномочия для осуществления контроля за деятельностью религиозных организаций.

Принятие закона обнажило ранние существовавшие проблемы, сводящиеся к отношениям между государством и религией. Так как многие юридические моменты остались не отрегулированными и положения закона не имели соответствующих механизмов реализации.

В рамках реформы системы государственного управления 26 октября 2009 года Указом Президента Кыргызской Республики Государственное агентство по делам религий при Правительстве Кыргызской Республики выведено из ведения исполнительной ветви власти и преобразована в Государственную комиссию по делам религий Кыргызской Республики как центральный орган Кыргызской Республики.

В соответствии с Указом Президента Кыргызской Республики «О некоторых вопросах деятельности Государственной комиссии по делам религий» от 18 декабря 2009 года № 601 предельная штатная численность работников увеличена до 25 штатных единиц

Указом Президента Кыргызской Республики «О Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики» от 23 марта 2012 года № 71, утверждены положение и структура Госкомиссии по делам религий. В соответствии с данным Указом Госкомиссия опять преобразована как центральный орган Кыргызской Республики с подчиненностью и подотчетностью Президенту Кыргызской Республики.

В своей повседневной деятельности Госкомиссия осуществляет мероприятия по профилактике религиозного экстремизма и фундаментализма, недопущению конфликтов на религиозной основе, развитию толерантности, мирного сосуществования различных конфессии. Важной составляющей работы Госкомиссии, является систематическое проведение анализа и мониторинга религиозной ситуации. Наряду с выполнением прямых функциональных обязанностей и задач, внимание уделяется разъяснительной работе среди населения о религиозной ситуации в стране, об исполнении законов религиозного характера.

Следует отметить, что Госкомиссия начинала свое становление в составе небольшого коллектива, сначала 5-ти (1996 год), 7-ми (1998 год), 9-ти (2001 год), 11-ти (с 2003 по 2008 годы), 18-ти (с 2008 по 2009 годы), затем 25 – ти (2009-2012 годы), далее 30 – ти (с 2012 года) сотрудниками.

В марте 2013 года отдельными депутатами палаты был инициирован проект Закона «О религиозном образовании и религиозных учебных заведениях». Законопроект содержал положения, согласно которым государство могло устанавливать стандарты религиозного (конфессионального) образования для религиозных организаций. Законопроект проходил экспертизу ОБСЕ/БДИПЧ и оценен как не соответствующий обязательствам Кыргызстана по правам человека. В январе 2015 года несмотря на то, что проекту закона удалось пройти два чтения инициатор отозвал проект закона от рассмотрения.

Начиная с 2014 года в Кыргызстане начата активная работа по разработке программных документов, упорядочению религиозных вопросов и реализуются мероприятия по улучшению текущей религиозной ситуации в стране. Так, под эгидой Совет обороны (в настоящее время Совет безопасности) под председательством Президента страны были проведены заседания (февраль, ноябрь 2014 г., сентябрь 2015 г.) специально посвященных проблемам в религиозной сфере.

Так, на первом заседании, 3 февраля 2014 года, члены Совета обороны признали ошибочной сложившуюся в последние годы практику дистанцирования государственных органов от регулирования процессов в вопросах религии. Было признано, что недостаточное внимание к религиозной ситуации в стране, может привести к негативным последствиям в виде конфликтов, межрелигиозных столкновений, который угрожает расколом в государстве [Подписан Указ «О реализации решения Совета обороны Кыргызской Республики о государственной политике в религиозной сфере»].

Благодаря принятым в этих совещаниях решениям, была заложена реальная основа для проведения кардинальных реформ в области религии. 14 декабря 2014 года указом Президента утверждена «Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014 -2020 годы» (далее – Концепция).

В Концепции стратегическими задачами были определены:

1. Обеспечение свободы совести и вероисповедания;
2. Формирование новой кыргызстанской модели светского государства;
3. Формирование границ деятельности религиозных организаций (нарушение прав и свобод других граждан, политизация религии) и вмешательства государства с целью регулирования религиозной сферы (ограничение вмешательства во внутриконфессиональную деятельность);
4. Предупреждение и профилактика религиозной радикализации граждан и предотвращение экстремистской и террористической деятельности на религиозной почве в Кыргызстане;
5. Политика по поддержке продвижения умеренного ислама с целью предупреждения радикализации религиозной сферы;
6. Повышение религиозно-грамотности и уровня религиозного образования;
7. Повышение экспертного и аналитического потенциала для мониторинга религиозной ситуации и разрешении текущих проблем в религиозной сфере.

Для реализации Концепции был разработан “План действий государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2015-2020 годы” утвержденный постановлением Правительства состоящий из 63 пунктов.

21 июня 2017 года Правительством Кыргызской Республики утверждена «Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017-2022 годы», которая является концептуальной основой реализации Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики», утвержденной Указом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 года. Одним из приоритетов Программы является разработка эффективных мер, позволяющих ограничить вербовочный потенциал экстремистских и террористических групп, организаций и движений. Изучение причин и последствий радикализации, наряду с анализом базовых условий, способствующих росту радикальных настроений, позволяет сформулировать меры по противодействию экстремизму и профилактике терроризму. Данная программа своего рода – первая попытка скоординировать действия всех силовых органов структур, гражданского

общества и других заинтересованных органов в сфере противодействия религиозному экстремизму, радикализму и терроризму», - говорит он.

Конечно, она требует некоторой корректировки, но самое главное – были разработаны задачи и меры политики, и они выполнимы и, они не заоблачны.

Для модернизации системы религиозного образования разработана положения «О религиозном образовании». На общественное обсуждение внесен проект закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» с поправками.

В рамках реализации вышеуказанных документов осуществляется полномасштабное реформирование религиозной сферы. Идет процесс формирования модели партнерства государственно-конфессиональных отношений. Всеми государственными институтами осознана необходимость реализации концептуальных основ религиозной политики и определены форматы взаимодействия государства и религии.

Начиная с 1996 по 2019 гг. государственная политика в области государственно – конфессионального взаимодействия претерпела заметную трансформацию и прошла ряд важных этапов.

- Первый этап можно обозначить как «*либеральный*» (с 1996 по 2000 гг.).

Политика государства на начальном этапе заключалась в том, что она, по сути, занимала нейтральную позицию наблюдателя, в основном ограничиваясь регистрацией и учетом различных религиозных организаций.

Через события, связанная с угрозой распространения религиозного экстремизма в Центральной Азии, и непосредственное вторжение боевиков ИДУ в Кыргызстан в 2000 году, поставили перед государством много проблем.

- Второй этап можно условно обозначить как «*умеренно-репрессивный*» (с 2000 по 2006 гг.).

Поскольку в условиях тех сложностей, с которыми столкнулось государство, запретительно-силовые методы были единственно возможными. При этом профилактика религиозного экстремизма, конфликтов на религиозной почве связанных процессом прозелитизма с использованием не силовых методов, таких как комплексная и целенаправленная работа, государством осуществлялась не достаточной мере. Этот период отношений между государством и религией нельзя назвать успешным.

- Третий этап можно условно отметить как «*фаза активизации*» (с 2006 по 2014 гг.).

В этот период государство постепенно начинает активизировать свои усилия в регулировании религиозной сферы. Это было связано с объективными процессами в обществе, для которого духовно-нравственные вопросы, роль религии в жизни каждого человека в условиях социально-политических и экономических проблем в стране заметно актуализировались. На данном этапе государство начало работу по регулированию миссионерской деятельности, решать проблемы прозелитизма, упорядочивать вопросы религиозного экстремизма, учета религиозных объектов, реформированию ДУМК, религиозного образования и религиозных образовательных учреждений.

- Четвертый этап можно условно обозначить как этапом «*устойчивости*» (с 2014 г. по н.в.).

На данном этапе деятельность государства будет заключаться в реализации мероприятий заложенных в Концепции, внесении изменений и дополнений в Закон о религии, доработке положения «О религиозном образовании» и других локальных нормативно-правовых актов.

Таким образом, анализ деятельности государственных органов в реализации религиозных прав и свобод позволяет говорить о том, что проблема государственного регулирования конфессиональных отношений в общественно-политической жизни Кыргызстана, ее влияние на государство и общество чрезвычайно актуальна на сегодняшний день. К сожалению, существующее положение дел в области вероисповедания наглядно показывает необходимость корректировки целого ряда позиций по вопросам взаимоотношений государства и религиозных объединений, общества и религии.

Недопустимо, чтобы в дальнейшем государственно-конфессиональные отношения рассматривались как нечто незначительное в государственной политике. Они должны строиться исключительно на конституционно-правовой основе.

Библиографический список:

Ботоев Ж. Правовые проблемы взаимоотношений государства и религии в Кыргызстане /Ботоев Ж., Мамаюсупов О., Мурзахалилов К. Материалы международной научной конференции «Ислам в Центральной Азии». Ош, 2004. С. 143-157

Зульфья М. Кыргызстан: кризис в отношениях между государством и духовенством углубляется // Центральная Азия и Кавказ. 1997. № 7. С. 112 - 119

Калматов Т. Заседание Совета безопасности можно расценивать как реализацию властями Кыргызстана решений Бишкекского саммита ШОС. /Калматов Т. ИА «24.kg» [Электронный ресурс] // [URL] <https://24.kg/archive/ru/community/23836-2007/09/07/61321.html>

Кимсанбай ажы. К правительству Кыргызской Республики. Секты – угроза миру/Обращение руководства мусульманского духовенства и благочинной Русской Православной Церкви Кыргызстана. //Слово Кыргызстана. 1994. 1 октября. С.4.

Лымарь А. Слово божье, суд – мирской //Вечерний Бишкек. 1998. 2 ноября.

Постановление Правительства Кыргызской Республики от 10 августа 1995 г. № 345 «О религиозной обстановке в Кыргызской Республике и задачах органов власти по формированию государственной политики в религиозной сфере».

Подписан Указ «О реализации решения Совета обороны Кыргызской Республики о государственной политике в религиозной сфере». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.president.kg/ru/1771_podpisan_ukaz_o_realizacii_resheniya_soveta_oboroni_kirgizskoy_respubliki_o_gosudarstvennoy_politike_v_religioznoy_sfere

О концепции государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики // Вестник администрации Президента Кыргызской Республики. 2006. №1. С.38–53.

The Washington Times: Конгресс США призывает президента Кыргызстана не подписывать закон о свободе религии, который может испортить репутацию страны. [Электронный ресурс] // [URL] <http://www.for.kg/news-80970-ru.html>

РАДИКАЛИЗМ, ЭКСТРЕМИЗМ, РЕЛИГИЯ RADICALISM, EXTREMISM, RELIGION

Мусабекова Ч.А.

Проблемы законодательной регламентации и квалификации материалов «экстремистскими» в Кыргызской Республике

Musabekova Ch.A.

Problems of legislative regulation and qualification of materials «extremist» in the Kyrgyz Republic

Аннотация: Статья посвящена вопросам, касающимся порядка признания материалов экстремистскими по законодательству Кыргызской Республики (КР). Анализируется судебная практика рассмотрения таких дел. Отмечаются проблемы законодательства и правоприменения в этой сфере. Анализируются положения новых кодексов КР, в частности Гражданского процессуального кодекса, введенного в действие с 1 июля 2017 года, и Уголовного кодекса, Кодекса о проступках и Кодекса о нарушениях, введенных в действие с 1 января 2019 года, по результатам сделаны предложения о необходимости совершенствования законодательства КР в сфере противодействия экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские материалы, неопределенность норм, хранение, распространение, свобода вероисповедания

Abstract: The article is devoted to the issues concerning the procedure for recognizing materials as extremist under the legislation of the Kyrgyz Republic (KR). Judicial practice of consideration of such cases is analyzed. The problems of legislation and enforcement in this area are noted. Analysis of the provisions of the new codes of KR, in particular, Code of Civil procedure, entered into force on 1 July 2017, and the Criminal Code, Criminal Procedural Code, Code of Offences and the Code of Violations, entered into force on 1 January 2019, based on the results, proposals were made on the need to improve the legislation of the KR in the field of countering extremism..

Keywords: extremism, extremist materials, uncertainty of norms, storage, distribution, freedom of religion

Согласно Конституции Кыргызской Республики (КР), принятой референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года (в ред. Закона КР от 28 декабря 2016 года №218, принятого референдумом 11 декабря 2016 года) (далее – Конституция КР) [Конституция Кыргызской Республики] права и свободы человека и гражданина

могут быть ограничены Конституцией и законами КР в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Данные ограничения могут быть введены также с учетом особенностей военной или иной государственной службы, но они должны быть соразмерными указанным целям (ч.2 ст.20 Конституции КР), *то есть, они должны отвечать конституционным целям, быть установлены законом, и быть соразмерны преследуемым целям.*

В КР *запрещается пропаганда* национальной, этнической, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, *призывающая* к дискриминации, вражде или насилию (ч.4 ст.31 Конституции КР), также *запрещается* создание и деятельность политических партий, общественных и религиозных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, *разжигание* социальной, расовой, межнациональной, межэтнической и религиозной вражды пп.4 и 5 ч.4 ст.4 Конституции КР).

Налагаемые меры ответственности и наказания должны быть четко законодательно определены, не допуская широкого толкования. *Неопределенность и расплывчатость* норм не могут соответствовать конституционному принципу правового государства, должны исключать произвольное и дискриминационное применения норм государственными органами и должностными лицами в отношении граждан, а также не допускать нарушения конституционного принципа равенства (ч.3 ст.16 Конституции КР). *Поэтому правовые положения должны быть сформулированы достаточно корректно, чтобы избежать излишне широкого наложения ответственности, чтобы каждый точно знал, за какие именно деяния будет наступать ответственность.*

Закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 года № 282 «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» (далее – Закон КР №282) [Закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 года № 282 «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике»] запрещает ввоз, изготовление, хранение, перевозку и распространение религиозной литературы, иных печатных, аудио-видеоматериалов, в которых содержатся *призывы* к изменению конституционного строя, религиозной нетерпимости, нравственных устоев общества (ч.2 ст.22).

Ввоз, изготовление, приобретение, перевозка, пересылка, хранение и распространение печатных изданий, кино-, фото-, аудио- видеопродукции и других материалов, содержащих идеи *религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма*, влекут ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики (ч.8 ст.22 Закона КР №282).

Необходимо отметить, что положения вышеуказанного Закона не раскрывают содержание таких понятий, как *«оскорбление религиозных чувств»*, *«пропаганда религиозной исключительности»*, *«религиозного экстремизма»*, *«религиозного сепаратизма»*, *«религиозного фундаментализма»*, *«идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма»*, хотя использует эти термины в тексте.

Термин «экстремизм» используется в Законе Кыргызской Республики от 17 августа 2005 года №150 «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон КР №150) [Закон Кыргызской Республики от 17 августа 2005 года №150 «О противодействии экстремистской деятельности»] в скобках и, наравне с термином *«экстремистская*

деятельность», перечисляет деяния, которые входят в него. Из содержания статьи 1 вышеуказанного Закона видно, что в Законе закреплен лишь перечень из 13 деяний, представляющих собой различные проявления экстремистской деятельности (экстремизма). При этом законодатель не дает определение понятия экстремизма, которое бы раскрывало все его существенные признаки, что затрудняет правоприменительную практику.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68 (далее – УК КР 1997 г.) [Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68], утративший силу с 1 января 2019 года в соответствии с Законом КР от 24 января 2017 года №10, не содержал в себе определение термина «*экстремистский материал*». Это определение дается в статье 1 Закона КР №150, согласно которой «*экстремистские материалы*» – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное (этническое) и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы».

Здесь под «*экстремистскими материалами*» признаются две категории источников, предназначенные для обнародования (ст.1 Закона КР №150):

а) документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности, либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности;

б) публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное (этническое) и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Далее в статье 13 Закона КР №150 предусмотрено, что на территории Кыргызской Республики *запрещаются издание, хранение, перевозка и распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов, содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных частью первой его статьи 1*, и перечисляется, что к таким материалам относятся:

а) официальные материалы запрещенных экстремистских организаций;

б) материалы, авторами которых являются лица, осужденные в соответствии с международно-правовыми актами за преступления против мира и человечества и содержащие признаки, предусмотренные частью 1 статьи 1 настоящего Закона;

в) любые иные, в том числе анонимные, материалы, содержащие признаки, предусмотренные частью 1 статьи 1 настоящего закона.

По смыслу данного положения Закона следует, что эти материалы не обозначены как экстремистские, а являются «*материалами, содержащими хотя бы один из признаков, предусмотренных частью 1 статьи 1 данного закона*», при этом они также должны относиться к одной из трех категорий.

Таким образом, Закон КР №150 определил две категории материалов:

1) первая – информационные материалы, признанные судом экстремистскими в порядке, установленном главой 25-1 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики от 25 января 2017 года №14 (далее - ГПК КР 2017 г.) [Гражданский

процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года №14], который введен в действие Законом КР от 20 января 2017 года №6 с 1 июля 2017 года, по заявлению прокурора, подпадающие под признаки определения, данного в статье 1 Закона КР №150;

2) вторая – информационные материалы, в которых судом установлен хотя бы один из признаков, предусмотренных частью 1 статьи 1 Закона КР №150.

Процедуры признания вышеуказанных категорий материалы экстремистскими разные и регулируются разными законами.

Первая категория материалов (*экстремистские материалы*) признаются «экстремистскими» судом в порядке, установленном главой 25-1 ГПК КР 2017 г., по заявлению прокурора.

Вторая категория материалов (*материалы, содержащие один из признаков, предусмотренных частью первой статьи 1 Закона КР №150*) признавались таковыми судом в рамках уголовного судопроизводства и судопроизводства дел об административных правонарушениях, а теперь в соответствии с новым Уголовным кодексом Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 (далее – УК КР 2017 г.) [Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19], который введен в действие Законом КР от 24 января 2017 года № 10 с 1 января 2019 года, только в рамках уголовного судопроизводства. Автор и/или исполнитель данного материала по решению суда признавался лицом, осуществлявшим экстремистскую деятельность, и нес ответственность в установленном законодательством КР порядке, т.е. как административную, так и уголовную, а теперь в Кодексе Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 года №58 (далее – КоН) [Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 года №58], который введен в действие с 1 января 2019 года, такие составы нарушений не предусмотрены.

Так, в примерах из Отчета «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга – 2018 г.», в частности, в деле гр. И.Л. в приговоре суда отмечается, что «...в ходе обыска в доме И.Л. была найдена брошюра в 1-ом экземпляре. Согласно заключению экспертизы, данная брошюра относится к экстремистской организации «Хизбут Тахрир», чья деятельность запрещена судом КР...». Далее, суд вынес обвинительный приговор [Отчет «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга – 2018 г.», с.41].

Другой пример, в деле гр. КР Т.Н., в приговоре суда отмечается, что «...согласно заключению экспертизы, среди исследуемых материалов, на DVD-диске был найден материал, относящийся к экстремистской организации «Хизбут Тахрир» ...». Далее, суд вынес обвинительный приговор [Отчет «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга – 2018 г.», с.41].

Таким образом, в данных уголовных делах предметом рассмотрения суда являлась вторая категория материалов, к которой согласно статье 13 Закона КР №150 относятся информационные материалы, содержащие хотя бы один из признаков, предусмотренных частью 1 статьи 1 Закона КР №150. По этим материалам установление принадлежности к официальным материалам запрещенных экстремистских организаций недостаточно, необходимо также установить хотя бы один из признаков, предусмотренных частью 1 статьи 1 Закона КР №150.

Необходимо отметить, что в большинстве уголовных дел, касающихся обвинения лиц в совершении ими деяний по статье 299-2 УК КР 1997 г., основанием для предъявления обвинения являлось наличие материалов первой категории, тогда как на самом деле предметом рассмотрения являлись информационные материалы второй категории, и которые не охватывались данной статьей УК КР 1997 г.

Согласно законодательству КР в случае признания информационных материалов «экстремистскими» решение суда, вступившее в законную силу, направляется в орган исполнительной власти в сфере юстиции для опубликования (ст.261-3 ГПК КР 2017 г., ст.13 Закона КР №150). Список экстремистских материалов подлежит периодическому опубликованию в СМИ, а также на официальных сайтах уполномоченных государственных органов в сфере юстиции, осуществляющих противодействие экстремистской деятельности. В орган исполнительной власти в сфере юстиции направляется копия вступившего в законную силу судебного решения только о признании информационных материалов экстремистскими, т.е. первой категории материалов, положений о направлении по второй категории материалов законодательство не содержит.

На сайте Министерства юстиции КР был размещен «список экстремистских материалов» [Список экстремистских материалов, опубликованных на сайте Министерства юстиции Кыргызской Республики], состоящий из 21 пунктов, большинство из которых указано как материалы (публикации, видео, фото, символика, атрибутика), размещенные на «Интернет-ресурсе», что создает сложности при идентификации. Как видно из данного списка материалы никак не описаны по внешнему виду, например, цвет книги, формат, автор, слова с которых начинается текст, слова которыми заканчивается текст, язык, характеристики визуальных материалов и т.д. В списке указаны даты решения и наименования судов, признавших их экстремистскими. Однако, самих судебных актов, опубликование которых требует статья 261-3 ГПК КР 2017 г., и которые позволили бы ознакомиться с какой-либо характеристикой запрещенных материалов тоже нет. Отсутствие в публичном доступе каких-либо характеристик «запрещенного материала», признанного экстремистским, чревато тем, что человек может совсем и не знать, что имеющиеся у него материалы являются экстремистскими, которые запрещены распространению.

Статья 299-2 УК КР 1999 г. предусматривала ответственность за приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозку и пересылку экстремистских материалов, причем за «хранение» *экстремистских материалов вне зависимости от наличия умысла дальнейшего распространения.*

При этом Закон КР №150 указывает, что лица, виновные в незаконных изготовлении, распространении, перевозке и *хранении в целях дальнейшего распространения* указанных материалов, привлекаются к *административной либо уголовной ответственности* (ст.13). Однако, в связи с вступлением в силу с 1 января 2019 года новых Кодексов (УК, КоН), а также Кодекса Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 года №18 (далее – КоП) [Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 года №18], который введен в действие Законом КР от 24 января 2017 года №10), предусмотрена только уголовная ответственность, а административная как таковая нет, нет также ответственности по Кодексу о нарушениях.

Таким образом, Закон КР №150 предусматривает, что ответственность должна иметь место за «хранение в целях дальнейшего распространения» указанных материалов, в то время как УК КР 1997 г. предусматривал наказание за «хранение» экстремистских материалов вне зависимости от цели дальнейшего распространения.

Вступивший в действие с 1 января 2019 года новый УК КР установил уголовную ответственность за «изготовление, распространение, перевозку или пересыпку экстремистских материалов либо их приобретение или хранение с целью распространения, использование символики и атрибутики экстремистских организаций, а также посредством сети Интернет» (ст.315).

Однако, даже при данном нововведении непонятно как будет определяться, что хранение имеет цель распространения, и если в печатной продукции или публичной информации данный умысел возможно квалифицировать по количеству или тиражу, то относительно электронных материалов и электронных носителей возникают определенные сложности.

Кроме того, из смысла статьи 13 Закона КР №150 следует, что виновные лица в совершении указанных действий подлежат к административной (в свете новых Кодексов к ответственности за нарушение) либо уголовной ответственности, т.е. Закон определяет, что ответственность в зависимости от тяжести совершенного деяния должна наступать либо уголовная (за преступление или проступок), либо за нарушения. Однако, ни КоП, ни КоН, не содержат такие составы проступка либо нарушения.

Таким образом, определения «экстремизм», «экстремистские материалы» имеют неясности, неточности, на основании которых выносятся обвинительные приговоры, в связи с чем требуется совершенствование законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Библиографический список:

Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года №14 // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111521?cl=ru-ru>

Закон Кыргызской Республики от 17 августа 2005 года №150 «О противодействии экстремистской деятельности» // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748>

Закон Кыргызской Республики от 31 декабря 2008 года № 282 «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498>

Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 года №58 // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111565>

Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 года №18 // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111529>

Конституция Кыргызской Республики, принятой референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года (в ред. Закона КР от 28 декабря 2016 года №218, принятого референдумом 11 декабря 2016 года) // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения 07.10.2019 года).

Отчет «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга – 2018 г.» / Под общ. ред. Мусабековой Ч.А. Бишкек, 2019.

Список экстремистских материалов, опубликованных на сайте Министерства юстиции Кыргызской Республики // [URL] <http://minjust.gov.kg/ru/content/950>.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568>

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19. // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> (дата обращения 07.10.2019 года).

Гасанов Р.В.

Роль политики мультикультурализма в борьбе с религиозным экстремизмом: на примере азербайджанского опыта

Hasanov R.

The Role of the Policy of Multiculturalism in the Struggle Against Religious Extremism: in the Example of Azerbaijani Experience

Аннотация: В данной статье будет представлен политико-правовой опыт азербайджанского государства по сравнению с другими государствами в обеспечении свободы вероисповедания и в борьбе против религиозного радикализма, а также религиозного экстремизма.

Ключевые слова: Мультикультурализм, религиозный экстремизм, религия, гуманизм, общество, толерантность

Abstract: This article will present the political-legal experience of the Azerbaijani state in comparison with other states in the guarantee of the freedom for faith and in the struggle against religious radicalism as well as religious extremism.

Keywords: Multiculturalism, religious extremism, religion, humanism, society, tolerance

Introduction

Religion is a social phenomenon which has emerged both as the system of beliefs and the form of management of society for many centuries. All holy religions are based on the principles of peacefulness, humanism and humaneness, and these creeds act as an ideological basis guiding the wide masses. Given that more than two thirds of the world population are the believers of different religions, the relations between religion and state as well as religion and society will always maintain their timeliness.

In the modern period the freedom for faith is part of the fundamental human rights. Although today religion is viewed from the prism of human rights and national-spiritual values, it also requires a security-wise approach. In many countries religion is separate from the state. However, the state must be responsible for the religious status and the citizens' security in the country [Ismayilov G., p. 191].

To maintain peace, tolerance and multiculturalism in the world today, there is great need in distinguishing the freedom for faith from religious radicalism, religious extremism and fanaticism. The process of deradicalization and the steps taken by the states and societies in this regard should also be analysed from a scientific perspective, and there should be some outcomes. Religious extremism and religious radicalism are a threat to the national and multicultural security of any state, and in the struggle against these phenomena the states have always combatted in the terms of different conceptions by improving their legislative basis. Besides, as religious extremism can lead to the notion of terrorism, special attention should also be attached to international cooperation in this regard.

In Azerbaijani society situated in a geography, where historically various cultures and religious creeds have merged, multicultural customs and traditions, as well as mutual understanding have predominated. Nevertheless, different periods have seen religious extremist and radical forces in a religious disguise to benefit for their own interests by taking over the power, violating social stability, causing religious confrontations, and there have been attempts to impinge the state sovereignty and stability. However, today Azerbaijan has managed to

provide its multicultural security completely and raised the ideology of multiculturalism to the level of a state policy.

This article will present the political-legal experience of the Azerbaijani state in comparison with other states in the guarantee of the freedom for faith and in the struggle against religious radicalism as well as religious extremism.

The threats to our country's national security associated with religion are multi-aspect. Some religious-political groups, which are being materially and morally supported by foreign states and functioning without permission, can be considered the most dangerous among them. The international practice shows that as such groups are inclined to national and religious extremism and terrorism, their activities cause more danger for the stability of society. They can be considered a threat to our national security [See: Religious security is part of the national security. The newspaper "Zaman"].

The Main Part

The history of terrorism and extremism, which are seriously threatening the humanity in the modern period, goes back to the ancient periods, and their formation is associated with different reasons. In many cases such kind of conflicts occur on ethnic, religious, racial and other bases. Irrespective of its motives and formation reasons, terrorism is one of the manifestation forms of extremism and the eradication of this danger is one of the most important and basic duties of humanity [See: Mammadov J. Azerbaijan in the Struggle Against Extremism.].

"Religious extremism" often implies aggression derived from religion. However, no matter how paradoxal it may be, actually, religion and aggression are notions too far away from each other. It is clear that religious extremism has not any connections with sacred religious creeds and is a very dangerous social phenomenon for all societies. Every state combats religious extremism and radicalism in different forms.

If we review the historical experience of human civilization, we can see an interaction between religious extremism and terrorism. In general, the religious factor is of great importance in the formation of emotional-psychological, extremist behaviour as well as terroristic activities. It can be said that being carried out in a religious disguise, religious extremist activities are the criminal activities of different organizations, groups targeted at changing the constitutional structure by force, taking over the power, instigating religious intrigue and using other acts of violence to achieve political goals [See: Hajiyeva A. Religion and Terrorism].

To strengthen the struggle against religious extremism the Republic of Azerbaijan regularly improves its legislative, educational as well as law-enforcement measures, and always consolidates the ideological bases. Time has shown us that in case of an ideological gap and in the absence of the co-existence model, dangerous armed groupings in a religious disguise are most probable to emerge.

On 5 December 2015 the Republic of Azerbaijan adopted a special Law "On the Struggle Against Religious Extremism". By defining the legal, organizational bases of the struggle against religious extremism this law fixes the rights and obligations of the state organs and citizens carrying out the struggle against religious extremism. The main purpose of adopting this law is to protect the constitutional structure, sovereignty and multicultural security of the state and strengthen the struggle against armed groupings and terroristic organizations formed in a religious disguise. Given that armed terroristic groupings formed in a religious disguise are threatening the entire humanity and are trying to involve the young generations in their ranks relying on extremely radical ideas, the adoption of the mentioned law was of great importance.

While the Law of the Republic of Azerbaijan “On the Freedom for Faith” has successfully been regulating the relations between religion and state so far, the new law has already differentiated between the freedom for faith and religious extremism, radicalism and fanaticism from the legal point of view.

Certainly, the existence of monoethnic and intolerant societies is one of the cases causing the formation of religious extremism. From this point of view, the basic ideological foundation in the struggle against religious radical groupings is the advocacy and support of the idea of multiculturalism and the model of multicultural society. By turning the policy of multiculturalism into one of the political guidelines, Azerbaijan has formed an equal attitude to all religious communities, creeds and cultures at the state level.

However, contrary to it, in many Western societies the notions of religious fundamentalism, religious extremism and terrorism acquired the similar meaning and began to be associated with the name of some great religion (for instance, Islam). The mottoes like “Islamic terrorism”, “Islamic radicalism” happened to threaten the very peaceful heavenly religions in the mass psychology. This is very dangerous. In other words, those states are causing a great risk for themselves. The researches conducted by the sociologists of Maryland University in 2008 had very interesting outcomes showing that 51 per cent of the population of 20 countries completely rejected any association with any religious creed [The Caucasus and Globalization]. It shows that without any distinction people have come to associate even humanistic religious views with terrorism.

It should be noted that the line of development of these dangerous phenomena, which have actually no connections with religion and are beyond religion, is usually as follows:

Religious fundamentalism → religious radicalism and fanaticism → religious extremism → terrorism

For religious fundamentalism to emerge, ideology is not sufficient, for it to occur there must be a favourable socio-political and psychological environment. This notion means the existence of religious dogmas absolute, inherited from the past, unchangeable and inadaptable. Religious fundamentalism can be seen in three main symptoms.

➤ The believers should be managed by unchangeable and absolute religious rules established by the past.

➤ These religious rules can be interpreted only in one way for believers.

➤ The religious rules should be above the secular rules.

Religious fundamentalism first manifested itself in Christianity and Judaism in the 1900s. Whereas, in Islam it started to spread extensively at the time when Salafism emerged in Egypt in the XIX century.

In the 2008 report of the European Commission the notion of religious radicalism is viewed together with religious fundamentalism, and it is noted that radicalism is such a phenomenon that it can pave the way to religious extremism and terrorism by uniting people with identical views and ideas round the severe religious views [The European Parliament, Religious Fundamentalism and Radicalism, Briefing]. One can derive such a conclusion that religious extremism is not a phenomenon that emerges all of a sudden. This is a line of development where religious fundamental ideas can develop and lead to religious extremism. Many scholars call it “the process of radicalization”. Then there rises a question: when does this radicalization process completely turn into extremism? Can one draw the line of demarcation between these notions?

In fact, even in everyday practical life it is very difficult to differentiate between the

freedom for faith and religious radicalism. Many scholars also demonstrate some controversial position on the complete transition of radicalization process into religious extremism. However, in general, there is such an accepted idea that an extremist is a person who tries to gain some results illegally and by force or disseminate his/her own idea.

Although in the early XX century terrorism, radicalism and extremism generated a serious threat in a number of countries including Azerbaijan, highly educated youth are capable of not only preventing radical terrorism but also denouncing it openly. The development of education plays an important role in the solution to social problems, in the development of the country. The conflicts in various countries of the world are due to the low level of education in those societies. Equal educational opportunities are created for every citizen in Azerbaijan, irrespective of his/her religion, ethnic identity. Owing to the care of the Azerbaijani state which attaches special attention to this area, over three thousand schools have been built for the last ten years. Owing to the education programs abroad over 3500 young people have got their education abroad. Multiculturalism is being taught at universities having been included in our country's university curriculums [See: The Role of the Youth in the Struggle Against Terrorism, Extremism and Radicalism.].

The 4 December 2015 Law of the Republic of Azerbaijan "On the Struggle against Religious Extremism", which defines the legal and organizational bases of the struggle against religious extremism in the Republic of Azerbaijan, fixing the rights and duties of the state organs and citizens carrying out the struggle against religious extremism, conceptualizes religious radicalism and fanaticism as follows:

Religious radicalism is the behavior which expresses the association with extreme religious views in the frames of any faith, demonstrates irreconcilable attitude in fixing the exceptional nature of those religious views and is characterized by the use of aggressive methods and means in its dissemination;

Religious fanaticism is an extreme degree of religious belief excluding any critical approach and accompanied by blind observance of religious norms as one of the ideological bases of religious extremism [See: The Law of the Republic of Azerbaijan "On the Struggle Against Religious Extremism"];

Besides, that law reflects the main goals of the Republic of Azerbaijan in the struggle against religious extremism – the guarantee of the bases of the Constitutional structure of the Republic of Azerbaijan, as well as its territorial integrity and security, the protection of the human and civil rights and freedoms, the detection, prevention of religious extremist activities, the minimization of the expected harm resulting from religious extremism, the detection and elimination of the reasons for and conditions of the formation of religious extremism and the implementation of extremist activities as well as the detection and elimination of the cases of financing religious extremism, the main principles of the struggle against religious extremism, the subjects, forms and methods of carrying out special operations against religious extremism, the situation and responsibility arising from the religious extremist activities, also in cases of violation of the appropriate provisions of the legislation of the Republic of Azerbaijan.

Cases of religious extremism were more often observed in Azerbaijan in the early 1990s. In the first years of independence the lack of socio-political stability and the weak capacity of the state to control over this area, also the low level of religious education of the people as a result of the 70 year advocacy of Soviet atheism led to the formation of various groupings in a religious disguise. Certainly, under these conditions it was easier to attract people by making use of ideological gap and force them to act in accordance with their purposes.

It should be noted that later on as years passed, and development continued, the state attached special attention to this area and formed a related strategy. That is, in 1992 the Law of the Republic of Azerbaijan “On the Freedom for Faith” was adopted; and thus, the legal prism of relations between the state and religious organizations was defined. And the 1995 Constitution of the Republic of Azerbaijan determined the main principles of relations between religion and the state at the highest level.

As Article 1 of the Law “On the Freedom for Faith” clearly points out, everyone has the right to profess any religion alone or together with others and express his/her conviction related to his/her attitude to religion and disseminate it. No obstacle can be made in the individual’s expression (demonstration) of his/her faith, participation in prayers, religious rituals and ceremonies or his/her learning religion. No one can be forced to express (demonstrate) his/her faith, perform religious ceremonies or participate in religious ceremonies. The advocacy of religious faith and religious lifestyle cannot be allowed by using force or threatening with the use of force, as well as with an aim of causing racial, national, social intrigue and hostility. The dissemination and advocacy of religions (religious movements) diminishing human dignity or going against the principles of humanism are forbidden [See: The Law of the Republic of Azerbaijan on the Freedom for Faith].

Getting officially registered, religious communities function as legal entities in the Republic of Azerbaijan, and all religious communities are equal before the law and state. In accordance with Article 18 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, religion is separate from the state, and all religious faiths are equal before the law [The Constitution of the Republic of Azerbaijan]. In fact, this principle clearly defines the direction of the relations between the state and religion. Like in all other secular states, the intervention of religion into the state or the reverse is impossible, and all religious creeds are freely represented in society.

However, as it is also understandable from Article 1 of the above-mentioned Law “On the Freedom for Faith”, in order to prevent the dissemination of the creeds or movements diminishing human dignity and going against the principles of humanism, the state must hold the function of general control in its hands and be responsible for the safety of society and the supreme nature of the law.

In Azerbaijan religious radicalism is one of the most dangerous branches of radicalism. The anticipation and prevention of its complications are of great importance from the points of view of a stable society, coexistence of different religious beliefs, and maintenance of tolerance. The Republic of Azerbaijan has always been one of the centres of tolerance where peaceful coexistence, various cultures and religious beliefs were assembled on a single stratum. Despite the big number of the forces willing to cause an artificial problem for the last years, our state has always been able to provide the necessary peace, stability on its territory. The hardest form of radicalism of the recent years was the accident in the village of Nardaran, Baku. That is, another state’s banner was hoisted in the middle of the village, and it was pointed out as a motto that power must be regulated by religious rules, not the secular ones. This certifies to the association of that religious radicalism with the religious-ideological profile of another state, and our assumption that the villagers had been influenced by that profile. Despite all this, the state has maintained its stable status and the peace of the population, and taken the security measures successfully.

It should be noted that religious radicalism is not formed naturally. The outside and external forces try to form it artificially in their own interests and under their own impact. The main goal here is the technological use of the religiously disguised political interests of foreign forces who

are interested neither in religious activity nor in faith [See: The Threat of Religious Extremism and Its Complications].

In scientific literature the reverse process of radicalization is called “deradicalization”. That is, the preventive measures of the states against religious radicalism and extremism accomplish the composition of the notion “deradicalization”. These preventive measures can be distinguished in three aspects:

- The legal struggle against religious radicalism and extremism
- Educative measures and formation of ideological alternative policy
- International cooperation in the struggle against religious extremism and the armed groupings formed by a religious disguise.

Combatting the movements advocating radicalism and religious extremism, which are the real and potential sources of threat to the Azerbaijani people’s national interests, taking necessary measures to prevent the moderate believers, youth and teenagers from getting under the impact of harmful religious ideologies are among the basic activities of the Republic of Azerbaijan in religious education.

As examples to these measures, one can cite the complex activities organized by the state in all regions of the Republic targeted at religious education in order to combat the credulity, religious radicalism and extremism, advocate the national-spiritual values, promote our tolerant and multicultural traditions, also re-animate the traditional Islamic values as an alternative to radicalism and fanaticism.

Every state wages a struggle against religious radicalism and extremism in the frames of its legislation. Article 167 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan criminalizes such actions as preventing from the exercise of religious rituals, forcing to religious faith or financing such actions on the grounds of religious hostility, religious radicalism or religious fanaticism, illegal production, import, purchase or dissemination of religious literature, audio and video materials, goods and products and other information materials with religious content, and the crime with these actions constitutes the basis of legal struggle. In Article 168 of the Criminal Code the usurping of the citizens’ rights by the disguise of the exercise of religious rituals, i.e. the organization of a group functioning by the disguise of disseminating religious beliefs and the exercise of religious rituals and rioting through this activity or harming the citizens’ health or violating the citizens’ rights, irrespective of its form, as well as distracting the citizens from fulfilling their duties as identified by the law, leading that group or participation in such a group and violating the requirements of religious advocacy, religious rituals and ceremonies are also considered acts forbidden by the legislation and generating criminal legal responsibility. Moreover, Article 283 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan criminalizes the initiation of national, racial, social or religious hatred and fraud considering them criminal acts. That is, the actions targeted to initiate national, racial, social or religious hatred and fraud, diminish the national dignity as well as restrict the citizens’ rights or identify their priorities depending on their national, racial or religious identities cause criminal responsibility when committed [See: The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, Baku] openly, also by using the means of mass media.

However, no matter how legally important the struggle against religious extremism or radicalism is, it is not sufficient yet. One of the most important symptoms of the process of deradicalization is the high level religious education.

As it is noted at the beginning of the article, the Republic of Azerbaijan is one of the rare states that realize the idea of multiculturalism on the stratum of a state policy. This very

policy is a humanistic and liberal political line advocating and supporting multiculturalism and multiconfessionalism in society. In Azerbaijan, which is rich in ethnic, national and religious diversity, the policy of multiculturalism is the greatest obstacle before the emergence of religious radical views along with living up to expectations. Since, any creed and culture not forbidden by law can comfortably exist in multicultural society, and is even supported by the state. In such societies it becomes difficult to conduct a radical advocacy in a religious disguise, and ideologically the state happens to acquire self-defence mechanism as well.

Unfortunately, it should be noted that in a number of Western states, especially in the states facing the migration problems the policy of multiculturalism is rejected, and they try to present this notion in a different sense. For instance, it is mentioned that multiculturalism can lead to compactization. That is, the attempt of every national minority to protect its culture and religion can cause a conflict within a state, and different compact groups can be formed. During his speech at the 47th Munich Security Conference organized on 5 February 2011 the then Prime Minister of Great Britain David Cameron used expressions implying the following: “the doctrine of multiculturalism prevents the process of integration in society. Consequently, different communities, especially the Muslim community conduct advocacy contradicting the values of our democratic societies rejecting the liberal values in society which enables the rise of religious extremism. “Under the doctrine of state multiculturalism, we have encouraged different cultures to live separate lives, apart from each other and apart from the mainstream. We’ve failed to provide a vision of society to which they feel they want to belong. We’ve even tolerated these segregated communities behaving in ways that run completely counter to our values. However, certainly, such kind of approach is not a true one, and the essence lying in the roots of this approach by some European countries is of economic nature. That is, the political solution to the clashes of cultures generated as a result of economic migration must be an obligatory integration. This scene can also be described by Max Frisch’s famous expression: “We wanted workers, we got people.” It is not difficult to imagine that this kind of approach is an approach contradicting universal values.

Every nation has the right to maintain its creed, customs and traditions and culture, and all states must enable it. The reverse of it can lead to such crimes as assimilation or isolation or apartheid, ethnic-national conflicts and faith discrimination which can certainly generate dangerous hotbeds of conflicts, terroristic groupings in a religious disguise or disguised as the movement of resistance. From another angle, the reverse of the policy of multiculturalism can lead to the disappearance of minor cultures which will further inflame the process of polarization and the emergence of the notion of dominant culture, the hatred among the nations. As is mentioned by the outstanding American scholar Samuel Huntington, there can be the clash of civilizations.

Whereas, the Republic of Azerbaijan treats both the maintenance of religious diversity and the policy of multiculturalism very sensitively and has formed a special political line in this area. In this connection there is even Baku International Centre of Multiculturalism, the State Committee for the Work with Religious Organizations, Department of the Presidential Administration of the Republic of Azerbaijan on Interethnic Relations, Multiculturalism and Religious Issues. Even in his opening speech at the VI Baku International Humanitarian Forum the President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev emphasized it, “There is no alternative to multiculturalism. The reverse of this policy is Islamophobia, xenophobia, anti-Semitism and discrimination.” That is, the policy and ideology of multiculturalism is actually a humanistic and liberal political course targeted at promoting interreligious, interfaith and intercultural

dialogue rather than igniting religious extremism.

On the other hand, it should be mentioned that the Republic of Azerbaijan is taking many educational measures to pursue the policy of multiculturalism and combat religious extremism. That is, for instance, it is closely cooperating with the State Committee for the Work with Religious Organizations, Baku International Centre of Multiculturalism, other central and local executive bodies, the civil society institutions, and organizes a series of conferences, sessions, “round tables” jointly with them almost in all regions of the country. These events, mainly are aimed not to allow the cases of intolerance, discrimination among the believers of different religions and sects, but strengthen tolerance and multiculturalism in the activities of religious communities, prevent the radical tendencies in society and involve religious communities in these activities. The educational activities are carried out through electronic means of mass media, newspapers and publications prepared by the State Committee. For this purpose, different literature are published.

The Republic of Azerbaijan is continuing its activities to prevent religious extremism, protect citizens from foreign influences, maintain a stable religious situation in the country, guarantee the security of the population today as well. To adjust the normative-legal acts to the international norms, identify the rights and obligations of both the state and religious organizations precisely, as well as restrict the activities of the sects and movements advocating harmful ideas contradicting the principles of humanism, the legislative basis is regularly improved. The main goal here is to serve the correct development of each of the Azerbaijani youth, the advocacy of the maintenance of national values, customs and traditions in both their families and educational institutions, turning them into a bright future for the state and society. Yet, despite all the educational measures taken in the country, the untraditional radicals especially those disseminating radicalism, extremism and credulity, trying to politicize religion continue their activities. Therefore, it is necessary to take educational measures at the state level, facilitate the youth, who are the future of the country, in understanding and correctly appraising multiculturalism and the related state policy, the realities, the processes going on in the world, and guide them in certain directions.

As it is mentioned above, international cooperation is one of the the important elements of the process of deradicalization. It is clear that if the world community jointly combats religious radicalism, extremism and terroristic groupings, which are derived from them and formed in a religious disguise, more successful outcomes can be obtained. However, joint cooperations are more important also for these phenomena not to emerge. That is, ideological struggle and exchange of experience are more important than armed struggle. Unfortunately, it must be noted that the international struggle against extremism leaves much to desire yet. Most often the international organizations treat in the content of international terrorism the struggle against extremism. “The International Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism” adopted by Shanghai Cooperation Organization on 15 June 2001 is almost the first international document adopted in the frames of the struggle against extremism.

After gaining independence in the late XX century, the Republic of Azerbaijan ratified many international documents in the frames of close cooperation with international organizations and reflected them in its internal legislation to maintain and develop ethno-cultural and confessional diversity. For instance, such documents as “The International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination”, “The International Declaration on the Rights of the Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Language Minorities” in the frames of cooperation with the UNO, “The Framework Convention for the Protection of the National

Minorities” in the frames of cooperation with the Council of Europe, “Helsinki Final Act” in the frames of cooperation with the OSCE, “The Convention on the Protection and Promotion of Cultural Self-defence” and “The Declaration of Principles on Tolerance” in the frames of cooperation with the UNESCO have been ratified, and the main provisions of these documents have found their reflection in the Constitution of the Republic of Azerbaijan, which is considered the main law of the country, as well as in appropriate legislative acts.

Such norms of the Constitution of the Republic of Azerbaijan as Article 18 (Religion and State), Article 21 (State Language), Article 25 (Right for Equality), Article 44 (National and Ethnic Identity), Article 45 (Right to Use the Mother Tongue), Article 48 (Freedom of Conscience) are the greatest guarantee to maintain the ambiance of the ethno-cultural and confessional tolerance and provide multicultural security.

Azerbaijan is a tolerant country where various ethnicities and nationalities, people professing distinct religions have historically co-existed in friendship and fraternity. The values of humanism and multiculturalism peculiar to the Azerbaijani people are of exceptional importance in the peaceful co-existence of the ethnicities with distinct faith and beliefs for thousands of years, maintenance of the ethnic cultural diversity up to present.

Today interreligious relations are at the highest level in our country. The specialists visiting Azerbaijan are presenting religious tolerance as the universal model.

The entire world has already admitted that the policy of Azerbaijan is based on such principles as tolerance, strengthening of the ambiance of dialogue, realization of the rights of youth and women, consolidation of the present-day values.

Our State leader’s special attention to and care for the religious sphere, the repairs and restoration of mosques, churches and synagogues should also be emphasized. Azerbaijan is among the few countries which officially allocate financial resources to the religious sphere, repair and restore the religious places of worship at the state expenses.

Jointly with various state organizations, Baku International Centre of Multiculturalism regularly holds national and international scientific-theoretical, scientific-practical conferences, seminars, “round tables”, lectures, literary-artistic events on the themes of cultural diversity, tolerance and the role of intercultural dialogue in the solution to the conflicts, the Azerbaijani model of multiculturalism and the world multiculturalism models. As examples, one can cite the section on “The Role of Azerbaijan in the Formation of Multicultural Society” in the frames of the VII Global Forum of the UN Alliance of Civilizations on 27 April 2016, the First International Roundtable on “Terrorism Against Multiculturalism” on 28 June 2017, the International Conference on “The Past and Present of the Alban Apostolic Church” in the city of Gabala on 20 July 2017, and the conference on “The Azerbaijan Model of Religious Tolerance and Co-existence” in London on 17 May 2016 [See: Abdulla K. The Restriction of the Activities of the Radical and Extremist Movements in Azerbaijan.].

As the President of the Republic of Azerbaijan Mr. Ilham Aliyev pointed out, “Today multiculturalism is a state policy and also a lifestyle in Azerbaijan”.

CONCLUSION

It is obvious that as a social phenomenon, religion is a very sensitive and timely theme; and the more religion alienates from its origin, the more it becomes politicized and turns into a tool in the hands of extremist forces to achieve certain goals. Thus, there appears religious extremism, another negative social phenomenon, which is against all other views and tries to firmly inculcate its statements in people.

Today in the Republic of Azerbaijan the law enforcement bodies are taking consistent, educational and systematic measures to prevent the tendencies of extremism and radicalism in the country. One of the main goals of the state is not to facilitate or allow the dissemination of radical sects, religious extremism in our Republic.

In the modern period it seems impossible to prevent such kind of problems without joint efforts of a powerful state and civil society and international organizations. There must be both a powerful state and strong civil society to combat extremism and radicalism efficiently.

As a civil and secular state, Azerbaijan has always been against religious extremism, condemned religious intolerance and cooperated with other states in this sphere and is doing it today as well. Azerbaijan gives preference to cooperation with the countries combatting terrorism, religious extremism. At present legal enforcement bodies are taking consistent and targeted measures to prevent the radical and extremist tendencies. The activities of all the radical religious movements in the country have been taken under control, the import of harmful religious literature and its dissemination in the country have been prevented.

In Azerbaijan the educational work is being carried out intensively both by the state organizations and civil society representatives. Every year the State Committee for the Work with Religious Organizations develops special programs on educational work; besides this, hundreds of civil societies functioning in the country implement projects on religious education and advocacy of multiculturalism.

In accordance with the research findings, we would like to point out that religious security is really part of national security. Despite the stable and peaceful co-existence in the Republic of Azerbaijan, the threat of religious extremism, radicalism always exists for every state. To prevent all this, the traditions of tolerance and multiculturalism should be maintained, developed and advocated throughout the entire society.

Bibliography

Abdulla K. The Restriction of the Activities of the Radical and Extremist Movements in Azerbaijan. // [URL]: <http://kamalabdulla.az/2946/kamal-abdulla-azerbaycanda-radikal-ve-ekstremist-cereyanlarin-fealiyyeti-xeyli-mehdudlasib/>

Azerbaijan: Religious Pluralism and Challenges of Cultivating Identity. // [URL]: http://multiculturalism.preslib.az/en_others-dcsnD5KUXW.html

Hajiyeva A. Religion and Terrorism. // [URL]: http://azkurs.org/pars_docs/refs/25/24124/24124.pdf/2018

Ismayilov Gunduz. Tolerance: What We Know and We Don't. Baku 2014, p.191

Karimova E. The Struggle Against Religious Radicalism: Results and Obligations. The newspaper "Yeni Azerbaijan", 17 September, 2016

Mammadov J. Azerbaijan in the Struggle Against Extremism. // [URL]: <http://www.gumilev-center.az/az-rbaycan-dini-ekstremizml-mubariz-d/>

Multiculturalism and Religion // [URL]: <http://www.religiopolis.org/publications/3894-multikulturalizm-i-religija-5.html> (in Russian)

PM's Speech at Munich Security Conference, 5. February, 2011

President Ilham Aliyev's Opening Speech at the IV Baku International Humanitarian Forum, 2 October 2014

Religious Extremism. The Human Truth Foundation. // [URL]: <http://www.humanreligions.info/extremism.html>

Religious Freedom and the Struggle Against Extremism // [URL]: <https://berkeleycenter.>

georgetown.edu/projects/religious-freedom-and-the-struggle-against-extremism

Religious Security Is Part of National Security. The newspaper “Zaman”. 17 March 2015. // [URL]: <http://anl.az/down/meqale/zaman/2015/mart/426816.htm>

The Caucasus and Globalization. Volume 3, Issue 2-3, page, 2009

The Constitution of the Republic of Azerbaijan. Baku, November, 1995. The Threat of Religious Extremism and its Complications. // [URL]: [araz/media/10](http://araz.media/10). <http://araz.az/index.php/dig-r/dz-miyy-t/2293-dini-ekstremizm-t-hluk-si-v-onun-f-sadlari>

The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, Baku.// [URL]: <http://www.e-qanun.az/code/11>

The European Parliament, Religious Fundamentalism and Radicalism, Briefing, March, 2015

The Law of the Republic of Azerbaijan “On the Struggle Against Religious Extremism”, 05.12.2017. // [URL]: <http://www.dtx.gov.az/news112.php>

The Law of the Republic of Azerbaijan on the Freedom for Faith, Baku, 1992

The Principles of the Policy of Multiculturalism and Azerbaijan. The newspaper “Republika”, 10 June 2016.// [URL]: <http://unec.edu.az/multikulturalizm-siyasetinin-prinsipleri-ve-azerbaycan/>

Шаповал Ю.В.

Возвращенцы из Сирии: вызов светскости в Казахстане?

Shapoval Yu.V.

Returnees from Syria: a challenge to secularism in Kazakhstan?

Аннотация: Статья фокусируется на эволюции политики секуляризма, осуществляемой в Казахстане со времени обретения независимости. Возвращение женщин из Сирии (операции Жусан 1,2,3 в 2019 году) и их реабилитация являются определенным вызовом политике секуляризма в Казахстане на современном этапе, заставляющем переосмыслить опыт «светскости» с целью найти им место в светском государстве. В статье рассматриваются проблемы, связанные с реабилитацией данных женщин и их ресоциализацией, анализируется опыт Казахстана в этой сфере.

Ключевые слова: Светское государство, секуляризм, дерадикализация, реабилитация, ре-социализация

Abstract: The article focuses on the evolution of the secularism policy pursued in Kazakhstan since independence. The return of women from Syria (operations Zhusan 1, 2, 3 in 2019) and their rehabilitation are a certain challenge to the politics of secularism in Kazakhstan at the present stage, forcing to rethink the experience of “secularism” in order to find a place for them in a secular state. The article discusses the problems connected with the rehabilitation of these women and their re-socialization, analyzes the experience of Kazakhstan in this area.

Keywords: Secular state, secularism, de-radicalization, rehabilitation, re-socialization

В Казахстане со времени обретения независимости реализуется модель светского государства и политика секуляризма. В понимании секуляризма мы будем исходить из концепта секуляризма Х. Казанова [Cazanova J., p. 66-71]. Во-первых, политический

секуляризм не является антирелигиозным, но вполне может допускать функционирование религии, рассматривая ее как содержащую моральные нормы, гуманистические принципы, нравственный потенциал. Как отмечает Х. Казанова, необходимо говорить не о дихотомии между религиозной и светской сферой, но об их динамическом взаимодействии. Во-вторых, секуляризм, в основе которого лежит отделение государства от религии, стремится ограничить религию, заключить ее в определенные границы «собственно религиозного», и сохранить публичную сферу свободной от религии. Таким образом, вопрос о секуляризме как политическом проекте – это вопрос о границах между светским и религиозным, как они проведены.

В целом, современный секуляризм имеет многообразные исторические формы, т.е. различные нормативные модели отделения государства от религии, обусловленные историческим опытом взаимоотношения государства и религии, национальными ценностями и культурой: от более жестких форм секуляризма (Франция) до более мягких (США, Великобритания).

Обратимся к модели секуляризма, реализуемой в Казахстане. Необходимо отметить, что модель секуляризма в Казахстане претерпела эволюцию на протяжении периода независимости и продолжает развиваться. Становление секуляризма было частью процесса национального строительства и одним из первых законов, принятых независимым государством Республикой Казахстан, был Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (январь 1992). Закон был либеральным и оставлял широкую сферу для религиозной деятельности религиозных объединений. В нем были провозглашены принципы светскости государства: отделение государства от религии и религиозных объединений, равное нейтральное отношение государства ко всем религиям. Для регистрации религиозного объединения достаточно было 10 человек. Данный Закон создал условия для активной миссионерской деятельности и для формирования религиозного рынка.

Процесс роста этнического самосознания сопровождался религиозным возрождением. В то же время ресурс религии использовался для укрепления государственной власти, в частности была выстроена казахстанская модель межконфессионального и межрелигиозного мира и согласия, что, безусловно, было очень важно для полиэтнического и мультиконфессионального казахстанского общества. На указанном этапе осуществлялось государственное регулирование религиозной сферы, религиозный рынок постепенно фреймировался государством, проводились границы, которые затем были закреплены законодательно. В частности, в национальном и академическом дискурсе религии делились на традиционные (прежде всего, это ислам и православие) и нетрадиционные (акцент на новых религиозных движениях). Исламские течения и организации также были разграничены на традиционный ислам и нетрадиционный. Традиционный ислам – это ислам ханафитского мазхаба акида Матуриди, является частью культуры и идентичности казахского народа, соотносящийся с его традициями. Нетрадиционный ислам – ислам, привнесенный иностранными миссионерами, не коррелирующий с формой бытования ислама в Казахстане, представляющий угрозу для национальной безопасности.

2011 год явился поворотным для модели секуляризма в Казахстане. Серия террористических актов стала вызовом для данной модели, для государственной политики в религиозной сфере. Произошел переход от мягкого проведения границ между религиозным и светским к более жесткому государственному регулированию. Был принят

новый Закон Республики Казахстан (РК) «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». В преамбуле Закона РК была обозначена историческая роль ислама ханафитского мазхаба и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважение других религий, коррелирующих с духовным наследием народа Казахстана. Также, согласно этому Закону, необходимо 50 человек, чтобы зарегистрировать религиозное объединение местного уровня, региональное объединение – 500 человек, религиозное объединение республиканского уровня – 5000 человек. В статье 7 Закона запрещалось проведение религиозных обрядов и церемоний в государственных учреждениях, силовых и военных структурах, институтах образования. Кроме того, в Законе РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в статье 3, пунктах 11, 12, 13, 14, 15 прописано запрещение деятельности незарегистрированных организаций по принуждению к участию в религиозной деятельности, недопущение деятельности религиозных объединений, сопровождающейся причинением вреда здоровью человека, нарушением его прав, подрывом нравственных устоев, разрушением семьи, побуждением к отказу от своих гражданских обязанностей и т.д. В статье 3, п. 13 прописан запрет религиозным объединениям использовать обман, шантаж, насилие угрозы, материальную зависимость. В рассматриваемой статье, п. 15, содержится запрет на решения и действия религиозных объединений, способные подорвать устои государства. Был усилен контроль за миссионерской деятельностью, введена обязательная религиозно-экспертная экспертиза, процедура которой описана в данном Законе.

2011 год стал рубежным и в плане осознания того, что религиозный насильственный радикализм не является импортированным, а произрастает на местной почве («homegrown»). Исследователь С. Бейсембаев [Beissembayev S., p. 13], характеризуя ситуацию в Казахстане, отмечает, что до 2000-х годов религиозный радикализм в Казахстане был преимущественно импортированным, а в 2003-2004 годах появились признаки появления так называемого «homegrown» терроризма, что проявилось в увеличении числа казахстанских граждан, осужденных за религиозный экстремизм и терроризм.

В связи с обострением международной обстановки в результате захвата террористической группировкой ИГИЛ территории Сирии и провозглашением Исламского государства – халифата, ситуация с религиозным экстремизмом ухудшилась, так как радикально настроенные и рекрутированные пропагандистами вышеуказанной организации граждане Казахстана стали выезжать в зону военных действий и выступать на стороне боевиков, называя это хиджрой в Исламское государство. Большинство выезжающих являлись молодыми людьми, которые уезжали со своими женами и детьми. Таким образом, проблема религиозной радикализации и религиозной экстремизма стала одной из ключевых в повестке дня.

Радикальная религиозная идеология, представленная на территории Казахстана такими движениями как мадхализм и такфиризм, нарушила сложившиеся статус кво сформировавшейся модели секуляризма. Учение мадхалитов и такфиристов при всем их различии в методах достижения цели, имеет сходные черты, в числе которых неприятие традиционного для мусульман Казахстана ислама, и негативное отношение к светским порядкам, в том числе к законам, органам власти и управления, особенно это характерно для такфиристов.

Была принята Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013-2017 годы, в рамках

реализации которой развернута работа по профилактике вовлечения людей в радикальную религиозную идеологию. Фокус превентивной работы заключался в информационно-пропагандистской и информационно-разъяснительной работе с населением с целью ликвидации религиозной неграмотности населения, донесения до него знания о традиционном исламе. Главная причина распространения религиозной радикальной идеологии среди людей, особенно молодежи, виделась государственными институтами и большинством экспертного сообщества в недостаточности религиозоведческих и теологических знаний, в частности незнании основ ханафитского мазхаба, неверной интерпретация Корана. Особая роль в данной работе принадлежит теологам, которые должны выявить противоречия салафитской доктрины и разъяснить основы ислама мазхаба Абу Ханифы. Теологи работали и продолжают работать в двух направлениях – в превентивных программах с населением, а также по дерадикализации уже вовлеченных в радикальную идеологию ее адептов и отбывающих наказание за экстремистскую деятельность.

Однако, выезд граждан Казахстана в «Исламское государство» продолжался, особенно активно с 2014 по 2016 годы., что свидетельствует о недостаточной эффективности предпринимаемых мер и необходимости переосмысления факторов радикализации.

В качестве недостатков профилактической работы С. Бейсембаев отмечают следующие. Первое, информационно-пропагандистская работа часто не достигает маргинальных групп молодежи, которая не учится и не работает официально, а также молодежи, связанной с криминалом, а ведь она является одной из наиболее уязвимых групп для воздействия радикальной религиозной идеологии. Второе, необходимо комплексное видение факторов религиозной радикализации [см.: Weissembayev S., p. 18].

Авторыбольшогоисследованияпооценкипревентивныхпрограммпредотвращению радикализации среди британской молодежи А. Хиршфильд, К. Кристман, Л. Вилсокс, М. Рогерсон по результатам исследования выделили комплекс факторов риска в молодежной среде, которые способны привести к радикализации. Среди первостепенных факторов выделяют следующие: социальное отчуждение, социальная изоляция и маргинализация; проблемы с самоидентичностью; определенный этап в жизни, связанный с кризисом; воздействие медиа и Интернета; вовлеченность в криминальную среду; неправильное понимание Корана; социально-экономическая депривация; психологические проблемы. Соответственно, процесс религиозной радикализации вызван не только чисто теологическими факторами, но целым комплексом социальных и психологических проблем, на которые нужно обратить внимание. Превентивные программы должны выстраиваться на основе комплексного подхода [см.: Hirschfield A., Christmann K., Wilcox A., Rogerson M.].

Проделанный нами анализ салафитских движений, действующих на территории Казахстана (мадхалиты, и такфиристы) через призму психологических методик воздействия на личность («исправление мышления» или «промывание мозгов») Р. Лифтона показал, что главная цель нетрадиционных исламских течений - отчуждение человека от окружающего социального мира, формирование тунельного, ограниченного радикальной идеологией сознания, замыкание его на группе с радикальными взглядами, которая противопоставляет себя обществу [см.: Лифтон Р.]. Указанной цели служат такие методы как средовой контроль, выражающийся в принципе «ал-вала' уа-л-бара», что означает разрешение вступать в дружеские и приятельские отношения лишь с собственными единовѣрцами, такфир – обвинение в неверии всех, включая мусульман,

не разделяющих их взгляды, использование блокирующих мышление клише. («язык немышления»), представляющий мир в черно-белых красках (добро-зло, мы-они, вера – неверие), создание образа врага.

В результате проведения операций Жусан - 1, Жусан - 2, Жусан - 3 в Казахстан были возвращены женщины с детьми из Сирии, что является, на наш взгляд, очередным вызовом модели секуляризма в Казахстане, который заставляет переосмыслить весь прошлый опыт светскости. Необходимо отметить, что наши выводы носят предварительный характер, поскольку исследование продолжается.

Вернувшихся женщин условно можно разделить на несколько категорий. Основную массу составляют женщины от 22 до 38 лет с детьми разных возрастов. Эти женщины были вовлечены в радикальную идеологию в своей стране. Казахстанский кейс подтверждает мнение большинства исследователей о приоритете социальных связей и социального окружения, «социального влияния» для принятия человеком религиозных убеждений. Это и социально-психологическая теория и концепция конверсий Дж. Лофланда и Р. Старка [Lofland J. Stark R. ,P. 862-875]. Большинство женщин указывало на подруг, соседок, знакомых по работе, повлиявших на их религиозный и жизненный выбор. Девушки попадали в женские джамааты. Групповой контекст согласно социально-психологической теории способствует радикализации сознания. Индивидуальные взгляды и установки становятся более радикальными в групповом окружении. Этот феномен получил в социальной психологии определение групповой поляризации. Джамааты находили им подходящего мужа с соответствующими радикальными религиозными взглядами, с которым они затем, как правило, через некоторое время выезжали в зону ИГИЛ. Также важным, вторым по значимости фактором, является Интернет. Здесь также функционируют в социальных сетях виртуальные, сетевые джамааты, куда вовлекались девушки и через которые они находили себе потенциальных мужей и выезжали к ним в Сирию для заключения брака. Большую роль играла он-лайн пропаганда радикальных религиозных взглядов различными русскоязычными проповедниками, особенно активно слушались лекции Надира Абу Халида, Саида Бурятского, Ахмада Мединского и др.

Вторая группа женщин представляет собой молодых девушек в возрасте 16 лет, которые были вывезены еще детьми своими семьями, или только матерями в Сирию, там были выданы замуж, и уже, как правило, имеют маленьких детей. Они выросли в так называемом Исламском государстве. Третья группа женщин старше 40 лет, у которых процесс радикализации происходил под влиянием ближайшего социального окружения (сестер, братьев, знакомых, а также виртуальных знакомых). Они разрывали отношения с мужьями, в случае если муж не придерживался их взглядов, выезжали с детьми без согласия супруга, и уже там выходили замуж, часто неоднократно. Здесь следует отдельно выделить группу женщин старше 50 лет, которые поехали за своими взрослыми детьми.

Вышеобозначенные женщины не смогли по разным причинам найти себе место в светском государстве и выехали в Сирию. Среди ответов о причинах выезда, многие женщины говорили о том, что хотели жить в исламском государстве, где все стороны жизни людей устроены по исламским законам. По их высказываниям, в Дауле (исламском государстве) «не было харама, не было того, что запрещено, мужчины и женщины не пересекались», «шариат был, казна была, давали по 50 долларов на человека». Большую роль играла пропаганда ИГИЛ в Интернете, где идеализировалось провозглашенное ими «исламское государство» и содержался призыв переезда. Конечно, значительная часть женщин разочаровалась, но определенная часть признает, что их устраивала жизнь в этом

государстве до 2016 года, когда активизировались широкомасштабные военные действия и бомбежки ИГИЛ, а некоторые из них возможно бы не вернулись, если бы были живы их мужья-шахиды. Во время проживания в «исламском государстве» подавляющее большинство женщин посещало курсы при мечетях, где наряду с Кораном изучалось вероучение, которого придерживается ИГИЛ, то есть продолжался процесс «исправления мышления», «контроля сознания» со стороны этой группировки, который начался еще на родине.

Практически все женщины придерживаются ненасильственных радикальных религиозных взглядов, внушенных проповедниками. Все женщины носят хиджаб, в ИГИЛ они носили никаб черного цвета. Многие женщины отмечали, что им нравится черный цвет как по эстетической причине, так и в связи с тем, что сподвижницы пророка были в черном. Для них непростоим решением является одеть хиджаб других цветов, особенно светлых, не говоря уже о снятии хиджаба. Маленький процент вернувшихся женщин сняли хиджаб, а затем значительная часть из этих женщин снова надели его.

Таким образом, процесс дерадикализации, а в более широком смысле возвращения в светское государство, является трудным во многих аспектах, не только в религиозном, но и в психологическом, и в социальном. Учитывая то, что на воспитании каждой из них находится по несколько детей, которые будут влиять в долгосрочной перспективе на будущее страны, задача детской дерадикализации и включения в светские общественные процессы является очень важной и жизненно необходимой.

Политика вытеснения данных женщин из общественной сферы, их стигматизации, снова приведет их к джамаатам, то есть к социальному отчуждению, социальной изоляции. Акцентуация преимущественно теологического переубеждения недостаточно, поскольку у этих женщин целый комплекс проблем социального, экономического, психологического характера. В рамках Жусан 1,2,3 реализовывался комплексный подход к женщинам с детьми, вернувшимся из Сирии, который заключался не только в дерадикализации, но в физической, психологической, социальной реабилитации и ресоциализации в светское государство и общество. К работе с данными женщинами были подключены многие заинтересованные акторы: государственные органы, силовые структуры, неправительственные организации (Фонд Право, Акниет), образовательные учреждения. Были задействованы различные специалисты: психологи, социальные работники, теологи и религиоведы. С детьми также вели занятия психологи, учителя, беседовали теологи и религиоведы. После периода «карантина» и первичной адаптации, женщины были направлены в регионы своего прежнего проживания, где на базе филиалов Фонда Право осуществляется дальнейшее их сопровождение, а именно ведется работа по их социальной адаптации путем обучения различным специальностям, трудоустройства, беседы с теологами и религиоведами, психологами. Часть молодых женщин, учившихся в ВУЗах до выезда в Сирию, вернулась к учебе. Активная работа в данной сфере продолжается.

В нормативно-правовом пространстве проводится работа по совершенствованию превентивных программ по религиозной радикализации, а также проектов по дерадикализации, в частности, приняты Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму на 2018-2022 годы, Концепция государственной политики Республики Казахстан в сфере религии на 2017-2020 годы, призванные также усовершенствовать сложившуюся модель секуляризма.

На наш взгляд, для большей эффективности работы по реабилитации и ресоциализации указанных женщин полезно было бы обратиться к психологическому концепту посттравматического роста (posttraumatic growth), который означает, что индивид после негативного травматического опыта не только возвращается к прежнему состоянию, но выходит на качественно новый уровень своей жизни, улучшая ее. Вернувшиеся женщины и их дети пережили в той или иной степени психологическую травму, а некоторые и физические травмы. Посттравматический рост у данных женщин, для измерения которого необходимо разработать специальную методику, будет сопровождаться рядом кардинальных личностных изменений, а именно изменением в восприятии себя, в отношениях с другими людьми, изменением жизненной философии и в направлении придания ценности жизни, видения различных возможностей, духовного роста. Результатом вышеуказанного процесса будет их включение в светское государство и в общественные процессы, что в свою очередь приведет к развитию светской модели в Казахстане на новом уровне.

Библиографический список:

Лифтон Р. Технология промывки мозгов: Психология тоталитаризма. СПб: Прайм-Еврознак, 2005.

Beissembayev S. Religious Extremism in Kazakhstan: From Criminal Networks to Jihad// Central Asia Fellowship paper. 2016. № 15.

Cazanova J. The Secular, Secularizations, Secularisms in Rethinking Secularism. New York: Oxford University Press. 2011.

Hirschfield A., Christmann K., Wilcox A., Rogerson M. Process Evaluation of Preventing Violent Extremism Programs for Young People // Youth Justice Board for England and Wales, 2012.

Lofland J. Stark R. Becoming a World Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective//American Sociologist Review. 1965. Vol. 30. № 6. P. 862-875.

Азизи Р.А.

Роль светского потенциала в ПНЭ (опыт Таджикистана)

Azizi R.A.

The role of secular potential in PNE (Tajikistan experience)

Аннотация: В докладе дается анализ основ светскости в нормативно-правовых актах Республики Таджикистан, а также их имплементация в государственных программах и стратегиях, особенно в сфере религиозной политики и ПНЭ. Дается оценка степени вовлеченности и эффективности использования светского потенциала в программах по ПНЭ. Выявлено, что, несмотря на благоприятную нормативно-правовую базу, институциональный потенциал светскости остается на сравнительно низком уровне. Обоснована важность более глубокого и интегрированного вовлечения светского капитала в программы по ПНЭ, а также приведены практические рекомендации исходя из опыта РТ.

Ключевые слова: Светский капитал, сообщества, общества, стабильность, безопасность, мировоззрение, естественный иммунитет, профилактика, радикализм, экстремизм

Abstract: The report analyzes the fundamentals of secularism in the regulatory legal acts of the Republic of Tajikistan, as well as their implementation in national programs and strategies, especially in the field of religious policy and PNE. The degree of involvement and the effectiveness of using secular potential in PVE programs is estimated. It was revealed that, despite the favorable regulatory framework, the institutional potential of secularism remains at a relatively low level. The importance of a deeper and more integrated involvement of secular capital in PVE programs is substantiated, as well as practical recommendations based on the experience of the Republic of Tajikistan are given.

Keywords: secular capital, communities, societies, stability, security, worldview, natural immunity, prevention, radicalism, extremism

Республика Таджикистан столкнулась с угрозой радикализма, экстремизма и терроризма с периода обретения своей независимости. Однако после 2000-ых наблюдается активизация и трансформация этой угрозы. Данные официальной статистики свидетельствуют о росте экстремистских проявлений в республике. Так, если, по статистическим данным МВД РТ, в 2010 году по республике был зарегистрирован всего 1 факт организации экстремистского сообщества, то в 2011 г. – 3, в 2012 г. – 8, в 2013 г. – 9, в 2014 г. – 43 [Статистические данные МВД РТ за 2010-2014 гг.]. После 2014 года с активизацией ИГ угрозой радикализма, экстремизма и терроризма приобретает новый характер, а пропаганда радикальной идеологии и вербовка новых членов в основном начала проходить в медиапространстве [Эксперт: Рекрутеры ИГ способны завербовать за несколько часов] и миграции. [Радикализация мигрантов: в чем есть правда, а в чем вымысел?].

Активизация деятельности экстремистских террористических организаций на Ближнем Востоке и вовлечение в ряды радикалов граждан стран региона Центральной Азии и Таджикистана, в частности, поставило перед государственными и негосударственными акторами новые вызовы и задачи по разработке действенных мер и стратегий. Так, в Республике Таджикистан была разработана и принята Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы (Указ Президента Республики Таджикистан от 12.11.2016 года, №776) [О Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы. Указ Президента РТ от 12 ноября 2016 г. № 776]. Подобные стратегии и планы действия были приняты и в других странах Центральной Азии. Однако анализ их содержания показал, что все они, в основном, нацелены на две основные задачи: предотвращение и противодействие. Вопросам реабилитации жертв радикальной идеологии, а также их реинтеграции и ресоциализации не уделено должного внимания. В результате, столкнувшись с ситуацией возвращения граждан из зон террористической активности, акторы оказались недостаточно подготовлены к работе с ними.

Одним из основных недостатков подобных стратегий и программ, на наш взгляд, является слабо выраженный акцент на светскость как альтернативу радикальной идеологии, основанной на религиозных принципах. Для Таджикистана, в отличие от других стран постсоветского пространства, выбор светскости не был безальтернативным вариантом «по умолчанию». С первых дней независимости стоял вопрос о выборе пути между «исламским» и «светским» государством. Светскость как конституционную основу пришлось защищать с оружием и оплачивать кровью. Подобную ситуацию можно связать с поиском моделей и ориентиров для новых постсоветских государств того периода. Если

для тюркоязычных стран региона ориентиром стала Турция с ярко выраженным на том момент акцентом на светскость, построение национального государства и интеграцию тюркоязычных народов, то для таджиков наиболее близким в языковом и культурном плане были персоязычные Иран и Афганистан, которые официально являлись «исламскими республиками». И всё же 6 ноября 1994 года была принята Конституция Республики Таджикистан, которая в первой главе закрепила неизменный принцип светскости, определив, что «Республика Таджикистан – суверенное демократическое правовое светское унитарное государство» [Научно-популярный комментарий к Конституции Республики Таджикистан].

В Конституции Республики Таджикистан (РТ) регулированию вопроса светскости уделяется особое внимание. Так, в соответствии со ст. 1 Конституции - РТ является светским государством. Далее в ст. 8 Конституции говорится о том, что, «в Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма. Идеология ни одной партии, общественного и религиозного объединения, движения или группы не может быть признана как государственная. Общественные объединения и политические партии создаются и действуют в рамках Конституции и законов. Религиозные организации отделены от государства и не могут вмешиваться в государственные дела. Создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп, запрещаются» [Тафсири илмию оммави Конституцияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон]. Также регламентация принципа светскости приводится в Законе «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.03.2009г. В ст. 5 данного закона определяется взаимоотношение государства и религиозных объединений, которое раскрывает суть принципа светскости государства. В соответствии с положениями данной статьи ни одна религиозная идеология не признается в качестве государственной и общеобязательной. Религиозные объединения отделены от государства, и государство:

- не вмешивается в определение человеком и гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности;
- не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;
- не вмешивается в деятельность религиозных объединений, за исключением случаев, предусмотренных законами; - обеспечивает светский характер образования в государственных образовательных учреждениях;
- способствует установлению отношений терпимости и уважения между верующими и неверующими гражданами, между религиозными объединениями различных религий и конфессий, равно как и между их последователями, не допускает проявлений религиозного фанатизма и экстремизма в деятельности религиозных объединений [Закон РТ «О свободе совести и религиозных объединениях»].

Так, основы светскости закреплены во всех нормативно-правовых актах Республики Таджикистан, а также имплементированы в государственных программах и стратегиях, особенно в сфере религиозной политики и ПНЭ.

Однако кроме постулирования и упоминания светскости как неизменного принципа степень вовлеченности и эффективности использования светского потенциала в

программах по ПНЭ оставляет желать лучшего. Несмотря на благоприятную нормативно-правовую базу, институциональный потенциал светскости остается на сравнительно низком уровне. Указом Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона от 12 ноября 2016 года была утверждена специальная «Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы» и «План действий по реализации Национальной стратегии» [О Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы. Указ Президента РТ от 12 ноября 2016 г. № 776]. Таджикистан стал первой страной Центральной Азии, принявшей подобные документы. Было запланировано, что Национальная стратегии (НС) будет реализована в три этапа:

Первый этап охватывает 2016 год. Это создание благоприятных предпосылок для реализации Стратегии, привлечение внимания государственных органов, общественности и международных организаций к этой проблеме, разработка планов и проектов по исполнению конкретных пунктов Плана действий по реализации Стратегии.

Второй этап Стратегии – 2017-2018 годы, создание и внедрение механизмов предотвращения и борьбы с экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму.

Третий этап охватывает 2019-2020 годы. На этом этапе обеспечивается активизация применения механизмов предотвращения и борьбы с экстремизмом и терроризмом, их совершенствование в зависимости от результатов мониторинга. В конце третьего этапа предусматривается обобщение результатов реализации Стратегии и при необходимости формирование предложений по разработке новых документов стратегического планирования в данной сфере [Ризоён Ш.Ш., с. 15-24].

Анализ инструментов реализации «Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы» показал, что основной акцент сделан на превентивные и силовые меры, а вовлеченность светского потенциала минимальна. Светскость несколько раз упоминается декларативно, однако не акцентируется в инструментах реализации. Хотя, существенным элементом радикализации так называемых «групп риска», в первую очередь молодежи с начала 90-ых годов прошлого века был от светских/советских ценностей. Этот процесс можно объяснить явлениями связанные с поиском идентичности: точнее с кризисом идентичности, который наблюдался в этот период. Этот кризис возник в результате неопределённости соотношения и баланса между «духовным наследием прошлого» и современными реалиями. Само понятие «исламское наследие» является неоднозначной категорией, которую в на постсоветском пространстве пытаются сочетать с «национальными», «государственными» «демократическим» и «гражданскими» ценностями. Весьма спорным, на наш взгляд, является утверждение о том, что «духовный фактор» стал действенным орудием против идеологии насильственного экстремизма и радикализма.

Сегодня, кого наблюдается снижение реальной боевой активности ИГИЛ и других радикальных террористических организаций, радиальная пропаганда приобретает латентную форму, а также встает вопрос реабилитации и реинтеграции возвращенцев и радикалов.

Проведенные исследования и мониторинг выявили недостаточную осведомлённость и неоднозначное восприятие светскости среди населения, в общем, и среди основных акторов ПНЭ, в частности [см. Баротзода Ф., Нурулхақов Қ.]. Соцопросы показали то, что большинство населения не имеет четкого представления о светскости и светских ценностях [Баротзода Ф., Нурулхақов Қ., с. 37]. Во-первых, это связано с тем, что термин

«дунявият» дословно переведённый с русского «светскость» является искусственным конструктом и имеет негативную коннотацию, воспринимаясь как нечто «бездуховное» и связанное с «мирским». Во-вторых, «светское» воспринимается как антипод «религиозному» и ассоциируется с «атеизмом» [Баротзода Ф., Нурулхақов Қ., с. 56].

Принимая во внимание результаты анализа имплементации, государственные акторы скорректировали некоторые моменты своей политики, и как результат, в официальной риторике наблюдается снижение упоминания «светскости» и замена его на сопутствующие или близкие по смыслу понятия «национальный», «гражданский», «просвещенный» и др.

Анализ опыта реализации стратегий и плана действий по ПНЭ обосновал важность более глубокого и интегрированного вовлечения светского капитала в программы по ПНЭ, что можно заметить в практических рекомендациях и решениях на уровне государственной власти, а также новых редакциях нормативно правовых актов и программ по ПНЭ.

Библиографический список

Баротзода Ф., Нурулхақов Қ. Вазъи динӣ-сиёсӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон (Религиозная и политическая ситуации в Республике Таджикистан - на тадж. яз.). Душанбе: «ЭР-граф», 2017.

Закон РТ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.03.2009 г. // [URL] http://mmk.tj/ru/library/o_svobode_sovesti_religioznih.doc

О Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы. Указ Президента РТ от 12 ноября 2016 г. № 776 // [URL] http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=91354

Радикализация мигрантов: в чем есть правда, а в чем вымысел? // [URL] <http://www.asiaplustj.ru/news/opinion/20181226/radikalizatsiya-migrantov-mifi-i-realnost>

Ризоён Ш.Ш. Опыт Таджикистана в профилактике экстремизма: проблемы и перспективы // Сборник «Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика» (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Уфа, 2019.

Статистические данные МВД РТ за 2010-2014 гг. // [URL] <http://www.rtsu.tj/ru/news/4301/>

Тафсири илмию оммавии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон («Научно-популярный комментарий к Конституции (Основному Закон) Республики Таджикистан». на тадж. яз.). Душанбе: Шарқи озод, 2010.

Эксперт: Рекрутеры ИГ способны завербовать за несколько часов // Новости Таджикистана // [URL] <https://asiaplustj.info/ru/node/257889?fbclid=IwAR3kydZ3oPWbmCVLeFJzxfd3E1A6XJwmYby9bcdS2DHkLi5ZHh54GyQBhj4>

Клевакова А.В.

Психолого-психиатрические риски личности террориста

Klevakova A.V.

Psychological and psychiatric risks of a terrorist personality

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальная проблема современного общества – особенности личности террориста.

Ключевые слова: терроризм, преступление, психологические особенности террориста, личность

Abstract: This article discusses the urgent problem of modern society - the characteristics of the personality of a terrorist.

Keywords: terrorism, crime, psychological characteristics of a terrorist, personality

Проблема понимания оснований терроризма может быть рассмотрена через психолого-психиатрические особенности личности. В связи с этим, на наш взгляд, представляется необходимым более подробное исследование этих особенностей личности террориста. Состояние научно-методологической литературы на данном этапе по этой тематике достаточно высокое. Широкую известность получили исследования А.М. Антоняна, В.В. Витюка, В. Леви, С. Рошина. В работах И.В.Боева и его сотрудников, рассматривается развитие пограничных расстройств, особенностей поведенческих и личностных нарушений с позиций конституционально-психотипологической изменчивости – т.е. основным «резервом», откуда берет начало личностная поведенческая, психосоматическая, невротическая и неврозоподобная патология, аномальные изменения диапазона личности в конституционально-континуальном пространстве.

По мнению В.В. Витюка, терроризм основывается на готовности к насилию вообще и отдельным террористическим актам в частности. Все это, по мнению автора, уходит корнями в органически присущую человеку склонность к агрессии и разрушительности на уровне инстинктов. Степень агрессивности у каждого человека разная. По наблюдениям В.В. Витюка, обуздать эти качества возможно лишь с помощью существующих правовых и нравственных норм, воспитания и культуры. [Витюк В.В., с.53].

В.В. Витюк считает, что террористам присущи определенные качества: это непримиримое противостояние определенному режиму, группе, нации, конфессии или идеям; стирание временных границ между прошлым, настоящим и будущим; нарциссизм, который представлен как на индивидуальном так и на групповом уровнях. Последнее качество основано на убежденности в исключительности собственной нации, страны, группы, культуры, либо религии. Такие убеждения способствуют развитию мессианского мировоззрения, которое в итоге сводится к идее “спасения мира”. Причем предназначение к осуществлению этой миссии имеется у какой-то отдельной группы или представителя определенной религии. Следующее качество, присущее террористам по мнению В.В. Витюка, это резкое деление людей на «плохих» и «хороших», жесткое разграничение категорий добра и зла. Культивируется идеология “малого стада” представители которого являются «добрыми», «честными» и «порядочными» людьми, живущими в мире зла, которые обязательно «спасутся», так как принадлежат к определенной религии или группе. Следующее качество, которое выделяет автор, выражается в представлении особых заслуг перед Богом, людьми или нацией. Сопровождается все это героизацией

своих сторонников (особенно тех, кто «погиб в борьбе»), а также в защите собственной религии от любых посягательств на ее достоинство и мировоззрение при стремлении к разрушению всего инородного. Необходимость такого разрушения оправдывается защитой неких неоспоримых священных ценностей. Еще одной характерной особенностью, присущей террористам, с точки зрения В.В. Витюка является формирование образа беспощадного и очень коварного врага. Таким образом, фанатизм террористов выражается в крайней приверженности своим идеям и идеалам в сочетании с агрессивностью ко всем инакомыслящим, ригидностью мышления и неспособностью забывать давние обиды.

В.В. Витюк называет это качество душевным мазохизмом, который сопровождается постоянным внутренним копанием своей группы, страны или себя и резкой эмпатией с проекцией на свою личность исторических обид, оскорблений, чувств религиозной или национальной исключительности с излишней драматизацией событий и действий направленных против себя и готовностью «ответа ударом на удар».

Следующее качество заключается в отсутствии понимания жизни как абсолютной ценности и неудержимое стремление к власти. Кроме того, готовность к самопожертвованию во имя великой миссии при уверенности в правомерности и моральности лишь собственных действий, что по мнению В.В. Витюка выражается в стремлении к обязательной общественной огласке своих акций.[см. Витюк В.В., с 50-55]

Известный психолог и психотерапевт В. Леви выделял двенадцать основных типов личности, которые имеют склонность к совершению террористических актов [Евсегнеев Р.А., с. 477]. Фанатик идеи, миссионер, мститель, идейный фанатик, сценарист режиссер [похож на фанатика но более уравновешен и хладнокровен], садист [страсть убийства у которого преобладает над всем], мазохист камикадзе[основан на самопожертвовании ради высшей цели], игрок авантюрист, технар, зомби, отморозок зверь, актер.

Исследователь С. Рощин, изучая психологию личности террориста, выделил ее модели. Первая, названная автором «Психопат-фанатик», характеризуется руководством личными убеждениями и искренней вера в то, что его действия полезны для общества. Подобный человек способен на все, так как сфера его сознания крайне сужена. «Фрустрированный человек» как вторая модель личности террориста по мнению С. Рощина, характеризуется тенденцией к агрессивным действиям, которая появляется у него из чувства фрустрации, состоящего в невозможности достижения жизненно важных целей. Сознание в этом случае является инструментом рационализации действий, служа для подбора оправданий. Третью модель в типологии С.Рощина представляет человек из ущербной семьи. По мнению автора, формирование озлобленной личности с асоциальными наклонностями уходит корнями в жестокое обращение родителей с ребенком, и люди, относящиеся к этой модели, зачастую становятся инструментом террористической организации.

Интересным, является мнение исследователя И.Г. Малкиной-Пых, которая считает, что психологические типы террористов в определенной степени соответствуют четырем типам темперамента[Малкина-Пых И.Г., с. 319]. По подсчетам данного автора среди участников террористических действий 46% холериков, 32% сангвиников, 12% меланхоликов и 10% флегматиков. По мнению Малкиной-Пых, воспитание террористов уходит корнями в детство, где стимулирующими доминантами являются идеологический компонент, ритуализация, строгость и ограниченность.[Малкина-Пых И.Г., с. 319] М.М. Решетников, ссылаясь на работы З. Фрейда, отмечает, что травма не всегда проявляется в чистом виде как болезненное воспоминание или переживание [Фрейд, З., с. 224]

Следует отметить, что изучение личности террориста всегда привлекало к себе внимание многих авторов. Считалось, что стоит изучить его личностные особенности, как в психологии такого рода преступников все станет ясным и проблема борьбы с террористической угрозой получит надежную научную базу.

При исследовании нами было выделено, что наиболее склонны к агрессивным действиям личности со специфическим расстройством, (диссоциальный и эмоционально-лабильный тип). Данной категории свойственно обманчивое обаяние (умение убедительно, складно, интересно и обтекаемо говорить, умение производить самое благоприятное первое впечатление, притворство, лицемерие). Личности в этой категории свойственны нездоровое самолюбие (сильно завышенные представления о своих способностях, о чувстве собственного достоинства, высокомерие и чувство превосходства над другими людьми); патологическая лживость (проницательность, хитроумие при умеренной психопатии; обман, лукавство, интриганство и недобросовестность, непорядочность — при выраженной психопатии), а также коварство, хитрость и склонность к манипулированию окружающими людьми, с целью получения личной выгоды. Бессердечное равнодушие к чувствам других людей, неспособность испытывать к раскаянию, состраданию, сопереживанию, сожалению, чувства вины и стыда сопутствуют периодическим угрозам акта самоповреждения. Присутствуют здесь и безответственность с попытками манипулирования другими людьми с целью перекладывания ответственности на них, и потребность в постоянном психическом возбуждении (в новых, захватывающих впечатлениях, склонности к риску ради бегства от скуки). Слабый поведенческий контроль (бурное выражение негативных чувств, словесные оскорбления и неуместные и неприемлемые способы выражения гнева, провоцирование драк и т.п) сочетается с неспособностью поддерживать продолжительные связи. Многочисленные краткосрочные браки и разводы, асоциальное поведение, тенденция к нарушению закона вкупе с низкой толерантностью к фрустрации и низким порогом перехода к агрессии, включая склонность к обвинению других и к насилию такими личностями приводят к разжиганию конфликтов [Евсегнеев Р.А., с. 477].

Нами также выявлено, что личность, подвергшаяся в прошлом насилию/пыткам, находилась в ситуации исключительной угрозы жизни катастрофического характера. Имея стойкие воспоминания или навязчивое «оживление» в памяти травмирующего события, в повторяющихся снах, либо повторное переживание горя при воздействии обстоятельств, напоминающих или ассоциирующихся с травмирующим фактором, личность тоже оказывается предрасположенной к терроризму. Аналогичные риски несут личности зависимого типа, которым характерны неуверенность в себе, низкая самооценка, активное или пассивное перекладывание на других ответственности в важнейших собственных решениях подчинение собственных потребностей другим людям, от которых индивидуум зависит, излишняя податливость их желаниям, готовность подчиняться требованиям других людей вплоть до совершения по их указанию незаконных действий из страха оказаться без поддержки, нужда в подбадривании со стороны окружающих с готовностью добровольно делать неприятные для себя вещи [Евсегнеев Р.А., с. 477].

Отмечается также наличие психотической симптоматики — такой, как резкие изменения в поведении, пренебрежение к привычным занятиям, взволнованное, агрессивное поведение, пониженная или повышенная активность, бред, устойчивые ложные убеждения, ощущения преследования, отравления, галлюцинации (зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные), бессвязная речь и/или неадекватное поведение

[Евсегнеев Р.А., с. 477]. Наблюдается склонность к деструктивной агрессии при спорах/ссорах с использованием физической силы по отношению к другому лицу, либо косвенная агрессия, направленная окольным путем на другое лицо или ни на кого не направленная. Свойственна террористу и такие эмоциональные качества, как раздражительность – т.е. готовность к проявлению негативных эмоций при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость); стойкий негативизм – оппозиционная манера поведения от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов; обидчивость – зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия; подозрительность – в диапазоне от недоверия и гиперболизированной осторожности до убежденности в том, что другие люди планируют и приносят вред. Вербальная агрессия проявляется через выражение негативных чувств как в форме (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы). Чувство вины – возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести.

Борьба против терроризма на наш взгляд должна начинаться с профилактических мер. Исследователь О.А. Липовая считает, что организация деятельности по профилактике терроризма требует системности, структурности и должна обеспечиваться скоординированной работой органов государственной власти с общественными организациями, религиозными структурами, другими институтами гражданского общества и отдельными гражданами [Липовая О.А, Корниенко А.А., с. 112]. Помимо того, интересным является мысль исследователя О.А.Липовой о том, что развитие критического мышления у отдельно взятых граждан еще в период их обучения может помочь снизить риск их попадания под влияние негативных убеждений, настроений, установок [Леви В.Л., с. 352].

Библиографический список

- Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М.. Логос, 2004.
- Витюк В.В.* Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций [соображения террологов] // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Терроризм. 1993. Вып. 4. С. 50-55.
- Ениколопов С.Н.* Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. С. 28 – 32.
- Евсегнеев Р.А.* Психиатрия. Минск: «Беларусь», 2008.
- Леви В.Л.* Конкретная психология. М: Торборан, 2009.
- Липовая О.А, Корниенко А.А.* Особенности проявления и профилактика терроризма. Международный журнал гуманитарных и естественных наук.2016, № 1. Т.5. С.111-114.
- Менделевич В.Д.* Клиническая и медицинская психология. 2005. 423 с.
- Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006..
- Роцин, С.К, Ениколопов С.Н.* Психология терроризма: круглый стол//Психологический журнал. 2009.
- Фрейд З.* О нарциссизме. М.: Здоровье, 2008.

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ RELIGION AND EDUCATION

Шабуров Н.В.

Как изучать религию в пост-секулярной ситуации? Российский опыт

Shaburov N.V.

How to study religion in a post-secular situation? Russian experience

Аннотация: В докладе идет речь о соотношении светского и конфессионального подхода к изучению религии в пост-секулярную эпоху. Прежде всего будет проанализирован российский опыт, который имеет определенную специфику, связанную как с характером советской секуляризации, так и с особенностями современной российской религиозной ситуации и религиозной политики. Большое внимание будет уделено опыту Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета.

Abstract: The talk is devoted to a correlation between secular and confessional approaches to religious studies in post-secular times. First of all I will observe the Russian experience, which has a strong specificity related to a manner of Soviet secularization and to a specificity of contemporary Russian religious context and religious politics. Much attention will be given to an experience, which has the Centre of Religious Studies based in Russian State University for the Humanities.

Ключевые слова: Секуляризация, светское образование, религиоведение, научное изучение религии, теология, ангажированность, методологический атеизм

Keywords: Secularization, secular education, religious studies, scientific approach to religious studies, theology, ideological bias, methodological atheism

Для проблематики данной статьи одинаково важны и время, и место. Время – современность, которую принято именовать пост-секулярной эпохой (так ли это, действительно ли секулярная эпоха закончилась? Об этом тоже кратко пойдет речь). Место – Россия со своей спецификой. Нет, специфика эта объясняется не некими вечными принципами, цивилизационным кодом, национальным характером и прочими химерами романтического мировоззрения, а особенностями исторического развития: государственная церковь до 1917 года, государственный атеизм в 1917-1991 годах и постсоветская реальность, которой не так просто дать определение.

Если мы начнем с российской современности (а ведь именно она нас интересует), то невозможно будет игнорировать «наивные» (а подчас и вполне лукавые) вопросы. Например, возможно ли вообще объективное (оно же научное) изучение религии? Не является ли предпосылкой религиоведения атеизм? Не следует ли вообще заменить религиоведение как другое название старого советского научного атеизма, теологией? Надо оговориться, вопросы эти не исключительно российские: все-таки рулит

постмодернизм; можно в этой связи вспомнить и Пола Фейерабенда. Но дело в том, что именно в России государственная политика по отношению к образованию, включая изучение религии, имеет ярко выраженные постмодернистские черты.

Однако пришла пора обратиться к истории. Понятно, что исторически первый подход к изучению религии – теологический. Конечно, по крайней мере с XVII века религия становится предметом философской рефлексии: Гоббс, Спиноза, Локк, Юм, Кант, Гегель, Шлейермахер, Фейербах, Кьеркегор и др. Кстати, тут тоже можно говорить о российской специфике: у нас философия религии не отделяется от религиоведения, в то время как на Западе это совершенно разные дисциплины. Научный (на первых порах – протонаучный) подход вызревает в трудах, посвященных «нехристианским религиям». Этнографы, востоковеды, филологи-классики посвящают свои труды культам и верованиям коренных американцев или жителей Африки, исламу, религиям Индии, греческой и римской религии и т.п. Интересно, что библеистика, научное изучение раннего христианства и близких тем первоначально институционально связана с протестантской теологией, и связь эта сохраняется довольно долго. В России, конечно, в связи с наличием духовной цензуры христианство долго не могло стать предметом каких-либо компаративистских исследований; и в целом научный подход был исключен. Конечно, имелись нюансы, подчас крайне важные. Приведу один пример. Выдающийся русский церковный историк и богослов В.В. Болотов начинает изложение в своих «Лекциях по истории древней Церкви» со второго века и обосновывает это во введении. Он пишет, что история Церкви является частью исторической науки и она должна пользоваться общеисторической методологией, включающей критику источников, отделение достоверных фактов от преданий и легенд и так далее. Но к т.н. апостольскому периоду, вообще к тому периоду, о котором говорится в новозаветных книгах, нельзя подходить с вышеуказанными критериями, поскольку здесь затрагивается область веры. Неважно, искреннее ли это мнение Болотова или он намекает на цензурные преграды, но указанные им границы научного подхода примечательны. Болотов различает также научный и богословский метод, указывая на то, что наука стремится обнаружить еще не известную истину, а в богословии истина уже дана [см. Болотов В.В., 1-39, 228-229].

Все же в XX столетии и христианство, включая новозаветные тексты, становится предметом научного изучения, а библеистика перестает быть теологической дисциплиной. Возможно, Рудольф Бультман был последним значительным автором, который, вполне осознавая границу между теологией с одной стороны и исторической и филологической науками с другой, соединял в себе теолога и историка. В конечном итоге научное религиоведение, явившееся следствием просветительского проекта, порвало всякую связь с теологией. При этом его генезис связан не столько с философией, сколько с этнологией и социологией (Фрезер, ван Геннеп, Робертсон-Смит, Макс Вебер, Дюркгейм и др.). Таким образом, даже наиболее выдающиеся теологи или религиозные философы (Жак Маритен, Этьен Жильсон, Габриэль Марсель, Карл Барт, Пауль Тиллих, Дитрих Бонхёффер) к религиоведению не имеют отношения. Религиоведение, *Religious studies*, *Religionswissenschaft*, *Science de Religion*, оказываются в одном ряду с такими гуманитарными дисциплинами и социальными науками как история, социология, культурная антропология, этнология и т.п.

Обратимся к отечественной специфике, а именно к советской модели секуляризации. Вообще возникает вопрос, можем ли мы называть советскую политику по отношению к религии секуляризацией? Конечно, поскольку религия была исключена из общественной

сферы, в значительной степени – и из сферы культуры, говорить о секуляризации оправданно. Однако советская политика имела ярко выраженный идеологический характер. Кроме того, неправильно было бы говорить об отделении религии от государства. В СССР абсолютно все подверглось огосударствлению, в том числе и религия. Установка на полное уничтожение религии, господствовавшая в 1920-е - 1930-е годы, трансформировалась с середины 1940-х годов в тотальный контроль над религиозной жизнью. Но нас преимущественно интересует изучение религии в СССР, которое осуществлялось в рамках так называемого научного атеизма. В чем отличие между религиоведением и научным атеизмом? Научный атеизм, вопреки своему названию, не был научной дисциплиной. Он относился к числу «марксистских» дисциплин наряду с диалектическим и историческим материализмом, политэкономией капитализма и социализма, марксистско-ленинской эстетикой и научным коммунизмом. Все эти предметы имели отношение не к науке, а к идеологии. Что же касается конкретно научного атеизма, то, во-первых, он имел целью не объективное изучение религии, а борьбу с ней, во-вторых же, обязательно предполагал обоснование и пропаганду атеистического мировоззрения. Сказанное не означает, что в дисциплинарных рамках научного атеизма не проводились научные исследования, однако они были включены в общую научно-атеистическую парадигму, также как библеистика первой половины XIX века в значительной степени имела целью обоснование протестантской теологии. Идеологический диктат и насильственно внедряемый атеизм приводили к парадоксальным последствиям: свободомыслием было отстаивание религиозно-теологической позиции, а, к примеру, научная библеистика некоторыми интеллектуалами подозревалась в обслуживании того же научного атеизма. Вообще альтернативой советской идеологии виделась не наука, а идеология антисоветская, альтернативой научного атеизма – теология.

Изучение религии в СССР сопровождалось двойным парадоксом: в рамках господствующего научного атеизма шла борьба с религией, а что касается авторов, не затронутых официальной идеологией, то для многих из них изучение религии в лучшем случае сочеталось с религиозными исканиями, а нередко религиозные искания подменяли науку. При этом, чем далее на Восток, тем большую свободу получал исследователь: объективное изучение христианства и иудаизма наталкивалось на почти непреодолимые трудности, с исламом, если речь не шла о современности, было чуть получше, а работы по буддизму или индуизму могли носить вполне академический характер. Впрочем, в последнем случае, если подозривались религиозные искания, исследователи подвергались гонениям: можно привести в пример арест и осуждение Б. Дандарона, который, правда, подвергся репрессиям не как ученый-буддолог, а как буддист [Морозова М.Б., 98-113], но также и эстонского буддолога Линнарта Мялля, которого вызывали на допросы в КГБ и которому в течение многих лет препятствовали в защите диссертации.

Падение советского строя и коммунистической идеологии хронологически совпало с процессами, которые ряд исследователей охарактеризовал как кризис секулярности и наступление пост-секулярного периода. Все же теория пост-секулярного представляется дискуссионной. Действительно, религия, казалось бы уже оттесненная в сферу частной жизни, возвращается в общественное пространство. Кроме того, в связи с процессами глобализации общемировое значение приобретают события в тех регионах, которые в меньшей степени подверглись секуляризации (многие страны Азии и Африки). В отечественной литературе, прежде всего популярной и публицистической, пост-секулярность подчас описывается как возвращение к десекулярному состоянию. Это

представляется большой ошибкой. Последствия секуляризации необратимы, и эти последствия продолжают оказывать воздействие не только на те регионы, которые исторически являлись эпицентром секуляризации, но и на исламский мир, и на Индию (последние упоминаются, поскольку их часто приводят в качестве примера неудачи проекта секуляризации).

Хронологически совпадают не только падение коммунизма и кризис секулярности, но и экспансия культуры и мировоззрения постмодерна, которые предусматривают равноправие всех возможных дискурсов (в частности, религиозного и теологического), а часто и стирание между ними границ. В качестве яркого примера укажу на концепции уже упоминавшегося Пола Фейерабенда [Фейерабэнд П.] .

Как складывалось изучение религии в постсоветской России? Оговорюсь, нас прежде всего интересует преподавание изучения религии. Здесь немаловажен институциональный момент. Многие кафедры научного атеизма были переименованы в кафедры религиоведения или философии религии и религиоведения. Естественно, профессорско-преподавательский состав кафедр оставался прежним, однако в ряде случаев он был разбавлен священнослужителями. Так, на кафедре философии религии и религиоведения МГУ долгое время преподавал известный дьякон Андрей Кураев (выпускник этой кафедры 1984 года, когда она была еще кафедрой истории и теории атеизма). В результате подчас складывался довольно странный симбиоз реликтов прежнего научного атеизма и православия. В то же самое время научно-атеистический генезис кафедр религиоведения давал основания конфессиональным противникам научного изучения религии утверждать, что религиоведение по своей сути есть лишь переименованный научный атеизм.

В девяностые годы также началась борьба за официальное признание специальности «Теология», так чтобы дипломы и ученые степени по теологии приравнивались бы к общенаучным (то есть, чтобы теология попала в Номенклатуру научных специальностей Высшего аттестационного комитета РФ). В это же время разворачивается дискуссия, которая, несколько видоизменяясь, продолжается до настоящего времени, и в рамках которой религиоведение и теология противопоставляются друг другу. С какого-то момента вводится еще один концепт: конфессиональное религиоведение.

В 2002 году появляется программная статья Александра Журавского «Трудный выбор», в которой религиоведение и теология противопоставляются друг другу, и симпатии автора полностью на стороне теологии. Приведу некоторые цитаты: «... в этой ясно и четко сформулированной политике [имеется ввиду религиозная политика государства – *Н.Ш.*] иным (более значимым и правовым образом закрепленным) будет место традиционных российских конфессий, ибо государству необходимо искать факторы социальной устойчивости. Игра в политкорректность слишком дорого стоит». Далее, современное российское религиоведение, по мнению Журавского, наследует научному атеизму: «Характерно, что в религиоведы пошли бывшие преподаватели научного атеизма и марксизма-ленинизма, в теологи – представители гуманитарных наук (философы, филологи, историки) и священнослужители». Кроме того, полагает Журавский, религиоведение является продуктом ушедшей ельцинской эпохи и скомпрометировало себя тем, что несмотря на свой атеизм, занимается защитой прав нетрадиционных религий, что вступает в противоречие с «стремлением государства оградить своих граждан от деструктивного влияния ряда новых нетрадиционных религиозных движений (появился даже специальный термин «духовная безопасность страны»)» [Журавский

А.В.] . Я тогда же вступил в полемику с Александром Журавским и полагаю, что моя аргументация не устарела [Шабуров Н.В.,60-66]. Многими противниками научного религиоведения выдвигался также следующий аргумент. Религия – это такая сфера, в отношении которой никакая объективность невозможна. Каждый пишущий на эти темы является либо верующим, при этом принадлежащим к определенной конфессии, либо атеистом. При этом, теологи и представители т.н. «конфессионального религиоведения» не скрывают своего мировоззрения, а представители научного религиоведения якобы лукавят, отказываясь признать себя атеистами.

Попробуем разобраться. Прежде всего, что такое теология? Дело в том, что в 1990-е годы было распространено представление, что возможна внеконфессиональная теология. Кроме того, предметное поле теологии и религиоведения не различалось, что сказалось на сходстве госстандартов по религиоведению и теологии. Представляется точной характеристика теологии, которую дал С.С. Аверинцев, филолог-классик, историк культуры, теолог: «Теология – богословие, совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога, построенная в формах идеалистического умозрения на основе текстов, принимаемых как божественное откровение. Одна из предпосылок теологии – концепция личного Бога, сообщающего непреложное знание о себе через свое «слово», почему теология в строгом смысле возможна только в рамках теизма или хотя бы в русле теистической тенденции. <...> Теология авторитарна; в этом смысле она отлична от всякой автономной мысли, в т.ч. философии» (Аверинцев С.С.,32). Что касается различения религиоведения и теологии, то следует согласиться с позицией Е.С. Элбакян: «Религиоведение и теологию отличает друг от друга объект рассмотрения и сам способ этого рассмотрения. Если религиоведение в качестве своего предмета изучает религию, которая является объектом его анализа, то теология рассматривает в качестве своего объекта прежде всего Бога» (Элбакян Е.С.,с. 116).

В связи со всем вышеизложенным приведу ряд аргументов в защиту научного изучения религии. Во-первых, утверждения Журавского о том, что большинство религиоведов – это бывшие преподаватели научного атеизма и марксизма-ленинизма, а теологи – это представители гуманитарных наук, не соответствует действительности. Теология, полностью уничтоженная в советское время, так и не смогла встать на ноги в постсоветскую эпоху. В своей статье, вышедшей шестнадцать лет назад и представляющей собой полемику с Журавским, я перечислил видных современных российских теологов: Василий (Лурье), А.Г. Дунаев, Иларион (Алфеев), Г. Кочетков, А.И. Сидоров. К сожалению, и сейчас я не могу кого-либо добавить к этому списку. В моем списке религиоведов из той же статьи перечислены М.Ф. Альбедиль, Л.С. Васильев, Л.И. Григорьева, Д.В. Дубровская, Алексей Журавский, А.Н. Игнатович, Ю.А. Кимелев, Э.Е. Кормышева, А.С. Лавров, И.А. Левинская, А.В. Малашенко, М.Б. Мейтарчиян, Э.Л. Нитобург, А.А. Панченко, И.С. Свенцицкая, И.Р. Тантлевский, К.М. Тертицкий, Е.С. Токарева, Е.А. Торчинов, М.К. Трофимова, Б.З. Фаликов, С.Б. Филатов, Д.Е. Фурман, А.Л. Хосроев. К сожалению, многих из вышеперечисленных уже нет в живых. Однако сейчас я бы существенно расширил этот список: А.С. Агаджанян, И.П. Глушкова, С.М. Дударенок, А.П.Забияко, О.П.Федирко, М.М. Шахнович, Е.С. Элбакян, Г.Г.Ястребов. На самом деле список очень велик. И называть этих людей бывшими преподавателями марксизма-ленинизма абсурдно. Далее, возможно ли объективное изучение религии? Критерий объективности в гуманитарных науках отличаются от критериев, принятых в науках естественных. Ведь и историю невозможно преподавать, да и изучать, абсолютно

незаинтересованно. Историк-либерал и историк-коммунист вряд ли будут одинаково трактовать события отечественной истории прошлого столетия. Тем не менее, мы всегда отличим историка-профессионала, владеющего методами исторической науки, от пропагандиста. То же самое относится и к истории философии: сравните оценку Платона в «Лекциях по истории философии» Гегеля и в «Истории западной философии» Бертрана Рассела.

Здесь я бы хотел обратиться к опыту Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Этому опыту уже более двадцати пяти лет. Я менее всего хочу противопоставлять наш подход подходам других российских религиоведческих центров, однако следует указать и на нашу специфику. Дело в том, что в Московском историко-архивном институте, на базе которого был создан РГГУ, не было кафедры научного атеизма. И это очень многое предопределило. И дело не только в том, что у нас не было ни институционального, ни какого-либо иного преемства по отношению к научному атеизму. Существенно еще одно обстоятельство: кафедры научного атеизма существовали на философских факультетах, соответственно и кафедры философии религии и религиоведения ныне действуют на философских факультетах, и в силу этого, если даже религиоведение не воспринимается как раздел философии, тем не менее, преобладает именно философский подход. Когда в 1992 году был создан Центр изучения религий РГГУ, и мы стали набирать преподавателей, то преобладали историки, историки культуры, востоковеды, филологи. И сейчас, при том, что мы отнюдь не игнорируем философию, все же профилирующим предметом является история религий, а также изучение базовых текстов мировых религий, и в целом мы изучаем религию в контексте социологии и культурной антропологии. И с самого начала мы не принимали как идеологизированный научный атеизм, так и конфессиональное изучение религии. С момента возникновения Центра и до настоящего времени среди нашего профессорско-преподавательского коллектива есть верующие и неверующие. Мы убеждены в том, что ни конфессиональная принадлежность, ни атеистическая позиция, не препятствуют научному изучению религии. При подборе преподавателей мы всегда руководствовались двумя критериями – это профессионализм и понимание необходимости объективного освещения фактов истории религии и описания религиозных феноменов. Конечно, преподаватель не может, да и не должен скрывать свои взгляды, но должен понимать, что университетская аудитория – это не церковная кафедра и не политическая трибуна. Задача преподавателя - не обращать студентов с свою веру (или в свое мировоззрение), а рассказывать о религии, руководствуясь тезисом Спинозы: «Не плакать, не смеяться, но понимать».

В этой связи концепт конфессионального религиоведения представляется дефектным. Православное или исламское религиоведение такой же оксюморон, как православная или исламская физика. Кстати говоря, настаивая на обязательной конфессиональной маркированности изучения религий, сторонники подобного подхода воспроизводят как раз марксистско-ленинскую парадигму, в рамках которой все гуманитарные науки имели партийный характер.

И еще один важный вопрос: можно ли быть одновременно религиоведом и теологом? Убежден, что можно, однако обязательным является разграничение этих дисциплин. То есть автор всякий раз должен отдавать себе отчет, занимается ли он в рамках конкретной работы богословием или научным изучением религии. Уже В.В. Болотову в конце XIX века это удавалось. Другой яркий пример – Рудольф Бультман. Я, в отличии от многих

моих коллег, никогда не был и не являюсь противником появления теологии среди ваковских дисциплин. Но при одном условии – это в самом деле должна быть теология, а не идеологическая дисциплина, целью которой являются не только вненаучные, но и внебогословские материи вроде утверждения «духовных скреп», пропаганды идеи «русского мира» и т.п. То есть теология не должна быть научным атеизмом наоборот. С подлинной теологией религиоведение всегда найдет модус взаимодействия.

Библиографический список:

- Аверинцев С.С. Теология // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4.
 Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. I. Введение в церковную историю. М.: Спасо-Преображенский ставропигиальный монастырь, 1994.
 Журавский А.В. Трудный выбор // НГ-религии. №12(107). 2002. 4. декабря.
 Морозова М.Б. Трагедия Бидии Дандарона как отражение судьбы буддизма в России после национальной катастрофы 1917 года // «Свет Христов просвещает всех»: Альманах Свято-Филаретовского института. 2018. Вып. 27.
 Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010.
 Шабуров Н.В. Порфирий Головлев о государстве и религии // Проблемы регионального религиоведения и актуальные вопросы преподавания религиоведения в высшей школе: Материалы IV российской конференции. 10-11 декабря 2002 года. М.: Рудомино, 2003.
 Элбакян Е.С. Религиоведение и теология: к проблеме демаркации объектов исследования. // Религиоведение. 2001. № 1.

Стимак З.

Построение светского государства. Международные организации и религия в образовании

Štimac Z.

Building a secular state. International organizations and religion in education

Аннотация: Этот документ будет посвящен деятельности наиболее важных международных заинтересованных сторон в Боснии и Герцеговине, в частности Управления Высокого представителя и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в связи с реформой образования, которая была проведена в стране после ее последней войны. В рамках этого тематического исследования мы рассмотрим соответствующие программные документы, реконструируем различные мероприятия и концепции действий, разработанные в контексте реформы образования (2000-2007 гг.). Одним из наших ключевых направлений является религиозное образование в государственных школах в различных формах, а также то, как вопросы, связанные с этим обучением, решались международными заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: Международные организации, мероприятия в области постконфликтного образования, религиозное образование, Босния и Герцеговина

Abstract: This paper will revolve around the activities of the most important international stakeholders in Bosnia and Herzegovina, in particular the Office of the High Representative and the Organization for Security and Cooperation in Europe, in relation to the education reform that took place in the country after its most recent war. With this case study we will examine

related policy papers, reconstruct different activities and concepts for action developed in the context of the education reform (2000-2007). One of our key foci is the religious education at state-run schools in its various forms, and the way issues around this teaching were handled by the international stakeholders.

Keywords: International organizations, post-conflict educational interventions, religious education, Bosnia and Herzegovina

Transitional society and public education: Theoretical approaches

Since the most recent war in Bosnia and Herzegovina (BiH), the country has been changing politically as well as socio-culturally. Like other societies in phases of political transformation, squarely known as the “dilemma of simultaneity” [Offe C., p. 31], BiH experiences the overlap between processes of political change and of the endogenous and exogenous modernisation of a society. One of the principal exogenous modernisation factors in the case of BiH is the international community with its wide and diverse range of stakeholders, which after the Dayton Agreement of 1995 has essentially evolved into the state’s highest political decision-making authority.

From the fifteenth century onward, BiH has been characterised by a “complex pluralism” which has evolved through the course of history [Geier 1999, 37ff], with religions emerging successively or concurrently and variously coexisting in a cooperative, alternative or exclusive manner. Historically, as now, religious plurality in BiH is represented by Muslim, Orthodox, Roman Catholic and small Jewish faith populations. Religious pluralism in BiH is a historically evolved phenomenon; the advance of globalisation and the development of transnational networks have in recent years added to the landscape through the emergence of small Pentecostal and Charismatic Christian and Salafist groups alongside Eastern religions [ISKCON, Baha’i]. Parallel there are three constituent peoples: Bosniaks, Croats and Serbs as constituent peoples

It is the very overlap of the ethnic and the religious, the national and the international – as difficult to definitively delineate as is the term ‘nation’ in this context– , the local and the global that means that, in relation to BiH, modernisation is a process we can only conceive of ‘in the plural’ [Giordano 2004, pp. 226f]. The notion at the heart of this approach holds that tradition and modernity are constantly engaged in an ‘inexhaustible, indissoluble interaction’ [Giordano 2004, pp. 223ff]. Shmuel Eisenstadt extended this position by adding a critique of finality assumption, of the Eurocentrism of Western theoreticians, and of the assumption that tradition and modernity were fundamentally irreconcilable [Eisenstadt 1997, pp. 10ff]. As intense as the criticism is which these conventional theories have undergone, it is vital for us to emphasise that they go hand in hand with Western models of the nation state [Beck 2008, p. 63]. And it is these very models of the nation state which were at the centre of the most recent conflict in former Yugoslavia. The nineteenth-century theory of modernisation received unconditional acceptance in the region in that period, with the term ‘nation-building’ being used as a positively connotated synonym of ‘Europeanisation’ [Grothusen 1994, p. 141]. At that time, the term ‘nation-building’ was understood as relating to the national emancipation of the peoples in South East Europe from the Ottoman Empire.

We have mentioned above that BiH finds itself in a process of transformation which, in contrast to ‘open-ended modernisation processes’ [See Cf. Zapf], has aims which are pre-set and pre-known [Zapf 1994, p. 138]. These aims include ‘the establishment of democratic political institutions, the emergence of a market economy, institutional changes in the regulations around private property, institutional reforms for the establishment of the democratic rule of

law, and the pluralisation of cultural institutions' [Sterbling 2005, p. 51]. The current idea of 'Europeanisation' possesses particularly acute relevance in our times; however, its primary associations are currently with 'democratisation' and 'European integration' and its meaning largely determined by the international community and specifically the European Union (EU).

Apart from Europeanization political transformation in BiH is connected with what is called 'global governance' approach, with an emphasis on the securitisation of education and specifically of religion in education. 'Securitisation' is a concept formulated by the Copenhagen School [See Wæver, 1995; Buzan, Wæver & de Wilde, 1998], claiming there is a continuation of the Enlightenment project of enclosing religion within a limiting space in the name of civilisation, a purpose which became manifest as early as the UN Charter, issued in 1945, and emerged particularly clearly after the terror attacks of 11 September 2001 [See Gearon, 2012]. This said, it is a relatively new phenomenon on the education scenes of liberal societies, a circumstance particularly relevant to the activities of the OSCE/ODIHR in relation to education and religion. These activities are widely regarded as ambivalent in their nature: On the one hand, the OSCE presents an image of itself as an organisation which enables dialogue between religions and other worldviews [Gearon, 2012, p. 22]; on the other, it has attracted claims of lacking knowledge behind its actions in relation to Islam in education [See Seifert, 2000]. This state of affairs is an exemplary indicator of the fact that an approach to religion based in securitisation should encompass two key components: a complex matrix of knowledge about religion and dialogue with theologians [Tezcan, 2007, p. 67].

The Constitution of BiH, Responsibilities for Education

December 1995 saw the signing of the Dayton Accords, which incorporate the constitution of BiH, and with it the end of the war which had afflicted the state from 1992 to 1995. The agreement represented an attempt to create a functioning state with intra-state boundaries along the former lines of conflict. The peace agreement of the Accords confers on BiH the status of a sovereign and undivided state. In terms of its organization, BiH consists in the entities Federation of Bosnia and Herzegovina (Federation of BiH) [See Službene Novine Federacije Bosne i Hercegovine], the Republika Srpska [See Službene Novine Republike Srpske] (RS), and, from the year 2000 onward, Brčko District [See: 5 Službeni list BiH. English version]. The Federation of BiH comprises 10 substantially decentralised federal units/cantons, themselves divided into municipal regions. The RS is centralised at all levels, and Brčko District is entirely under international control. We can thus refer to the structure of BiH as asymmetrical, a situation which has corresponding effects on the structure and organization of education in the country. The international community of states created the Office of the High Representative for Bosnia and Herzegovina (OHR) for the purposes of implementing the Dayton Accords; its 'Bonn powers' make it the highest political authority in the country to this day. The BiH constitution's preamble names Bosniaks, Croats and Serbs as constituent peoples. The constituent peoples hold their status throughout the state's territory, and their three languages (Bosnian, Croatian and Serbian) and two scripts (Latin and Cyrillic) are intended to enjoy equal status. De facto, however, the idea of equality is unrealised, with the majority population wielding dominant power in each area.

The overall constitution of BiH divides powers in relation to education policy between the state and two of its constituent entities, namely the Federation of BiH and the RS. These two entities are in charge of shaping and implementing education policy in practice, while the national state's influence is limited to coordination tasks [See the Constitution of the Federation

of Bosnia and Herzegovina]. In the centralised RS, the minister of education, based in the Ministry of Education and Culture in the RS' seat of government Banja Luka, is responsible for education policy. In the Federation of BiH, by contrast, responsibilities are assigned in a more complex manner, with the federal education ministry in Sarajevo, a regional office run by the Croatian side of the Federation in Mostar, and an additional ten canton-level education ministries. As a consequence of the wartime division of BiH along ethnic lines and the state's ethnically-based structure, three separate curricula have emerged in the country since 1995, each in its own "national" language: a Bosniak, a Croatian and a Serbian curriculum.

Faith-based religious education has been formally incorporated into this post-Dayton education system since, at the latest, the legislation of 2004 on primary/lower secondary (age 7-14) education in BiH. Religious education is provided by faith groups at state-run schools in BiH, and it is entirely in keeping with the political logic of the Dayton Accords. There are thus three forms of religious education in schools, Islamic, Catholic and Serbian Orthodox. State schools in the RS principally provide Serbian Orthodox religious education (for primary schools only), while the Federation of BiH provides predominantly Islamic and Catholic religious education for primary/lower secondary and some upper secondary schools (age 15-18). Religious education for minorities is only provided if there are more than 30 pupils of the minority religious group at the school (not per year group). Since 2007 a nondenominational school subject "Culture of Religions" has been introduced in several cantons.

The international community and its engagement with religion in education

The 'international community', in relation to its role in exogenous processes of modernisation in BiH, have taken on a number of important functions in BiH since 1995; alongside its leading role in ending the war and the reform of education. An Education Issue Set Steering Group (EISSG) was founded in 2002 to drive and manage education reform in BiH. It was made up of representatives from the OSCE, the OHR, UNESCO, UNICEF, UNHCR, the European Commission, the Council of Europe, the World Bank, the US embassy/Civitas and EC-TAER, i.e. European Commission Technical Assistance to Education Reform in existence from 2001 until 2005 [Fischer 2006, pp. 297ff].

The instruments available to the international community for the exercise of influence on education policy range from direct intervention into national educational affairs to indirect involvement and include discursive interventions such as persuasion and the dissemination of information [Jacobi 2007, p. 172]. For instance, the Council of Europe (CoE) and the OSCE, in the pursuit of their common aim in BiH, have used differing approaches. The former institution has primarily played the role of a 'teacher' presenting 'students' with a pre-formed curriculum, while the OSCE has acted more as a normative mediator engaging in an active process of dialogue with its interlocutors [Merlingen, Ostrauskaite 2003, p. 417].

The international organizations involved in BiH adhere to a large number of norms and standards and have produced several key documents relating to human rights and thus additionally to religion and education; the reform of education in BiH is closely linked to these documents and standards due to the fact that BiH became a signatory to declarations on education on joining the OSCE in 1992 and the CoE in 2004. The EU has indirectly recognised religion and religious pluralism as 'cultural factors' to be respected [See Schreiner, P.]. Key moments related to the CoE's work in this regard have been the resolutions which resulted from a conference in Oslo in 2004 and the recommendations produced by a meeting in Malta in the same year. The latter event was attended by the then Commissioner for Human Rights of the CoE and representatives

from politics, education and various religious institutions and discussed the potential role of religious bodies in promoting human rights. The recommendation that emerged called for the introduction of a non-faith-based subject, ‘teaching about religion’, in all CoE member states [See: <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta05/ERECI1720.htm>].

The role of the OSCE in reforms to education in BiH is a highly significant one; after organizational changes within the international community and at the request of the High Representative, it took charge of coordinating the reforms in July 2002, leaving the OHR to withdraw completely from this field [See: OHR: ‘Responsibility for core tasks undertaken by the OHR Human Rights Department were transferred to the OSCE during the summer of 2002 as part of the streamlining process’]. The OSCE, in its fundamental nature an organization based on the pursuit of ‘human security’ [von Bredow 2000, p. 53], has taken up the concept of ‘teaching about religion’ in relation to education reform in BiH. The Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools [See: ODIHR/OSCE: Toledo Guiding Principles], published in 2007 by the OSCE’s Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), contain background information on ‘teaching about religion’ and proposals for possible curricula and ongoing teacher training in this area, as well as offering examples of good practice and further recommendations for action. The ‘Toledo Principles’ represent a shift in the OSCE’s focus from its ordinary task of conflict prevention at the political level to the societal imperative of creating communication and understanding in a world characterised by a plurality of faiths and the increasing presence of religion in the public sphere [See: ODIHR/OSCE: Toledo Guiding Principles]. Some observers view this shift as the infusion of a moral imperative into international politics, an imperative through which these stakeholders are endowing political institutions with a cosmopolitical mission [See Beck 1996, Münch 1995].

Fundamental documents for education reform in BiH

In the years immediately after the end of the war, a large number of steps were taken towards reform of the education system in BiH, with a particular emphasis on primary/lower secondary and upper secondary education. The action taken included reforms to the legal basis upon which education is delivered in BiH, modernisation of the country’s curricula and education administration, and steps to make vocational training more flexible. The reforms commenced with the renovation in the period between 1996 and 1999 of school buildings destroyed in the war, work funded by UNESCO, UNICEF and the World Bank [Basler 2005, pp. 192f]. Reforms in the sphere of education were almost always driven and managed by international organizations, with support in part from ministers in BiH.

One of the first practical steps taken by the international community towards education reform in BiH was the drawing up and publication on 10 May 2000 of a document entitled ‘Education Policy in Bosnia and Herzegovina’ [OHR 2001, Education Policy]. The document stated the OHR’s view that, after the European Union had led the way in the reconstruction of school buildings, the time had now come to embark upon the school system’s ‘intellectual reconstruction’. One of the report’s key conclusions was that the ‘Swiss model’ was the type of curriculum most appropriate to BiH (NATO 2000) [Cf. Petritsch W., p. 176]. This model would see all constituent peoples of the state providing learning modules for curricular content to be incorporated into the curricula of other constituent peoples.

The ministers of education in BiH had been informed of this policy paper in advance of its publication; at a subsequently arranged meeting, which took place on 10 May 2000 in Sarajevo [OHR 2000, Agreement], the ministers of the Federation of BiH and the RS signed a ‘strategic

plan' on fundamental education reform [OHR 2000, Declaration]. The ministers committed to adopting European standards of education ⁹ and a joint core curriculum, to each recognising school-leaving qualifications gained in the other entity, and to working through education to prevent further divisions on ethnic grounds in the country. Subsequently a White Paper entitled 'Shared Strategy for the Modernisation of Primary and General Secondary Education in BiH' was drawn up and released on 27 June 2001. A Green Paper followed, compiled in 2003, with the aim of laying down the next steps and their future funding by the EU.

A further key document in the process of education reform in BiH is the Interim Agreement on the Accommodation of the Specific Needs and Rights of Returnee Children, signed in 2002 in the course of negotiations around BiH's accession to the Council of Europe. The document's focus is the issues raised by the three ethnically-based education systems in the areas of BiH dominated respectively by Bosniaks, Serbs and Croats, a situation which had been among the reasons deterring many refugee families from returning to their home areas in the immediate post-war years. The Agreement's aim was to ensure that parents would be able to choose the desired curriculum for their children, regardless of which part of the country they were returning to. 5 March 2002 saw the adoption of the Implementation Plan for the Interim Agreement on Returnee Children [OSCE 2002, Implementation Plan]. The Implementation Plan, like the Agreement, theoretically provided for refugee children to select the curriculum of their or their parents' choice, regardless of their location within BiH. Unfortunately one of the results was a system of 'two schools under one roof', divided along ethnic lines; the majority of schools adhered to single ethnic curricula [OSCE 2005, statement by Douglas Davidson].

In 2002 the OSCE launched activities pursuant to a strategy of reforming education producing the document 'A Message to the People of Bosnia and Herzegovina: Education Reform'. The document, politically supported by the country's education ministries and signed by all entity and cantonal ministers as well as OSCE and OHR representatives, contained five pledges which both named the issues in education and pointed to solutions and objectives to be delivered on (OSCE 2000, A Message) [See:<http://www.ibe.unesco.org/International/ICE47/English/Natreps/reports/bosniaher.pdf>]. The problems it identified include ethnically-based segregation, overloaded curricula, outdated teaching methods and issues with the funding system. The pledges made in the document by the local education ministers – who only served two-year terms in office – were barely realisable: All children in BiH to be taught in 'integrated multicultural schools'; to adapt education to the needs of BiH's economy; to enable more people to access higher education through improving its quality etc. Here, as in other policy documents in this arena, the solutions to be found are sought in 'European educational standards'.

Educational reform practically: First textbook revision, new school subject

The aims of education reform in BiH, as set out in the various documents discussed above, necessitated the revision of textbooks and curricula, the amendment of education legislation and the introduction of new subjects into schools. The first round of school textbook revisions in this context, which took place in the country in 1999, was initiated by the OHR, the country's ministries of education and UNESCO; a number of expert terms were put together, as well as an independent revision commission. The teams met in Mostar in July of 1999 to share their experiences and identify passages in textbooks which needed to be removed. The decision

⁹ Specifically non-discriminatory access to education, particularly for the children of returning refugees; the depoliticisation of education; the modernisation of primary and secondary curricula and of education administration; and flexible vocational training.

was taken to censor racist passages in the so-called ‘national subjects’: history, geography and language textbooks. As school textbooks for the ‘national subjects’ were deemed problematic, as was, to a particularly emphatic extent, faith-based religious education, which was not officially subject to the first textbook revision. An unofficial source, though, speaking off the record, has indicated that a study on Islamic, Catholic and Serbian Orthodox religious education books was compiled and remained unpublished.¹⁰ The fact that the contentious passages which had been present in these books were no longer included in a later print run is testament to the success of this ‘secret’ revision process. The study applied that mono-faith content does not provide much space for tolerance or broadening knowledge of other religions.

The OHR decreed in December 2000 that all schools in BiH were to introduce a subject covering all the religions represented in the country within a timeframe of months. ‘Religion’ is first mentioned in a statement on a summit of education ministers and representatives of the international community held on 10 May 2000: ‘Teaching about all major religions practised in the country will also be introduced into all schools’ [OHR 2000, Agreement]. In the same year the OSCE’s somewhat more detailed reasoning is as follows: ‘If BiH is to be a secure, stable and democratic multi-national and multi-confessional state, it will very likely require schools and teaching materials free from tendentious or divisive political influence and bias. The Department of Education therefore promotes tolerance and diversity and combats discrimination in schools. With its domestic and international partners, the Department is working, for instance, for the introduction into schools of a course of study entitled “Culture of Religions”, which teaches students about religion using an inclusive, nondenominational approach to encourage tolerance and mutual understanding’ [See the OSCE document: What is OSCE? (Education)]. These relatively brief statements imply that faith-based religious education is non-objective, provides discriminatory information about other faiths, fails to promote tolerance and reconciliation, and is exclusivist in nature. They do not give any indication of how faith-based religious education could or should change in its design and delivery in response to this criticism; instead, a non-faith-based model of religious education was introduced into the debate, and placed in opposition to the faith-based model, from the very beginning of the reform process.

In BiH at this time, an evident connection emerged between the OSCE’s security policies and a concern with religion arising from the experience of the war and the sectarian human rights violations which took place in its aftermath [Richter 2008, pp. 93ff and 142ff]. It is through this connection that religion frequently found itself viewed as a threat to democracy in the fragile democratic secular state of BiH.

The issues which have arisen in connection with the new subject ‘Culture of Religions’ are evidently not to do with the speed at which the action was taken and consultations were organised, but rather originated from the lack of discussion of actual content and the multiplicity of conflicts of interest that sprang up around the new subject. The country’s churches and other faith communities were invited to take part in consultations which asked them to provide content for an as yet undefined school subject, which, according to the discussion at that point, had the potential to replace faith-based religious education, meaning the latter would effectively be eradicated from schools. Further, there was no broad-based discussion on who was to write the subject’s curriculum and the requisite textbooks and who was to deliver teaching of the subject (or its content). We note in the context of ‘Culture of Religions’ that the sphere of influence of the OSCE, looked at geographically, remained restricted to the Federation of BiH until and into 2008, although it was the OHR’s and OSCE’s intent to conduct educational policy activities

¹⁰ The comments on the religious studies textbooks were supplied to the author anonymously.

throughout the state. It might have appeared as if the ethnically monolith RS was without inter-ethnic and sectarian issues to resolve. Negotiations with the RS' education ministry from 2008 onward yielded the success that 'Culture of Religions' was able to launch as a pilot project in 2009, with the significant caveat that the ministry retained the power to alter its content in favour of Serbian Orthodox religious education as it saw fit.

The 'Culture of Religions' pilot project, pursued by the OSCE and embarked upon in 2002, ran until 2007 in the cantons Sarajevo, Tuzla and Una-Sana of the Federation of BiH. An OSCE report on this pilot phase showed the organization to be anything but satisfied with the results. Apart from many negative points, as a positive point, the report stated that 'Culture of Religions' was being taught in a continuously increasing number of schools. The long list of issues delineated above points to the adoption of a specific discursive strategy which held that the fault for the problems lay entirely with the local population and activists, the churches and religious organizations, with education ministers, the organisers of training courses and textbook authors (Štimac 2018).

Religious Education as a national school subject

Two other developments in consequence of the Implementation Plan and the framework legislation were the second round of post-war textbook revision in BiH, which was finished in 2006 and affected language, history, geography and religious education books, and the harmonisation of the country's various coexisting curricula [OSCE 2006, Textbook Commissions]. Although the paramount aim of this phase of reform was the creation of a shared core curriculum, such a curriculum continues to be lacking for the 'national subjects' of history, geography and language.

This second round of textbook revision saw the first official categorisation of religious education as a 'national' school subject. Although some sources state that religious education textbooks were included in the investigation [See Pingel 2004], these results were not made public. Nevertheless, according to Msgr. Petar Jukić a meeting, arranged and facilitated by the OSCE, took place from 10 to 12 July 2002 in Neum between representatives of religious institutions in BiH with the aim of revising religious education textbooks [See Msgr. Petar Jukić]. The minutes of the meeting state that the commission, as it took on the task of textbook revision, was conscious of its duty to promote democratic standards in education and values such as religious pluralism, inter-faith dialogue and tolerance, and respect between religions; it also considered it important to support Christian ecumenism. The religious institutions involved supplied the OSCE with access to their comments on the religious education textbooks of the other religions upon request in April of 2003. Nevertheless they mistrust investigations from outside, particularly those which consider faith-based religious education to be discriminatory and anti-democratic. We should add at this juncture that all action taken in relation to textbook revision in BiH has frequently been criticised as cosmetic [Dempsey 2001, p. 2014] due to its lack of impact on fundamental inter-ethnic and inter-faith divisions and differences [Pingel 2009, p. 352].

Educational reform practically: Legislation

Alongside the developments around the new school subject, there emerged a debate on the framework legislation for primary/lower secondary and upper secondary schools in BiH, which came into force at the beginning of the 2003/04 academic year and was based on the

Implementation Plan on the Interim Agreement. For all this legislation was the result of successful efforts on the part of international organizations, it to an extent represented a turning point in the debate around 'Culture of Religions'. The legislation's focus was the duration of compulsory schooling, which it extended from eight to nine years, and the school-leaving certificates issued by the two state entities Federation of BiH and RS, which were henceforth to be recognised nationwide. The key issue here in relation to religious education was that the framework legislation, in its ninth article, guaranteed all pupils the right to faith-based religious education and made churches and other religious communities responsible for the corresponding curricula and their implementation. This clause made faith-based religious education an official component of the state education system. Nevertheless, several issues occurred in the process of the practical implementation of the law in the two entities: First, the legislation had not touched upon the issue of the introduction of religious education for religious minorities; second, it failed to make provisions for cases in which students did not wish to take part in faith-based religious education classes. The High Representative signed a supplementary law in 2004 which addressed these issues. Following, the legislation allows for the alternative in the cantons of a replacement subject, whose nature it does not specify further.

Conclusion

We might draw the following conclusions about the modernisation of education in BiH. Reforms in the sphere of education were almost always driven and managed by international organizations such as the OSCE, with support in part from ministers in BiH. Without this stakeholder no improvement could have been achieved.

In the initial years of their involvement in BiH education policy, international organizations aimed for a *centralised* reform which would take effect simultaneously in all parts of BiH. Such an aim, however, stands in fundamental contradiction to the *decentralised* structure of education, administration and jurisdiction in force in BiH. We should emphasise at this point that most reform activities focused primarily on the Federation of BiH, whose population is mixed in terms of nationalities; achieving a practical implementation of 'national rights for all' in the RS in the period 2000-2007 would have been an impossible proposition. The international community's efforts to create equal 'national' rights for all failed to lead to greater degrees of peaceful interaction between ethnic groups. As Falk Pingel pointed out, they resulted in further 'atomisation' of and sharper divisions within education in BiH [See Pingel 2009].

According to Merlingen and Ostrauskaite (2003) the OHR and the OSCE provide support to post-socialist countries in 'reshaping themselves after a western model'. In BiH we can observe a paradox in this principle. The documents issued by the international community point unambiguously to a view of religion which, in the words of Giddens and Beck, is identifiable with the concept of 'second' or 'reflexive modernity' which has taken hold in western European nations. This approach reveals a view of religion which is highly individualised and without assertion of any claim on the public sphere. This goes hand in hand with the securitization approach in public education, and the attempt to deal with religion in education only from the perspective of conflict resolution. However, international stakeholders are acting – put in theoretical terms – in the spirit of and with the same aims as 'first modernity'. They see education in the context of modernisation: the introduction of new norms essentially expresses an imperative to 'catch up' on thus far 'neglected' developments [See Kaser 2002].

The OSCE's practice in its education reform is to involve local education ministers wherever possible. In a country whose ministers can be quickly replaced and need to identify, or be identified, clearly with a specific nationality as a precondition of their taking office, these working relationships are unfortunately seldom durable or sustainable ones. The way in which education reform has been understood and handled in BiH points clearly to the fact, that it does not address the causes, but above all the consequences of the political problems in the education system. Nevertheless, the most important steps have been undertaken, so that now the time is needed, so that the fruits of the labours of international actors can flourish in the future.

Bibliography

Basler, Terrice. *Learning to Change: The Experience of Transforming Education in South East Europe*. Budapest: CEU Press, 2005.

Beck, Ulrich, Anthony Giddens, Scott Lash. *Reflexive Modernisierung. Eine Kontroverse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996.

Beck, Ulrich. 1998. *Wie wird Demokratie im Zeitalter der Globalisierung möglich?* Speech given in the Frankfurt Paulskirche on 5 June 1998. // [URL]: www.cicero-rednerpreis.de/download/beck.doc (12.02.2014)

Constitution of BiH: // [URL] : http://www.ohr.int/dpa/default.asp?content_id=372(12.02.2014)

Dayton Accords// [URL]: www.ohr.int/print/content_id=380 (12.02.2014)

Dempsey, Gary T., and Roger W. Fontaine. ed. *Fool's errands. America's Recent Encounters with Nation Building*. Cato Institute, 2001.

Eisenstadt, Shmuel Noah. *Die Vielfalt der Moderne*. Weilerswist: Velbrück Verlag, 1997

Fischer, Astrid. *Integration or Segregation? Reforming the Education Sector*. In: *Peacebuilding and Civil Society in Bosnia and Herzegovina. Ten Years after Dayton*, ed. Martina Fischer. Berlin: Lit Verlag, 2006.

Georg Eckert Institute for International Textbook Research. (ed.): *Grenzgänger. Aufsätze von Falk Pingel*. Eckert. Die Schriftenreihe, 2009, p.125.

Giordano, Christian. *Jenseits von Emile Durkheims Erbschaft: Georges Balandier*. In: *Französische Soziologie der Gegenwart*, ed. Stephan Moebius und Peter Lothar. Stuttgart: UTB, 2004.

Giordano, Christoph. *Die postsozialistische Transition ist beendet, weil sie nie angefangen hat. Zur Archäologie eines gescheiterten Modells*. Georg Eckert Institute for International Textbook Research, Braunschweig, 2005.

Grothusen, Klaus-Detlev. 1984. *Modernisierung und Nationsbildung. Modelltheoretische Überlegungen und ihre Anwendung auf Serbien und die Türkei*. In: *Südost-Forschungen* 43, 1984, pp 135-180.

Jacobi, Anja P. *Bildungspolitik der OECD: Vom Erfolg eines scheinbar machtlosen Akteurs*. In: *Zeitschrift für Pädagogik*, 53 (2), 2007, pp 166-214.

Kaser, Karl. *Südosteuropäische Geschichte und Geschichtswissenschaft*. Vienna, Cologne, Weimar: Böhlau Verlag, 2002.

Merlingen, Michael, and Rasa Ostrauskaitė. *Die internationale Sozialisation postsozialistischer Staaten: Die Rolle der OSZE und des Europarats*. In: *Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik, OSCE Jahrbuch*, 2003, pp 401-417.

Münch, Richard. *Dynamik der Kommunikationsgesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

NATO Public Data Service, statement by OHR spokesman Oleg Milišić, 20 April 2000 // [URL]: <http://ls.kuleuven.be/cgi-bin/wa?A2=ind0004&L=natodata&D=0&P=2099> (10.08.2009, no longer available online)

ODIHR/OSCE. 2007. Toledo Guiding Principles. // [URL] : http://www.oslocoalition.org/documents/toledo_guidelines.pdf (11.12.2013)

OHR 01.09.1999, Information and Reporting: Guidelines to the Field #3 September 1, 1999. Overview of Educational Problems in BiH and Guidelines for Intervention. // [URL]: www.ohr.int/print/?content_id=5121 (12.07.2007, 11.12.2013). (OHR 1999, Guidelines)

OHR 01.12.2000, press release: Školski predmet 'Kultura religija' [School subject 'Culture of Religions']: „Namjera je da se ovim predmetom svimučenicima pruže objektivne, nediskriminatorne informacije o četiri glavne religije koje se ispovijedaju u BiH te o tradicijama istih. Isti će omogućiti slobodu kretanja te unaprijediti toleranciju i pomirenje.” // [URL] :http://www.ohr.int/print/?content_id=4130 (12.02.2014)(OHR 2000, press release)

OHR 10.05.2000, Agreement: Meeting of the Conference of Ministers of Education of Bosnia and Herzegovina. URL: www.ohr.int/print/?content_id=382 (12.02.2014). (OHR 2000, Agreement)

OHR 10.05.2000, Declaration: Meeting of the Conference of the Ministers of Education of Bosnia and Herzegovina. // [URL]: http://www.ohr.int/print/?content_id=3520 (12.02.2014) (OHR 2000, Declaration/Statement)

OHR 10.05.2001, Human Rights/Rule of Law Department: Education Policy in Bosnia and Herzegovina. // [URL]: www.ohr.int/print/?content_id=3519 (12.02.2014)(OHR 2001, Education Policy)

OHR 2000, HRCC Human Rights Quarterly Reports, point 81 // [URL] : http://www.ohr.int/ohr-dept/hr-rol/thedepth/hr-coord-cent/info-reps/hr-reports/default.asp?content_id=5097 (10.08.2009, no longer available online)(OHR 2000, Reports)

OHR: <http://www.ohr.int/ohr-dept/hr-rol/> (11.12.2013) 'Responsibility for core tasks undertaken by the OHR Human Rights Department were transferred to the OSCE during the summer of 2002 as part of the streamlining process.' See also OSCE, 4 July 2002: Bosnia High Representative urges OSCE to take lead on education: 'No organisation in BiH other than the OSCE has the mandate and therefore is in a position to take the lead on education' (Lord Ashdown)

OSCE 2002. A Message to the People of Bosnia and Herzegovina. Education Reform. // [URL]: <http://www.oscebih.org/documents/26-eng.pdf> (12.02.2014), The document was presented to the Peace Implementation Council (PIC) in Brussels on 21.12.2002 and found its support. At the same meeting, the PIC stipulated that BiH was to develop a shared core curriculum which was to meet European standards. (OSCE 2002, A Message to the People)

OSCE 2002. Implementation Plan for the Interim Agreement. // [URL]: <http://www.oscebih.org/documents/29-eng.pdf> (no longer available online). This document was signed by all education ministers of BiH's entities and all cantonal ministers and by representatives of the OSCE and the OHR.(OSCE Implementation Plan)

OSCE 2005. Statement by Douglas Davidson, head of the OSCE's Mission to BiH, on 24.03.2005: 'Two schools under one roof' must be closed. // [URL]: http://www.oscebih.org/public/bos/print_news.asp?id=969 (Originally accessed on 16.08.2009, no longer available online)(OSCE 2005, statement Douglas Davidson)

OSCE 2007. Toward Inter-Religious Understanding in Bosnia and Herzegovina: A Status Report on the Pilot Course Culture of Religions. // [URL]: <http://www.oscebih.org/documents/9906-eng.pdf> (Originally accessed on 11.08.2009, no longer available online)

OSCE, 2006. Textbook Commissions. // [URL]: www.oscebih.org/education/textbook.asp?d=2 (2006-2008). (Internet archive, 11.12.2013). (OSCE 2006, Textbook Commissions)

OSCE. 2009. What is OSCE? (Education) // [URL]: <http://www.oscebih.org/documents/46-eng.pdf> (Originally accessed on 10.08.2009, no longer available online).

Petritsch, Wolfgang. *Bosna i Hercegovina od Dejtona do Evrope*. Sarajevo: Svjetlost, 2000.

Pingel, Falk. 2004. Is grammar history? Searching for a textbook solution in BiH. In: OSCE Magazin, May 2004. // [URL]: http://www.osce.org/documents/sg/2004/05/2859_en.pdf (14.08.2009, no longer available online)

Schreiner, Peter: *Religion im Kontext einer Europäisierung von Bildung*. Münster: Waxmann, 2012.

Seifert, Arne C. Die OSZE und der Islam – Chance zur Selbstvervollkommnung? Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik, OSCE Jahrbuch, 2000, pp. 227-237.

Službene Novine Federacije Bosne i Hercegovine, 1/94, 13/98, 16/02, 22/02, 52/02, 60/02, 18/03, 63/03. For English version, see // [URL]: <http://www.ohr.int/ohr-dept/legal/const/> (18.02.2007/08.10.2013)

Službene Novine Republike Srpske, 6/92, 8/92, 15/92, 19/92, 21/92, 28/94, 13/96, 15/96, 16/96, 21/96). For English version, see // [URL]: <http://www.ohr.int/ohr-dept/legal/const/> (18.02.2007/08.10.2013)

Službeni list BiH. For English version, see // [URL]: http://www.ohr.int/ohr-offices/brcko/default.asp?content_id=5367 (18.02.2007/06.01.2013)

Sterbling, Anton. *Gesellschaftlicher Wandel im Vergleich*. In: *Transformation als Typ sozialen Wandels*, ed. Raj Kollmorgen. Münster, Lit Verlag, 2005.

Štimac, Zrinka. “Culture of Religions” – A Controversial Secular School Subject In: *British Journal of Religious Education* 2018 // [URL]: (doi:<http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01416200.2018.1516194/>)

Tezcan, Leven *Kultur, Governmentalität der Religion und der Integrationsdiskurs*. In M. Wohlrab-Sahr & L. Tezcan (eds.), *Konfliktfeld Islam in Europa* (pp. 51-74). Baden-Baden: Nomos, 2007.

Thomaß, Barbara, and Michaela Tzankoff. *Medien und Transformation in Osteuropa*, 2001.

Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.von Bredow, Wilfried. 2000. Konstruktions- und Identitätsprobleme der OSZE. In: Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik, OSCE Jahrbuch 2000, pp. 45-54.

White Paper. 2001. “Shared Strategy for the Modernisation of Primary and General Secondary Education in BiH”. // [URL]: http://www.see-educoop.net/education_in/pdf/white-paper-shared-modernisation-str-bih-enl-t02.pdf (11.12.2013)

**ПРИНЦИП СВЕТСКОСТИ И ЕГО
РЕАЛИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВАХ
ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
THE PRINCIPLE OF SECULARISM
AND ITS IMPLEMENTATION IN THE
POST-SOVIET STATES**

Ряховский В.В.

Актуальные проблемы реализации свободы совести в контексте ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», антиэкстремистского и смежного с ним законодательства в Российской Федерации

Ryakhovsky V.V.

Actual problems of the implementation of freedom of conscience in the context of the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations», anti-extremist and related legislation in the Russian Federation

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее злободневные проблемы реализации Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Указываются причины нарушения законодательства и пути их нивелирования. В том числе анализируется практика применения статьей 5.26, 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Abstract: The article discusses the most pressing problems of implementing the Federal Law On Freedom of Conscience and Religious Associations. The reasons for violation of the law and the ways to level them are indicated. In particular, the practice of applying Articles 5.26, 8.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is analyzed.

Ключевые слова: Свобода совести, свобода вероисповедания, правоприменительная практика, проблемы реализации законодательства

Keywords: Freedom of conscience, freedom of religion, law enforcement practice, problems of implementing legislation

Реализация таких фундаментальных прав человека, таких как право на свободу совести и недискриминационное отношение в зависимости от отношения к религии, регулярно подвергается угрозе в связи с применением антитеррористических поправок, внесенных в Федеральный закон (ФЗ) «О свободе совести и о религиозных объединениях» т. н. «пакетом Яровой – Озерова», антиэкстремистского законодательства и смежных с ним норм.

Не вызывает ни малейших сомнений сама по себе необходимость определенных ограничений и мер контроля, связанных с угрозами общественной безопасности,

имеющими то или иное отношение к религии: примеры того, насколько эти угрозы актуальны, всем известны. Но верно и то, что сфера свободы совести обладает определенной спецификой, которая плохо учитывается действующими нормами. Эти нормы открывают значительный простор для чрезмерных, необоснованных и зачастую прямо антиконституционных ограничений прав и свобод граждан, в том числе – ограничений свободы совести.

Анализ правоприменения позволяет выделить несколько основных источников таких проблем.

Правовое регулирование миссионерской деятельности.

Согласно п.1 статьи 24.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» миссионерской деятельностью в целях настоящего Федерального закона признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами.

В соответствии с Определением Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 года N 579 «под миссионерской деятельностью религиозного объединения применительно к отношениям, регулируемым Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», понимается деятельность, которая, во-первых, осуществляется особым кругом лиц (религиозное объединение, его участники, иные граждане и юридические лица в установленном порядке), во-вторых, направлена на распространение информации о своем вероучении (его религиозных постулатах) среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в-третьих, имеет целью вовлечение названных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения посредством обращения к их сознанию, воле, чувствам, в том числе путем раскрытия лицом, осуществляющим миссионерскую деятельность, собственных религиозных воззрений и убеждений. Системообразующим признаком миссионерской деятельности при этом является именно распространение гражданами, их объединениями информации о конкретном религиозном вероучении среди лиц, которые, не будучи его последователями, вовлекаются в их число, в том числе в качестве участников конкретных религиозных объединений. Иными словами, распространение религиозным объединением, его участниками, другими лицами вовне информации о деятельности данного религиозного объединения, проводимых им мероприятий, включая богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, подпадает под определение миссионерской деятельности как таковой, только если содержит названный системообразующий признак: при его наличии установление факта осуществления религиозным объединением, его участниками, иными лицами миссионерской деятельности на законных основаниях требует, помимо решения иных вопросов, выявления всех признаков миссионерской деятельности, указанных в пункте 1 статьи 24.1 и пункте 2 статьи 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а его отсутствие в осуществляемой в области вероисповедных отношений деятельности свидетельствует о

том, что такая деятельность не может квалифицироваться как миссионерская в смысле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а потому она, даже если и совершается с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, не образует состава правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП) Российской Федерации» [Определение Конституционного суда Российской Федерации № 579 от 13 марта 2018 года].

Однако правоохранительными органами и судами систематически игнорируется вышеизложенная правовая позиция, как законодателя, так и Конституционного суда РФ. Правоохранительные органы и суды усматривают наличие миссионерской деятельности фактически в любой религиозной активности граждан и религиозных объединений, что приводит к огромному количеству судебных решений о привлечении к административной ответственности за нарушение законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность. При этом правоприменителями не принимается во внимание конституционное право каждого не только исповедовать, но и распространять свои религиозные убеждения. Автор текста полагает, что подобной практике должна быть дана надлежащая оценка Верховным Судом РФ с целью усовершенствования религиозного законодательства и правоприменительной практике.

Указание полного наименования религиозной организации при осуществлении деятельности.

В соответствии со пунктом 8 статьи 8 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации обязаны указывать свое полное наименование при осуществлении деятельности.

При этом законодатель не устанавливает, в какой форме и в каком порядке должно выполняться это требование закона. Исходя из смысла данной нормы, таким указанием может являться как вывеска или табличка, размещенные на входе в здание или помещение, где религиозная организация ведет свою деятельность, так и непосредственно в самом помещении, выполненное в печатной или устной форме, в форме уведомления, направляемого в регистрационный орган, либо в иной форме.

Однако, в большинстве случаев, правоохранительные органы привлекают религиозные организации к административной ответственности по части 3 статьи 5.26 КоАП РФ, произвольно толкуя вышеуказанное требование закона. Они усматривают нарушение в том, что вывеска с указанием полного наименования религиозной организации размещена не в надлежащем, по их мнению, месте. Так, например, имелись случаи привлечения религиозных организаций к административной ответственности за то, что соответствующая вывеска была расположена при входе в помещение, а не на воротах при входе на земельный участок, на котором расположено здание, где проводятся религиозные мероприятия.

Дела об административных правонарушениях, связанные с нецелевым использованием земельного участка.

В соответствии с п.2 статьи 16 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации беспрепятственно проводят богослужения, религиозные обряды и церемонии не только в культовых зданиях, но и в иных зданиях, строениях и помещениях, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или

предоставленных им в соответствии с иными положениями имущественного права для осуществления их уставной деятельности, а также на земельных участках, на которых расположены здания, имеющие соответствующие помещения, по согласованию с собственниками таких зданий. Богослужения, религиозные обряды и церемонии также беспрепятственно проводятся в жилых помещениях.

Из приведенных выше положений закона, очевидно, что земельные участки, на которых расположены вышеназванные объекты, за исключением культовых зданий, не имеют и не могут иметь своим прямым назначением использование в религиозных целях. Так, административные здания, как правило, расположены на земельных участках, имеющих целевое назначение – административные цели. Жилые помещения (жилые дома) расположены на земельных участках с целевым использованием для индивидуального жилищного строительства. Очевидно, что проведение богослужений, обрядов, церемоний в указанных помещениях никак не меняет целевого назначения земельного участка, на которых они расположены.

Однако федеральным органом, осуществляющим контроль в сфере землепользования, - Росреестром РФ повсеместно выносятся постановления по статье 8.8 КоАП РФ о привлечении граждан или религиозных организаций к административной ответственности за нецелевое использование земельных участков. При этом суды при рассмотрении жалоб на подобные постановления, как правило, соглашались с позицией Росреестра.

Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, религиозные организации вправе проводить богослужения, религиозные обряды и церемонии в помещениях, не имеющих религиозного назначения и в жилых помещениях, с другой стороны это, по мнению правоприменителей, является нарушением целевого использования земельного участка.

Уведомление о создании и начале деятельности религиозной группы

Статья 28 Конституции РФ гарантирует каждому свободу вероисповедания, включая право иметь и распространять религиозные убеждения. Соответствующее обязательство Российской Федерации предусмотрено также в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Гарантированное право включает в себя «право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию». Статья 3 Закона о свободе совести подчеркивает, что данное право может реализовываться как индивидуально, так и путем создания религиозных объединений.

Однако пункт 1 статьи 7 Закона о свободе совести содержит правовую неопределенность в отношении создания религиозной группы, так как не регламентирует ни порядок ее создания, ни условия, при которых религиозная группа может считаться созданной (например: минимальный количественный состав лиц, ее создающих; необходимость проведения собрания и принятия решения о создании группы и т.д.). Более того, статья содержит такой неопределенный термин, как «признается». Кем объединение граждан должно признаваться религиозной группой, норма не указывает. Эта неопределенность формулировки позволяет правоприменителю «признавать» религиозной группой граждан, которые добровольно собрались в целях совместного исповедания и распространения веры, хотя при этом они не изъявляли желание создавать какое-либо религиозное объединение. И, в соответствии с «пакетом Яровой», таких граждан привлекают к административной ответственности фактически за реализацию их конституционных прав.

При рассмотрении данной проблемы также важно учитывать принцип, закрепленный в части 2 статьи 30 Конституции РФ, согласно которому никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Если рассматривать реализацию права на свободу вероисповедания в свете данного принципа, то очевидно, что предполагается свобода создания религиозных объединений. То есть не может кто-то другой решать за гражданина, создал он религиозное объединение или нет. Это положение Конституции РФ находит свое развитие в нормах Закона о свободе совести, согласно статье 6 которого религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации. Аналогичные положения содержатся в статьях 7 и 8 названного Закона.

Из приведенных норм действующего законодательства, очевидно, что религиозные объединения могут быть созданы исключительно по доброй воле граждан, их создающих. Однако это не мешает правоприменителям, в том числе и судам, против воли гражданина, считать его членом религиозного объединения, утверждая, что он создал религиозную группу, потому что приглашает граждан для совместного изучения Библии к себе домой.

Не смотря на очевидный принцип добровольности создания религиозных объединений, неопределенность самих норм, содержащихся в статье 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», приводит к описанной правоприменительной практике.

Свобода совести в контексте антиэкстремистского законодательства

Определение экстремистской деятельности в ст. 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности» является в целом чрезмерно широким и недостаточно четким (на что уже указывала, например, Венецианская комиссия Совета Европы). Применительно к свободе совести эта нечеткость особенно бросается в глаза. Утверждение религиозного превосходства уравнивается в этом законе с утверждением превосходства расового, между тем как эти два типа идей принципиально отличаются: представление о том или ином неравенстве людей в зависимости от их происхождения справедливо клеймены во всех демократических обществах, включая российское, как расистские, а вот представления о неравенстве в религиозном смысле истинно верующих и остальных являются неотъемлемой частью практически любого вероучения, включая, естественно, самые распространенные в России христианские или исламские течения. Люди не религиозные могут не одобрять таких религиозных представлений (как и многих других), но нет никаких оснований запрещать их законодательно.

Такие термины российского права, как унижение достоинства людей в зависимости от отношения к религии или возбуждение ненависти и вражды по тем же признакам, зачастую понимаются произвольно расширительно. Нередки случаи, когда правоохранительные органы именно в этих терминах интерпретируют религиозную или иную мировоззренческую полемику. Это прямо противоречит позиции Верховного суда РФ, который еще в 2011 году указывал применительно к ст. 282 Уголовного кодекса РФ (УК), что «критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды» [Верховный Суд РФ разъяснил нормы УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления, совершенные по

мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти или вражды] (и эта позиция вполне согласуется с пониманием Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) сути ограничения свободы выражения в Европейской конвенции по правам человека). Корни имеющейся практики можно видеть и в указанной выше расплывчатости понимания «экстремизм», и в известном «обвинительном уклоне» правосудия, и в непонимании правоохранительными органами и привлекаемыми ими академическими экспертами самой идеи свободной религиозной и мировоззренческой дискуссии.

Антиэкстремистское законодательство ввело уникальный для демократических стран механизм запрета экстремистских «информационных материалов». Бесспорно, некоторые книги, фильмы, листовки и другие материалы могут представлять более или менее серьезную общественную угрозу. Но так же верно и то, что их запрет сам по себе не решает эту проблему просто по той причине, что тот же «материал» может быть переиздан в том или ином виде с теми или иными изменениями, и новый «материал» нужно запрещать заново, так как только суд может установить, что он по сути своей – тот же. В ситуации, когда подавляющее большинство материалов распространяется через интернет, возможности «переиздания» столь многократно превосходят возможности запрета, что созданный механизм просто не может сколько-нибудь эффективно работать. Зато он отвлекает огромные ресурсы прокуратуры, судов и привлекаемых ими экспертов, которые могли бы быть использованы с пользой для защиты общественной безопасности. Поразительная по масштабу кампания запретов уже породила абсолютно не функциональный Федеральный список экстремистских материалов (ФСЭМ), переваливший за 4400 пунктов. В ФСЭМ включены и многие религиозные тексты, в том числе – запрещенные явно без должных оснований, среди них – даже средневековые мусульманские трактаты.

Автор считает необходимым пересмотреть определение экстремистской деятельности и, возможно, ст. 282 УК, в части, имеющей отношение к реализации свободы совести, с тем, чтобы исключить возможность криминализации религиозной и мировоззренческой полемики или иных ограничений свободы совести или свободы выражения сверх необходимого в демократическом обществе для защиты общественной безопасности.

Правоохранительные органы должны исходить из того, что имеющееся достаточно четкое определение экстремизма не означает, что оно может применяться сколь угодно широко. Напротив, если закон не дает однозначных определений, то именно на правоохранительные органы и суды ложится обязанность применять ограничения конституционных свобод таким образом, чтобы эти ограничения оказывались на практике не только законными, но и пропорциональными реальной общественной опасности и необходимыми в демократическом обществе. Следует также иметь в виду, что Шанхайская конвенция понимает экстремизм как действия, так или иначе связанные с применением насилия. Усилия правоохранительных органов должны быть направлены на противодействие именно таким действиям.

Соглашения Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) РФ с централизованными религиозными организациями о взаимодействии в обеспечении свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих уголовное наказание.

В соответствие со ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК), ФСИН России заключены двусторонние соглашения о взаимодействии с некоторыми централизованными религиозными организациями (православными, мусульманскими, иудаистскими). При этом неоднократные на протяжении нескольких лет обращения по этому поводу других конфессий, в частности, протестантского вероисповедания, необоснованно игнорируются либо отклоняются под предлогом «нецелесообразности». Результатом такой политики являются многочисленные случаи нарушения прав верующих, содержащихся в учреждениях, исполняющих наказание, их дискриминации по признаку отношения к религии.

Автор статьи полагает, что в целях соблюдения конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих наказание, необходимо обеспечить беспрепятственное посещение их священнослужителями зарегистрированных в установленном порядке централизованных религиозных организаций. Для этого, в соответствии с ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ, необходимо заключить двусторонние соглашения между ФСИН России и централизованными религиозными организациями.

**Государственная религиоведческая экспертиза
и экспертиза религиозных текстов.**

Качество религиоведческих экспертиз находится в прямой корреляции с гарантированностью свободы совести и вероисповедания.

Речь идет о двух видах экспертиз. Первый вид - государственная религиоведческая экспертиза (ГРЭ), которая осуществляется в соответствии с п. 8 ст. 11 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». При этом в самом законе кроме упоминания данного вида экспертизы не называются даже ее задачи, условия и порядок назначения. Этот вопрос дан на откуп органам исполнительной власти, что совершенно не оправдано. На наш взгляд в упомянутом законе о свободе совести должна иметься специальная глава, посвященная данному виду экспертизы.

Второй вид – религиоведческая экспертиза, либо иная схожая комплексная экспертиза с участием религиоведов для определения экстремистского содержания в деятельности или материалах религиозных объединений. Здесь главная проблема сводится к тому, что в качестве экспертов-религиоведов привлекаются специалисты далекие от научного религиоведения – учителя, музейные работники, математики и даже психиатры. Причем одни и те же специалисты фигурируют из дела в дело, поскольку они «прикормлены» и сделают по поручению правоохранителей любую экспертизу, о которой их попросят. Достаточно вспомнить учителя математики Наталью Крюкову, которая фигурирует в десятках экспертиз как лингвист, не имея соответствующего образования и ни одной научной публикации по данной теме. Но, при этом, обладая одним «положительным» качеством – напишет все, о чем ее попросят с заведомым результатом.

В этой связи, как представляется автору, назрела насущная потребность в создании саморегулируемой организации религиоведов, которая бы сертифицировала специалистов с учетом образования, стажа и опыта работы, ученой степени, наличия научных

публикаций и т.д. Против этой идеи, очевидно, будут выступать правоохранители, поскольку независимые ученые с принципиальной позицией сегодня не нужны, к тому же тогда некому будет делать быстрые заказные экспертизы с известным результатом. А это негативно скажется на статистике выявленных «нарушителей» закона.

Государственный контроль за деятельностью духовных образовательных учреждений в части реализации программ, направленных на подготовку религиозного персонала и священнослужителей.

Контроль за деятельностью духовных образовательных учреждений, осуществляется без учета специфики подобных учебных заведений. Используется общий подход и духовные образовательные организации приравниваются к светским ВУЗам. Одна из самых распространенных претензий надзорного органа – отсутствие программ, разработанных в соответствии с государственными стандартами.

В настоящее время проверкам и привлечению к административной ответственности подвергались следующие духовные образовательные организации:

- Московский теологический институт (Российская церковь христиан веры евангельской) после проведения проверки Рособнадзора оштрафован, за отсутствие программ, соответствующих закону «Об образовании».
- Евразийская богословская семинария (Российский объединенный союз христиан веры евангельской), не выполнила в срок предписание Рособнадзора, лишена лицензии. Одной из претензий, было несоответствие образовательной программы неким формам и стандартам. Аргументы о том, что подобные программы разрабатываются и утверждаются религиозной организацией самостоятельно в виду принципа отделения религиозных объединений от государства, сотрудниками комиссии Рособнадзора были восприняты критически.
- Московская богословская семинария (Всероссийский союз евангельских христиан-баптистов). Деятельность приостановлена на 60 дней решением суда. Причем судом не было принято во внимание то, что фактически семинария имела еще срок для исполнения предписания. Основная претензия – нарушение пункта 6 Положения о лицензировании – отсутствие образовательных программ соответствующих госстандартам.

Следует отметить, что в духовных образовательных организациях реализуется особое направление подготовки. Программы духовных образовательных организаций, являются программами профессионального религиозного образования, направленными на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций, которые не подлежат государственной аккредитации и в отношении которых отсутствуют Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). Сравнить структуру данных программ с требованиями к программам по направлениям подготовки, утвержденными Перечнем направлений подготовки высшего образования – бакалавриата или иного уровня образования, некорректно и неправомерно. Структура подобных программ, в соответствии с законодательством Российской Федерации (ФЗ «Об образовании») регламентируется установлениями самой религиозной организации или установлениями централизованной религиозной организации. Для исправления сложившейся ситуации в области образовательной деятельности религиозных объединений:

- Необходимо создать Консультативный совет при Министерстве науки и высшего образования по вопросам духовных образовательных организаций.

- Рекомендовать Рособрнадзору, при осуществлении проверок привлекать в качестве экспертов специалистов в области духовных образовательных организаций соответствующих религиозных конфессий.

Реализация свободы совести иностранными гражданами, законно находящимися на территории Российской Федерации.

Согласно статье 24 Федерального закона N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (от 15.08.1996) иностранные граждане могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, международными договорами Российской Федерации или указами Президента Российской Федерации.

В соответствии со статьями 25.1 и 25.6 указанного Закона и пунктами 18, 27, 29 Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы, утвержденного постановлением Правительства РФ от 09.06.2003 N 335, в зависимости от цели въезда иностранных граждан в Российскую Федерацию и цели их пребывания в Российской Федерации иностранным гражданам выдаются визы.

Согласно пункту 1 статьи 3 уже упоминаемого Федерального закона N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (от 26.09.1997), иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами Российской Федерации.

На практике реализация вышеприведенных норм приводит к тому, что выдача иностранному гражданину конкретной визы расценивается контролирующими органами как разрешение заниматься на территории Российской Федерации только соответствующей выданной визе деятельностью. Любая иная деятельность, фактически осуществляемая иностранным гражданином в период пребывания (проживания) в Российской Федерации, в том числе связанная с реализацией конституционных прав, считается несоответствующей заявленной цели въезда в Российскую Федерацию. Это в свою очередь становится основанием для привлечения иностранного гражданина к административной ответственности по части 2 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в виде наложения административного штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового.

В результате подобного толкования и применения вышеуказанных норм иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации, по иным, а не по религиозным визам, фактически ограничиваются в реализации своего права на свободу совести и вероисповедания.

Так, например, судами были привлечены к ответственности иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации по туристическим, студенческим и деловым визам за то, что они принимали участие в богослужении зарегистрированной религиозной организации. В то же время привлекались к ответственности и иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации по религиозным визам, за то, что они осуществляли благотворительную деятельность.

Автор считает, что в связи со сложившейся ситуацией, Верховному Суду Российской Федерации необходимо провести обобщение судебной практики по делам о привлечении иностранных граждан к административной ответственности за несоответствие заявленной цели въезда в Российскую Федерацию фактически осуществляемой в период пребывания (проживания) в Российской Федерации деятельности или роду занятий (ч.2 ст.18.8 КоАП РФ).

**Религиоведческая подготовка сотрудников правоохранительных органов,
государственных и муниципальных служащих.**

Низкий уровень правовой и религиоведческой культуры сотрудников правоохранительных органов, государственных и муниципальных служащих, мировых и федеральных судей лишь усугубляет проблему реализации законодательства о свободе вероисповедания, а также приводит к ошибочной юридической квалификации правонарушений, избирательному правоприменению и другим проблемам.

В целях повышения квалификации, уровня специализированных знаний стоит возобновить успешно зарекомендовавшую себя практику обучения и повышения квалификации государственных и муниципальных служащих на Кафедре государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). А также, рекомендовать специализированным ВУЗам, осуществляющим подготовку кадров для правоохранительных и судебных органов, включить в учебную программу курс «Юридическое религиоведение».

Библиографический список:

Верховный Суд РФ разъяснил нормы УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти или вражды /КонсультантПлюс, 1997-2019 // [URL] <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/13786.html>/

Определение Конституционного суда Российской Федерации № 579 от 13 марта 2018 года / Сайт Конституционного суда РФ. 2018. Апрель // [URL] <https://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/legal-regulation/2018/04/d39132/>

Карасёва С.Г.

**Между государственным регулированием и глобализацией:
зазоры для религиозной свободы (пример Беларуси)**

Karaseva S.G.

**Between government regulation and globalization:
clearances for religious freedom (example of Belarus)**

Аннотация: Глобализационные процессы изменяют соотношение традиционных религий и нетрадиционных религиозных влияний в религиозных сферах многих стран. Зарегистрированные организации традиционных конфессий становятся лишь номинальной картиной религиозной ситуации в обществах. Наряду с ними формируются массовые тенденции увлечения религиозными идеями и практиками отдаленных культур. Так, во многих странах с традиционным доминированием монотеизма широко

распространены различные формы влияния дхармических религий. В Беларуси, например, массово популярны студии йоги, другие элементы здорового образа жизни индуистического происхождения, давно работает несколько студий классического индийского танца, действуют общины вайшнавов. Эти формы влияния отражают трудно фиксируемые и расширяющиеся тенденции религиозного самоопределения глобализирующегося мира.

Ключевые слова: Государственное регулирование, религиозная сфера, религиозные организации, глобализация, религиозное самоопределение

Abstract: Globalization processes are changing the ratio of traditional religions and non-traditional religious influences in the religious spheres of many countries. Registered organizations of traditional faiths become only a nominal picture of the religious situation in societies. Along with them, mass tendencies are formed for the fascination with religious ideas and practices of distant cultures. So, in many countries with the traditional dominance of monotheism, various forms of influence of dharmic religions are widespread. In Belarus, for example, yoga studios and other elements of a healthy lifestyle of Hindu origin are massively popular, several studios of classical Indian dance have long been operating, Vaishnava communities are operating. These forms of influence reflect the difficultly fixed and expanding tendencies of religious self-determination of a globalizing world.

Keywords: State regulation, religious sphere, religious organizations, globalization, religious self-determination

В начале 2000-х годов в Беларуси завершалось складывание патерналистского стиля государственного правления. В это же время ряд внутренних и внешних факторов способствовал тому, чтобы в религиозной сфере страны был взят курс на поддержку поликонфессиональности. Этот курс выступал определенным вызовом для сильной центральной власти. Компромиссом между нею и целесообразностью поликонфессиональной политики стал закон «О свободе совести и религиозных организациях» в редакции 2002 года. Его характерные особенности отразились в требованиях значительного количества последователей (не менее 20 человек) для регистрации новой религиозной общины, в более строгих условиях регистрации республиканских религиозных объединений, в запрете на религиозную деятельность общин без регистрации. С момента принятия закона рост количества религиозных организаций в Беларуси резко замедлился, появление новых религиозных направлений практически прекратилось, а некоторые из ранее зарегистрированных религиозных организаций потеряли статус республиканских [Сведения...]. Вместе с тем, преамбула закона объявила 5 титульных для Беларуси религиозных направлений на основании их роли в историко-культурном развитии страны. Это: православие, католицизм, лютеранство, ислам, иудаизм [О свободе..., Преамбула]. Их список и взаимодействие с ними государства основывались в значительной мере на инерции культурно-исторической памяти. Данные социологических опросов 1990-х–2010-х годов о причислении себя населением к православию послужили для государства ориентиром в выборе религиозных партнеров для социально-культурного сотрудничества [Новикова Л.Г.]. В стране сформировалась политика сдержанного прозелитизма. Православие как наиболее исторически значимая и многочисленная конфессия с тех пор приоритетно поддерживается государством как морально авторитетная инстанция и культурная ценность.

В целом строгое государственное регулирование активности религиозных организаций, как титульных, так и остальных, обеспечивает сохранение стабильности

в социальной сфере Беларуси, однако взамен предполагает пристальное внимание к развитию ситуации. Дело в том, что партнерские приоритеты государства в религиозной сфере и отсутствие информированности населения о сути поликонфессиональности и разнообразии религиозного поля страны вызывают по крайней мере следующие напряжения. Во-первых, бытовую ксенофобию: отчужденность, а изредка и враждебность основной массы населения, идентифицирующей себя с православием, к последователям других религиозных направлений, прежде всего, к исламу, иудаизму, протестантизму евангелического толка, к некоторым новым для Беларуси религиям – Свидетелям Иеговы, мормонам, вайшнавам, бахаи и др. Во-вторых, редукцию смысла религии и, как следствие, деформацию феномена религиозности в общественном сознании, а именно: религия не рассматривается обществом как сфера личного самоопределения и трансцендентного служения, а сводится к функции утверждения одобряемой культурной активности и моральных стандартов.

Однако государственное регулирование может распространяться только на религиозные образования, являющиеся юридическими единицами, т.е. на религиозные организации. Что касается индивидуального религиозного самоопределения граждан, то эта (приватная) сфера остается недостижимой для государственных органов, нефиксируемой ими. Именно в эту сферу вытесняются процессы индивидуального религиозного самоопределения, а также опыт реализации сформировавшихся религиозных позиций.

Эта сфера приобретает все большее значение в сравнении с государственно регулируемыми формами ввиду глобализации, размыкающей информационные границы культур и стран. Глобализационные процессы открывают возможности трансцендентного самоопределения вне закрепленных местной традицией и государством религиозных форм. В Беларуси, например, (как, впрочем, и во всем мире), имеет место активная рецепция населением элементов дхармических религий, прежде всего, индуизма и буддизма. Особенно широко распространяются элементы индуистской культуры. Многочисленные студии йоги, широкий интерес к принципам аюрведического питания, развитие единичных, но давно (более 20 лет) действующих в Беларуси школ традиционного индийского танца – все это формы поиска инокультурной идентичности, которые широко пропитали ткань белорусской реальности [Гурко А.В., Таркан И.И.]. Конечно, в названных случаях речь идет о возможностях индивидуальной религиозной самоидентификации и свободы, – не об изменении государственных принципов ее обеспечения. И, тем не менее, этот интерес так или иначе меняет социально-культурный ландшафт страны.

Интерес к индийской культуре сформировался еще в бытность Беларуси советской республикой и в контексте общесоветского увлечения героически-мелодраматическим индийским кинематографом, а также менее доступной, но потому и более притягательной индийской философией. В постсоветский период появились условия для открытого и более глубокого знакомства с разными сторонами индийской культуры. В Беларуси сложились свои линии их освоения.

За три постсоветские десятилетия, как уже отмечалось, наиболее заметными и устойчивыми проявлениями индийской культуры в Беларуси стали различные школы йоги, религиозные организации последователей индуизма, студии индийского танца. Определенное влияние имеют также немногочисленные, но постоянно присутствующие в стране выходцы из Индии – представители дипломатического корпуса, бизнесмены,

студенты. Сохраняя статус экзотических для Беларуси, формы индийской культуры, тем не менее, набирают популярность среди населения страны.

В современной Беларуси наиболее популярной является такая форма индийского влияния, как йога. В основном она отождествляется белорусскими гражданами со здоровым образом жизни, меньше – с самопознанием и саморегуляцией или с духовным опытом, и практикуется под руководством компетентных инструкторов во множестве центров по всей стране. Возникновение центров йоги еще в советский период было связано с общим интересом граждан к экзотическим для них практикам самопознания и самосовершенствования через внутреннюю концентрацию. Сейчас группы йоги в Беларуси условно можно разделить на два направления – традиционное и синкретическое. Первое основывается на исконных индуистских ценностях и философии вед и использует классические техники. Второе направление представляет собой синтез классической индийской йоги с местными эзотерическими традициями, уходящими корнями в дохристианские магические практики – целительство, ворожбу, обрядовые песнопения и др. [Гурко А.В., Таркан И.И.].

Традиционное направление является основой широкого интереса к йоге как форме здорового образа жизни. Количество такого типа школ и центров йоги в стране исчисляется сотнями. Если учесть, что текучесть в них населения очень высока (все практикуют время от времени здоровый образ жизни), то приобщение к этой традиционной технике индийской культуры, пусть и поверхностное, является практически массовым.

Классическая йога в Беларуси наиболее развернуто представлена фондом «Искусство жизни», или «Art of Living». Начало деятельности фонда было связано с приездом Шри Шри Рави Шанкара в Минск в 1993 году. В одном из городских кинотеатров он провел тогда лекцию, на которой присутствовало около 500 человек. В 1990-е годы Минск посещал также индийский мастер «Art of Living» Кумар Шривастара. Первым белорусским учителем этой программы стал Андрей Липень, написавший около десяти книг по йоге. Книги и обучающие программы А.Липеня способствовали популяризации и распространению программ фонда в Беларуси. «Art of Living» ориентирован на адаптацию йоги к решению социальных проблем. Среди социальных программ фонда в Беларуси известны такие, как «Prison smart» (работа с заключенными), йога-антикризис (работа с подростками, бизнесменами и другими активными группами общества). На сегодняшний день «Art of Living» представляет собой наиболее многочисленную организацию йоги в стране и насчитывает около 50 инструкторов и множество центров [Таркан И.И.].

Следующей по известности формой индийского культурного влияния является религия – индуизм, который в разное время был представлен в Беларуси различными направлениями бенгальского вайшнавизма (в виде гаудия-матхов и Международного общества сознания Кришны) и шиваизма (организацией «Свет Кайласа»), а также центрами «Брахма Кумарис». Численность их последователей-белорусов не очень велика, поскольку религия предполагает глубинное изменение образа жизни и диктует определенные отступления от принятого в обществе повседневного уклада, что чревато некоторой социальной изоляцией. Тем не менее, религиозные традиции индуизма устойчиво сохраняются в Беларуси уже более 30 лет [Гурко А.В., Таркан И.И.].

На пересечении этих двух проявлений, йоги и религий, в Беларуси начинает формироваться еще один сегмент индийского влияния – места общественного питания с индийской кухней. Пока что они имеют умеренную популярность, но демонстрируют и заметную тенденцию к расширению.

Еще менее известным, хотя и распространенным в Беларуси компонентом индийской культуры являются традиционные индийские танцы. Их невысокая популярность связана с непривычной и насыщенной символикой и сложной техникой исполнения. Несколько студий индийских танцев действуют в стране уже скорее как центры самопознания и саморазвития путем освоения эстетики и смыслов другой культуры [Таркан И.И.].

Важной общей особенностью распространения в Беларуси различных форм индийской культуры является их трансляция не через индийскую диаспору, которой в стране не было и нет, а за счет мировоззренческих исканий самих белорусов. За счет интереса к альтернативным культурам, их смыслам и практикам такие отдаленные рецепции сегодня особенно интересны. Они дают возможность индивидуального религиозного самоопределения вне жестко установленного государственного регламента.

Эта ситуация углубляет противоречие между правовой и приватной сферами религиозной социализации. Но по мере расширения влияния новых религиозных форм в обществе, их последователи будут искать возможность официальной регистрации. Государству нужно будет выработать новые более глубокие формы регулирования ситуации. Так, факт недавней регистрации в Минске группы последователей буддизма линии Карма-кагью в качестве культурного объединения создает прецедент альтернативных, причем государственно разрешенных, форм легализации новых религиозных идентичностей и направлений. Возможно, такие прецеденты сформируют тенденцию.

Библиографический список:

Гурко А.В. Движение вайшнавов («Харе Кришна») и его последователи в Беларуси. Минск: ИСПИ, 1999. 139 с.

Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект. Минск: «БТН-Информ», 2001. 132 с.

О свободе совести и религиозных организациях. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 года. Ст.ст. 13, 14, 15 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19202054&p2={NRPA}>.

Сведения о количественном росте религиозных общин в Республике Беларусь (1996-01.01.2018). Предоставлены по запросу БГУ аппаратом Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь. Письмо исх. № 01-13/92 от 09.02.2018.

Таркан И.И. Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2018. №1 (31). С. 61-69.

Абдирасулова Г.Ж.

Обеспечение правосудия и защита свободы религии в Кыргызской Республике

Abdirasulova G.Zh.

Ensuring justice and protecting freedom of religion in the Kyrgyz Republic

Аннотация: В данной статье рассмотрены проблемы правового обеспечения и практики реализации свободы религии в Кыргызстане. Отмечены проблемные моменты защиты свободы религии и обеспечения правосудия при рассмотрении жалоб.

Ключевые слова: Свобода совести и вероисповедания, религиозная деятельность, практика нарушений, дискриминация и нетерпимость, судебные органы, экспертиза

Abstract: The article discusses the problems of legal ensuring and practice of realization the freedom of religion in Kyrgyzstan. Problematic aspects of protecting freedom of religion and ensuring justice in the consideration of complaints are noted.

Keywords: Freedom of conscience and religion, religious activity, practice of violations, discrimination and intolerance, judicial authorities, expertise

Положение основного закона нашей страны, гласит, что «права и свободы человека относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц».

Это положение имеет глубокий смысл, закрепляя права и свободы человека смыслом деятельности законодательной, исполнительной власти и органов местного самоуправления. Далее, основной закон говорит, что Кыргызская Республика уважает и обеспечивает всем лицам, находящимся в пределах ее территории и под ее юрисдикцией, права и свободы человека.

Таким образом наша страна взяла на себя следующие обязательства: *первое:* создать условия для реализации прав и свобод человека, а это значит создать конституционные, политические, социально-экономические и правовые гарантии; *второе:* создание механизма для защиты прав и свобод человека.

Конституция Кыргызской Республики гарантируют каждому человеку свободу религии и убеждений. Вопросы религии отражены в положениях о принципах государства: государство является светским, ни одна религия или убеждения не могут устанавливаться в качестве государственных, каждому человеку гарантируется равенство, запрещается дискриминация по мотиву религии или убеждений, запрещается создание партий на религиозной основе и преследование религиозными организациями политических целей, а также деятельность по разжиганию ненависти и вражды.

Главная роль в вопросах защиты свободы совести и вероисповедания отведена судебным органам, которые призваны обеспечить справедливое правосудие при рассмотрении жалоб и споров. Органы прокуратуры призваны осуществлять надзор над принимаемыми решениями государственными органами и органами местной власти на соответствие принципам законности и обоснованности.

Основным специальным нормативным правовым актом, направленным на обеспечение права человека на свободу вероисповедания, является Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике».

Право на осуществление религиозной деятельности организацией связано с получением свидетельства об учетной регистрации (перерегистрации), выдаваемого государственным органом по делам религий. Учетной регистрации подлежат миссии, религиозные учебные заведения, объекты религиозного назначения и миссионеры. Деятельность и функционирование религиозных организаций без учетной регистрации в государственном органе по делам религий запрещается и предусматривается ответственность в части уклонения руководителей от регистрации религиозных объединений в органах государственного управления.

Прохождение учетной регистрации подтверждается свидетельством об учетной регистрации. Государственная регистрация религиозных организаций в качестве юридического лица осуществляется органами юстиции в порядке, установленном законодательством, после предоставления свидетельства об учетной регистрации в органе по делам религии.

Согласно Закону «религиозная организация» создается по инициативе не менее 200 граждан страны, достигших совершеннолетнего возраста и постоянно проживающих на территории Кыргызской Республики. Таким образом закон ограничил иностранным гражданам и лицам без гражданства право создавать религиозную организацию, и установил высокие пороговые требования к членству для получения статуса правосубъектности.

Требование о том, что религиозная организация создается по инициативе не менее 200 граждан был предметом рассмотрения Конституционной палатой Верховного суда Кыргызской Республики на вопрос соответствия данной нормы конституции в 2014 году, которая пришла к решению, что данные требования не могут быть рассмотрены как ограничения свободы религии.

Несмотря на особое место, которое в национальных актах отведено защите права на свободу совести и убеждений, в правоприменительной практике встречаются случаи нарушений. Государственные органы, призванные обеспечить реализацию права на свободу вероисповедания, оказывать защиту и восстановление нарушенных прав и свобод, не всегда в достаточной мере осуществляют свою деятельность, а в некоторых случаях являются источником нарушений.

Так к примеру, имеется практика нарушения запрета органам власти выходить за рамки полномочий, определенных Конституцией и законами. В Кыргызстане имеется практика принятия местными органами власти решений о приостановлении религиозной деятельности организации. Основанием для принятия такого решения на местном уровне становятся заявления граждан о неприемлемости ведения религиозной деятельности в противоречии традиционной религии. Такие решения выносятся в отношении организаций протестанского направления.

Необходимо отметить, что вопросы запрета деятельности религиозной организации и ее ликвидации не входят в компетенцию местных органов власти. Такие решения противоречат Конституции и законам Кыргызской Республики. И конечно ожидается, что надзорные органы отреагируют должным образом на такие решения, однако на практике при попытке религиозных организаций оспаривать такие решения всеми доступными способами приводят к тому, что им вносится представление прокуратуры о недопустимости действий, направленных на разжигание религиозной розни.

Другая практика, это нарушение принципа светскости государства. Светский характер государства означает, что официальные лица государства, хотя и вправе исповедовать

любую религию, не должны предоставлять каких-либо привилегий той или иной конфессии, допускать ее влияние на принятие государственных решений.

Тем не менее имеется практика, когда внутренние решения и политики религиозных организаций становятся основанием для задержания и привлечения к наказанию верующих. Одной из распространенной практикой является задержание дааватчиков и привлечение их ответственности за проведение незаконного даавата. Основанием для задержания является Положение Духовного управления мусульман Кыргызстана (далее – ДУМК), устанавливающее порядок проведения даавата.

Несмотря на то, что данное Положение ДУМК, никак не является нормативным правовым актом и не может входить в систему законодательства Кыргызской Республики, судьи удовлетворяют заявления правоохранительных органов и привлекают к ответственности задержанных лиц. До конца 2018 года в качестве наказания налагались административные аресты до 15 суток.

Еще одна практика, это нарушение запретов за проявление религиозной нетерпимости и дискриминации. Законодательство установило запрет на дискриминацию по какому-либо признаку, в том числе по вероисповеданию или иным убеждениям, а также пропаганду национальной, этнической, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающую к дискриминации, вражде или насилию. Тем не менее, случаи проявления нетерпимости и насилия становятся достоянием общественности.

Например, проявление вражды, насилия и дискриминации со стороны местного населения и местных органов власти при захоронении верующих, в частности кыргызов-христиан. Имеются факты, когда местные жители выступали против захоронения умерших на местном кладбище, выкапывали труп и хоронили в другом месте. Все действия сопровождалось давлением и угрозами насилия в отношении родных и близких умершего, в том числе требованием отказаться от веры.

Анализ дел показывает, что практически во всех случаях возбуждаются уголовные дела по статьям, предусматривающие менее тяжкое наказание. Так к примеру, за избивание парня-христианина местными жителями, повлекшее перелом челюсти и многочисленные телесные повреждения было возбуждено уголовное дело по статье «хулиганство», и лица были взяты под домашний арест, что привело к дальнейшему давлению и угрозам с их стороны. Или по факту перезахоронения три раза умершей женщины баптистской веры, принуждения ее родных отказаться от своей религии и принять ислам, было возбуждено уголовное дело предусматривающая ответственность за надругательство над телами умерших, двое граждан были привлечены к уголовной ответственности условно сроком на 1 год.

Анализ показывает, что ни по одному из этих дел не рассматривался вопрос ответственности и привлечения к наказанию за проявление религиозной нетерпимости со стороны граждан, религиозных общин, и дискриминации со стороны местных органов власти, следственных органов и других государственных органов, призванных обеспечивать равенство, равную защиту и правосудие.

Сложившаяся практика ограничений и запретов, а также не эффективность национальных механизмов защиты привели к тому, что граждане начали обращаться в международные органы по правам человека за защитой прав. И уже в мае 2019 года в своем решении Комитет по правам человека ООН рассмотрел вопросы, касающиеся требования наличия 200 членом-учредителей, а также реализации свободы религии на

равной основе, без дискриминации.

Отдельно стоит отметить, что закон о свободе вероисповедания запрещает распространения религиозных материалов в общественных местах (на улицах, бульварах), обход квартир, детских учреждений, школ и высших учебных заведений. Ввоз, изготовление, хранение и распространение материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма, влекут ответственность.

Государственный орган по делам религии при Президенте (далее – ГКДР) проводит религиозно-экспертную экспертизу на религиозную литературу и только после одобрения органом, данные материалы могут распространяться. Однако, по уголовным делам, связанные с обвинением лиц в хранении экстремистских материалов экспертизу на предмет выявления экстремистского содержания в информационных материалах и устных высказываниях ГКДР неуполномочен проводить. Тем не менее, анализ судебных актов, показывает, что абсолютное большинство экспертных заключений о наличии экстремизма предоставлял ГКДР.

Во многих судебных актах сами суды не предприняли попыток проанализировать рассматриваемые тексты и в решениях лишь воспроизвели заключение экспертизы, данную экспертом ГКДР. И только начиная с 1 января 2019 года ГКДР издала внутренний приказ и прекратила проводить экспертизу в рамках уголовных дел по обвинению в экстремизме.

И в завершении хотела бы снова вернуться к положению основного закона о том, что «права и свободы человека относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов и местных органов власти». Остается вопрос, как сделать это реальностью...

Библиографический список:

Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 года № 282;

Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 года №150 (в редакции Законов КР от 20 февраля 2009 года №60; от 8 мая 2013 года №66; от 18 февраля 2014 года №32; от 1 июля 2016 года №97 и от 2 августа 2016 года №162);

Закон КР «О местном самоуправлении» от 15 июля 2011 года № 101;

Конституция Кыргызской Республики от принятая референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года (в ред. Закона КР от 28 декабря 2016 года №218, принятого референдумом 11 декабря 2016 года);

Кодекс об административной ответственности от 4 августа 1998 года N 114, действовавший до 1 января 2019 года;

Отчет по результатам мониторинга судебных разбирательств по соблюдению свободы совести и вероисповедания в Кыргызской Республике, Бишкек, 2017. Доступно на сайте: <http://sfcg.kg/>

Отчет «Мониторинг судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской республике. Результаты мониторинга – 2018 год» Бишкек, 2019. Доступно на сайте: <http://sfcg.kg/>

Соображения, принятые Комитетом по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2312/2013;

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68, действовавший до 1 января 2019 года.

Подкуйко Ю.В.

Сравнительный анализ внешнего влияния на постсоветские государства Центральной Азии: религиозный аспект

Podkuiko Yu.V.

Comparative analysis of external influence on the post-Soviet states of Central Asia: religious aspect

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу религиозной обстановки в постсоветских государствах Центральной Азии и влиянию на неё внешних сил в лице исламских радикальных группировок.

Ключевые слова: религиозная ситуация, ислам, исламский радикализм, исламизация, терроризм, экстремизм

Abstract: The article is devoted to comparative analysis of religious situation in post-Soviet states of Central Asia and influence of external forces represented by Islamic radical groups on it.

Key words: religious situation, Islam, Islamic radicalism, Islamization, terrorism, extremism

Религиозная ситуация в Центральной Азии сложная и многогранная и определяется разными факторами и на разных уровнях: глобальном, региональном и национальном. Хотя все без исключения государственные органы постсоветских стран Центральной Азии заявляют, что в настоящее время религиозная ситуация стабильная, положение, на наш взгляд далеко не такое радужное как им представляется.

По мнению независимых экспертов, к наиболее к наиболее серьёзным внешним угрозам безопасности в религиозном аспекте являются:

- рост исламского экстремизма в регионе
- рост численности и активности различных террористических группировок.

Так, например, только в Кыргызстане за период с 1999 по 2010 отмечено 1059 проявлений экстремизма [Сорнецкий О.Б.]. В Казахстане за последние 5 лет произошло 14 терактов в которых погибло 90 человек[см.]. В Узбекистане 70 процентов жителей страны считают терроризм и религиозный экстремизм главной угрозой безопасности [Енисеев М.] .

Эти цифры показывают, что влияние ислама на политические процессы с каждым годом становится все сильнее. Ислам и исламская оппозиция теперь стали неотъемлемой чертой политической жизни постсоветских государств Центральной Азии.

В этой связи изучение исламизма в регионе имеет большое значение особенно в контексте влияния внешних факторов. Сейчас самые разные политические силы стали использовать религию в собственных интересах. Внешнее влияние, которое после обретении независимости странами Центральной Азии значительно усилилось отнюдь не всегда имеет позитивное значение. Исламские государства, такие как Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран заинтересованы в переносе своих моделей развития на территорию Туркестана. Это влияние имеет 2 стороны: процессы объективного религиозного возрождения, продвижение своих политических интересов с помощью ислама [см. Ушаков В.Н.].

Таким образом, так называемый политический ислам стал одним из главных способов внешнего влияния. Это явление так или иначе имеет место во всех государствах

Центральной Азии, но со своими особенностями степенью влияния. Выявление их является нашей основной задачей.

Кыргызстан. Большинство экспертов считают, что радикализация религии в стране происходит из-за внешнего влияния, оказываемого зарубежными религиозно-экстремистскими центрами и религиозными учебными центрами, поскольку нет закона, запрещающего получать религиозное образование за рубежом.

Исламизм в Кыргызстане имеет следующие особенности:

- быстрые темпы развития
- сохранения народного (традиционного) ислама ханафитского масхаба, являющегося наиболее толерантным
- радикализация нетрадиционных течений джихадистского толка
- политизация религии имеющая целью превратится в реальный легитимный фактор [Абдылдаева Т.Ч.].

Эксперты называют религиозную ситуацию в Кыргызстане стабильно напряжённой. По данным Госкомиссии по делам религий за 2003-2017гг в республике выявлено 20 экстремистских и террористических организаций, которые финансируются и руководятся из-за рубежа. Наибольшей популярностью пользуются такие организации как Хизб-ут-Тахрир-аль Ислами и Таблиги Джамаат, количество членов которых достигает соответственно 15 и 20 тысяч человек. Это объясняется тем, что у этих организаций есть альтернативные ответы на то, как исправить сложившуюся в стране тяжёлую социально-экономическую ситуацию. Таблиги Джамаат с каждым годом увеличивает свою численность и сейчас является самой массовой по размаху деятельности организацией.

Единого мнения среди экспертного сообщества по поводу деятельности этого движения нет. Некоторые из них, в том числе и представители ГКДР КР считают, что Таблиги Джамаат является аполитической организацией и не представляет опасности. Другие, например, российский политолог Е. Егоров, полагают, что в стратегической перспективе таблиговцы все-таки имеют претензии на власть. Третьи (Кадыр Маликов) утверждают, что запрет этой организации будет равен самоубийству, так как бороться против салафитско-джихадистской идеологии успешно можно с помощью Таблиги Джамаат, являющейся главным барьером для распространения джихадистских идей [Нужно ли запрещать «Таблиги Джамаат в Кыргызстане»], а в случае ее запрещения ее сторонники уйдут в радикальный ислам.

В любом случае государству предстоит выстраивать отношения с этой новой религиозной силой при этом учитывая, что это организация создана за рубежом и, по видимому, имеет определённые планы в отношении Кыргызстана.

Таким образом анализ показывает, что в республике нет собственных доморощенных исламских политических организаций. Хотя в последнее время себя проявляют 2 местные ячейки «Джайшуль Махди» устроившая несколько терактов в Бишкеке и его пригородах и «Якын Инкар» (ничего против бога) радикальное ответвление «Таблиги Джамаат» возникшая в 2014 году. Члены этой группы отрицают все достижения цивилизации и проявляют себя как фанатики. Считается, что эта группа по своему характеру не экстремистская и не террористическая, но деструктивная и противоречит общественному прогрессу [см. Егоров Е.Н.]. Остальные созданы за рубежом и пользуясь либеральными кыргызским законодательством активно осуществляет здесь свою деятельность. В результате Кыргызстан в Центральной Азии стал страной, где исламизация происходит наиболее быстрыми темпами.

Таджикистан. Используя сложную соц-экономическую ситуацию, сложившуюся в Таджикистане после получения независимости мусульманские страны, поспешили заполнить образовавшийся идеологический вакуум что привело к исламизации общества. Строительство мечетей, открытие религиозных учебных заведений, выезд на учёбу за рубеж и активная агитация зарубежных миссионеров привели к радикализации исламских течений учитывая, что возрождение ислама здесь сразу приняло радикальный характер. Благодаря деятельности Саида Абдулла Нури были созданы благоприятные условия для политизации ислама и борьбы за власть в результате чего разгорелась гражданская война 1992-1997г.г., которая так и не разрешила всех противоречий. Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон отмечает, что внешнее вмешательство благодаря низкой грамотности и культуры, плохого светского и теологического образования стало одной из главных причин усиления экстремизма, особенно среди молодёжи [Таджикистан - внутренние предпосылки, внешние угрозы, противодействие]. Ситуация в Таджикистане опасна тем, что исламисты искусно мимикрируют, используя для прикрытия демократов, коммунистов, государственных служащих. В республике есть большое количество бедных людей, придерживающихся мнения, что ислам — это религия их отцов и дедов. Именно они являются питательной средой для распространения разных религиозных течений, таких как Хизб-ут-Тахрир, Салафия, Аль Каида, ИГИЛ и другие.

Особенностью таджикского политического ислам является то, что это единственная страна, где была создана и активно действовала оппозиционная исламистская партия с 1990 по 2015г. За этот период она сильно эволюционировала, отказавшись от силовых методов борьбы и перейдя к парламентской деятельности. Несмотря на это, в 2015г. была объявлена экстремистской и запрещена. В отличии от других республик Центральной Азии здесь имеет место сочетание как местных радикальных исламских организаций, так и внешних.

Узбекистан. Многие представители экспертного сообщества отмечают прямую связь исламизации Узбекистана с деятельностью разного рода зарубежных исламских организаций. К их числу относятся разведки таких стран как Саудовская Аравия, Пакистан, Иран, Афганистан, а также США и других западных стран. Они считают внешние силы не столько импортировали джихадистскую идеологию в Узбекистан, сколько катализировали ее неизбежное распространение, поскольку население республики традиционно было религиозным. Ещё с начала 1980-х годов в Ферганской долине существовали нелегальные частные школы, а усиление их контактов с зарубежными исламскими организациями привели к изменению характера их функционирования и идеологии. Усилилось влияние ханбалистской школы, более радикальной и нетерпимой чем ханафитская. Их деятельность достаточно ярко проявилась в движении «Адалат» (Справедливость), которое на декабрьском митинге 1991г. в Намангане выдвинула требование превращение ислама в государственную религию и идеологию, передачи ему административных задач и легализации оппозиционных изданий.

Основные религиозные организации: ИДУ, Акромия, Хизб-ут-Тахрир.

ИДУ - самая радикальная. Сейчас ИДУ почти отсутствует в Узбекистане, Акромия так и не оправилась от репрессий 2005. Поэтому основным проводником фундаментальных идей становится Хизб-ут-Тахрир «организация внешняя». Следовательно, в Узбекистане ислам развивался как на местном, так и на внешнем уровнях.

Казахстан. В первые годы независимости Казахстан почти не знал религиозного радикализма. Однако уже в нулевые годы радикальные исламские идеи стали проникать

в республику, в первую очередь в Западный и Южный Казахстан. Этому способствовал целый ряд причин:

1. Ухудшение социально экономической ситуации, формирование маргинальных групп и значительное ухудшение образования на всех уровнях.
2. Увеличение числа неофициальных исламских общин не связанных с ДУМ Казахстана и имеющих финансовую помощь из-за рубежа.
3. Разделение казахстанской исламской уммы по национальному признаку, чему способствовал низкий уровень религиозного авторитета имамов казахов и «казахизации» ДУМК.
4. Активизация радикальных групп, пытающихся проникнуть во властные структуры и использовать религию в политических целях.
5. Использование интернета для привлечения молодёжи разочарованной ситуацией в стране [Бумеранг радикализма в Казахстане].

В 2000-2010 г.г. велась активная пропагандистская работа радикальных организаций. Рост популярности религиозности был вызван не только деятельностью миссионеров, но и ухудшением социально-экономической ситуации вызванный трансформацией общества. В 2011-2017 гг. радикалами было совершено несколько террористических актов, направленных против чиновников, силовиков и предпринимателей.

В 2012-2016 гг. правоохрнительным органам Казахстана удалось уничтожить наиболее опасные группы террористов. Одновременно была усилена законодательная база борьбы с экстремизмом и терроризмом, сформировано негативное отношение общества к ним.

Однако полностью взять под контроль радикальные организации государственные органы Казахстана не смогли. В 2016-2017 гг. были совершены новые теракты в Атырау и Алматы. Несмотря на уверения властей, что религиозная ситуация в Казахстане стабильна и не вызывает опасения, салафизм в республике продолжает распространяться. По мнению политолога М. Казначеева сегодня особым риском является вхождение радикалов в структуры государственной власти. Ряд религиозных организаций переключаются на работу с успешными молодыми людьми, которые могут сделать политическую или экономическую проблему, активно оказывая им поддержку для поступления на государственную службу или в силовые структуры. По мнению большинства экспертов, радикальный ислам может серьёзно осложнить политическое будущее Казахстана. В стране сейчас формируется радикальный ислам по национальному признаку жузово-родовой структуры [Бабохонов Р.].

Туркменистан. Религиозная ситуация в Туркменистане достаточно своеобразна. До недавнего времени республика считалась менее всего подверженной воздействию идеологии радикального ислама в связи с тем, что духовные традиции туркменского народа не были подвержены влиянию фундаменталистов, государством был установлен жесточайший контроль над религией, а туркменский ислам всегда был аполитичен и развивался прежде всего на уровне родо-племенных отношений.

Тем не менее государственная религиозная политика носила двойственный характер. с одной стороны правительство поддерживало распространение ислама видя в нем средство для укрепления своей власти, с другой исламизация носила подконтрольный характер.

До поры до времени этот жёсткий контроль был достаточно эффективен, но только для мирного времени. С 2014 года ситуация в Туркменистане стала ухудшаться,

возник продовольственный кризис, начались увольнения. С 1 января 2019 было отменено бесплатное предоставление населению газ, электричества, питьевой воды и соли. Поступления в бюджет значительно сократились. Основной причиной стал острый дефицит валюты в стране на фоне падения мировых цен на газ, который для Туркменистана является единственным экспортным продуктом. Главным покупателем его был Китай, который предоставил правительству кредиты на сумму от 8 до 12 млрд долларов для поддержки топливно-энергетического комплекса. Теперь настало время расплачиваться по кредитам. Одновременно испортились отношения с основными торговыми партнерами, Россией, Ираном и Турцией.

В связи с ухудшением социально-экономического положения, усложнилась и религиозная ситуация. Протестное движение могло реализоваться только в исламе, поскольку светской оппозиции в стране практически нет, она разгромлена ещё С. Ниязовым. Усилились родоплеменные распри. Все привело к тому, что в республике возникли факторы нестабильности, которые можно подразделить на внутренние и внешние.

Ко внутренним факторам можно отнести распространение в республике радикального ислама, идеи которого проникают сюда вместе с мигрантами и студентами, обучающимися в мусульманских странах.

Внешние связаны с деятельностью ИГИЛ в приграничном Афганистане, где проживает 1 млн туркмен, на которых с 1994 года усиливается влияние Талибов.

Современная ситуация характеризуется усилением деятельности радикальных группировок. В Лебапском велаяте, Ашгабате и Туркменабаде было выявлено более ста сторонников экстремистского движения «Джихадизм», которыми был совершён террористический акт на предприятии «Марыазот» [Религиозные группировки берут под контроль ситуацию в Туркменистане].

Кроме того действуют ячейки Хизб-ут-Тахрир и других радикальных организаций - Салафия, ИГИЛ и т.д. Организация «Нурджулар» осуществляет финансовую подпитку террористических групп. Большую опасность представляет сращивание экстремистов с наркобизнесом, о чем свидетельствуют события в Ашгабаде в 2008 году, когда для ликвидации подобной банды была задействована даже бронетехника, в 2017 году в городе Сердар была раскрыта религиозная экстремистская организация в 22 мотострелковой дивизии из 70 человек, 12 из которых были офицерами.

Усиливается и кланово-межплеменные противоречия. Привилегированное положение в государстве занимают выходцы из Ахалского велаята, все остальные недовольны и видят возможность установления социальной справедливости только в религии [Мендкович Н.].

В итоге хотя туркменское руководство смогло на некоторое время минимизировать опасность распространения радикализации избежать его все же не удалось.

Самой опасной перспективой для республики может стать вспышка общественного недовольства из-за нехватки продовольствия и сокращения рабочих мест. В условиях ослабления родовых институтов и отсутствия светской оппозиции протест легко могут возглавить религиозные радикалы, а если произойдёт вмешательство внешних сил со стороны Афганистана, то ситуация может стать непредсказуемой не только для Туркменистана, но и для всей Центральной Азии.

Выводы: главной опасностью для всех стран Центральноазиатского региона продолжает оставаться радикальный ислам. В условиях ухудшающегося социально-

экономического положения населения, нищеты, огромной разницы в доходах правящей верхушки и простого народа, а также коррупции и деспотизма властей, единственной возможностью остаётся обращение к радикальному исламу, который предлагает альтернативное решение назревших проблем. По мнению экспертов, ситуация будет только ухудшаться, а в случае вмешательства внешних сил привести к необратимым последствиям.

Библиографический список:

Абдылдаева Т.Ч. Этнорелигиозная ситуация в современном Кыргызстане // Современные исследования социальных проблем. 2018. Том 10. № 2.

Бабохонов Р. Ислам в постсоветском Казахстане// [URL] <http://www.ca-portal.ru/article:10720>

Бумеранг радикализма в Казахстане// НГ-религии. 2018. 14 августа.

Егоров Е.Н. Исламский радикализм в Центральной Азии: Хизб-ут Тахрир и Исламское движение Узбекистана // [URL] <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-radikalizm-v-tsentralnoy-azii-hizb-ut-tahrir-i-islamskoe-dvizhenie-uzbekistana>

Енисеев М. Узбекистанцы считают экстремизм главной угрозой для Центральной Азии // [URL] https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/03/01/feature-02

За последние пять лет... // [URL] <https://www.zakon.kz/4871408-za-poslednie-5-let-v-kazahstane-byli.htm>

Мендкович Н. Туркмения под ударом. Произойдёт ли в стране экстремистская революция? // [URL]: <https://regnum.ru/news/polit/2434765.html>

Нужно ли запрещать «Таблиги Джамаат в Кыргызстане» // [URL]: <http://prevention.kg/?p=3372>

Религиозные группировки берут под контроль ситуацию в Туркменистане // [URL] <https://stanradar.com/news/full/16114-religioznye-gruppirovki-berut-pod-kontrol-situatsiju-v-turkmenistane.html>

Религиозные группировки берут под контроль ситуацию в Туркменистане // [URL] <https://stanradar.com/news/full/16114-religioznye-gruppirovki-berut-pod-kontrol-situatsiju-v-turkmenistane.html>

Сорнецкий О.Б. Современные угрозы и вызовы региональной безопасности в центральноазиатском регионе // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 6

Таджикистан - внутренние предпосылки, внешние угрозы, противодействие // [URL] <https://stanradar.com/news/full/5106-tadzhikistan-vnutrennie-predposylki-vneshnie-ugrozy-protivodejstvie.html>

Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы. // [URL] <https://www.dissercat.com/content/politicheskii-islam-v-tsentralnoi-azii-osnovnye-factory-i-perspektivy>

Ажыбекова К.А.

Место ислама в светской Киргизии и современной геополитической борьбе

Azhybekova K.A.

The place of Islam in secular Kyrgyzstan and modern geopolitical struggle

Аннотация: В статье раскрываются причины использования Западом исламского экстремизма и терроризма в современной геополитической борьбе. Показывается степень светскости киргизского государства и роль волонтеров в исламизации и арабизации государств Центральной Азии, подрывной работе в образовательных процессах вузов Киргизии.

Ключевые слова: светское государство, экстремизм, терроризм, кризис капитализма, волонтеры, исламисты, Запад, Восток, исламский проект

Abstract: The article reveals the reasons why the West uses Islamic extremism and terrorism in modern geopolitical struggle. The degree of secularism of the Kyrgyz state and the role of volunteers in the Islamization and Arabization of Central Asian states, as well as subversive work in the educational processes of Kyrgyz universities are shown.

Key words: secular state, extremism, terrorism, capitalism crisis, volunteers, Islamists, West, East, Islamic project

История развития человечества, проходившая через различные конфликты, кризисы показывает, что решение каких-либо финансовых, экономических, политических, территориальных и иных проблем, как правило, было сопряжено с использованием религиозно-этнических факторов.

Использование религиозных проектов в форме христианских и исламских крайне актуализировалось в эпоху глобализации и современного, глубочайшего, всестороннего кризиса капитализма. Капиталистическая цивилизация уже не способна обеспечить более 7 млрд. человек на планете энергетическими, сырьевыми, водными, продовольственными и иными ресурсами. Поэтому более сильные и богатые державы Запада сегодня, не стесняясь, захватывают чужие богатства методом террора, готовя террористов, как за пределами, так и внутри самих этих стран.

Проект исламского экстремизма и терроризма Запад достаточно активно применяют в последние десятилетия в государствах Восточной цивилизации, которые богаты газом, нефтью, золотом и другими природными ресурсами. К сожалению, результатом их действий является то, что такие древнейшие государства Востока как Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан и др. лежат в руинах, а население этих стран в условиях гуманитарной катастрофы. Поскольку исламские террористические группировки под руководством стран Запада получили достойный отпор в Сирии, они готовятся двинуть свои силы в сторону Центральной Азии. Разведки многих стран указывают, что в настоящее время идет увеличение сил НАТО, игиловцев на территории Афганистана, засылка агентов через «Корпус мира», именующих себя американскими волонтерами в наши государства, они окапываются особенно в высших учебных заведениях. Их ячейки там существуют уже давно, неплохо выполняют свои подрывные функции. В чем это проявляется? Во-первых, пытаются девальвировать роль и место опытного профессорско-преподавательского состава высокой квалификации, девальвировать ученые степени и

ученые звания, ликвидировать мотивацию молодых преподавателей к повышению своей квалификации, получению ученых степеней через защиту кандидатских и докторских диссертаций, увеличение часов на ставку, при этом не повышая заработной платы, толкают преподавателей на коррупцию. Наблюдается системная попытка разрушения учебного процесса, отсутствие требования трудовой дисциплины. На должности министров образования и науки нередко ставятся люди, мало компетентные в науке, в образовании, или явно с прозападной ориентацией. Надо полагать, что силы Запада неплохо поработали в образовательной системе постсоветских республик, особенно в Кыргызстане.

Светскость государств – это большое достижение цивилизации в своём прогрессивном развитии. Она не сразу далась. Процесс этот был очень длительным и трудным. От стихийного не осознанного материализма эпохи древних и античности до диктатуры креационизма и теократии в эпоху средневековья, проникающие во все сферы жизни человечества. Любая здравая мысль, идея, основанная на позитивных знаниях, но противоречащая религиозным догмам, канонам подверглась гонениям, а их носители нередко физическому уничтожению. Поэтому ученые были вынуждены создавать различные теории, типа теории двойственной истины как Аверроэса, что существует две истины: философии (науки) и религии. Что они нигде не пересекаются, не мешают друг другу, развиваются по своему пути. Тем самым пытались открыть окошко для развития науки. *В условиях приоритета религиозных ценностей* мы часто сталкиваемся с аргументами теологов и верующих, что высокая нравственность, *духовность возможна только в рамках религиозной веры*. Но сама историческая действительность доказывает, что эти утверждения далеки от истины. В этом случае эпоха средневековья в истории человечества была бы наполнена самой высокой духовностью, чистотой помыслов не было бы преступлений.

Наука может твердо утверждать, что нет прямой и непосредственной связи между нравственностью и религией. Мы упоминаем об этих аргументах для того чтобы показать несостоятельность доводов, что Советский Союз как атеистическое государство не показательно своей высокой нравственностью. Сегодня мы можем твердо сказать, что наша Родина была самой высокодуховной страной в мире.

Сегодня в Кыргызстане все от интеллигенции, до бизнесменов и чиновников считают правилом хорошего тона, беспрерывно показывать свою принадлежность к религии, особенно мусульмане или считающие себя мусульманами, на самом деле далекие от неё.

Эволюция социальных процессов привела к эпохе буржуазных революций, когда капиталистическая цивилизация далеко вперёд продвинулась в вопросах секуляризации общественной жизни, науки, отход от диктата одной государственной религии, люди получили возможность выбора любой религии, относительную секуляризацию общественного и индивидуального сознания от религии. Средневековый теоцентризм эволюционировал в антропоцентризм. Делались научные открытия в области естественных наук: коперниковский гелиоцентризм, идеи множественности миров Д. Бруно, законы механики И. Ньютона, законы кровообращения и другие. Что привело к господству деизма, пантеизма и даже атеизма французских, английских, немецких просветителей.

Величайшие открытия XIX века стали проявлением высокого уровня секуляризации не только естественных наук от религии, но общественных! Так величайшие открытия в естественных науках как законы сохранения, открытие клеточной теории, эволюционное

учение Ч. Дарвина. немецкая классическая философия способствовали возникновению качественно нового научного подхода в понимании общественных процессов, открытию законов общественного развития К. Марксом и Ф. Энгельсом. Научный подход в понимании общественных процессов дал возможность возникновению научных понятий как способ производства, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, формы общественного сознания. Типологию формации, социальных революций. Что представляет сама религия? Какова ее сущность, функции, причины возникновения религии и пути её преодоления.

Это была полная свобода сознания учёных от диктата теоцентризма, креационизма. Пантеизм и деизм перешёл в научный, диалектический материализм, научно обоснованный атеизм!

XX век знаменуется возникновением социалистической цивилизации впервые в истории человечества. Именно эта цивилизация дала наиболее глубокую и всестороннюю светскость государства и показала её механизмы и принципы реализации.

- **Одним из первых** является принцип свободы совести и вероисповедания, т. е. каждый гражданин имеет право исповедовать как угодно религию или не исповедовать никакой, быть атеистом, вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти по религиозным мотивам строго воспрещается.
- **Вторым принципом** социалистического государства является гарантия реализации свободы совести и вероисповедания через отделение церкви от государства и школы от церкви. Светские и религиозные школы, учебные заведения вместе существовать уже не могут, а только раздельно!
- **Третьим принципом** является равноправие всех религий, зарегистрированные государственным органом.

Кыргызстан практически прошел через все эти этапы. Что касается религии он пережил и первобытные религии, политеизм. Поскольку мы были кочевниками, исповедовали религию кочевой цивилизации – тенгрианство от её политеистичного состояния до монотеизма. Практически до возникновения ислама и арабских завоеваний, насаждавших ислам, кыргызы были тенгрианцами. Окончательное утверждение ислама у северных кыргызов считается середина 19 века. Тенгрианство и ислам существовали в некоем синкретизме, где превалировали тенгрианские традиции. Сегодня тенгрианство отвергается как религия кочевников. Сколько лет не хотят его регистрировать. Лоббируется ислам.

Учёные советского периода как Б. А. Аманалиев [см. Аманалиев Б.А, с. 47.], Т. Бегалиева и др. считали, что религиозность кыргызов носит более всего традиционалистский характер, у них нет высокой религиозной убежденности и системности.

В Советском Союзе были серьезно подорваны как социальные, так и гносеологические причины религии. Так ликвидированы эксплуатация человека человеком, безработица, социальное неравенство при этом параллельно в духовной сфере происходили грандиозные сдвиги. Они были обусловлены высокой мотивацией жизни советских людей строительством социализма, альтруизмом и патриотизмом. Этому способствовали высокие ценности коммунистической идеологии, бесплатное образование, дух коллективизма, одинаковая доступность духовных и материальных богатств советского государства для каждого советского человека. Религиозность составляла в Кыргызстане от 5-20% в зависимости от возраста, города, села, региона [см. Ажыбекова К.А., с.131-135].

Кардинальные перемены стали происходить после разрушения Советского Союза. Попытки дискредитации и отказ от коммунистической идеологии, её ценностей, параллельно растаскивание и обвал материальной собственности: заводов, фабрик привело к глубокому стрессу всего общества. Появились и углубились социальные причины религии.

Коммунистическая идеология стала заменяться религиозной, а затем постепенно дополняться и буржуазной идеологией. Двери Кыргызстана стали открыты для всех религий, было объявлено, что «Кыргызстан – наш общий дом». Каждый интерпретировал это определение по-своему.

С начала 90-х годов XX века начался заметный процесс как ренессанса, так и радикализации религий. Стали активно появляться в нашей жизни такие понятия как Хизбут-Тахрир, Аль-Каида, Акромия, Ансаруллох, Джабхат ан-Нусра, игил и другие [см. Справочник по проблемам экстремизма и терроризма в Кыргызской Республике, с. 17-18].

Кыргызстан стал меняться на глазах. День за днем, год за годом увеличилось число мечетей, появились женщины с покрытыми головами, мужчины с бородами, в арабских одеяниях. Баткенские события, взрывы в Бишкеке. *События в Ливии, Сирии и семьи кыргызстанцев десятками полетели туда на взрывы и бомбы через Турцию в надежде там получать работы, высокие зарплаты в долларах*, понятно за их отсутствием в Кыргызстане. Чтобы упредить всеохватывающий экстремизм и терроризм в странах Центральной Азии, в частности в Кыргызстане была разработана «Государственная политика в религиозной сфере», ГКНБ, МВД стали проводиться мероприятия среди населения, среди религиозных организаций, особенно исламских. В вузах вводятся спецкурс «Противодействие религиозному экстремизму и формирования толерантности», например, в Кыргызско-Российском Славянском университете.

В этих экстремальных условиях мира соблюдается ли принцип светского государства в Кыргызстане?

- **Так принцип отделения религиозных объединений от государства?** К сожалению этот принцип не соблюдается в Киргизии. Начнём хотя бы с того, что даже правительственная государственная площадь в дни орозо-айта и курман-айта используется в качестве мечети! Но если у нас такая «демократия», и «равенство» религий, то туда надо пустить и другие религиозные организации?!

Если у нас светское государство, то почему в светских, государственных учебных заведениях открываются теологические колледжи, теологические факультеты, как в Ошском Государственном университете, Кыргызско-Турецком университете «Манас», университете им. Арабаева, Кыргызском Государственном Национальном университете. Может быть для того, чтобы легче их привлекать в экстремистские исламские группировки по просьбе «американских волонтеров»?

- Если у нас **светское** государство, то почему муллам нескольких тысяч мечетей выплачиваются **какие-то стипендии до 15 тысяч сомов** из каких-то благотворительных фондов? Может из-тех же саудитских долларов, которые идут на подготовку исламских террористов в Ливии, Сирии, Ираке и т.д.?
- Почему в государственных учреждениях открыты разного рода **намазкана**? Чтобы они подавали пример необузданной исламизации киргизстанцев? Что в этих структурах, уже так много развелось «американских волонтеров»?

В качестве серьезного аргумента введение теологических факультетов в светские высшие учебные заведения считается, что низкая религиозность ведет к экстремизму. Действительно ли теологическая грамотность может стать упреждающим фактором исламского радикализма? Тогда почему в советское время было всего 33 мечети в Киргизии, а верующих мусульман не более 10-20%, вместо 3-х тысяч мечетей как сегодня, но мы и слышать не слышали об исламском терроризме на нашей территории? **В то время господствующие позиции в обществе занимало научное образование и научное религиоведение.**

Если теологическая образованность есть фактор упреждения исламского экстремизма и терроризма, **то почему все лидеры этих группировок очень высокообразованные в богословском, теологическом плане люди: Усама-Бен Ладен, Абдулла Юсуф Аззам – учитель Бен Ладена, Аль-Багдади и другие?** Поэтому данная аргументация не выдерживает никакой критики.

К сожалению, в светском Кыргызстане исламистам-экстремистам позволительно оскорблять Великого Манаса, философию жизни, духовные ценности кочевой цивилизации, киргизов? Сажают журналистов не придерживающихся исламистских взглядов? Не ставится никакая преграда массивированной финансово обеспеченной исламизации и арабизации киргизов? Где светское государство Кыргызстана?

Тем самым, мы приходим к выводу, что за последние 3 десятка лет вся цивилизация идет по пути нисходящего развития, которое проявляется:

1. В глубочайшем нравственном кризисе, **девальвации всех духовных ценностей**, международных документов и договоренностей, **фашизации современной глобальной геополитики.**

2. **Утрачивается достигнутое столетиями светскость** различных сфер: государства, права, семьи, быта, искусства, науки.

3. **Экстремизм и терроризм становится орудием в руках крупных западных держав** для захвата богатств других стран мира, при этом используются самые грязные технологии: обман, ложь, провокация, фальсификация, подтасовки, лжесвидетельство, русофобия, исламофобия.

4. **Расслоение** человечества на сверх богатых и сверх бедных всё усиливается, что ведет к катастрофе всего человечества!

5. **Религизация населения, геополитики** - показатель резкого снижения процесса секуляризации, который может стать тормозом прогрессивного развития человечества и личности и возврата в новых формах теократии креационизма средневековья.

6. **Попытки создания мирового халифата**, появление таких исламских организаций как Ансаруллох, которые убивают учителей, детей не пускают в школу в XXI веке, это иезуитство!

7. **Мир должен идти по пути прогресса**, духовного и материального совершенствования, освобождение от всяких пут, мешающих раскрытию всех творческих возможностей каждого гражданина нашей планеты! Этот путь – путь в мировую социалистическую цивилизацию, возрождение нашей Великой Родины – Советского Союза!

Библиографический список:

Ажыбекова К.А. Молодежь и проблемы психологии религии и атеизма в условиях современной НТР. Фрунзе: Илим, 1989.

Аманалиева Б.А. Из истории философской мысли киргизского народа. Фрунзе, 1963.

Справочник по проблемам экстремизма и терроризма в Кыргызской республике / Под ред. Брусиловского Д.А. Бишкек, 2016.

Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане. Бишкек, 2015.

Исламофобия. М.: 000 «Садра», 2016.

**Курбанова Н.У., Бекбоева Ч., Карасартова Ч.
Модели государственно-исламских отношений в постсоветских
центральноазиатских государствах: сравнительный анализ**

**Kurbanova N.U., Bekboeva Ch., Karasartova Ch.
Models of State-Islamic Relations in the Post-Soviet Central Asian States: a
Comparative Analysis**

Аннотация: В статье рассматривается процесс развития современных взаимоотношений между государством и исламом в постсоветских центральноазиатских государствах Казахстане, Узбекистане, аджикистане, Туркменистане, Кыргызстане. Освещены факторы, влияющие на становление особенностей государственно-религиозных отношений.

Abstract: The article discusses the development of modern relations between the state and Islam in the post-Soviet Central Asian states of Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, and Kyrgyzstan. The factors influencing the formation of features of state-religious relations are highlighted.

Ключевые слова: Государственно-религиозные отношения, светскость, секулярность, религиозность, атеизм, ре-исламизация, поликонфессионализм, мусульманская община, свобода вероисповедания

Keywords: State-religious relations, secularism, secularity, religiosity, atheism, re-Islamization, multiconfessionalism, Muslim community, freedom of religion

Тема государственно-религиозных отношений является одной из актуальных для всех государств мира, особенно в наши дни, когда религиозных фактор стал использоваться не только во внутренней политике, но и в качестве нового актора международных отношений. Безусловно, религия как общественно-культурный феномен оказывает мощное воздействие на общество, и, посредством общества на государство.

Кроме того, по характеру сложившихся государственно-религиозных отношений можно судить о степени уважения государства к верующим; отношение государства к негосударственному институту с сильной идеологией. А также по нему можно судить об уровне реализации прав и свобод человека в государстве.

Ученые-исследователи проблем государственно-конфессиональных отношений, предлагают различные варианты их классификации. По мнению российского ученого Н. В. Володиной, исследовавшей правовые системы государственно-конфессиональных

отношений в мире, основой для построения классификации государственно-религиозных взаимоотношений является принцип отделения религии от государства [Володина Н.В.]. Американский исследователь К. Дьюрем, основой классификации государственно-религиозных отношений считает такой критерий, как степень религиозной свободы, т.е. степень влияния государства на религию и степень соединения государства и религиозных институтов [Дьюрем К., с. 27-31]. Известный ученый - религиовед М. Мчедлов выделяет такие типы государственно-религиозных отношений, как кооперационная и сепарационная модели государственно-религиозных отношений [Толерантность, с.127] «Сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений декларирует осуществление либерального стандарта религиозной свободы в его полном объеме. При такой системе государство рассматривает религиозную жизнь как свободный рынок, регулируемый лишь одной конкуренцией, однако фактически этот рынок оказывается далеко несвободным» [Толерантность, с. 129]. При кооперационной модели каждый гражданин может свободно выбирать свою религиозную и мировоззренческую ориентацию, не рискуя подвергнуться никакой дискриминации, она предусматривает несколько вариантов государственно-религиозных отношений в зависимости от культурно-исторических, общественно-политических и др. факторов.

Далее рассмотрим, какие особенности государственно-исламских взаимоотношений сложились в постсоветских центральноазиатских государствах, которые до того имели историко-культурную общность и пребывание на протяжении 70-лет в одном политической, идеологическом, правовом и социально-экономическом пространстве.

Краткий экскурс, в прошлое взаимоотношений государства и религии в советский период, позволяет охарактеризовать его в качестве тоталитарно-атеистической модели. Несмотря на официальное декларирование свободы совести и вероисповедания, на самом деле большевики с первых дней своего существования открыто боролись с религией и его проявлениями в обществе. При советской власти, вплоть до 1990 года, действовал дискриминационный сталинский закон «О свободе совести». Несмотря на то, что в стране «де-юре» декларировалась свобода совести и вероисповедания, фактически «де-факто» пропагандировалась только государственная атеистическая идеология. Государство сумело полностью подчинить религию своим идеологическим интересам, оно не оказывало помощи религиозным организациям, в то же время не позволяло им самим зарабатывать. Они имели право заниматься только удовлетворением религиозных потребностей населения. На самом деле их деятельность в функционирующих мечетях сводилась к пропаганде политики КПСС и Советского государства. Государство не допускало религию не только в общественно-политическую жизнь, но даже боролось с ним и искореняло его всюду: культуре, сознании, традициях, обычаях, обрядах, в быту. Попросту говоря, между государством и религией была воздвигнута глухая стена, и на ее оборотной стене веру подавлял жестокий прессинг советской атеистической идеологии. При этом, следует отметить, что со стороны государства существовал жесткий контроль за священнослужителями, за малейшую приверженность к ней, особенно если человек был членом партии или занимал высокий пост подвергали остракизму, или и того хуже – репрессиям. Религия была вынуждена находиться на полуправильном положении. По образному, широко распространенному выражению классиков марксизма, она считалась «опиумом для народа», уделом малограмотных людей. Вместе с тем, несмотря на господствующий антирелигиозный прессинг, не только среди простого народа, но и среди лидеров коммунистов и комсомольцев, не было тех, кто был бы женат без обряда

«нике» (венчания), не сделавших «суннот» (обрезание), не захороненных без джаназы (заупокойная молитва) и др. Т.е. ислам не был полностью искоренен из жизни советских граждан.

При этом следует заметить, что тенденции взаимоотношений между государством и религией на протяжении всей советской эпохи, изменялись в зависимости от сложившейся ситуации. Если ходе кровополитной гражданской войны в ферганской долине, когда шла борьба большевиков с басмачами, поднявшихся против советской власти под исламскими лозунгами, государство, чтобы привлечь на свою сторону население вернуло мусульманам закрытые ранее ими мечети, отобранные вакуфные земли, восстановило суд биев, медресе. Далее в 30-е гг. после проведения коллективизации и индустриализации страны новая власть встав на ноги, развернула жесткую антирелигиозную пропаганду. В трагические годы великой отечественной войны государство опять стало сотрудничать с религиозными институтами, использовать их, сотрудничать с ними. Впоследствии власти опять объявили войну с религией, развернули широкий фронт антирелигиозной компании. Данная ситуация была одинаково характерна для всех центральноазиатских республик, входивших в Союз, в которой проводилась единая религиозная политика

В результате, за годы советской власти сложился особый тип мусульман ментально отличающихся от своих собратьев в исламских государствах. Так как годы жизни нескольких поколений мусульман из сознания которых выхолащивалась религия привела их к евразийской ментальности.

Потепление государственно-религиозных отношений начинается с эпохи перестройки с середины восьмидесятых годов XX в. В этот период в результате улучшения международных связей СССР со странами Ближнего Востока, установления связи между местным и арабским духовенством по линии культурного и научно-технического сотрудничества позволила активному проникновению ислама, в том числе политического в среднеазиатские государства: первоначально в Таджикистан, затем Узбекистан, оттуда в Кыргызстан, Казахстан. Только политика «закрытости» и нейтралитета Туркменистана не дала возможности активной ре-исламизации на его территорию.

Вместе с тем, проведенный анализ данного периода так называемой «эпохи перестройки» свидетельствует о его противоречивости: с одной стороны, шел процесс легитимизации религиозной жизни населения, с другой стороны, по инерции все запланированные мероприятия партии и правительства по антирелигиозной пропаганде продолжались.

Начиная с 1990-х гг., после распада СССР и крушения тоталитарно-атеистической модели государственно-конфессиональных отношений во всех постсоветских центральноазиатских государствах - Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Кыргызстане начался динамичный процесс ре-исламизации. Дальше, уже суверенные государства стали строить свои специфические взаимоотношения с религией в зависимости от сложившихся условий.

В отношении вопросов соблюдения государством принципа свободы вероисповедания Конституции всех ЦА государств Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана гарантируют свободу вероисповедания и убеждений, в том числе свободу не исповедовать никакой религии. Все государства декларируют светскость государства, предусматривающего невмешательство государства в дела религиозных общин, разделение государства и религии, запрет политических партий, основанных на религиозных принципах. В соответствии с основным законом, предусмотренные права

не могут ущемлять законные интересы, права и свободы других граждан, государства или общества. Также во всех странах закон допускает ограничения в отношении религиозной деятельности только в случаях, когда это необходимо для обеспечения национальной безопасности, поддержания общественного порядка или нравственных устоев общества.

В законе «О свободе совести и религиозных организациях» этих государств определена область применения и ограничения свободы вероисповедания и убеждений. Религиозная деятельность без соответствующей регистрации рассматривается как противозаконная; официальное согласование содержания религиозной литературы, ее производства, распространения и хранения является обязательным; прозелитизм и миссионерская деятельность запрещены. За проведение несанкционированных религиозных мероприятий налагаются штрафы.

Во всех постсоветских центральноазиатских государствах в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане функционирует закон «О противодействии экстремизму». В законе указано, что он направлен на обеспечение безопасности граждан, защиту общества и государства, поддержание конституционного порядка и территориальной целостности страны, сохранение мира и гармонии среди многонационального и многоконфессионального населения. Закон предусматривает систему базовых понятий, принципов и направлений противодействия экстремизму и экстремистской деятельности.

В Казахстане, который многие годы лидировал на постсоветском пространстве положительным опытом проведения съездов мировых лидеров, сформировалась светская модель ГКО, построенная на основе: терпимости, толерантности и активного социально-политического партнерства (диалога власти и духовенства). Основным механизмом данной модели являлся межконфессиональный диалог, ключевую роль в которой играли традиционные религии Казахстана: ислам и православие. Ситуация изменилась после 2010г. когда произошли столкновения между экстремистами и полицейским спецотрядом в Алматы, самоподрыв смертника в Актобе и нападение религиозных экстремистов в Шубарши [Смагулов К.].

В результате была проанализирована религиозная ситуация в стране, обновлен «Закон о религиозной деятельности и религиозных объединениях» (2011). Согласно новому закону:

- мусульманские организации лишь только республиканского уровня наделялись правом осуществлять такие виды деятельности, как религиозное обучение священнослужителей, издание литературы;
- смена юрисдикции меняла и статус проповедника, то есть если духовное лицо из районной религиозной организации переезжает в соседний район, то по новому закону он является миссионером;
- молодые люди не могут получать знания у неформальных миссионеров;
- согласно закону проводится специальное анкетирование для призывников в армию с целью выявления степени их религиозности;
- запрещается совершать намаз в госучреждениях и др.

Все религиозные организации прошли государственную перерегистрацию, что вывело из легального поля мелкие неэффективные организации. Были закрыты неформальные молитвенные помещения, запрещено проведение религиозных обрядов в государственных учреждениях, объектах образования и здравоохранения, в воинских частях. Общее количество РО уменьшилось на треть с 4551 до 3088. Также было

сокращено число духовных учебных заведений на 46,4%, в результате чего из 28 прошли перерегистрацию 13 религиозных союзов и вузов [Шлымова Г.].

В рамках совершенствования государственно-конфессиональных отношений в целях гуманизации административного наказания за правонарушения в религиозной сфере предлагается применять в качестве альтернативного административные взыскания. Ограничительные нормы законопроекта о религиозной деятельности в Казахстане являются сейчас самым обсуждаемыми в Казахстане и будут рассмотрены в 2020г. В результате комплекса этих и иных мер, направленных на защиту безопасности РК, внутривнутриполитическая ситуация в ней остается стабильной.

В Узбекистане выход исламистской оппозиции на политическую авансцену в 1990-е гг., после приобретения суверенитета оказал большое влияние на дальнейший ход развития религиозной сферы жизни и на формирование так называемой модели «просвещенного ислама» под жестким контролем государства. Бескомпромиссность властей по отношению к религии привели к расколу мусульманского духовенства и мобилизации радикальной исламистской оппозиции, которая перешла к экстремистским и террористическим действиям с действующей властью. После прихода к власти Ш.Мирзиёева наблюдается процесс послабления к религиозной сфере [Ежегодный отчет Комиссии США по международной религиозной свободе].

Сложившие общественно-политические и социально-экономические условия способствовали формированию здесь особой модели просвещенного ислама под контролем государства.

В Таджикистане гражданская война (1992-97) привела к расколу общества, экономическому кризису, здесь политический ислам добился легитимизации на некоторое время. Правовые рамки свободы вероисповедания ужесточились с принятием Закон о религии (2009), который предусматривает уголовную ответственность за религиозную деятельность без регистрации, за частное религиозное воспитание и прозелитизм. Существуют строгие ограничения на число и размеры мечетей, допускается вмешательство государства в назначение имамов, предписывается получение религиозными организациями официальных разрешений на осуществление религиозного обучения и поддержание связей с братьями по вере за рубежом, устанавливается государственный контроль за содержанием, публикацией и ввозом религиозных материалов, а также ограничивается отправление мусульманских молебнов пределами мечетей, кладбищ, частных жилищ и мест поклонения. Поправки, внесённые в административный и уголовный кодексы в 2011 и 2012 гг., установили новые меры пресечения, включая крупные штрафы и наказание в виде тюремного заключения по религиозным мотивам, таким как организация или участие в несанкционированных религиозных собраниях. Предполагаемым организаторам «религиозно-экстремистских учебных кружков» грозит тюремное заключение сроком от 8 до 12 лет. Запрещено несовершеннолетним участвовать в любой религиозной деятельности. Хадж разрешается только с 35 лет. С 2014 года правительство занимается выплатой зарплат имамам соборных мечетей, которые являются единственными мечетями, где государство позволяет чтение проповедей (заранее подготовленных полуофициальным Советом улемов) [Всемирный доклад 2019: Таджикистан].

Начиная с 2014 г., таджикское правительство предоставляло амнистию лицам, подозреваемым в экстремизме, которые добровольно вернулись в страну и раскаялись.

В 2015 году запрещена деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана, официально действовавшая в течение 15 лет. В сентябре 2015 г. Генпрокурор обвинил ПИВТ в нападении на полицейский участок, в результате которого погибли 39 человек. В конце сентября Верховный суд Таджикистана запретил деятельность ПИВТ, признав её «экстремисткой и террористической, около 200 членов ПИВТ лишились свободы, а руководитель Мухиддин Кабири эмигрировал за границу.

Таким образом, Таджикистан, не смог стать примером мирного сосуществования политического ислама и светской власти, сложившиеся обстоятельства вынудили создать авторитарную модель государственно-исламских взаимоотношений под контролем государства.

В Конституции Туркменистана говорится о гарантии свободы вероисповедания, отделении религии от государства и равенстве вне зависимости от религии или убеждений, однако, действия властей противоречат конституционным гарантиям. По оценкам правозащитных международных организаций Туркменистан считается авторитарной и самой закрытой страной среди всех бывших республик Советского Союза, безусловно это сказывается на государственно-религиозных отношениях, проявляющегося в подавлении религиозной свободы.

Согласно туркменскому законодательству религиозные объединения обязаны проходить регистрацию согласно жестким критериям. Их деятельность жестко регламентируется. Так как правительство блокирует какую-либо информацию, отсутствуют точные сведения о количестве религиозных узников и «исчезнувших» узников.

В Кыргызской Республике сложилась относительно благоприятная ситуация для деятельности религиозных организаций. Причиной тому - обеспечение правовых условий органами государственной власти, создание основы прав человека, свободы совести и вероисповедания, основанной на международных обязательствах. Однако, механическая замена тоталитарно-атеистической модели на либеральную в государственно-религиозных отношениях, без учета общественно-политических и социально-культурных реалий, породило вызовы (экстремизм, радикализация, межконфессиональные конфликты и др.), несущие угрозы безопасности государства. В связи с чем, в 2014 г. Совет Безопасности КР отметил, что «недостаточное внимание к религиозной ситуации в стране может привести к негативным последствиям в виде конфликтов, межрелигиозных столкновений и угрозе раскола государства». Тем самым, государство предусмотрело переход к партнерской модели государственно-религиозных взаимоотношений в соответствии с новой Концепцией государственной политики

Проведенный сравнительный анализ показывает следующую статистику в контексте исторических конфессий¹¹:

- В Казахстане с 19 млн. населением страны, где проживают представители более 140 этносов, историческими конфессиями являются ислам и православие, первые составляют 70% верующих, вторые - 26 % .
- в Узбекистане (33 млн. населения-136 этносов) более 93% составляют мусульмане, из них - 1% шииты, 3,5% - православные;
- в Таджикистане (7,9 млн. населения - 80 этносов) 94%-мусульмане ислама, из них 4% шиитов, количество православных верующих составляет 3%;

¹¹ Коммунистическая партия Украины была запрещена в 1991-1992 гг., поэтому была создана Социалистическая партия Украины. С 2015 г. КПУ снова запрещена.

- в Кыргызстане (5,8 млн. населения – более 100 этносов), 90% -мусульмане, из них шиитов 1 тыс. чел., 3% составляют православные верующие;
- в Туркменистане (5,6 млн. населения -30 этносов), 89% -мусульмане, 9% -православные верующие.

В процентном соотношении по количеству мусульман на первом месте находится Таджикистан (94%), Узбекистан (93%), затем Кыргызстан (90%), Туркменистан (89%) и Казахстан (70%). Однако, здесь нужно учитывать погрешность в отношении самоидентификации населения. В связи с тем, что в этих странах отсутствует учет религиозности населения, чаще всего этническая идентичность ассоциируется с религиозной. Также во всех постсоветских странах второй исторической религией является православие, которая внесла свой весомый вклад в развитие духовности и культуры вышеперечисленных государств. В этом отношении на первом месте по количеству православных верующих находится Казахстан (26%), затем Туркменистан (9%), затем Узбекистан (3,5%), одинаковой процентное соотношение у Кыргызстана и Таджикистана по 3% православных верующих.

Проведенный анализ по количеству зарегистрированных религиозных организаций исходя из общей численности населения страны показывает следующую картину: в Казахстане общее количество религиозных объединений составляет 3088, (т.е. одна организация приходится на 5,5 тыс. чел.), соответственно в Узбекистане всего 2238 религиозных организаций (1 РО - на 15 тыс. чел.), в Кыргызстане всего – 3294 (1РО на 1,8 тыс.чел.), в Таджикистане всего 4000 РО (1РО на 1,9 тыс. чел.), в Туркменистане всего 131 РО (1 РО на 42,7 тыс. чел.). Таким образом, можно констатировать, что на первом месте стоит Кыргызстан, где на одну религиозную организацию приходится 1,8 тыс. чел., тогда как в Казахстане данный показатель выше в три раза, в Узбекистане почти в семь раз, в Туркменистане в 23 раза. Этот факт свидетельствует о том, что в Кыргызстане созданы более благоприятные условия для функционирования и прохождения учетной регистрации религиозных организаций.

Как известно по канонам ислама, хадж — это священная обязанность мусульман, который хотя бы раз в жизни должен отправиться в паломничество в Мекку. Начиная с 1990-х гг., после приобретения суверенитета постсоветскими центральноазиатскими государствами, все лидеры побывали в хадже, заключили договора с королевством СА о выделении квот, которая составляет 0,1 процент от общего количества населения. Ежегодно хадж совершают из Казахстана примерно 3200 чел. при стоимости 4800 долл. США, из Кыргызстана - 5510 чел. (3тыс.\$), из Узбекистана – 5510чел. (3946\$), из Таджикистана – 6,5 тыс. (3729\$), из Туркменистана 170 чел. (5 тыс. \$). Таким образом, самым дешевым является хадж для кыргызстанских граждан, которые полностью занимают выделенные квоты СА, тогда как самый дорогой в Туркменистане -5 тыс. \$ США. Больше всех пользуются воспользоваться правом побывать в хадже граждане Кыргызстана, тогда как меньше всех в хадже заинтересован Туркменистан.

По количеству религиозных учебных заведений можно судить о государственно-исламских отношениях. К примеру, в 2019 г. в Кыргызстане было зарегистрированы и функционировало 114 исламских ссузов и вузов, тогда как в Казахстане-13, Ташкенте – один Ташкентский исламский институт и 9 медресе, в Таджикистане -19 медресе, тогда как в Туркменистане запрещено любое религиозное образование. В Туркменистане религиозные объединения не могут читать лекции, вести курсы или осуществлять программы обучения. Единственным исключением является мусульманское

теологического отделения при историческом факультете Туркменского государственного университета в Ашхабаде. Этому отделению поручено заниматься подготовкой имамов, но при этом количество студентов ограничено, иностранные граждане к работе в отделении не допускаются, и все студенты должны утверждаться властями.

Таким образом, с обретением независимости во всех постсоветских центральноазиатских государствах: Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане в условиях утраты прежней идеологии, идет процесс исламизации с разными темпами, в зависимости от выстроенной модели государственно-исламских отношений. Все они декларируют светскость и демократизм, являются поликонфессиональными, полиэтничными государствами. Имеются как сходные, так и различные процессы, как положительные так и негативные, протекающие в постсекулярных условиях. Ислам продолжает оказывать существенное влияние на образ жизни все большего числа граждан, соответственно на развитие общества, он меняет ценностный контекст жизнедеятельности, форматирует новую идентичность и т.д. Идет процесс разрыва с традиционными институтами социализации, приобретаются новые религиозные идентификации, деятельность которых также требует всестороннего исследования с позиций измерения ее эффективности.

Библиографический список

- Володина Н. В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. М.: Новый индекс, 2009. .
- Всемирный доклад 2019: Таджикистан / Human Rights Watch // [URL] <https://www.hrw.org/ru/world-report/2019/country-chapters/326283>
- Дьюрем К. Перспективы религиозной свободы. М.: Ин-т религии и права, 1999.
- Ежегодный отчет Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) Узбекистан за 2018-2019 гг // [URL] <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/Uzbekistan>
- Толерантность / общ. ред. М. П. Мчедлова. М.: Республика, 2004.
- Смагулов К. Современная религиозная ситуация в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ -2011.
- Шлымова Г. Религиозная ситуация в Казахстане стабильна // [URL] www.strategy2050.kz

Киселёв О.С.

Атеизм, секуляризм и светскость в современной Украине

Kiselev O.S.

Atheism, secularism and secularity in modern Ukraine

Аннотация: В статье рассматривается статус атеизма и секуляризма в Украине, после развала СССР. Наблюдавшийся в 1990-х годах процесс религиозного возрождения привел к значительному уменьшению числа украинцев, идентифицирующих себя не только с атеизмом, но и с неверием. Идеология секуляризма, ассоциируемая с советской политикой, находится на маргине. В тоже самое время в Украине, с одной стороны, законодательно закреплены отдельные принципы светскости, а с другой – религия используется властями во внутренней и внешней политике, что не в полной мере соответствует идее светскости.

Ключевые слова: атеизм, секуляризм, светскость, десекуляризация, Украина

Abstract: The article explores the status of atheism and secularism in Ukraine after the collapse of the USSR. The process of religious revival, observed in the 1990s, has brought to the huge decrease of number of Ukrainians, identifying themselves as atheists or non-believers. The ideology of secularism is associated with the Soviet policy and thus marginalized. At the same time, on one hand, Ukraine has legal status of a secular state, but on the other religion is used by authorities in internal and external policy, which contradicts to the idea of secularity.

Key words: atheism, secularism, secularity, dесеcularization, Ukraine

Как другие постсоветские республики, в 1990-х гг. Украина начала свой путь от доминирующей коммунистической идеологии к демократии. Это совпало с процессом десекуляризации – «религиозным возрождением», начавшимся еще в конце 1980-х гг. Тут сразу необходимо оговориться, что в 1960–1980-х гг. обращение к религии было символом оппозиции к коммунистическому режиму, некой формой политического свободомыслия, а, начиная с 1990-х гг., все, что ассоциировалось с марксизмом, было отброшено и религиозная идентичность стала широко распространенной. Православная идентичность стала не только религиозным, но и культурным маркером. Если исходить из данных социологических исследований, то в 1990–1991 гг. только 35,6 % населения Украины идентифицировало себя как верующих, а в 1998 г. - уже 62,6 % [Косуха П., с. 67, 73]. Согласно одному из последних социологических исследований, сделанных Центром Разумкова, в 2019 г. лишь 4 % жителей Украины идентифицировали себя как убежденные атеисты, 5,4 % как неверующие, 12,2 % являются колеблющимися между верой и неверием, еще 6,5 % заявили о своей индифферентной позиции по этому вопросу и 5,9 % не определились со своей позицией. Этим, в совокупности 34 % респондентов, противостоят 66 %, идентифицирующих себя как верующие [Держава і Церква в Україні-2019, с. 12].

Конечно же, оперируя данными широкомасштабных количественных исследований, всегда нужно помнить, что мы имеем дело с самоидентификацией, т.е. с тем, как люди сами себя воспринимают или как они хотят, чтобы их воспринимали. Тут возможны разные подвохи. Например, американский социолог Хосе Казанова отмечает интересную тенденцию – и американцы, и европейцы склонны немного «привирать» исследователям. Первые преувеличивают свою религиозность, а вторые, наоборот, приуменьшают. Данный факт, социолог связывает с общественным восприятием религии. В США быть религиозным считается обычным делом, в то время как в Европе все еще доминируют идеи французского Просвещения об «отсталости» религии [Казанова Х., с. 74]. Лично мне кажется, что украинцы в этом отношении более похожи на американцев, поскольку на уровне общественного сознания, церковь имеет позитивный имидж, она пользуется большим доверием среди украинских граждан [Особливості, с. 22]. Для Украины вполне верным является утверждение, что самоидентификация граждан с религиозной верой автоматически не означает религиозную конверсию. Впрочем, верным является и следующее утверждение: самоопределение граждан с атеизмом автоматически не означает неверие в Бога и/или неучастие в религиозных обрядах. В подтверждение этому сошлемся на анализ социологических исследований, проведенных украинским социологом Н. Кочан. В 2003 г., к примеру, около трети верующих, индифферентных и атеистов определяли себя как православные [Кочан Н., с. 8]. Быть открытым атеистом в Украине стало не модным, а иногда даже опасным. Последнее я объясняю тем, что украинское общество связывает

атеизм с советской антирелигиозной политикой. В подтверждение этого тезиса, приведу данные опроса, проведенного Анной Дубровиной в январе 2018 г.¹² Согласно полученным данным 80,7% нерелигиозных людей (атеисты, агностики и неверующие) испытывают на себе атеофобию или дискриминацию. 68,2% испытывают давление в семье, а 49,3% указали на давление со стороны других близких людей. Чаще всего нерелигиозные граждане испытывают прессинг в контексте их привлечения к религиозному обряду (54,8%), в форме неприятия их нерелигиозных взглядов, их критики и осуждения (50,5%), а также испытывают принуждение в посещении храма (40,3%). 40,1% респондентов исследования указали на нарушение свободы совести для неверующих в обществе, а 36% опрошенных лично столкнулись с такими нарушениями в учебных заведениях. А. Дубровина приходит к таким выводам: «... в украинском обществе существует атеофобия, довольно распространенная во всех регионах Украины; законодательство в вопросах свободы совести более привилегированно относится к религиозным мировоззрениям, нежели к нерелигиозным, политическая жизнь пропитана пиаром на религиозности; наблюдаются случаи нарушения свободы совести в образовательной сфере» [Дубровина А., с. 19]. Несмотря на довольно резкую формулировку, данные выводы имеют под собой основание.

Одной из причин такой ситуации, по моему мнению, является отсутствие публичных представителей этой части граждан Украины. Фактически до 2000-х гг. украинские атеисты вообще никак не были представлены в общественных дискуссиях. Даже социалистическая и позже коммунистическая¹³ партии Украины выбрали стратегию взаимодействия с Украинской православной церковью (Московский патриархат), а не отстаивание атеистических принципов, что с точки зрения политической целесообразности было более правильной тактикой, направленной на русскоязычный и пророссийский электорат.

Лишь с 2000-х гг. атеисты начали проявлять себя в интернете. Начали появляться специализированные сайты: «Атеизм в Украине» (uath.org.ua – ныне не функционирует), Украинский атеистический сайт (opium.at.ua), SOTREF (sotref.com) и др. В 2010-х гг. было несколько публичных событий. Наиболее известными были публичные дебаты Е.К. Дулумана с православными и мусульманскими богословами, проходившие в 2011 г. в Национальном университете «Киевский политехнический институт». В 2013 г. было создано общество «Разум» (<https://razum-org.at.ua>), издававшее одноименный журнал, но его активность была тесно связана с личностью Е.К. Дулумана, умершего в том же году. Активность сайта общества заканчивается в 2015 г. Украинские атеистические сайты наполнены марксистской и коммунистической риторикой, что, по моему мнению, должно отталкивать часть их целевой аудитории, ориентирующуюся на западных «новых атеистов».

Секуляризм я определяю как идеологию, отстаивающую светский характер общества и государства и противостоящую клерикализму – на практике она может проявляться как борьба против чего-либо религиозного в публичной сфере. Эта идеология так же, как и атеизм, не является популярной в современной Украине. Как показывают исследования программ политических партий Украины во время парламентских выборов, субъекты политического процесса склонны скорее говорить о религиозности и духовности, что,

¹² Исследовательница проводила интернет-опрос среди неверующих, атеистов и агностиков, и собрала 716 анкет.

¹³ Коммунистическая партия Украины была запрещена в 1991-1992 гг., поэтому была создана Социалистическая партия Украины. С 2015 г. КПУ снова запрещена.

как и в случае с социалистической и коммунистической партиями, сулит народную поддержку, нежели прописывать положения о светском характере государства.

Украинские граждане, поддерживающие секуляризм, наиболее активны в социальных сетях. Примером такой активности может служить Фейсбук-группа «За світську державу» (рус. – «За светское государство»). Материалы публикуются на украинском, русском и английском языках, хотя украинский доминирует, что связано с использованием украинских информационных ресурсов. В эту закрытую группу, основанную в 2016 г., входят менее чем 250 участников. Последние два факта – статус группы и количество участников – также являются еще одним показателем статуса секуляризма в Украине.

Дабы у читателей не сложилось впечатление, что в данном обзоре подобраны некие маргинальные примеры, приведу еще один. Петиция «Заборонити державним службовцям та освітянам пропагувати релігію у робочий час» (рус. – «Запретить государственным служащим и педагогам пропагандировать религию в рабочее время») была опубликована на сайте Президента Украины 21 августа 2019 г. [Петиція]. Согласно Закону Украины «Об обращении граждан» за три месяца нужно собрать 25 тыс. подписей под петицией для того, чтобы ее рассмотрели в Офисе Президента и дали официальный ответ. Упомянутая петиция за этот срок не смогла набрать и в десять раз меньше подписей, хотя распространялась на различных атеистических и антиклерикальных ресурсах.

Ни в Конституции Украины, ни в профильном законе Украины «О свободе совести и религиозных организациях» Украина не определяется как светское государство. Предикат «светский» в украинском законодательстве употребляется только по отношению к образованию: «Государственная система образования в Украине отделена от церкви (религиозных организаций), имеет светский характер» (ст. 6 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях») и «Государственные и коммунальные учебные заведения отделены от церкви (религиозных организаций), имеют светский характер» (ст. 31 Закона Украины «Об образовании»). Тем не менее, и Конституция, и профильный закон определяют принципы взаимоотношения между государством и религиями вполне в светском духе: отделение церкви от государства и школы от церкви; гарантия свободы совести и отсутствие государственной, официальной и обязательной религии, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и равенство всех религий перед законом (Ср.: ст. 25 Конституции Украины и ст. 3-6 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях»). Таким образом, мы вполне можем говорить о закреплении светского характера украинского государства на законодательном уровне, хотя такая формулировка там и отсутствует.

Последнее социологическое исследование проведенное Центром Разумкова демонстрирует нам, что украинские граждане, в целом, поддерживают принципы светскости. Например, 3/4 украинских граждан считают, что государство должно быть равно отдаленным от всех церквей, а 60 % выступают против существования в Украине государственной церкви (лишь 9 % – за). В тоже самое время 46 % респондентов считают, что отделение церкви от государства и школы от церкви являются необходимым условием демократичности государства и обеспечения права личности на свободу совести (не согласны – 25 %) и столько же согласились с утверждением «Религия не должна преподаваться в общеобразовательных школах, для этого существуют церковные воскресные школы» (30 % считают, что религию можно преподавать факультативно, и лишь 13 % выступают за обязательность такого предмета) [Держава і Церква в Україні-2019, с. 34-35].

Светскость в Украине обеспечивается еще и особенной религиозной ситуацией – поликонфессиональностью, а точнее конкуренцией в церковной среде. В Украине не существует государственной церкви не только потому, что так записано в Конституции, но и потому, что на этот статус могли бы претендовать как минимум две православные церкви – Украинская православная церковь (Московский патриархат) и Украинская православная церковь Киевского патриархата до конца 2018 г., а с 2019 г. – Православная Церковь Украины. Я не буду тут рассматривать взаимоотношения между церквями, однако отмечу, что для обеих церквей присвоение статуса государственной противоположной стороне является неприемлемым даже при условии получения такого статуса для них обеих. Таким образом, церковная конкуренция позитивно влияет на светскость Украины. Поликонфессиональность также часто используют в публичных дискуссиях для оправдания внесения некоего религиозного элемента в государственные институты. Например, в дискуссии о военных капелланах до 2014 г. ставились такие вопросы: капеллана от какой церкви вводить, если среди военнослужащих и призывников могут быть верующие киевского и московского патриархатов, греко-католики, баптисты, мусульмане? Что делать с неверующими и атеистами? Не будет ли введение института капелланства нарушением свободы совести для определенных групп верующих и неверующих? Подобные вопросы можно было услышать и при обсуждении введения предмета «Христианская этика» в средней школе и «Теология» в высшей школе.

Несмотря на конституционные нормы и молчаливое согласие политических элит с ситуацией в масштабе всей страны, на региональном уровне дела обстоят иначе. Региональные власти, как правило, имеют своего церковного фаворита (для Галиции – это, например, Украинская греко-католическая церковь) и церкви, чьи интересы не учитываются или игнорируются, т.е. церкви, которые дискриминируются. Так обстоят дела с Украинской православной церковью (Московский патриархат) во Львове, и такая была политика Донецких и Крымских властей по отношению к Украинской православной церкви Киевского патриархата. Конечно же, неравномерное внимание основано на религиозных предпочтениях большинства населения той или иной области. Тем не менее, для демократического общества характерным является учет интересов меньшинств. В данном же случае речь идет об интересах религиозных меньшинств, которые в масштабах всей страны, на самом деле, являются крупнейшими религиозными организациями.

Однако религиозные предпочтения существуют не только у представителей региональной власти, но и у Президентов Украины. Фактически каждый из них имел своего церковного фаворита: Л.М. Кравчук симпатизировал Украинской православной церкви Киевского Патриархата, Л.Д. Кучма – Украинской православной церкви Московского патриархата, В.А. Ющенко – Киевскому патриархату, В.Ф. Янукович – Московскому патриархату, П.А. Порошенко – Киевскому патриархату, а позже Православной церкви Украины. Изменение церковных вкусов с приходом каждого нового Президента в целом также позитивно отображалось на светскости Украины, хотя, конечно же, каждый из них в той или иной мере нарушал принцип светскости.

Ярким примером такого нарушения является деятельность 5-го Президента Украины Петра Алексеевича Порошенко по получению томоса об автокефалии Украинской церкви. Команда Президента, курирующая этот вопрос из Администрации Президента, Национального института стратегических исследований и Министерства культуры Украины, публично оперировала несколькими аргументами в подтверждение

правильности своей политики. Во-первых, законодательный уровень. В Законе Украины «О свободе совести и религиозных организациях» отмечено, что Центральный орган государственной власти по делам религий должен содействовать международным контактам церквей (ст. 30). Поскольку Украинская православная церковь Киевского патриархата и Украинская автокефальная православная церковь не могли принимать участие в международных религиозных форумах по причине непризнания их со стороны других православных церквей, то помощь в получении ими признанной автокефалии является, собственно, упомянутым содействием в ст. 30 указанного закона. Во-вторых, уровень национальной безопасности. Поскольку Российская Федерация использует Русскую православную церковь на внешнеполитическом уровне, на уровне международных отношений, а сама РПЦ пропагандирует идеологию «русского мира», то логика национальной безопасности подсказывала команде Президента, что необходимо минимизировать влияние РПЦ на украинских граждан, а это можно сделать лишь основав свою независимую, но признанную в православном мире, церковь. В-третьих, политический уровень. Успешная реализация церковного проекта должна была повысить рейтинги П.А. Порошенко и обеспечить ему победу на президентских выборах. Рейтинги Порошенко действительно повысились, но его проигрыш на выборах, по моему мнению, также связан с его активной церковной политикой, поскольку часть украинского общества (а это не только атеисты и неверующие, но и верующие и симпатичные Украинской православной церкви Московского патриархата, которых в 2018 г. было около более 20 % от всего населения Украины). Отметим, что проигрыш П.А. Порошенко на президентских выборах сразу же отразился на религиозной сфере – процесс переходов приходов из Московского патриархата в новосозданную Православную церковь Украины сразу же прекратился, а вместе с этим было зафиксировано несколько обратных переходов.

В своей предвыборной кампании Порошенко пытался использовать религиозный фактор в свою пользу. Еще до начала официальной предвыборной гонки вся Украина была в билбордах, на которых Президент и новоизбранный предстоятель Православной Церкви Украины Епифаний стояли по обе стороны от томоса, а надпись гласила «Томос для Украины!». Главным лозунгом предвыборной гонки Порошенко был «Армія. Мова. Віра» (рус. – «Армия. Язык. Вера»). Каждая составляющая триады объяснялась отдельно. Относительно веры, то билборды Порошенко гласили следующее: «Поместная Церковь – залог независимости». В принципе, пиар-кампания Порошенко сработала – он достаточно отчетливо ассоциировался с получением томоса и Православной церковью Украины, настолько, что сторонники Президента позволяли себе противопоставлять «религиозного» Порошенко «секулярному» Зеленскому. После первого тура выборов в социальных сетях было очень много постов и комментариев против кандидата в Президенты Украины Зеленского, где шла речь о том, что он чуть ли не исповедует «воинствующий секуляризм». То есть с одной стороны был Петр Порошенко, добившийся томоса для Украинской церкви, а с другой стороны – светский Владимир Зеленский, при котором не понятно какой будет религиозная политика. В. Зеленского сравнивали с четвертым Президентом Украины Виктором Януковичем, который первый год своего президентства игнорировал и не хотел встречаться со Всеукраинским советом церквей и религиозных организаций (правда, Янукович это делал, поскольку отдавал предпочтение лишь Украинской православной церкви (Московский патриархат), но сравнение Зеленского с наиболее неудачным Президентом Украины должно было передать ему

негативний рейтинг последнего). Однако, для меня, в контексте вопроса в секуляризме и светскости в современной Украине, интересен другой факт, а именно то, что команда Зеленского моментально отреагировала на такие навешивания ярлыков. После второго тура Зеленский встречался с целым рядом религиозных лидеров (в т.ч. с митрополитом Киевским и всея Украины Епифанием), а потом, через какое-то время появился видеоролик «Послание мира» – обращение религиозных лидеров к жителям оккупированных территорий, инициированное и распространяемое командой Зеленского. Политтехнологи поняли, что рейтинги Зеленского могут упасть из-за существующей стигматизации неверующих.

Какие выводы можно сделать из этого обзора? Во-первых, несмотря на советскую атеистическую пропаганду и антирелигиозную политику (а может и как реакцию на нее) атеизм и секуляризм являются слабыми и стигматизированными явлениями в современной Украине. Во-вторых, нельзя, в строгом смысле этого слова, говорить об атеистическом движении. Атеизм не имеет практически никакого влияния на украинское общество и присутствует, прежде всего, в виде сообществ в социальных сетях. И, наконец, в-третьих, после Революции Достоинства (ЕвроМайдана) 2013–2014 гг. и вплоть до 2019 г. мейнстримовыми в украинском обществе были националистический и религиозный дискурсы, в то время как либеральный и секулярный дискурсы находились на периферии.

Бібліографічний список

Держава і Церква в Україні-2019: підсумки року і перспективи розвитку відносин (інформаційні матеріали). Київ: Центр Разумкова, 2019.

Дубровіна А. Свобода совісті для невіруючих: чи існує дискримінація атеїстів в Україні? // Релігієзнавчі нариси. 2018. № 8. С. 5–22.

Закон України «Про освіту» // [URL] <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19>

Закон України «Про свободу совісті та релігійні організації» // [URL] <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/987-12>

Казанова Х. Релігія в сучасному світі: плюралізм, секуляризація, глобалізація. Львів: Видавництво УКУ, 2019.

Конституція України // [URL] <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/254к/96-вр>

Косуха П. Особливості релігійності сучасного віруючого // Історія релігії в Україні у 10 тт. Том 10. Релігія і церква років незалежності України / за ред. А. Колодного. Київ-Догобич: Коло, 2003. С. 66–86.

Кочан Н. Релігійність українського суспільства: Останні дослідження // Людина і світ. 2003. № 1. С. 8–13.

Петиція №22/070746-еп «Заборонити державним службовцям та освітянам пропагувати релігію у робочий час» // [URL] <https://petition.president.gov.ua/petition/70746>

Послание мира к жителям Донбасса и Крыма // [URL] <https://www.youtube.com/watch?v=bMyOc583Nc8>

Титаренко В.В.

Религиозная идентичность в Украине в координатах свободы религии

Titarenko V.V.

Religious identity in Ukraine in the coordinates of freedom of religion

Аннотация: В статье проанализированы основные параметры религиозной свободы в Украине. К таким относятся: 1) сложившаяся новая территориальная конфигурация религиозной свободы/несвободы (зона правового поля материковой Украины, зона действий правового поля РФ – Крым, зона «отчуждения» правового поля - районы военных действий Донецкой и Луганской областей); 2) объективные показатели: результаты социологических исследований, изменения в законодательно-нормативной базе; показатели международных рейтингов; оценки государственных и негосударственных отчетов мониторингов свободы религии и убеждений.

Ключевые слова: религиозная свобода, религиозная несвобода, религиозная ситуация, политика в сфере религии, законодательно-нормативная база, социологические исследования, Православная Церковь Украины, религиозные организации

Аннотация: The article analyzes the main parameters of religious freedom in Ukraine. These include: 1) the existing new territorial configuration of religious freedom / no-freedom (the zone of the legal field of mainland Ukraine, the zone of action of the legal field of the Russian Federation - Crimea, the zone of «exclusion» of the legal field - the military areas of Donetsk and Lugansk regions); 2) objective indicators: the results of sociological studies, changes in the legislative and regulatory framework; indicators of international ratings; assessments of state and non-state reports monitoring freedom of religion and belief.

Keywords: religious freedom, religious no-freedom, religious situation, religion policy, legislative and regulatory framework, sociological research, the Orthodox Church of Ukraine, religious organizations

В первую очередь, в контексте темы конференции определимся с понятиями, поскольку вопросы свободы совести, свободы религии являются многовекторными и сохраняют свою актуальность в теоретическом и, тем более, в практическом аспектах – в реалиях функционирования религии в том или ином обществе. Религиоведческий, теологический и правовой дискурсы этих понятий находятся в поле внимания как украинских, так и зарубежных исследователей, следствием чего является и цикл конференций по религиозной свободе, регулярно собирающие интеллектуальное представительство ученых с разных стран. В Украине на страницах ежегодника «Религиозная свобода», основанного Отделением религиоведения Института философии имени Г.С.Сковороды НАН Украины и Украинской ассоциацией религиоведения рассматриваются проблемы свободы бытия религии в международном и украинском контексте функционирования, обобщается опыт государственно-конфессиональных отношений, освещаются правовые документы по проблеме свободы совести [Титаренко, с. 150].

Понимание свободы религии, в общем виде, является с одной стороны – отражением достижений исторического развития, а с другой стороны – и современным осмыслением этого сложного феномена, непростым и порой проблемным воплощением принципов религиозной свободы в социальной жизни. Парадигма свободы совести, как и свободы религии, не является независимой и самодостаточной. Она возникает как следствие

взаимодействия (в процессе исторического формирования) различных факторов объективного и субъективного измерения, имеет темпоральные границы, подлежит определенному совершенствованию и уточнению. Современные специалисты в сфере гуманитаристики отмечают, что 80% кризисов в будущем (которое начинается, условно, уже завтра) - будут иметь гуманитарную направленность. Следовательно, должна быть соответствующая реакция прогрессивных сил человечества – ученых, правоведов, философов, религиоведов, теологов и др.

Украинское общество развивается как демократическая открытая система, которая преодолевает идеологические штампы прошлого советского наследия. Обнадеживающим показателем демократизации религиозной жизни в Украине является ее поликонфессиональность. Сформировалась и закрепились, невозможная в советском прошлом, полирелигиозная среда. Сегодня количество религиозных направлений, существующих в Украине, превышает отметку в 100 – от таких многочисленных конфессий, как православие и до отдельных общин, представляющих, например, даосизм. Количество религиозных организаций увеличилось почти в три раза – государственным департаментом по делам религии Министерства культуры Украины на начало 2019 официально зафиксировано 36739 действующих в Украине религиозных организаций (в 1991 году их было 12962, в 2017 – 35910) [Релігійні організації в Україні (станом на 1 січня 2019 р.)]. Важнейшим прорывом в сфере религиозной свободы стало признание Православной Церкви Украины как 15-й автокефальной Церкви со стороны Вселенского Патриархата. Процесс признания ПЦУ в мировом православии продолжается – следом за Вселенским Патриархатом решение о признании приняли сначала Елладская церковь, потом Александрийский патриархат, что свидетельствует о том, что процесс приобрел необратимый характер. Но при этом, современная религиозная ситуация в стране характеризуется противоречивостью, динамизмом, политической зависимостью и изменяется в диапазоне от стабильной, прогнозируемой и управляемой – до конфликтной, напряженной, сложнопредсказуемой.

Поскольку, в фокусе нашего исследования находится Украина, обратим внимание на тот факт, что события, произошедшие за более, чем четверть столетия в её религиозной жизни отличаются уникальностью и их стоит рассматривать в следующей системе координат, на что указывает украинский религиовед А.Аристова:

- по степени сложности, поскольку религиозная сфера имеет широкий диапазон изменений – от упадка к возрождению, от застоя к динамике, от религиозной дискриминации к максимальной религиозной свободе и обратно);

- по темпам и качеству изменений (за это время фактически несколько раз менялись и реальные модели государственно-церковных отношений, и баланс сил между основными конфессиями и конфессиональная палитра);

- по степени их влияния на социум - духовные, мировоззренческие, политические, геополитические, национальные и другие процессы – влияния, которое адекватно будет оценено только в будущем) [Аристова, с. 26].

В качественном, правовом измерении – Украина стала одним из немногих посткоммунистических государств, в котором реализована реальная демократия в религиозной сфере, создана модель поликонфессионального общества с либеральным законодательством, принципами свободы религии и - отсутствием в равной мере понятий «государственной церкви» и «деструктивных культов». На вопрос о практике внедрения государственной церкви в Украине (по примеру некоторых европейских стран – Великой

Британии, Греции, где существуют государственные церкви) в опросах 2019 года положительно ответили, только 9,3% респондентов, отрицательно – 59,9%, затруднились ответить 30,8% [Держава і Церква в Україні – 2019: підсумки року і перспективи розвитку відносин (інформаційні матеріали), с. 10]. В своей аргументации, респонденты разделились следующим образом: заявили о том, что возможная практика государственной церкви противоречит праву на свободу совести и приводит к дискриминации верующих других церквей заявили – 43,4%. Утверждали о том, что Украина является поликонфессиональной и приоритет любой церкви приведет к дополнительному напряжению в межцерковных и государственно-церковных отношениях – 40,5%, другое – 7,2%, затруднились с ответом – 9%. На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что отделение Церкви от государства и школы от церкви является необходимым условием демократичности государства и обеспечения права личности на свободу совести», утвердительно ответили 46,4%, отрицательно – 25,4%, затруднились с ответом – 28,1% [Держава і Церква в Україні – 2019: підсумки року і перспективи розвитку відносин (інформаційні матеріали), с. 10].

Чтобы понять, насколько успешной или неуспешной была политика украинского государства в указанной сфере в последние годы, стоит обратиться к объективным показателям, а это (кроме результатов социологических исследований, к которым мы обратились и будем также опираться далее): изменения в законодательно-нормативной базе; показатели международных рейтингов; оценки государственных и негосударственных отчетов мониторингов свободы религии и убеждений. В Украине, в течение 2014-2019 годов были реализованы запросы Всеукраинского Совета Церквей и религиозных организаций на присутствие религиозных институтов в публичной сфере, которые были видвинуты правительству, президенту и Верховной Раде. За время прошлой каденции Парламента Украины были приняты законы и нормативные акты, которые сделали возможными военное капелланство и капелланство в пенитенциарных учреждениях; учреждение религиозными организациями учебных заведений – от дошкольных заведений до университетов; лицензирование духовных учебных заведений; признание их дипломов и защищенных диссертаций; религиозные общины получили возможность (в соответствии с международным пониманием свободы религии) свободно изменять свою юрисдикцию; была упразднена, так называемая двойная регистрация.

Несмотря на сложную политическую ситуацию в стране, отягощенную военными действиями, направленными на защиту украинской территории от внешней агрессии, государство не только предоставляло религиозным организациям финансовые льготы, но и подтвердило их право на невоенную (альтернативную) службу.

Религиозные организации и центры проявляют большую активность, они стали значимой частью гражданского общества и публичного пространства, их голос чаще звучит в публичном дискурсе. По определению известного украинского религиоведа и политического деятеля В.Еленского, они во многом поддержали Украину, а их вклад в резолюции ООН, Европарламента, ПАСЕ и др. по вопросам осуждения религиозных преследований в Крыму и на оккупированных территориях Донбасса – неоценим [Єленський].

В результатах социологических опросов, утверждение о том, что в Украине существует полная свобода совести и равенство вероисповеданий перед законом поддержали 69,2% респондентов (18,5% – не согласны, 12,4% – затруднились с ответом), в то же время, 47,9% респондентов считают, что религиозные организации и церкви злоупотребляют предоставленными им правами и свободами (29,1% – не согласны, 23% – затруднились

с ответом). Согласны с утверждением о том, что свобода совести и равноправие вероисповеданий в Украине декларируется, но не осуществляется – 36% (43,4% – не согласны, 20,5% – затруднились с ответом) [Держава і Церква в Україні – 2019: підсумки року і перспективи розвитку відносин (інформаційні матеріали), с. 9].

Несмотря на довольно высокие показатели социологических опросов, свидетельствующих о реализации религиозной свободы в Украине, религиозная ситуация в стране характеризуется динамизмом, противоречивостью, неоднозначностью. Утверждать о полной стабилизации религиозной сферы не приходится, в первую очередь, по той причине, что само украинское общество оказалось в очередной точке бифуркации. Итак, на территории Украины можно условно выделить три качественно различные «правовые зоны», поскольку сложилась новая территориальная конфигурация религиозной свободы/несвободы, как их определяла известный украинский религиовед А.Аристов [Аристов, с. 27]:

1) материковая Украина, как зона украинского правового поля, с реализованной свободой вероисповедания, демократическими институтами равенства религий и религиозных организаций, и правовыми гарантиями свободы совести;

2) Крымский полуостров, как зона правового поля РФ, где украинское законодательство уже не действует, а сфера религиозной свободы значительно сужена, по сравнению с материковой Украиной;

3) районы военных действий Донецкой и Луганской областей, на Востоке Украины, где говорить о правовом поле вообще не приходится. Это – «правовой Чернобыль», если можно так выразиться, зона отчуждения от законов, «территория вне закона» - с открытой дискриминацией конфессий, религиозными преследованиями и тотальным контролем самопровозглашенных властей над религиозной сферой.

Ни в Крыму, ни на Востоке Украины говорить о равенстве конфессий, о соблюдении принципа свободы вероисповедания, о праве каждого гражданина удовлетворять свои религиозные потребности не приходится. В первую очередь, все проукраински ориентированные церкви и религиозные организации последовательно и жестко вытесняются из этих территорий. Они находятся вне поля действия украинского законодательства. И большинство из них – вне поля религиозной свободы. Поэтому, религиозная ситуация разительно отличается от общеукраинской. Особенно политическая составляющая проявляется в православной среде, демонстрируя выразительную тенденцию к политизации. Ситуация обострилась еще с 2014 года и усилилась с момента получения УПЦ своей автокефалии – речь идет о том, что существующие противостояния в православной среде – гораздо серьезнее, нежели просто богословские и канонические разногласия или борьба за культовые сооружения.

После получения автокефалии и признания ПЦУ Элладской Церковью и Александрийским Патриархатом, что завершило процесс первого официального признания другими поместными церквями ПЦУ, можно ожидать дальнейшего давления и обострение конфликта между Патриархатом Варфоломеем и РПЦ. Такая ситуация может иметь последствия для УПЦ (МП) – в форме канонических ограничений на деятельность этой конфессии на канонической территории ПЦУ. Следует подчеркнуть, что общественное сознание в церковно-религиозном аспекте ощутило влияние военного конфликта на Востоке Украины, спровоцированного РФ. Если в 2014 году фиксировалось определенное повышение уровня религиозности населения Украины, что соответствовало реакции общественного мнения в стрессовых ситуациях, то ныне этот

уровень уменьшился (в 2014 году уровень религиозности достигал 76% - наивысший показатель, начиная с 2000 года, сегодня – 66%). Весьма ощутимыми стали изменения в аспекте церковно-конфессионального самоопределения граждан, относящих себя к православию. Очевидно, что эти изменения связаны с тем, что УПЦ (МП) не осудила российскую агрессию, не признала РФ страной-агрессором и не отмежевалась от позиции Московского Патриархата. Естественно, что такая позиция отобразилась на авторитете УПЦ (МП) и количестве ее верных, которых она теряет с 2014 года.

Что касается международных рейтингов, как показателя уровня реализации религиозной свободы в Украине, то начиная с 2014-го года они «измеряют» ее для Украины без Крыма (с ударением, что это не означает непризнание полуострова украинской территорией), но с оккупированной частью Донбасса (опять таки, с уточнением, что украинское государство не может нести ответственность за жестокие нарушения там религиозных свобод).

Наиболее авторитетный рейтинг «правительственного ограничения религии», который составляет Pew Research Center, определяет эти ограничения для Украины как «умеренные» и менее ощутимы, чем в таких европейских странах как Испания, Австрия, Греция, Дания, Румыния, Болгария, Франция, не говоря уже о Молдове и, тем более, Беларусь. Последний рейтинг также фиксирует улучшение рейтинга «правительственного ограничения религии» для Украины с 4,2 до 3,8. Для сравнения - худший среди европейских стран в РФ - 8,1, лучший 0,6 - в Сан-Марино, 3,8 также Бельгия [Сленский].

Мониторинг соблюдения принципов свободы и вероисповедания в обозначенных выше «правовых зонах», осуществляется и рядом международных организаций и комиссий - Совета Европы, ОБСЕ, ООН, Госдепа. В частности, Государственный департамент США традиционно публикует отчет о религиозной свободе, поскольку Америка на законодательном уровне закрепила за собой обязательство по защите свободы вероисповеданий в мире. По материковой Украине, означено следующее (вкратце):

- Отсутствуют данные о фактах заключения или задержания по религиозным мотивам.
- Отсутствие информации о насильственном переходе в другие религии.
- Констатация, что взаимоотношения между сторонниками различных религиозных групп в основном остаются дружественными, но случаи напряжения, особенно между лидерами религиозных организаций-соперников, имеют место.
- Посольство США не получало информации о визовых проблемах религиозных деятелей.
- Проявления антисемитизма случаются нечасто. Не наблюдается рост антисемитских действий по сравнению с предыдущими годами и за отчетный период [Горевой]

Добавим, что согласно исследованию американской исследовательской кампании Pew Research Centre, уровень антисемитизма в Украине является самым низким в регионе Центральной и Восточной Европы. Лишь 5% украинский не хотели бы видеть евреев своими согражданами.

В то же время, серьезное беспокойство вызывают действия поддерживаемых Россией сепаратистов в оккупированных районах Донецкой и Луганской областей. Американские дипломаты указывают на факты насилия против религиозных меньшинств, «антисектантскую» политику боевиков. В докладе фиксируются случаи бытового насилия совершенного на религиозной почве – здесь и православные противостояния, и дискриминация религиозных меньшинств и проявления антисемитизма.

Раздел нынешнего Отчета Госдепартамента США по религиозной свободе в мире, посвященный Украине четко указывает на вопиющие нарушения религиозных свобод в аннексированном Крыму и на оккупированных территориях Донбасса. А также обращает внимание на осуществленные Украиной важные шаги в защиту и углубление религиозной свободы.

Если говорить о прогнозах касательно сферы религиозной свободы и вероисповеданий, то они могут выглядеть следующим образом:

- В Украине присутствуют все объективные предпосылки, которые и в дальнейшем призваны обеспечивать стране необходимые для демократического государства стандарты религиозной свободы и вероисповеданий. Это – реальный религиозный плюрализм, традиционно толерантное отношение украинцев к представителям разных вероисповеданий, отсутствие мощных конфессиональных коннотаций в коллективной украинской идентичности.
- При участии ряда межконфессиональных объединений утверждается межконфессиональное, межрелигиозное взаимодействие и сотрудничество, что происходит, без вмешательства государственных структур (однако собственные религиозные интересы и почва для межконфессиональных конфликтов сохраняются)
- Несмотря на имеющиеся проблемы в сфере религиозной жизни и государственно-конфессиональных отношениях, осложненных нынешней ситуацией на Востоке страны и в Крыму, следует отметить устойчивую тенденцию к утверждению свободы совести, свободы религии, свободы вероисповедания на территории действия украинского законодательства;

Следует также, указать на существуют риски для реализации религиозной свободы, спровоцированные внешней агрессией и попытками дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в стране, вследствие чего:

- Свобода совести может быть ограничена, только в случае ущемления свобод и права других людей (но, такие ограничения должны четко определяться законом и быть адекватными демократическому обществу) Национальная безопасность обеспечивается государством для всех граждан, вне зависимости от их религиозной принадлежности. Следовательно, предполагается возможность вынужденных ограничений, обусловленных необходимостью сохранения национальной безопасности, что может расцениваться религиозными организациями, как дискриминация со стороны государства или подаваться, как ограничение религиозной свободы, не является таковым по факту.
- Украина стала жертвой не только территориальной, геополитической агрессии, но и объектом идеологической агрессии. Гибридная война, развязанная против Украины, имеет, в том числе, явную религиозную мотивацию.
- Внешними силами формируются и внедряются в массовое сознание идеологические стереотипы: греко-католики – предатели православной веры; православные (теперь – это уже верные ПЦУ) – раскольники, националисты, вероотступники; протестанты – сектанты, американские шпионы; свидетели Иеговы – экстремисты и т.д.
- Насильственная инкорпорация религиозных общин Крыма и Донбасса в российские религиозные структуры и их изоляция от единоверцев из Украины, а также от международных контактов и поддержки.

Нынешние вызовы для религиозной свободы, с которыми столкнулось Украинское государство и риски, связанные с внешней агрессией, влияющей на реализацию принципов свободы религии и вероисповеданий, непреодолимы, только лишь внутривластными мерами. Вернуть религиозную свободу в оккупированном Крыму и на Донбассе, могут лишь консолидированные действенные усилия всего международного сообщества, в том числе и религиоведческого.

Библиографический список:

Арістова А.В. Україна: за межами релігійної свободи // Українське релігієзнавство . 2016. №. 80, с.26-31.

Горевой, Д. «Pro relihiinu svobodu, zvit Derzhdepartamentu SShA, dyskryminatsiiu i «dyskryminatsiiu»» // [URL] https://risu.org.ua/ua/index/expert_thought/open_theme/68165/
Держава і Церква в Україні – 2019: підсумки року і перспективи розвитку відносин (інформаційні матеріали): pidsumky roku i perspektyvy rozvytku vidnosyn (informatysiini materialy)», Київ, 2019 ..

Сленський, В.Є., «Втручатися не можна ігнорувати, Або що робити державі з релігійною політикою?» // [URL] <https://cerkvarium.org/publikatsii/monitorynh-zmi/vtruchatisya-ne-mozhna-ignoruvati-abo-shcho-robiti-derzhavi-z-religijnoyu-politikoyu>

Релігійні організації в Україні (станом на 1 січня 2019 р.) // [URL] https://risu.org.ua/ua/index/resourses/statistics/ukr_2019/75410/

Титаренко, В.В. Свобода віросповідань у фокусі ЦІХСОД (Церкви Ісуса Христа Святих Останніх Днів) // Держава і Церква в новітній історії України. Полтава: ПП «Астрія», Полтава, 2017.

Рагимов Р.Ю

Азербайджанская модель мультикультурализма: теория и практика

Rahimov R. Y.

The Azerbaijani Model of Multiculturalism: Theory and Practice

Аннотація: Азербайджан прийняв мультикультуралізм в якості державної політики. І появилася нова фраза «азербайджанська модель мультикультуралізму, і країна все більше визнається центром мультикультуралізму в світі». В даній статті розглядається те, що робить азербайджанську модель мультикультуралізму унікальною з різних точок зору - теоретичною і практичною, історичною і сучасною. Особливу увагу газети приділяється тому, що держава повністю зберігає свій світський характер, з однієї сторони, і підтримує релігійні громади в країні для підтримки міжрелігійного згоди, з іншої сторони. В методологічному відношенні в статті будуть використані ліберальні теорії мультикультуралізму, таксономія терміна «мультикультуралізм» Пола Думошеля, а також концепції раннього і пізнього множинності.

Ключевые слова: Мультикультуралізм; Азербайджан; різноманітність; світскість; релігія

Abstract: Azerbaijan has adopted multiculturalism as a state policy. And the new phrase “Azerbaijani model of multiculturalism has emerged, and the country is increasingly recognized

as a center of multiculturalism in the world. This paper explores what makes the Azerbaijani model of multiculturalism unique from various perspectives - theoretical and practical, and historical and modern perspectives. A particular focus of the paper is on the fact that the state absolutely maintains its secular character on the one hand, and supports religious communities in the country on the other hand to maintain inter-religious harmony. Methodologically, the paper will refer to liberal theories of multiculturalism, Paul Dumochel's taxonomy of the term "multiculturalism", and concepts of early diversity and late diversity.

Keywords: Multiculturalism; Azerbaijan; Diversity; Secularity; Religion

Paul Dumouchel offers conceptual classification of the term of multiculturalism in his article titled "Comparative Multiculturalism". According to his taxonomy, multiculturalism is used in academic literature in three different meanings [See Dumouchel P.]. First, the term of multiculturalism is of descriptive nature as it characterizes the social-historic situation in a society or country, where diverse cultural groups coexist. In today's world, most countries can be characterized as multicultural due to globalization, migration, trade, tourism, conflicts, and other reasons. Therefore, multiculturalism has a broad meaning. Second, the term of multiculturalism is defined as a specific state policy aimed at handling the cultural diversity in a country. In another word, this concept of multiculturalism is a state's reaction to the first meaning of multiculturalism. Although most countries are multicultural by the social-historic situation, not all of them adopt multiculturalism as a state policy. Furthermore, there are countries that have official policies with considerable elements of multiculturalism, but they refrain from calling it the policy of multiculturalism. This has also to do with the Paul Dumouchel's third definition of term of multiculturalism. Third, the term of multiculturalism is of normative character as it deals with how a multicultural society should be in terms of fairness and justice. It is this aspect that makes some states refrain from calling their policies multiculturalism or officially adopting multiculturalism as a state policy. Otherwise, their policies towards cultural diversities can be questioned from the point of fairness and justice. Azerbaijani scholar Etibar Najafov holds that it is not very relevant to differentiate the second and third definitions of multiculturalism as Paul Dumouchel has done. According to him, the third meaning of multiculturalism is essentially the more specification of the second meaning, and therefore, it is irrelevant to portray the third definition as an autonomous definition of multiculturalism [See Nəcəfov E.]. This view reflects Azerbaijani understanding of multiculturalism: fairness or justice is indispensable to multiculturalism as a state policy. The essence of multiculturalism as a state policy naturally and necessarily means fair and just treatment of all groups and minorities, otherwise, there can be no state policy of multiculturalism in the Azerbaijani view.

It is this view that has influenced Azerbaijani model of multiculturalism as a state policy. But a curious question is, how Azerbaijan – a small, post-soviet, Muslim-majority nation adopted multiculturalism as a state policy while the leaders of western European liberal democracies publicly stated that multiculturalism has "failed". Two concepts are key to understanding this phenomenon - early diversity and late diversity. These concepts are useful for two points. First, they are effective to explain and understand the Azerbaijani multiculturalism from both historic and modern perspectives. Second, they are helpful to explain why while Azerbaijan has proudly adopted multiculturalism, western European leaders abandoned it. Azerbaijan is a clear case to the early diversity. The early diversity means that the territory of Azerbaijan has been home to different cultures, religions, ethnicities and peoples from the ancient times and have mingled and integrated with one another for centuries. Azerbaijani Academician Kamal Abdulla notes

that there had been no “self-other” confrontation, and even if there was any, it had been left in the distant history. What is relevant today for Azerbaijan is not who first or later inhabited this territory but they have inhabited together and coexisted peacefully. This has facilitated formation of sense of togetherness and common identity in Azerbaijan with simultaneously maintaining ethnic, religious or other specific traditions and values for centuries. But this kind of peculiarities is not the case for the late diversity. Unlike the early diversity, the late diversity has emerged recently mainly in the 20th century but has intensified with the globalization, conflicts and migration waves in particular in 21st century. A major characteristic of the late diversity is that both host and new arrival cultures are morally and otherwise well-formed and established cultures, and therefore, they tend rather clash than compromising and mingling with one another. The late diversity is particularly connected with the mass migration to Europe and the West. Thus, the concepts of the early diversity and the late diversity explain why the policy of multiculturalism - as former British PM David Cameron put it – “failed”, but was adopted as a state policy in Azerbaijan [See Cameron D.].

Azerbaijan is a secular nation. The secular character of the state is legally embedded in the Constitution of the country. The constitution clearly states that “the state of Azerbaijan is secular unitary republic. The state and religion are separate under the constitution, which also establishes that the public (state) education system is of secular character. Alongside with remaining committed to the secular nature of the state and the principled, constitutional separation of the state and religion, Azerbaijan offers financial and other support to different faith communities in Azerbaijan including Jews, Orthodox Christians, Catholics, Muslims and others. As a result, “today Azerbaijan has managed to provide its multicultural security completely” according to Dr. Revan Hasanov, the head of Baku International Multiculturalism Centre.

Furthermore, leaders and representatives of different religious communities sit alongside with top official figures at various official events and occasions, and religious holidays. This approach echoes Jurgen Habermas’ view that “the forces of religious strength, as a result of multiculturalism and immigration, are stronger than in previous decades, and, therefore, there is a need of tolerance, which must be understood as a two-way street: secular people need to tolerate the role of religious people in the public square and vice versa” [See Habermas J.].

This kind of approach also shows the state’s equal and indiscriminate attitude to different religions on the one hand, and fosters interculturalism – dialogue, cooperation, and sense of togetherness and unity between them. Interculturalism is oftentimes confused or identified with multiculturalism. But they are different notions. Basically, multiculturalism means tolerance and respect for different cultures. When the policy of multiculturalism excessively emphasizes and applies absolutist approach the diversity, it could lead to social fragmentation, disintegration and even isolation or self-isolation. In particular, western liberal democracies are prone to such phenomenon. Former British PM David Cameron stated in his Munich Security Conference speech in 2011, which was dubbed “Cameron: My War on Multiculturalism” by *The Independent*: “Under the doctrine of state multiculturalism, we have encouraged different cultures to live separate lives, apart from each other and apart from the mainstream” [See Wright O., Taylor J.]. While the policy of multiculturalism recognizes, respects, and even protects diverse cultures and communities, interculturalism is about interaction, dialogue and cooperation among different cultures. And thereby, it fosters sense of unity and togetherness among them, and as such a feeling of belonging to the common society and vision for the future. Therefore, Azerbaijan President Ilham Aliyev emphasizes the “need to promote the values of

interculturalism” [See Aliyev I.]. In this light, interculturalism serves as a means to flesh out multiculturalism and cultural diversity into unity not fragmentation in the society in the case of Azerbaijan. Thus, the essence of interculturalism can also be characterized as a dimension to transform multiculturalism into what is known as “united in diversity”.

In view of the following theoretical reflections, the Azerbaijani model of multiculturalism can be characterized as unique because it represents a blend of characteristics to different theoretical approaches: Multiculturalism is closely associated with liberal thinking. Liberal scholars’ approaches to multiculturalism can be categorized into three groups: modern liberal approach represented by Will Kymlicka, classic liberal approach by Chandran Kukathas, and egalitarian liberal approach by Barry Brian. Will Kymlicka has developed the concept of multicultural citizenship. Three groups of rights constitute the multicultural citizenship: representation, self-governance, and poly-ethnic rights [See Kymlicka W.]. It also proposes two concepts external protection and internal restriction. Modern liberal multiculturalism emphasizes the strong role of the state to create rights. That is why it is also portrayed as strong multiculturalism as contrasted to weak multiculturalism. Classic liberal approach seeks to minimize the role of the state while emphasizing the rights and freedoms of individuals, and views the tolerance as a necessity even for non-liberal elements, and therefore, referred to as weak multiculturalism [See Kukathas Ch.]. In his work “Tolerating the Intolerable” Chandran Kukathas defends that minorities must be free from state intervention. Cultural minorities, in particular new arrivals should be free whether to live in accordance with their own customs and traditions and/or to be in a minimal interaction with the rest of the society [See Kukathas Ch.]. As to the egalitarian liberal approach represented by scholar Brian Barry, the strong role of the state is needed but unlike the modern liberal approach, for reforming minorities not for creating group rights [See Barry B.]. As contrasted to the concept of multicultural citizenship, the approaches by classic liberal and egalitarian scholars can be characterized as constitutional citizenship. Under the concept of constitutional citizenship, rights of individuals are established in the constitution as equal for every citizen irrespective of the community they belong to.

Here are a few practical examples to how elements from different theoretical approaches are reflected in the Azerbaijani model of multiculturalism. The case of individual rights and freedoms imprinted in the constitution in correspondence with classic liberal and egalitarian multiculturalism is peculiar to Azerbaijan. Nonetheless, the state of Azerbaijan doesn’t seek, by any means, to reform cultural minorities or communities as proposed by Brian Barry’s egalitarian approach. The case of Roma communities is just a case in point. That is to say that the Azerbaijani model of multiculturalism also accommodates non-liberal elements and this represents a peculiarity to the classic liberal approach by Chandran Kukathas. Yet it also carries elements from the constitutional citizenship because the constitution provides rights rather for individuals than groups, and the state fosters an environment for cultural diversity and harmony without intervention. Furthermore, the Azerbaijani model carries many elements of the modern liberal multiculturalism: the nation provides poly-ethnic rights, which constitutes one of the three group rights that together make up the concept of multicultural citizenship. Also representatives of Jewish, Orthodox Christian and other ethnic and religious communities are traditionally represented in the national parliament, and active in the public life. Another concept of the modern liberal approach – external protection is also observed in the toolkit of Azerbaijan. For example, the state of Azerbaijan provides assistance to the Udi Alban Christian community to rehabilitate the Udi Alban Apostil Church. The state’s strong role is, from the theoretical perspective, very specific to maintain an effective environment for cultural diversity

and render financial and other support to diverse communities, but neither to create group rights in the manner stipulated by the modern liberal approach nor to reform minorities as demanded by the egalitarian liberal approach.

Conclusion

Multiculturalism has been in place in Azerbaijan for long centuries as a life-style of the people. By adopting the multiculturalism, the government of Azerbaijan has acted in accordance with the legal theory. Under the legal theory, customs and traditions of people represent a source for law-making. This is expressly embedded in Azerbaijani president Ilham Aliyev's famous phrase: "Multiculturalism is both a life-style and a state policy in Azerbaijan".

As a result, now the multiculturalism goes hand-in-hand as a tandem of life-style and state policy. The state policy is also necessitated by the fact that domestic cultural diversity can be prone to negative external factors. Thus, the government counters potential threats to domestic unity and harmony.

Multiculturalism has also foreign and international dimension. For example, it is also due to the policy of multiculturalism that Azerbaijan's relations with state such as Israel or Vatican are excellent. Furthermore, multiculturalism has contributed to recognition and promotion of Azerbaijan as an emerging center of multiculturalism internationally. Major international forums and events involving the UN, UNESCO, ISESCO, and other institutions are held in Azerbaijan.

The policy of multiculturalism also contributes to countering religious radicalization and other forms of extremism in Azerbaijan hereby strengthening peace and harmony in the society. It also fosters sense of unity and togetherness among different cultures and religions in the country. To sum up, fostering unity versus fragmentation is the major characteristic result of the Azerbaijani model of multiculturalism, which is unique from both theoretical and practical points, and historical and modern perspectives.

Bibliography

Abdulla Kamal. 2016. Interview.// [URL]:<http://multikulturalizm.gov.az/post/305/dovletstic-musaviri-kamal-abdulla-azerbaycanda-multikulturalizmin-ciceklenmesi-goz-qabagindadir.html>

Abdulla Kamal. 2016. Interview.:[URL] https://www.azerfax.az/news_8228.html

Aliyev I. 2017. Speech at the 4th World Forum on Intercultural Dialogue.// [URL] : <https://en.president.az/articles/23532>

Brian Barry. 2001. *Cultura and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism.*

Brian Barry. 2001. *The Muddles of Multiculturalism.*

Cameroon David. 2011. PM's Speech At Munich Security Conference.// [URL] :<https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference>

Dumouchel Paul. *Comparative Multiculturalism.*

Habermas Jurgen. 2005. *Zwischen Naturalismus und Religion (Between Naturalism and Religion).*

Hasanov Revan. 2019. Academic Paper on Azerbaijani Multiculturalism. [URL]:<https://www.eurasiareview.com/31032019-dr-ravan-hasanov-academic-paper-on-azerbaijani-multiculturalism-oped/>

Kukathas Chandran. 2002. *Theoretical Foundations of Multiculturalism.*

Kukathas Chandran. 1999. *Tolerating the Intolerable.*

Kymlicka Will. 1995. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights.

Najafov Etibar. 2015. Multikulturalizmin Mahiyətinə Dair.// [URL]: http://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_960.htm

Rahimov Rahim. 2019. Multikulturalizmə Liberal Yanaşması və Onun Nümayəndələri.// [URL]:<https://drive.google.com/file/d/1zx9fvXE8CvbaqE5vx61qVWOsMYaaAh4d/view>

Wright Olivier, Taylor Jerome. Cameron: My War on Multiculturalism. // [URL]:<https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/cameron-my-war-on-multiculturalism-2205074.html>

Павличенко З.Ю.

Правовые аспекты паломничества в Кыргызской Республике

Pavlichenko Z.Yu.

Legal Aspects of Pilgrimage in the Kyrgyz Republic

Аннотация: В статье рассматривается правовое обеспечение феномена паломничества в Кыргызской Республике. Автор исследует нормативно-правовую базу, регламентирующую паломничество как социокультурный феномен. Исследовав существующие нормативные правовые акты, автор приходит к выводу, что в правовой системе Кыргызской Республики существует ряд вопросов, требующих согласования и доработки, что отражается на характере паломничества в Кыргызстане, а также на трансформации института и появлении новых форм паломничества, смешении обрядов и культов.

Ключевые слова: паломничество, Кыргызстан, хадж, ислам, христианство, религиозный туризм

Abstract: The article considers the legal support of the phenomenon of the pilgrimage in the Kyrgyz Republic. The author explores the regulatory framework governing pilgrimage as a sociocultural phenomenon. Having examined the existing regulatory legal acts, the author comes to the conclusion that in the legal system of the Kyrgyz Republic there are a number of issues that need to be agreed upon and finalized, which affects the nature of the pilgrimage in Kyrgyzstan, as well as the transformation of the institution and the emergence of new forms of the pilgrimage, the mixing of rites and cults.

Keywords: pilgrimage, Kyrgyzstan, hajj, Islam, Christianity, religious tourism

Под паломничеством следует понимать сложный духовный и социокультурный феномен, который на протяжении многих веков сопровождает развитие многих народов, вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности, географических факторов или исторических особенностей. Имея свои корни в глубокой древности, паломничество, как феномен, не утратил свою актуальность. Более того, в современном мире паломничество – это один из наиболее активно развивающихся феноменов, в который оказываются вовлеченными различные институты общества.

Под паломничеством следует понимать определенную религиозную деятельность, которая выражается в путешествии людей к религиозным святыням, которые расположены вне границ их постоянного места жительства.

В силу того, что институт паломничества в современном Кыргызстане явление достаточно развитое, существуют различные правовые аспекты его регулирования.

С точки зрения права, паломничество в Кыргызской Республике регулируется Концепцией государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы. Данный нормативно правовой акт отражает официальную позицию государства в отношении сферы религии. Паломничеству, а конкретнее, хаджу, в данном нормативном акте отводится особое внимание. В Концепции подчеркивается, что организация хаджа – проблемный аспект религиозной политики республики, так как оптимальная модель его организации до настоящего времени не выработана. Согласно Концепции, в различное время использовались различные способы организации данного типа паломничества, однако они не продемонстрировали свою эффективность. Проблемой является то, что на сегодняшний день не выработаны единые стандарты по организации хаджа на всех этапах, начиная от выделения квот, формирования списков паломников и оформления виз и заканчивая системой налогообложения. Это приводит к тому, что на всех этапах организации хаджа присутствует лоббирование интересов, злоупотребления, коррупция. Для того, чтобы максимально оптимизировать данный процесс необходимо выработать эффективные механизмы взаимодействия между государственными органами, с одной стороны, и Духовным управлением мусульман Кыргызстана (ДУМК) – с другой. Только таким образом можно обеспечить справедливый и безопасный хадж, - отмечается в Концепции.

Однако, можно отметить, что несмотря на попытку поиска оптимальной модели проведения паломничества в условиях светского характера государства, вопрос возможности практической реализации данного положения остается открытым. Во-первых, Концепция не является нормативно-правовым актом прямого действия, это – определенная система идей, которая в дальнейшем является основой для принятия иных нормативно-правовых актов, ей не противоречащих. Следовательно, обязательного институционального контроля за исполнением Концепции не предусматривается законодательством. То есть, положения Концепции носят декларативный характер и лишь обращают внимание на необходимость государственного регулирования наиболее проблемных сфер религиозной жизни общества.

Однако, в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики, Кыргызстан – светское государство, религия отделена от государства, и государство не может вмешиваться в реализацию религиозных обрядов и практик. Следовательно, в данном вопросе наблюдается коллизия правовых норм: с одной стороны – государство должно дистанцироваться от любых каких бы то ни было религиозных обрядов, с другой стороны – вопрос реализации хаджа регулируется на государственном уровне, в том числе и путем заключения межгосударственного договора между Кыргызстаном и Саудовской Аравией.

Попытка решить данную правовую коллизию была предпринята Законом КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике». Данный Закон, во-первых, вводит определение паломничества как «посещение верующими религиозно значимых святых мест», а самое главное, уполномочивает Духовное управление мусульман Кыргызстана нести ответственность за паломничество (хадж, умра) граждан Кыргызстана к святым местам, расположенным на территории Саудовской Аравии. Кроме того, Закон закрепляет право различных религиозных организаций, миссий в целях организации паломничества устанавливать международные связи и поддерживать контакты (естественно, при условии, что это не противоречит

законодательству Кыргызстана). Таким образом, государство перекладывает ответственность за реализацию паломничества с себя на ДУМК.

Кроме того, Правительством Кыргызской Республики было принято постановление об организации и осуществлении паломничества граждан Кыргызской Республики в Мекку (хадж, умра), которым регулируются основные положения организации хаджа.

Духовное управление мусульман Кыргызстана, в свою очередь, также занимается правовым регулированием института хаджа, что отражено в Уставе ДУМК, Договоре между Министерством хаджа Королевства Саудовская Аравия (КСА) и ДУМК, Уставе Центра умры и хаджа при ДУМК и т.д.

Кроме того, Министерство хаджа Саудовской Аравии периодически направляет в Министерство иностранных дел Кыргызстана ноты, регулирующие отдельные аспекты проведения хаджа. Эксперт по правам человека Д. Кабак [Свобода религии и убеждений в Кыргызстане, с. 72] отмечает, на сегодняшний день таких нот существует около 20.

На основании указанных нормативно-правовых актов ежегодно ДУМК, представители государственной комиссии по делам религии и представители Министерства хаджа Саудовской Аравии подписывают соглашение, в котором определяется квота паломников из Кыргызстана на текущий год и расчета 0,1% от общего числа мусульман, проживающих на территории КР и являющихся гражданами Кыргызстана. При этом, в организации хаджа со стороны Кыргызстана задействованы не только институты, в компетенцию которых входит религиозная сфера, но и такие светские институты, как Министерство здравоохранения Кыргызстана, Государственный комитет национальной безопасности КР, Министерство транспорта КР. Саудовскую Аравию представляют Министерство хаджа и посольство КСА в КР.

Непосредственно в организации хаджа задействованы ДУМК и государственная комиссия по делам религии, которые распределяют квоты по административно-территориальным единицам, определяют калькуляцию стоимости хаджа, регулируют организацию транспорта, одежды паломников, формируют списки паломников и назначают гидов из числа лиц, прошедших специальную аттестацию в ДУМК.

Таким образом, организацией хаджа занимается большой круг лиц как из числа негосударственных институтов, так и со стороны государственных органов.

Тем не менее, ежегодно муфтият и ДУМК оказываются замешаны в большом количестве коррупционных скандалов вокруг хаджа. Начиная от коррупции при распределении квот среди граждан Кыргызстана и заканчивая тем, что по квотам, предоставляемым Кыргызстану, выезжают граждане других государств с поддельными кыргызскими паспортами. Это свидетельствует о том, что, несмотря на повышенное внимание законодателя к данному вопросу, организация хаджа в Кыргызстане является достаточно проблемным моментом [Хадж-2018: 500 долларов и биометрический паспорт].

Кроме того, нужно отметить и тот факт, что коррупция в системе распределения квот приводит к тому, что хадж трансформируется из сугубо религиозной практики в туристическую поездку, попытку демонстрации достатка паломника, модное течение, повод для «селфи» на фоне Каабы.

В добавок в силу того, что хадж – мероприятие достаточно затратное, а с учетом коррупционных схем еще и трудно реализуемое для большинства мусульманского населения Кыргызстана, кыргызы, имеющие намерение совершить паломничество, направляются к объектам внутри Кыргызстана, причем, не только к религиозным

святыням, но и к историческим и ландшафтным объектам. Это связано с тем, что ислам в кыргызской традиции исторически тесно переплетен с языческими практиками и сочетает в себе соблюдение мусульманских правил, постов и праздников с уважением духа предков и духов потустороннего мира, поклонением мазарам и т.д. Интересен и тот факт, что совершая паломничество к историческим и ландшафтным объектам, кыргызы придерживаются ряда правил, характерных для традиционного ислама, таких как вера в Аллаха, обязательное омовение перед посещением объекта паломничества, чтение Корана и т.д.

Таким образом, несовершенство организационных процедур ДУМК и ГКДР, что подтверждается ежегодными коррупционными скандалами в отношении процесса мусульманского паломничества, способствует еще большей трансформации ислама на территории Кыргызстана, его смешению и актуализации с язычеством, появлению новых форм паломничества и смешению религиозных обрядов и культов.

К примеру, большая часть паломников Кыргызстана, при невозможности выехать в хадж совершают паломничество к горе Сулайман-Тоо, одному из главных святых мест Кыргызстана. Согласно статистическим данным, ежегодно Сулайман-Тоо посещают около 100 000 паломников из Кыргызстана [см.: Туристы стали чаще посещать Сулайман-Тоо – замдиректора музейного комплекса].

Или можно привести в пример святое место Ак-Бака, что находится в Ак-Суйском районе Кыргызстана и которое представляет собой семь тополей и родник, дно которого паломники выложили красными камнями. Большое количество паломников приезжают сюда помолиться, набраться сил, обратиться к Всевышнему за помощью.

То есть духовный запрос верующего человека на совершение паломничества при невозможности выезда в хадж реализуется, таким образом, в абсолютно противоречивой исламу традиции.

Интересен тот факт, что христианскому паломничеству в правовой системе Кыргызстана не уделяется такого количества внимания, как хаджу. С одной стороны, это связано доминированием удельной доли мусульманского населения (83% мусульман против примерно 15% христианского населения [см.: Религия в Киргизии]), с другой стороны – обязательностью хаджа для каждого мусульманина. В христианской религиозной традиции отсутствует обязательность паломничества. Паломничество в христианстве – одно из проявлений набожности, праведности, определяемое желанием помолиться в местах, значимых для христианской религии, увидеть великие святыни, связанные как с земной жизнью Иисуса Христа, так и с развитием христианства.

Нужно учитывать тот факт, что современное паломничество христиан выражается, по большей части, в религиозном туризме, а конкретнее, в паломническом туризме, что представляет собой совокупность поездок представителей различных религий (в данном случае христиан) с паломническими целями. С этой точки зрения, христианское паломничество на территории Кыргызстана регулируется только законом «О туризме», в котором существует положение о том, что туризм представляет собой (в контексте предмета исследования данной статьи) «временные выезды (путешествия) ... за пределы постоянного места жительства в ... религиозных ... целях без занятия оплачиваемой деятельностью в стране (месте) временного пребывания». Конкретно паломничеству в данном нормативном акте внимания не уделяется, равно как не уделяется внимание религиозному туризму.

Таким образом, можно отметить, что данная сфера общественных отношений, а именно религиозный туризм, никак не урегулирован законодательно. Понятие «паломничество» на законодательном уровне используется только в контексте хаджа. Понятие «религиозный туризм» в законодательстве Кыргызской Республики не упоминается вовсе. Тем не менее, нужно отметить, что религиозный туризм – это достаточно специфичный вид туризма, отличный от обычной туристической поездки, и также требующий правового регулирования и внимания законодателя. Христианское паломничество не регулируется ни одним нормативно-правовым актом. Организаторами христианского паломничества являются Паломнический отдел Бишкекской и Кыргызской епархии Русской Православной церкви и туроператоры, предлагающие индивидуальные туры. Так, на официальном сайте РПЦ предлагается график поездок с целью паломничества, где все желающие могут выбрать удобное время и условия для совершения паломничества и присоединиться к группе единомышленников.

Таким образом, религиозный туризм – это сфера, которая на сегодняшний день развивается достаточно активно. Этому способствует тот факт, что религиозный туризм не влечет в себе ограничений по полу, возрасту или социальному статусу, процессы глобализации удешевляют поездки, туристические операторы предлагают религиозные туры по системе «все включено», информация о религиозных событиях, торжествах и т.д. доступна и распространяется через Интернет. Тем не менее, правовое регулирование таких отношений возможно только в рамках гражданского законодательства Кыргызской Республики и Закона КР «О туризме».

Итак, государство, при своем светском характере, достаточно большое внимание уделяет отдельно взятой мусульманской практике, такой как совершение хаджа, стремится урегулировать все аспекты данного процесса на всех стадиях его реализации, при этом не упоминая о паломничестве представителей других религий ни в одном нормативно правовом акте. С одной стороны, такой перекоп определяется доминированием мусульманского населения, с другой – является ничем иным как игнорированием прав представителей иных конфессий. Следовательно, в правовой системе Кыргызской Республики существует ряд вопросов, требующих согласования и доработки.

Таким образом, нужно отметить, что несмотря на то, что согласно Конституции, Кыргызстан является светским государством, существует ряд нормативно правовых актов, которые на государственном уровне регулируют институт паломничества. К таким нормативно правовым актам относятся Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», Постановление Правительства «Об организации и осуществлении паломничества граждан ... в Мекку», Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы, Межгосударственный договор между Кыргызстаном и Саудовской Аравией, а также ряд внутренних актов ДУМК. Однако, данные НПА относятся исключительно к организации хаджа, не затрагивая аспекты паломничества представителей других религий.

Библиографический список:

Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 года № 282.

Закон Кыргызской Республики «О туризме» от 25 марта 1999 года № 34.

Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года.

Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 года № 203.

Постановление Правительства Кыргызской Республики «Об организации и осуществлении паломничества граждан Кыргызской Республики в Мекку (хадж, умра)» от 9 августа 2010 года № 153.

Религия в Киргизии. // [URL] <https://www.advantour.com/rus/kyrgyzstan/religion.htm>

Свобода религии и убеждений в Кыргызстане. Содействуя межконфессиональному согласию и обеспечению верховенства права / Под ред. Кабака Д.. Бишкек, 2015. – С. 72.

Туристы стали чаще посещать Сулайман-Тоо – замдиректора музейного комплекса // [URL] <http://old.kabar.kg/regions/full/95345>

Хадж-2018: 500 долларов и биометрический паспорт // [URL] <http://www.nlkg.kg/ru/society/religion/xadzh-2018-500-dollarov-i-biometricheskij-pasport>

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ LAW ENFORCEMENT PRACTICES IN THE RELIGIOUS SPHERE

Пчелинцев А.В.

**Токсичное законодательство в религиозной сфере:
последствия и пути преодоления**

Pchelintsev A.V.

Toxic religious legislation: consequences and ways to overcome

Аннотация: Закон должен быть написан четким и ясным языком, исключая двойное толкование и непонимание формулировок. К сожалению, российское законодательство о свободе совести не в полной мере отвечает данным требованиям. Автор показывает эти проблемы и называет конкретные меры по их преодолению, в частности, речь идет правовом и религиозно-правовом обучении правоприменителей и правоохранителей и необходимости мониторинга соблюдения законодательства в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: свобода совести, государственно-религиозные отношения, качество закона, гарантии прав и свобод, правовая и религиозно-правовая культура

Abstract: The law must be written in clear and short language, excluding double interpretation and misunderstanding of formulations. Unfortunately, legislation on freedom of conscience does not fully comply with the data requirements in Russia. The author shows these problems and calls for specific measures to overcome them, in particular, we are talking about legal and religious education for law enforcement representatives and the need to monitor compliance legislation in this area of public relations.

Keywords: Freedom of conscience, state-religious relations, quality of law, a guarantee of rights and freedoms, legal and religious culture

Правоведам хорошо известно, что многие патологии современного государственного управления нередко связаны с дефектами правового регулирования, которые влекут последствия, прямо противоположные тем целям, ради достижения которых закон принимался. Такие несовершенные законы ученые-юристы вполне обоснованно называют токсичными, то есть наносящими ущерб государственно-общественным отношениям. Чаще всего подобные законы принимаются в спешке, без должной экспертной оценки авторитетных специалистов, в угоду сиюминутным конъюнктурным и партийно-политическим задачам.

Ярким примером подобного законотворчества является закон, принятый Государственной Думой 24 июня 2016 года «О внесении изменений в Федеральный

закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», более известный как «закон Яровой».

Данный закон принимался под лозунгом усиления борьбы с терроризмом и противодействия экстремизму, что следует уже из его названия. Видимо, не желая привлекать излишнего внимания к данной теме, в нарушение регламента - без обсуждения в первом чтении, в закон были проташены (по-другому этого не назовешь) положения, касающиеся миссионерской деятельности. Между тем, никакой практической необходимости в этих поправках не было, эти вопросы в целом неплохо прописаны в Конституции РФ и в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». На это было указано и в отрицательных отзывах на законопроект со стороны Правового управления Государственной Думы РФ. Названные положения закона вследствие своих популистских задач и несовершенства формулировок также вызвали резкую критику со стороны ученых и религиозных объединений.

Указанным законом, в частности были внесены существенные поправки в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», а именно:

- в законе появилась целая глава под названием «Миссионерская деятельность», в которой дается понятие «миссионерской деятельности» как одному из видов деятельности религиозных объединений и определяется порядок ее осуществления;
- установлена административная ответственность за нарушение законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях.

По единодушному мнению специалистов, после внесения этих поправок законодательство о свободе совести и о религиозных объединениях стало более запутанным, а верующим стало труднее самостоятельно определить для себя границы правомерного поведения и разобраться, как и что они вправе делать.

Как следствие, из-за неопределенности понятийного аппарата правоохранительные органы стали очень широко трактовать закон и привлекать к административной ответственности практически в любом случае публичной проповеднической деятельности.

Основная неопределенность, порожденная новым законом, заключается в вопросе, вправе ли гражданин, действующий не от имени религиозного объединения, публично проповедовать и распространять свои религиозные убеждения, как это гарантирует ст. 28 Конституции Российской Федерации?

Так, в п. 1 ст. 24.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» миссионерская деятельность определяется как «деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами» [Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019)].

Как видим, данная статья закона содержит неоднозначные для понимания формулировки и чрезмерно перегружена сложными лексическими конструкциями. Вследствие правовой неопределенности эта норма закона по-разному трактуется как

верующими гражданами, так и представителями правоохранительных органов, отсюда противоречивая практика ее применения. Так, в 2018-2019 годах в типологически сходных ситуациях, связанных с реализацией данной нормы, суды неоднократно выносили диаметрально противоположные решения. Казалось бы, точку в этих спорах должен был поставить Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Кодекса административных правонарушений Российской Федерации (КоАП), утвержденный Президиумом Верховного суда 29 июня 2019 года [Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Кодекса административных правонарушений Российской Федерации]. Однако этот наспех подготовленный по поручению главы государства документ оказался настолько интеллектуально слабым, что еще более усугубил ситуацию.

За непродолжительное время действия «закона Яровой» было возбуждено более одной тысячи судебных производств, и граждане искренне не понимают, в чем заключалось с их стороны нарушение закона, если ст. 28 Конституции России гарантирует беспрепятственное право распространения религиозных убеждений. При этом судебная практика сложилась в направлении признания права на публичную проповедь преимущественно только за представителями религиозных объединений. Ситуацию усугубляет и строгость санкции по ст. 5.26 КоАП в виде необоснованно высокого штрафа, как для физических, так и для юридических лиц. Нескольких таких штрафов, например, будет достаточно, чтобы обанкротить среднюю религиозную организацию.

Подобное положение вещей ведет к падению авторитета власти вплоть до утраты ее легитимности в глазах верующей части населения.

Поскольку разъяснения, данные в упомянутом Обзоре судебной практики, не прояснили правовую ситуацию с границами миссионерской деятельности, постольку в будущем следует ожидать ужесточения правоприменительной практики. В таких условиях выход остается один – отменить токсичный «закон Яровой» в части миссионерской деятельности. Однако в ближайшие годы это вряд ли случится, поэтому в целях смягчения ситуации необходимо ввести в программу юридического образования учебный курс «Юридическое религиоведение», в рамках которого будущие правоохранители должны получать углубленные знания в сфере государственно-конфессиональных отношений. Заметим, что в системе современного духовного образования будущие священнослужители уже изучают правовые дисциплины.

Библиографический список:

Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Кодекса административных правонарушений Российской Федерации // [URL] <https://ur29.ru/resheniya-sudov/obzor-sudebnoy-praktiki-po-delam-ob-administrativnykh-pravonarusheniyakh/>

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // [URL] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/04154b11ab7aacf1f7a3b270b5d034e15009ce83/

Подопригора Р.А.

**Административно-правовое воздействие на религиозные объединения:
опыт Казахстана**

Podoprigora R.A.

**Administrative and legal impact on religious associations: the experience of
Kazakhstan**

Аннотация: Статья посвящена анализу административно-правовых инструментов, используемых казахстанским государством для воздействия на религиозные объединения. Автор отмечает, что религиозные объединения находятся под более пристальным вниманием в сравнении с другими организациями. В статье также приводится анализ судебной практики по делам об административных правонарушениях в сфере религиозной деятельности.

Ключевые слова: Религиозные объединения, государство, административно-правовые инструменты, Казахстан

Abstract: The article is devoted to administrative law instruments used by the Kazakhstan state to influence the religious associations. Author states that religious associations are under close scrutiny of the government in comparison with other organizations. The article also provides an analysis of court practice regarding administrative offences in religious areas.

Key words: Religious associations, state, administrative law instruments, Kazakhstan

Если задаться вопросом, с какими юридическими нормами и проблемами сталкиваются религиозные объединения не только в Казахстане, но и в целом в центрально-азиатском регионе, то ответ будет однозначным: с административно-правовыми. В наших странах, в отличие от некоторых других государств постсоветского пространства, практически не встречаются правовые проблемы собственности, налогообложения, трудовых и многих других отношений. И это вполне объяснимо: когда задан общий тренд – не давать сильно развиваться религиозной сфере – в помощи или развитии частных отраслей, таких как гражданское или трудовое право, особой необходимости нет. Прежде всего, государство заинтересовано в использовании административно-правового инструментария.

При этом, конечно, нельзя сказать, что административный пресс испытывают только религиозные объединения. Государственной администрации много везде, но в случае с религиозными объединениями ощущается повышенная осторожность, приводящая к дискриминации и в нормативном регулировании, и в практике.

Дискриминацию хорошо можно проиллюстрировать на примере регистрации юридических лиц. Так для регистрации бизнес-структуры сегодня в Казахстане необходимо от 1 до 3 документов, а для регистрации религиозного объединения – 8 документов. Наиболее распространенные сроки государственной регистрации для коммерческих организаций составляют от 1 часа до 1 дня. Срок государственной регистрации религиозного объединения около 45 календарных дней¹⁴. Регистрирующие полномочия в отношении коммерческих юридических лиц переданы государственной корпорации «Правительство для граждан», которое даже не является государственным органом, религиозными объединениями занимается Министерство юстиции и его

¹⁴ Конкретный срок зависит от сроков передачи документов на религиозную экспертизу, проведения самой экспертизы и возврата документов регистрирующему органу.

территориальные департаменты.

Очень часто в последнее время стали вспоминать государственное администрирование в советское время, когда верующие и религиозные объединения вообще не могли вздохнуть без государства [Подопригора Р.А, с. 239-240]. Конечно, по разным причинам трудно проводить сравнение, и при всех сегодняшних проблемах, в советское время было гораздо тяжелее. Но советский опыт вспоминается все чаще и чаще не случайно. В результате краткого лингвистического анализа действующего Закона Республики Казахстан от 11 октября 2011 года «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2011. № 17] выяснилось, что глаголы, характерные для описания режима правового регулирования, используются следующим образом:

- не допускается: 13 раз;
- обязаны: 6 раз;
- запрещается: 4 раза;
- могут: 6 раз;
- имеют право: 3 раза.

То есть предписывающих, ограничивающих и запрещающих нормативных положений в три раза больше, чем дозволительных.

Если говорить более конкретно, то административные полномочия государственных органов выражаются в следующем:

Обязательная регистрация:

- религиозных объединений;
- миссионерской деятельности.

Лицензирование:

- организаций образования, реализующих духовные образовательные программы.

Выдача разрешений на:

- проведение богослужений за пределами культовых зданий;
- перепрофилирование зданий (сооружений) в культовые здания (сооружения);
- строительство культовых зданий;
- реализацию религиозной литературы, информационных материалов
- религиозного содержания и предметов религиозного назначения за пределами культовых зданий и религиозных организаций образования.

Проведение религиозно-экспертных экспертиз¹⁵:

- документов, подаваемых при регистрации религиозных объединений и миссионеров;
- религиозных образовательных программ;
- религиозной литературы, информационных материалов религиозного содержания и предметов религиозного назначения.

Согласование:

- кандидата на должность руководителя религиозного объединения, назначаемого иностранным религиозным центром.

¹⁵ Государственные органы непосредственно не проводят религиозно-экспертные экспертизы. Они обеспечивают их проведение. Но по факту именно они определяют все ключевые вопросы проведения таких экспертиз, включая использование полученных результатов.

Все перечисленные выше полномочия предусмотрены казахстанскими законами. В практике имеются и другие примеры, когда государственные органы в различных формах воздействуют на религиозные объединения. В значительной степени это касается исламских религиозных объединений, которые, кажется, все больше и больше становятся частью государственного аппарата. Так государство оказывает поддержку в организации исламского образования, выдает гранты учащимся, через специальные фонды финансирует имамов, участвует в повышении их квалификации, проявляет активность в вопросах хаджа, строительства культовых зданий и т.д. Сегодня не является секретом, что избрание муфтия Духовного управления мусульман Казахстана осуществляется по согласованию с государственными органами [Дербисали А., с.4; Татиля К.].

Но и другие религиозные объединения испытывают прямо не предусмотренное законом административное воздействие со стороны государственных органов. Так в последние годы стала распространенной практика направления запросов в религиозные объединения с требованием предоставить информацию. При этом государственные органы ссылаются на соответствующие нормы Закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях о том, что в их компетенцию входит изучение и анализ религиозной ситуации в регионе, а также изучение и анализ деятельности религиозных объединений, миссионеров, духовных (религиозных) организаций образования. Но данные нормы не обязывают религиозные объединения предоставлять информацию и не дают государственным органам право требовать информацию. Следует отметить, что зачастую запрашиваемая информация и так имеется у государственных структур (регистрационные данные, учредители (члены), местонахождение). А некоторые запросы просто вызывают недоумение. Например, от религиозных объединений требуют предоставления информации об активистах, членах семьи руководителя, описания проведения и частоты собраний, лицах, проходящих реабилитацию, несовершеннолетних, половом, возрастном и этническом составе и т.д. Даже при желании религиозные объединения не смогут предоставить подобную информацию, поскольку, к примеру, непонятно, кого считать активистом, не говоря уже о том, что в соответствии с п. 1 статьи 19 Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 года, каждый вправе определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную и религиозную принадлежность.

Административные полномочия в отношении религиозных объединений сосредоточены у различных государственных органов (местных исполнительных, юстиции, образования). Но отдельное место среди «администраторов» занимает Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан. Даже по своему положению в системе государственной администрации, он похож на многочисленные иные контрольно-надзорные государственные органы. В 2005 году Казахстан последним из центральноазиатских государств вернулся к созданию специального государственного органа (по названию символично напоминающего советский Совет по делам религий). Если изначально задачи Комитета хотя бы формально связывались с обеспечением межконфессионального согласия, прав граждан на свободу вероисповедания, взаимопонимания и терпимости в религиозной сфере, то сегодня этот орган определен как осуществляющий регулирование в сфере религиозной деятельности [Положение республиканского государственного учреждения «Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан» утверждено Приказом Министра информации и общественного развития

Республики Казахстан от 28 марта 2019 года]. Интересно, что, несмотря на серьезные административные полномочия Комитета по делам религий, представители многих религиозных объединений считают, что именно он наиболее эффективно защищает их права. Нам кажется, что это связано с тем, что органы по делам религий наиболее часто контактируют с религиозными объединениями, являются наиболее доступными для них. Даже при очевидном административном прессе, они больше других участвуют в разрешении проблем на религиозном поле. Ситуация напоминает советский период, когда похожие органы осуществляли тотальный контроль за религиозными объединениями, участвовали в дискриминации и преследованиях верующих, но в некоторых случаях вступались за них, поскольку лучше ориентировались в религиозной обстановке.

Отдельного внимания заслуживают вопросы привлечения представителей религиозных объединений, их руководителей или членов, других лиц к административной ответственности. Статья (490) Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года [Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 18-II] специально посвященная нарушениям законодательства о религиозной деятельности и религиозных объединениях является одной из самых больших в этом документе (далее «КоАП»).

До недавнего времени отсутствовала информация об общей картине привлечения к административной ответственности, видах правонарушений, региональных особенностях.

Но сегодня благодаря проектам, в рамках которых исследуется «прозрачность» судебной системы, стали доступными базы судебных решений и открылись новые возможности для анализа. Некоторые факты по результатам изучения судебной практики стали неожиданными. Ранее считалось, что большинство наказаний выносятся за незаконную миссионерскую деятельность, участие в деятельности незарегистрированных объединений. На самом деле картина иная.

По результатам изучения 163 постановлений, вынесенных по результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях в 2018 году, административная ответственность наступала за:

– нарушение правил продажи и распространения религиозной литературы и предметов религиозного назначения – 65%.

Эти нарушения охватывают:

– распространение религиозной литературы в публичных местах;
– продажу религиозной литературы, информационных материалов религиозного содержания и предметов религиозного назначения в местах, не утвержденных государственными органами;

– продажу религиозной литературы в Интернете;

– размещение религиозной литературы и информационных материалов религиозного содержания в Интернете.

– проведение богослужений, обрядов, церемоний в местах несогласованных с государственными органами – 15%;

– воспрепятствование законной религиозной деятельности – 13%;

Почти все правонарушения связаны с поведением в мечетях, а именно громким произнесением слова «Аминь» в конце богослужения, что противоречит Правилам внутреннего порядка в мечетях Духовного управления мусульман Казахстана утвержденных Советом Улемов.

– нарушение правил миссионерской деятельности – 6%;

Нарушения связаны в основном с распространением вероучения без государственной регистрации или с использованием литературы, не прошедшей религиозно-экспертную экспертизу;

– вовлечение несовершеннолетних в деятельность религиозного объединения – 0,6%.

Из всех правонарушителей около 35% вообще не имеют отношения к религиозным объединениям: продавцы литературы или предметов с религиозной символикой (крестики, иконы, ювелирные изделия) или просто граждане, которые по каким-то причинам решили реализовать книги с религиозным содержанием. Из оставшихся 65% большинство исповедует ислам (около 47%) либо являются приверженцами одного из протестантских направлений (10%) или членами религиозных объединений Свидетелей Иеговы (6%).

Кроме того, есть практика привлечения к административной ответственности за религиозную деятельность по другой статье КоАП – 489. Части 9 и 10 этой статьи наказывают за руководство деятельностью не зарегистрированных в установленном законодательством Республики Казахстан порядке религиозных объединений, а равно деятельность которых приостановлена или запрещена (ч. 9) и за участие в деятельности не зарегистрированных в установленном законодательством Республики Казахстан порядке религиозных объединений, а равно деятельность которых приостановлена или запрещена (ч. 10). Ответственность по этим статьям накладывается полицейскими органами и, к сожалению, статистика, как в случае с судебным рассмотрением, отсутствует. Но по различной информации в областях (сегодня в Казахстане имеется 14 областей) и крупных городах (Нур-Султане, Алматы, Шымкенте) ежегодно возбуждается 5-10 дел за незарегистрированную религиозную деятельность. То есть по своему количеству дела об административных правонарушениях за незарегистрированную деятельность сопоставимы со всеми другими делами об административных правонарушениях. В основном к ответственности привлекаются представители Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ).

Санкции за административные правонарушения также показательны в свете вопроса о равном отношении к субъектам административной ответственности. Если по многим другим составам, находящимся в КоАП, предусмотрено предупреждение, как первоначальное взыскание, то за правонарушения в сфере религиозной деятельности сразу накладывается штраф или более строгое взыскание: административное выдворение, приостановление или даже запрет деятельности религиозного объединения.

Справедливости ради следует сказать, что в последнее время наблюдается озабоченность государства чрезмерностью администрирования в религиозной сфере. Во многом этому способствуют различные рейтинги и отчеты международных организаций, других государств по вопросам соблюдения прав на свободу религии или убеждений. Кроме того, следует принимать во внимание региональную конкуренцию. Так процессы некоторой либерализации в религиозной сфере Узбекистана подталкивают и Казахстан к более решительным действиям, чтобы не выглядеть на фоне близкого соседа и конкурента государством с меньшим уважением к религиозным правам и свободам. Поэтому, предпринимаются усилия по анализу действующего законодательства, подготовке предложений по его совершенствованию в плане приведения в соответствие с международными обязательствами.

Насколько сильна будет эта тенденция и изменится ли государственное администрирование в религиозной сфере, покажет только время.

Библиографический список:

Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2011. № 17. Ст.135.

Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 18-II. Ст.92.

Дербисали А. «Главный вопрос для нас – возрождение духовности» / Известия-Казахстан. 2006. 28 июля. С.4.

Положение республиканского государственного учреждения «Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан» утверждено Приказом Министра информации и общественного развития Республики Казахстан от 28 марта 2019 года / Информационная система «Параграф» // [URL] https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38112316

Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). Алматы, Аркаим, 2002.

Татиля К. «Кто в Казахстане решает, кому быть верховным муфтием» / Central Asia Monitor. 8 марта // [URL] <https://camonitor.kz/6976-.html?>

Озолин В.А.

Практика применения «Закона Яровой» в части маркировки печатных изданий, аудио- и видеоматериалов и указание полного наименования религиозных организаций

Ozolin V.A.

The practice of applying the «Yarovaya’s Law» in terms of marking print media, audio and video materials and indicating the full name of religious organizations

Аннотация: материал посвящен правоприменительной деятельности при реализации требований «Закона Яровой» о необходимости указания официального полного наименования религиозных организаций при осуществлении деятельности на территории России и ответственности за неисполнение данных требований закона. На конкретных примерах автор показывает абсурдность некоторых положений закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в последней редакции.

Abstract: The topic to be discussed is dedicated to the problems in law enforcement when implementing the requirements of the «Yarovaya Law». In particular, the author will be talking about specifics of indication the official full name of religious organizations when carrying out activities in Russia and responsibility for failure to comply with these requirements of the law. Using concrete examples, the author shows the absurdity of specific provisions of the law «On Freedom of Conscience and Religious Associations» in the latest edition.

Ключевые слова: Свобода совести, «Закон Яровой», Полное наименование, Маркировка литературы, Маркировка аудио- и видеоматериалов, административная ответственность

Keywords: Freedom of beliefs and conscience, «Yarovaya Law», Marking Literature, Marking audio- and videomaterials, Administrative responsibility

Постановлением мирового судьи судебного участка №4 города Владивостока Бадеева А.В. от 20 декабря 2016 года предписано «конфисковать и уничтожить литературу, печатные материалы без маркировки религиозной организации: Библию – 36 шт., сборник песен – 35 шт., Библию на английском языке – 4 шт., Святое Евангелие – 1 шт., христианские книги – 88 шт., обнаруженные 23 ноября 2016 года в помещении местной христианской организации «Армия Спасения»».

Данное решение суда было одним из первых после принятия поправок в закон «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В июне 2016 года в законодательство о свободе совести и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены существенные изменения, получившие название в честь одного из авторов - «Закон Яровой». Они затронули все протестантские религиозные организации, функционирующие в РФ.

Отныне государство стало пристально следить за тем, чтобы наименование религиозной организации содержало сведения о ее вероисповедании, о том, чтобы религиозная организация указывала свое полное наименование при осуществлении деятельности, а также за тем, чтобы литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые религиозной организацией, а также распространяемые в рамках осуществления от ее имени миссионерской деятельности, имели маркировку с официальным полным наименованием данной религиозной организации.

Официальным полным наименованием религиозной организации является название религиозной организации, которое указано в учредительных и регистрационных документах, без сокращений. Так, верное название религиозной организации будет, например, выглядеть следующим образом: Централизованная религиозная организация Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (пятидесятников).

Правило об обязательном использовании полного наименования религиозной организации, по мнению авторов закона, закреплено для того, чтобы довести до участников гражданского оборота, прежде всего граждан, максимально полную и достоверную информацию о вероисповедании соответствующей религиозной организации.

За нарушение требований закона предусмотрен штраф от 30 000 до 50 000 рублей (примерно 450-750 долларов США).

Закон принимали в спешке, без надлежащих консультаций с профильным комитетом Государственной Думы Российской Федерации, без учета мнения конфессий, что, в том числе, привело к его несовершенству.

Как следствие, начали возбуждаться дела об административных правонарушениях, многие из которых стали резонансными. Религиозным организациям и их руководителям суды назначали в качестве наказания за нарушение закона, применять и понимать который было сложно даже профессиональным юристам, значительные суммы штрафов.

Одним из таких дел и явилось упомянутое в начале доклада.

Норма закона в данном случае не предусматривала уничтожения печатных материалов, но суд посчитал иначе и священные книги были под угрозой уничтожения.

Причина проста – отсутствие маркировки. Только через год Конституционный суд России выпустит более-менее внятные разъяснения и объяснит нижестоящим судам, когда и как маркировать литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы [Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 N 2793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом

3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»].

Однако, до этого дня множество религиозных организаций будут подвергнуты штрафам преимущественно за то, что государство приняло невнятный закон.

Основная проблема заключается в том, что закон не содержит понятия «маркировка»; правовые нормы не разъясняют, как и каким образом маркировать религиозную литературу, печатные издания, аудио -и видеоматериалы. Несовершенство законодательства в этой части заключается и в том, что не установлены требования к указанию официального полного наименования при осуществлении деятельности: как, где и каким образом размещать эту информацию.

В тоже время, в России действуют законы о «Защите прав потребителей», «О рекламе» и многие другие, на основании которых приняты подзаконные акты, регламентирующие порядок доведения соответствующей информации до граждан - потенциальных получателей каких-либо услуг. В частности, в них описывается место размещения вывески, какая информация на этой вывеске должна присутствовать, график работы организации и прочее.

Подобная инструкция в коммерческой и предпринимательской деятельности автоматически снимает все вопросы и если правоохранительные органы вменяют правонарушение и назначают административный штраф, то становится очевидным за что.

В регулировании религиозной деятельности подобных норм не содержится. Поэтому многие решили проблему примерно следующим образом:

Религиозная литература (книги, журналы, брошюры и тому подобное) маркируется путем проставления штампа с указанием официального полного наименования религиозной организации, либо размещением соответствующей наклейки. Аудиофайл маркируется посредством проговаривания наименования религиозной организации в начале аудиозаписи. В видеофайл монтируется «бегущая строка», либо заставка. Таким образом, формально закон соблюден и юридическая ответственность не наступает.

Не однозначно обстоят дела и с указанием официального полного наименования религиозной организации при осуществлении деятельности. Правоприменительная практика сложилась таким образом, что религиозная организация, например, при проведении богослужения должна размещать вывеску, на которой указывается ее полное название. Эта вывеска в обязательном порядке должна располагаться перед входом в здание. Но в данном случае, позиции судов различаются. В практике были случаи, когда религиозная организация размещала свое официальное полное наименование внутри помещения, в котором осуществляет деятельность, и суды прекращали производство по делу об административном правонарушении, так как формально закон соблюден.

Но возникает закономерный вопрос: а нужно ли размещать «вывеску» когда, например, религиозная организация проводит водное крещение в открытом водоеме и, если да, то как? С точки зрения закона, безусловно надо. Любая деятельность религиозной организации должна сопровождаться указанием своего полного официального наименования.

Однако, сотрудники правоохранительных органов также столкнулись с отсутствием понимания в реализации положений «Закона Яровой», что привело к вынесению в отношении религиозных организаций заведомо абсурдных судебных решений с назначением значительных штрафов.

Ниже представлю вниманию некоторые из них.

Город Самара, сентябрь 2016 года.

Сотрудники полиции составляют протокол и передают его на рассмотрение мировому судье по факту нарушения Местной религиозной организацией христиан веры евангельской «Слово жизни» города Самары по части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (отсутствие маркировки религиозной литературы). Мировой судья выносит постановление о привлечении религиозной организации к административной ответственности и назначает штраф в размере 30 000 рублей. Районный суд оставляет данное постановление в силе.

Судами не принято во внимание, что изъятая литература реализовывалась (продавалась) индивидуальным предпринимателем в рамках осуществления им коммерческой (предпринимательской) деятельности с целью извлечения прибыли и никак не могла использоваться в миссионерской деятельности. Кроме того, специальным субъектом правонарушения является исключительно религиозная организация.

Поскольку предприниматель реализовывал религиозную литературу в помещении церкви – это послужило основанием для привлечения к ответственности.

Ульяновск, декабрь 2016 года.

Сотрудниками полиции составлен административный материал в отношении пастора местной религиозной организации «Краеугольный камень» по части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (отсутствие маркировки религиозной литературы).

Мировым судьей пастор привлечен к ответственности в виде административного штрафа в размере 30 000 рублей. Районный суд и областной суды оставили данное постановление в силе. В ноябре 2017 года Верховный суд признал постановление и последующие судебные акты незаконными и отменил их.

Как уже упоминалось, специальным субъектом правонарушения является исключительно религиозная организация. В данном случае три судебные инстанции не придали этому никакого значения, тем самым привлекая к административной ответственности пастора религиозной организации как должностное лицо.

Ему инкриминировалось осуществление миссионерской деятельности с использованием не промаркированной религиозной литературы. При этом, наличие признаков миссионерской деятельности в действиях пастора объективно не установлено. В момент выявления «правонарушения» в церкви проводилось обычное богослужение. Находящаяся в зале для богослужений литература без маркировки с указанием наименования религиозной организации и явилась поводом для привлечения к ответственности.

Город Шарыпово Красноярского края, март 2017 года.

К ответственности были привлечены пастор Местной религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Прославление» города Шарыпово и непосредственно сама религиозная организация. Назначен штраф по 30 000 рублей каждому.

Прокурор усмотрел нарушение в том, что вывеска с наименованием религиозной организации находилась на специальном стенде внутри здания, а не снаружи. Данные судебные акты впоследствии признаны незаконными и отменены Красноярским областным судом.

Город Нижний Тагил, апрель 2017 года.

Прокуратурой было выявлено отсутствие вывески с указанием полного наименования религиозной организации на фасаде здания, в котором она арендует и осуществляет свою деятельность. При этом, вывеска имелась на входной группе дверей, а также перед входом в каждое занимаемое помещение внутри здания. Судом религиозная организация была привлечена к административной ответственности в виде штрафа в размере 30 000 рублей.

Безусловно, практика применения показывает, что действующее законодательство нуждается в совершенствовании. Необходимо на законодательном уровне, либо в подзаконных актах установить требования к маркировке религиозной литературы, аудио - и видеоматериалам, а также порядок указания полного официального наименования религиозных организаций при осуществлении деятельности, конкретизировать их.

Недоработки столь серьезных законов со стороны государства обернулись сотнями дел об административных правонарушениях в отношении религиозных организаций и миллионами рублей назначенных штрафов.

Сотрудники правоохранительных органов в погоне за высокими показателями в своей деятельности привлекают к ответственности неповинные общины, которые стали заложниками ситуации, а провозглашенная в Российской Федерации презумпция невиновности теряет всякий смысл, так как суды зачастую не являются объективным арбитром, а действуют по принципу неотвратимости наказания и исполняют лишь карательную функцию.

Библиографический список:

Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 N 2793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Религиозная христианская организация «Армия спасения» в городе Владивостоке» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»].

Сибирёва О.А.

Статья 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации как одна из угроз свободе совести в России

Sibiryova O.A.

Article 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation as one of the threats to freedom of conscience in Russia

Аннотация: Российское антиэкстремистское законодательство много лет остается основным инструментом ограничения свободы религии. На примере дел по ст. 282.2 УК РФ автор доклада рассматривает, как законодательные неточности в сочетании с правоприменительной практикой отражаются на судьбе верующих различных религиозных организаций и влияют на религиозную свободу в стране.

Abstract: For many years the anti-extremist legislation remains a major tool of restriction of freedom of conscience in Russia. On the example of cases under art. 282.2 of the Criminal Code, the author of the report considers how legislative inaccuracies combined with law

enforcement practice affect the fate of believers of various religious organizations and affect the freedom of religion in Russia.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, антиэкстремистское законодательство, ст. 282.2 УК, Свидетели Иеговы, последователи Саида Нурси, Нурджулар, Таблиги Джамаат

Keywords: Freedom of religion and belief, anti-extremist legislation, art. 282.2 of the Criminal Code, Jehovah's Witnesses, followers of Saeed Nursi, Nurjular, Tabliga Jamaat

Антиэкстремистское законодательство на протяжении многих лет является одним из главных инструментов ограничения свободы совести в России. Одна из наиболее часто применяемых в рамках борьбы с экстремизмом уголовных статей, 282.2 Уголовного кодекса (УК) РФ (Организация деятельности экстремистской организации), нередко используется и в отношении представителей религиозных организаций.

По состоянию на сентябрь 2019 года по ст. 282.2 УК было вынесено не менее 8 приговоров, из них не менее 7 касались организации или участия в деятельности запрещенных религиозных организаций. В 2018 году таких приговоров было вынесено не менее 16 и 12 соответственно, в 2017 – 15 и 11. Статья предусматривает наказание от штрафа в размере 300 тыс. рублей до лишения свободы сроком до 10 лет, при этом осужденным нередко назначаются реальные сроки, близкие к максимальным.

Чаще всего эта статья применяется к последователям запрещенных как экстремистские организаций «Таблиги джамаат» и «Нурджулар», причем с 2018 года наблюдается ужесточение репрессий по отношению к ним. С 2018 года, после запрета централизованной и местных организаций Свидетелей Иеговы, эта статья стала применяться также и к последователям данного религиозного направления.

Сама правомерность запрета упомянутых организаций подвергалась сомнению многими экспертами, однако, в данном докладе обоснованность их запрета рассматриваться не будет. В фокусе доклада - особенности статьи 282.2 УК и сложившейся практики ее применения, приведшие к тому, что значительную часть приговоров по ней можно отнести к неправомерным.

Очевидно, что сам по себе запрет какой-либо организации, вне зависимости от его правовой обоснованности, не может заставить ее участников изменить свои убеждения, тем более – религиозные взгляды. Круг общения людей тоже не может кардинально поменяться в связи с запретом организации, к которой они принадлежали. Логично, что люди, имевшие отношение к какой-либо организации, продолжают общение и после ее запрета, а среди обсуждаемых ими тем останутся те, вокруг которых строилась запрещенная организация.

В случае, если речь идет о религиозной организации, люди продолжают собираться для совместной молитвы и чтения религиозной литературы, и эта возможность предусмотрена Конституцией РФ.

Однако на практике названные действия регулярно подпадают под действие ст. 282.2 УК, в которой не указан перечень действий, образующих состав преступления. Наиболее вопиющей иллюстрацией произвольного толкования этой статьи можно считать дела последователей турецкого богослова Саида Нурси, которых российские правоприменители традиционно причисляют к не существовавшей в России, но запрещенной как экстремистская организации «Нурджулар». Де-факто эти люди привлекаются к уголовной ответственности, в том числе приговариваются к реальным

срокам за чтение книг Нурси и совместное обсуждение его трудов.

Например, Избербашский городской суд Республики Дагестан, в мае 2018 года приговоривший к восьми годам колонии общего режима и двум годам ограничения свободы Ильгара Алиева, признал его виновным по ч. 1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК (организация деятельности экстремистской организации «Нурджулар» и вовлечение в деятельность этой организации) на основании того, что подсудимый проводил занятия по изучению трудов Нурси в нескольких населенных пунктах и участвовал в международных конференциях и форумах, посвященных наследию Нурси.

Центральный районный суд г. Оренбурга в апреле 2019 года осудил по чч. 1 и 2 этой статьи (организация и участие в деятельности экстремистской организации) десятерых последователей «Таблиги Джамаат» - мирного исламского миссионерского движения, не замеченного в призывах к насилию. Признанный лидером организации Александр Шудобаев был приговорен к шести с половиной годам колонии строгого режима, двум с половиной годам ограничения свободы, и трем годам запрета на организационно-распорядительную работу в религиозных организациях. Остальные девять получили сроки от двух до двух с половиной лет в колониях общего и строгого режимов с ограничением свободы на один год. В мае апелляционная инстанция ужесточила приговор, добавив всем дополнительное наказание. Как экстремистскую деятельность следствие и суд расценили тот факт, что подследственные «склоняли к вступлению в организацию новых адептов, проводили специфические для данной организации религиозные обряды, в том числе в ходе миссионерской деятельности» [В Оренбурге осуждены организатор и участники экстремистского религиозного объединения].

Железнодорожный районный суд г. Орла, в феврале 2019 года признавший гражданина Дании Денниса Кристенсена виновным по ч. 1 этой же статьи, принял среди прочих доказательств причастности подследственного к организации деятельности местной организации Свидетелей Иеговы свидетельства о том, как Д. Кристенсен открывал калитку проходящим на собрания, приветствовал их, а также убирал снег на принадлежавшем общине участке [Дело Кристенсена. Антон Чивчалов – о судилище за веру].

«Непонятно, почему суд, говоря о преступлении, говорит о тех действиях, которые в принципе состава преступления не образуют. Например, проповедь, пожертвования, богослужения. Любому здравомыслящему человеку понятно, что это нормальные способы вероисповедания. Европейский суд уже свою позицию по этому вопросу сформулировал и ничего преступного в этих действиях не видит. <...> Нам хотелось бы услышать, где грань между верующими людьми и юридическим лицом. И если вера не запрещена, то как тогда человек может ее реализовывать. Мы не услышали этого ответа в приговоре», - прокомментировала приговор Кристенсену его адвокат Ирина Красникова. Слова адвоката актуальны для большинства приговоров, вынесенных за организацию или участие в деятельности запрещенных религиозных организаций. [Российский суд приговорил свидетеля Иеговы из Дании к шести годам за экстремизм]

Стоит отметить, что перечень религиозных организаций, за причастность к которым верующих осуждают по упомянутой статье, не ограничивается упомянутыми тремя. По этой же статье, наряду с другими статьями, регулярно привлекают к ответственности участников «Хизб ут-Тахрир». А в июне 2019 года Советский районный суд Казани признал виновными по этой статье пятерых членов не замеченной в агрессивных

проявлениях общины файзрахманистов – последователей бывшего заместителя муфтия Татарстана Файзрахмана Саттарова. Четверо из пяти осужденных старше 50 лет.

Другую возможность для злоупотреблений при применении ст. 282.2 дает отсутствие в ней критериев для определения участников запрещенной организации. Во многих организациях, не только религиозных, процедуры вступления и тем более отказа от членства не существует. Зачастую люди какое-то время посещают организацию, только чтобы получить информацию о ней, и далеко не сразу принимают решение, остаться в этой организации в качестве участника или покинуть ее. И даже покинув организацию, человек может хранить дома полученную там литературу и продолжать общаться с причастными к этой организации людьми.

Формулировки статьи не проясняют, каким образом следует различать участников организации и ее руководителей, т. е. организаторов, в результате к уголовной ответственности в качестве организаторов нередко привлекаются рядовые участники, выполнявшие в запрещенной организации технические функции, либо люди, формально не состоявшие в организации.

Так, например, произошло с упомянутым Деннисом Кристенсенем, которого суд признал «фактическим руководителем МРО свидетелей Иеговы «Орел»», предпринимавшим «активные действия организационного характера, направленные на продолжение противоправной деятельности запрещенной судом МРО», несмотря на то, что формально членом религиозной организации он не был.

Никогда не был членом этой местной религиозной организации и другой орловский Свидетель Иеговы, Сергей Скрынников, которого тот же Железнодорожный районный 1 апреля 2019 года признал виновным по ч. 2 ст. 282.2 УК (участие в деятельности экстремистской организации) и приговорил к штрафу в размере 350 тыс. рублей. Как участие в деятельности экстремистской организации суд интерпретировал участие С. Скрынникова в богослужениях.

Все вышесказанное приводит к выводу о том, что ст. 282.2 УК нуждается в коррекции. В первую очередь, необходимо четко перечислить действия, которые следует истолковывать как состав преступления, а какие нет, чтобы исключить привлечение к уголовной ответственности за гарантированное Конституцией право на совместное исповедание религии.

Необходимо также сформулировать критерии, которые позволят определить участников организации и выделить ее несомненных лидеров.

На правовые коллизии, возникающие при применении ст. 282.2, а также на необходимость доработки этой статьи с целью их устранения, не раз обращали внимание юристы и правозащитники. В частности, на необходимость уточнения признаков экстремистской деятельности, перечисленных в ст. 282.2 УК, указал в своем докладе за 2018 год и Уполномоченный по правам человека в РФ. [Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год]/

Однако на сегодняшний день статья продолжает существовать в прежнем виде, что открывает путь к новым неправомерным приговорам, ущемляющим право граждан на свободу вероисповедания.

Библиографический список

В Оренбурге осуждены организатор и участники экстремистского религиозного объединения / Сайт прокуратуры Оренбургской области. 2019. 12 марта // [URL] <http://>

www.orenprok.ru/news-link/news/2019/03/12/12mart19-5/

Дело Кристенсена. Антон Чивчалов – о судилище за веру / Радио Свобода. 2019. 25 января // [URL] <https://www.svoboda.org/a/29726680.html>

Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год / Российская газета. 2019. 11 июня // [URL] <https://rg.ru/2019/06/11/a1701940-dok.html>

Российский суд приговорил свидетеля Иеговы из Дании к шести годам за экстремизм // Русская служба BBC. 2019. 6 февраля // [URL] <https://www.bbc.com/russian/news-47132228>

Кулов С.С.

Баланс между свободой религии и убеждений и свободой выражения мнений в последних решениях Европейского суда по правам человека

Kulov S.S.

The balance between freedom of religion and belief and freedom of expression in recent judgments of the European Court of Human Rights

Аннотация: Проанализирована проблема подходов в прецедентном праве ЕСПЧ, в делах, связанных с уважением религиозных убеждений. В контексте существующих коллизий между свободой религии (статья 9) и свободой выражения мнений (статья 10) необходимость обеспечения правильного баланса в этой области остается актуальной. Вопрос согласованности подходов в применении и толковании этих положений также требует ответа, в частности, в свете: *Sekmadienis Ltd. Против Литвы* (№ 69317/14), 31 января 2018 года, *Мария Алехина и другие против России* (№ 38004/12), 17 июля 2018 года, *Е.С. против Австрии* (№ 38450/12), 25 октября 2018 года, *Asociación de Abogados Cristianos против Испании* (n ° 22604/18), представленный 26 апреля 2018 года, объявленный 20 июня 2019 года. Целью является выработка предложений по обеспечению большей согласованности в этой сфере и, создание гарантий более эффективной защиты свобод религии и выражения мнений в государствах-членах Совета Европы.

Ключевые слова: Свобода религии и убеждений, свобода совести, свобода вероисповедания, свобода выражения мнений, Европейский суд по правам человека, оскорбление чувств верующих

Abstract: Analyzed the problem approaches in the case law of the ECHR, in matters relating to respect for religious beliefs. In the context of existing collisions between the freedom of religion (Article 9) and freedom of expression (Article 10) the necessity of striking the right balance in this field remains of utmost importance. The issue of the coherence of the approaches in application and interpretation of this provision is also important, in particular in the light of: *Sekmadienis Ltd. v. Lithuania* (n° 69317/14), 31 January 2018, *Mariya Alekhina and Others v. Russia* (n° 38004/12), 17 July 2018, *E. S. v. Austria* (n° 38450/12), 25 October 2018, *Asociación de Abogados Cristianos v. Spain* (n° 22604/18), introduced 26 April 2018, Communicated 20 June 2019. The lecture is aimed at elaborating proposals for better consistency in this sphere and thus guaranteeing more effective protection of freedoms of religion and expression in the Council of Europe Member States.

Keywords: Freedom of religion and belief, freedom of conscience, freedom of expression, European Court of Human Rights, insulting the feelings of believers

Практика Европейского суда по правам человека по делам, касающимся соотношения свободы выражения мнений и свободы религии, создает впечатление «двойных стандартов». Безусловно, свобода самовыражения, часто входит в противоречие с представлениями религиозных объединений об их сакральном пространстве, религиозных символах и в целом с представлением о священном. Однако в последних решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) присутствует некая двусмысленность в зависимости от того, являются ли оскорбленные верующие христианами или мусульманами, членами большинства или меньшинства. Данный факт не может не вызывать беспокойства, поскольку более десяти лет назад в одной из своих Резолюций ПАСЕ отмечала: «Общая цель должна состоять в том, чтобы сохранить многообразие в обществах, являющихся открытыми и никого не исключаящих, на основе прав человека, демократии и главенство закона с помощью развития коммуникаций и улучшения знаний и навыков, необходимых для мирной и конструктивной жизни внутри европейских обществ, с другими странами Европы и с регионами, соседствующими с Европой». [Freedom of expression and respect for religious beliefs, Resolution 1510 (2006)]. Насколько хорошо сегодня у Европейских институтов получается выстраивать модель баланса свобод и интересов различных групп и объединений? Очевидно, что сбалансированный взгляд на ситуацию, характеризующуюся столкновением точек зрения, сам по себе является проблемой. С одной стороны, выступают защитники либеральных представлений о правах человека, демократии и главенстве закона, а с другой - неоднородный и для многих малоизвестный мир религий, включающий разные традиции и системы ценностей. С одной стороны — правовые нормы, рассматриваемые как универсальные, а с другой - религиозные сообщества и религиозные практики с их приоритетами и конкретными особенностями. Однако даже в выстраивании сбалансированных позиций ЕСПЧ успел за последние годы «наломать дров». В подтверждение тому будет правильным сравнить некоторые решения, касающиеся свободы выражения мнений и свободы религии, проанализировав правовые позиции ЕСПЧ и причины сделанных судом соответствующих правовых выводов.

В 2018 году ЕСПЧ было вынесено постановление по делу Компании «Секмадьенис ЛТД.» против Литвы (жалоба №69317/14) [CASE OF SEKMADIENIS LTD. v. LITHUANIA, (Application no. 69317/14) JUDGMENT, 2018], имеющее важное значение для понимания основополагающих принципов, которыми руководствуется суд. В сентябре и октябре 2012 года компанией-заявителем Sekmadienis Ltd. была проведена рекламная кампания с использованием фотографий, на которых модели были изображены с ореолами, мужчины были в джинсах и с татуировками, женщины – в белых платьях. Рекламные объявления содержали подписи «Иисус, какие брюки!», «Дорогая Мария, какое платье!» И «Иисус [и] Мария, какие наряды!». Несколько человек пожаловалось на рекламу в Государственный орган по защите прав потребителей (SCRPA). Всего в Орган защиты прав потребителей было отправлено около 100 жалоб на рекламу. Последний сначала запросил мнение Литовского рекламного агентства (LAA), органа саморегулирования, состоящего из специалистов по рекламе. LAA заявило, что «религиозные люди всегда очень чутко реагируют на любое использование религиозных символов или религиозных деятелей в рекламе» и что реклама нарушает Кодекс рекламной этики. Орган по защите прав потребителей направил это мнение и жалобы в Государственную инспекцию

непродовольственных товаров. Инспекция постановила, что «в рекламе используются религиозные символы неуважительно и ненадлежащим образом» и что это может противоречить национальному закону о рекламе. Впоследствии Орган защиты прав потребителей обратился к Литовской конференции епископов, территориальной власти Римско-католической церкви в Литве, которая заявила, что «унижение и искажение религиозных символов путем преднамеренного изменения их значения противоречит общественной морали, особенно когда это делается для достижения коммерческой выгоды».

Компания-заявитель пояснила, что ссылки на «Иисуса» и «Марию» в рекламных объявлениях использовались как эмоциональные междометия, распространенные в разговорной литовской речи. Также утверждалось, что в отсутствие государственной религии в Литве интересы одной группы - католиков - не могут быть приравнены к интересам всего общества. Тем не менее, в марте 2013 года Орган по защите прав потребителей установил, что реклама противоречит общественной морали и, следовательно, является нарушением Закона о рекламе. Компания-заявитель получила штраф в размере 2000 литовских литов (приблизительно 580 евро). Государственный орган указал, что «ненадлежащее изображение Христа и Марии в рассматриваемой рекламе поощряет легкомысленное отношение к этическим ценностям христианской веры и способствует образу жизни, который несовместим с принципами религиозного человека», и пришел к выводу, что «уважение к религии, несомненно, является моральной ценностью. Соответственно, неуважение к религии нарушает общественную мораль».

Последующая жалоба компании-заявителя в региональный административный суд была отклонена, как и ее жалоба 2014 года в Высший административный суд, который постановил, что «символы религиозного характера занимают значительное место в системе духовных ценностей личности и общества, а также их ненадлежащее использование унижает их и противоречит общепринятым морально-этическим нормам». [SEKMADIENIS LTD. v. LITHUANIA, (Application no. 69317/14) JUDGMENT]. После принятия этого окончательного решения председатель Высшего административного суда подал ходатайство о пересмотре дела на основании того, что, возможно, имело место незаконное или несоразмерное ограничение свободы выражения мнений компании-заявителя. Однако суд отказался возобновить производство по делу.

ЕСПЧ единогласно постановил, что имело место: нарушение статьи 10 (право на свободу выражения мнений) Европейской конвенции о правах человека.

Разрешая вопрос о необходимости вмешательства в демократическом обществе ЕСПЧ указал, что свобода выражения мнения применима не только к «информации» или «идеям», которые благосклонно или равнодушно принимаются и считаются безобидными, но также и к тому, что оскорбляет, шокирует или вызывает беспокойство... «<...> Свобода выражения мнения подлежит ограничениям, которые должны толковаться строго, а необходимость таких ограничений должна быть убедительно обоснована». [Тимофеев М.Т., Секретарева Н.М., с. 836-839.]

Судом также отмечено, что все визуальные элементы рекламных объявлений, взятые вместе, создали несомненное сходство между изображенными на них лицами и религиозными фигурами. Однако суд акцентировал внимание на том, что хоть все национальные решения упоминали «верующих людей», единственной религиозной группой, с которой проводились консультации в рамках процесса на национальном уровне, являлись представители Римско-католической церкви, несмотря на существование

других христианских и нехристианских групп и сообществ в Литве.

Суд установил, что несмотря на то, что действия заявителя вызвали ряд жалоб, рекламные объявления не были явно оскорбительными и не вызывали ненависти. Национальные власти также не предоставили достаточных обоснований того, почему такое использование религиозных символов противоречило общественной морали. Соответственно, национальные власти не смогли найти справедливый баланс между, с одной стороны, защитой общественной морали и правами религиозных людей, и, с другой стороны, правом компании-заявителя на свободу выражения мнения. Формулировки решений, национальных органов свидетельствуют о том, что национальные власти отдают абсолютный приоритет защите прав верующих без надлежащей оценки права заявителя на свободу выражения мнения.

ЕСПЧ также нашел нарушение статьи 10 в деле «Марии Алехиной и другие против России». Дело «Мария Алехина и другие против России» (заявление № 38004/12) [Case of «Mariya Alekhina and others v. Russia» (Application № 38004/12)] касалось осуждения и тюремного заключения трех членов панк-группы Pussy Riot за попытку исполнить одну из своих протестных песен в московском соборе в 2012 году. Суды приняли решение в частности, что их выступление было оскорбительным и запретило доступ к видеозаписям, которые они впоследствии загрузили в Интернет, поскольку они были признаны «экстремистскими» [Берсенева А., Загвоздина Д.]. В решении по делу ЕСПЧ постановил: шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения) Конвенции из-за переполненности условия транспортировки членов группы в зал суда и обратно для участия в слушаниях по их делам, а также из-за того, что им пришлось подвергнуться унижению постоянного присутствия в стеклянной кабине во время слушаний в окружении вооруженных полицейских и сторожевой собаки, несмотря на то что очевидного риска для безопасности не было; единогласно, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 (право на свободу и безопасность) Европейской конвенции, поскольку национальные суды указали только стереотипные основания для содержания их под стражей в ожидании суда в течение пяти месяцев; единогласно, что имело место нарушение подпункта (с) пункта 1 статьи 6 (право на справедливое судебное разбирательство / право на юридическую помощь по собственному выбору), поскольку меры безопасности в зале суда, а именно стеклянная кабина и усиленная охрана, помешали членам группы общаться со своими адвокатами, не давали в полной мере реализовать свое право на защиту, препятствовали восприятию происходящего во время их месячного судебного разбирательства; шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 10 (свобода выражения мнений) из-за осуждения трех членов группы и тюремного заключения.

Суд согласился с тем, что реакция на нарушение правил поведения в местах религиозного культа могла быть оправданной. Тем не менее, он установил, что приговор их к тюремному заключению за простое ношение одежды ярких цветов, махание ими и ногами вокруг и использование сильного языка, не анализируя текст их песни или контекст их исполнения, были исключительно суровыми; и, единогласно, что имело место еще одно нарушение статьи 10 из-за запрета доступа к их видеозаписи в Интернете. Национальные суды не обосновали, почему запрет был необходим. Они просто одобрили общие выводы лингвистического экспертного заключения, не проводя собственного анализа.

С такими выводами ЕСПЧ согласны оказались не все, в частности, некоторые

эксперты отмечали предвзятость и идеологическую мотивированность ЕСПЧ, выразившихся в его Постановлении по делу Алехина против России в принципиальном оправдании антихристианских экстремистских акций, в противоречие своим правовым позициям в постановлениях по ранее рассмотренным сопоставимым делам. [Понкин И.В.]. Представители Русской православной церкви (РПЦ) в Страсбурге заявили, что подобное решение ЕСПЧ «можно интерпретировать как поддержку проведению акций нерелигиозного характера в местах религиозного поклонения без согласия общин, которые этими местами владеют» [Игумен Филипп (Рябых)]. Представители РПЦ считают, что вместо поиска баланса ЕСПЧ защитил свободу небольшой группы граждан за счет свободы миллионов других граждан.

Не согласилась с принятым решением по делу и судья от Испании, принимавшая участие в рассмотрении российского «дела Алехиной» Мария Элосеги, которая представила свое особое мнение. В частности, она подчеркнула, что христиане имеют право свободно совершать молитвы и богослужения без страха стать жертвами враждебного или даже агрессивного протеста в пределах своих храмов. Согласно принципу пропорциональности, цель заявительниц (выразить их политическую позицию) не оправдывает те средства, которые они для этого избрали, считает испанская судья. Кроме того, по ее мнению, выступление заявительниц в кафедральном соборе унижало достоинство православных христиан, оскорбляло их, а потому защита свободы слова не распространяется на подобные случаи поведения в церкви и в других культовых сооружениях. [PARTLY DISSENTING OPINION OF JUDGE ELÓSEGUI, Case of «Mariya Alekhina and others v. Russia»]

Совершенно иначе ЕСПЧ оценил факты и обстоятельства в деле Е.С. против Австрии (жалоба № 38450/12). [CASE OF E.S. v. AUSTRIA App. No(s). 38450/12]. Заявитель Е.С., гражданка Австрии, родилась в 1971 году и живет в Вене (Австрия). В октябре и ноябре 2009 года г-жа С. провела два семинара под названием «Основная информация об исламе», на которых она обсуждала брак между пророком Мухаммадом и шестилетней девочкой Аишей, который, как утверждает, был совершен, когда ей было девять лет. В частности, на семинаре гражданка С. заявила, что Мухаммаду «нравилось делать это с детьми» и «... 56-летний и 6-летний?». Как мы это называем, если это не педофилия?».

15 февраля 2011 года Венский областной уголовный суд установил, что эти заявления подразумевают, что Мухаммад имел педофильные склонности, и осудил г-жу С. за оскорбление религиозных доктрин. Ей было приказано заплатить штраф в размере 480 евро и расходы на разбирательство. Г-жа С. подала апелляцию, но Венский апелляционный суд оставил в силе решение в декабре 2011 года, в основном подтвердив выводы суда низшей инстанции.

Проблема о возобновлении разбирательства была отклонена Верховным судом 11 декабря 2013 года.

Ссылаясь на статью 10 (свобода выражения мнения), г-жа С. жаловалась на то, что национальные суды не рассмотрели существо оспариваемых заявлений в свете ее права на свободу выражения мнения. Если бы они сделали это, они бы не квалифицировали их как простые оценочные суждения, а как оценочные суждения, основанные на фактах. Кроме того, ее критика ислама происходила в рамках объективной и оживленной дискуссии, которая способствовала публичному обсуждению и не была направлена на клевету на Пророка. Наконец, г-жа С. утверждала, что религиозные группы должны терпеть даже жесткую критику.

Суд отметил, что те, кто решит воспользоваться свободой исповедовать свою религию в соответствии со статьей 9 Конвенции, не могут рассчитывать на освобождение от критики. Они должны терпеть и принимать отрицание другими своих религиозных убеждений. Только в тех случаях, когда выражения в соответствии со статьей 10 выходят за пределы критического отрицания и, разумеется, когда они могут спровоцировать религиозную нетерпимость, государство может на законных основаниях считать их несовместимыми с уважением свободы мысли, совести и религии и принимать соразмерно ограничительному характеру, меры. Суд также отметил, что предмет настоящего дела носил особенно деликатный характер и что (потенциальные) последствия оспариваемых заявлений в определенной степени зависели от ситуации в соответствующей стране, где были сделаны заявления, времени и контекста, в которые они были сделаны. Соответственно, он счел, что в данном случае национальные власти имели широкую свободу рассмотрения, поскольку они могли лучше оценить, какие высказывания могут нарушить религиозный мир в их стране. Суд повторил, что в своей прецедентной практике он проводил разграничение между утверждениями о фактах и оценочными суждениями. Он подчеркнул, что истинность оценочных суждений не поддается доказыванию. Однако оценочное суждение без каких-либо фактических оснований для его поддержки может быть чрезмерным. Суд отметил, что национальные суды всесторонне объяснили, почему они посчитали, что показания заявителя могли вызвать обоснованное негодование; в частности, они не были сделаны объективным образом, способствующим обсуждению общественных интересов (например, по вопросу о детских браках), но могли быть поняты только как направленные на демонстрацию того, что Мухаммад не достоин поклонения. Он согласился с национальными судами, что г-жа С. должна была знать, что ее показания были частично основаны на ложных фактах и могли вызывать негодование у других. Национальные суды установили, что г-жа С. субъективно присвоила Мухаммаду клеймо педофила, утверждая то, что это его сексуальные предпочтения и что она не смогла нейтрально информировать свою аудиторию об историческом прошлом, что, следовательно, не позволило провести серьезную дискуссию по этому вопросу. Следовательно, ЕСПЧ не усмотрел оснований для отклонения от квалификации национальных судов оспариваемых заявлений как оценочных суждений, которые они основывали на подробном анализе сделанных заявлений.

Суд пришел к выводу, что в настоящем деле национальные суды тщательно сбалансировали право заявителя на свободу выражения мнений с правами других на защиту своих религиозных чувств и сохранение религиозного мира в австрийском обществе.

Суд далее постановил, что даже поданные в мягкой форме подобные заявления не становятся приемлемыми, поскольку превышают допустимые пределы свободы выражения мнения.

Наконец, поскольку г-же С. было приказано уплатить умеренный штраф, и этот штраф находился в нижней части установленного законом диапазона наказания, уголовное наказание не могло считаться несоразмерным. В этих обстоятельствах и учитывая тот факт, что г-жа С. сделала несколько компрометирующих заявлений, ЕСПЧ счел, что австрийские суды не выходили за рамки своей широкой свободы рассмотрения и в целом, нарушения статьи 10 не было.

Дело было обжаловано в Большую Палату ЕСПЧ, которая подтвердила принятое ранее решение.

Чем были продиктованы решения национальных судов и фактически поддержавшего их ЕСПЧ? Возможно взвешенными правовыми позициями и многолетней практикой, а возможно, страхом перед общественными волнениями и манифестациями отдельных религиозных направлений.

Заслуживает внимания также относительно новое дело Ассоциации христианских юристов против Испании, по которому решение пока не вынесено, жалоба коммуницирована 20 июня 2019 правительству Испании. [ASOCIACIÓN DE ABOGADOS CRISTIANOS с. ESPAGNE, App. No(s). 22604/18].

Религиозные группы судятся с испанским художником из-за его последней выставки, где на одной из инсталляций, освященными гостиями¹⁶ выложено слово «педофилия».

Выставка под названием «Похоронен» испанского художника Абея Азкона вызвала споры с момента ее открытия. Выставка рассказывает истории людей, которые были расстреляны и которые исчезли во время гражданской войны в Испании, а также ретроспективу работ Азконы, которая включает в себя несколько произведений, подвергающих критике испанское общество и религию, включая произведение «Аминь», в котором из 242 освященных гостий на асфальте собрано слово «педофилия».

Художник Азкона притворившись верующим католиком, более 200 раз участвовал в обряде евхаристии, таким образом он собирал гостии, которые используются в Римско-католической церкви во время евхаристии. Выставка серьезно всколыхнула испанскую общественность, за короткий срок петиция против выставки и художника Азконы собрала более 100 000 подписей.

Религиозные объединения достаточно жестко отреагировали на выставку; «Испанская ассоциация христианских юристов» подала иск о закрытии выставки, утверждая, что огромное количество человек протестовали против нее, что выразилось как в массовых акциях на улицах городов Испании, так и в Интернет-пространстве. Художника также обвиняют в краже гостий и вменяют ему преступление против религиозных чувств верующих, а также оскорбление их религиозных убеждений; за данные категории преступлений испанским уголовным кодексом предусмотрена ответственность.

Организаторам выставки вследствие общественного резонанса пришлось закрыть часть выставки, представленную художником Азконой. Если ЕСПЧ подтвердит бездействие испанских властей, он предоставит всем антихристианским группировкам карт-бланш на использование этих новых форм ненависти и нетерпимости.

Совершенно очевидно, что подобные коллизии между двумя важными свободами: совести и выражения, будут возникать в будущем. Национальные суды государств участников Европейской конвенции, не только стараются соблюсти единообразие внутренней судебной практики, но и часто следуют сформированной внутригосударственной политической парадигме, в свою очередь право критиковать религии, религиозные организации и объединения, неотъемлемая часть свободы слова и свободы выражения мнения. Поэтому свобода выражения мнений должна быть ограничена в случаях оскорбления верующих или подстрекательства к насилию, но не из-за страха перед реакцией тех или иных групп, которые не поддерживают критику своей религии.

В современном правовом и политическом контексте не хотелось бы чтобы ЕСПЧ из правового инструмента превратился в инструмент политического давления. ЕСПЧ должен более ответственно относиться к поиску критериев для определения границ

¹⁶ Евхаристический хлеб в католицизме латинского обряда

допустимого и недопустимого при реализации права на свободу слова. Каждое решение ЕСПЧ по вопросам соотношения свободы вероисповедания и свободы слова, свободы выражения мнений имеет свою специфику и является очень индивидуальным, однако, в силу действия правила правового прецедента, каждое такое решение имеет влияние на правовое поле во всех странах Совета Европы.

Библиографический список:

Берсенева А., Загвоздина Д. Экстремистские пляски. Суд признал четыре ролика Pussy Riot экстремистскими, за их распространение грозят штрафы, 2012 г. // [URL] <https://www.gazeta.ru/social/2012/11/29/4872449.shtml>

Дело «Мария Алехина и другие против России» (заявление № 38004/12) [Case of «Mariya Alekhina and others v. Russia» (Application № 38004/12) / Judgment of the European Court of Human Rights (Third Section) of 17 July 2018] // [URL] <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184666>

Дело «Секмадьенис ЛТД.» против Литвы (жалоба №69317/14) [CASE OF SEKMADIENIS LTD. v. LITHUANIA, (Application no. 69317/14) JUDGMENT, 2018 // [URL] <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-180506%22%7D>]

Дело Ассоциация христианских адвокатов против Испании, [ASOCIACIÓN DE ABOGADOS CRISTIANOS c. ESPAGNE, App. No(s). 22604/18 // [URL] <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194551>

Дело Е.С. против Австрии (жалоба № 38450/12). [CASE OF E.S. v. AUSTRIA App. No(s). 38450/12 // [URL] <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187188>

Игумен Филипп (Рябых): Решение суда наносит удар по правовой защите религиозной свободы в Европе // [URL] https://ruskline.ru/news_rl/2018/12/05/igumen_filipp_ryabyh_reshenie_suda_nanosit_udar_po_pravovoj_zawite_religioznoj_svobody_v_evrope/

Понкин И.В. Заключение на Постановление Европейского суда по правам человека от 17.07.2018 по делу «Мария Алехина и другие против России» // [URL] http://www.state-religion.ru/files/Ponkin_17-09-2018.pdf

Тимофеев М.Т., Секретарева Н.М. (отв. ред.). Постановление от 30 января 2018 года по делу Компания «Секмадьенис Лтд., против Литвы, SEKMADIENIS LTD. v. LITHUANIA, (Application no. 69317/14) JUDGMENT // «Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека: Компендиум практики Европейского Суда по правам человека. М.: Институт права и публичной политики, 2019. С. 836-839.

Freedom of expression and respect for religious beliefs, Resolution 1510 (2006) // [URL] <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17457&lang=en>

PARTLY DISSENTING OPINION OF JUDGE ELÓSEGUI, Case of «Mariya Alekhina and others v. Russia» // [URL] [\[URL\] http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184666](http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184666)

Чугунов С.В.

Автономия религиозных объединений, как гарантия эффективного осуществления права на свободу вероисповедания. Практика Европейского суда по правам человека

Chugunov S.V.

Autonomy of religious associations as a guarantee of the effective exercise of the right to freedom of religion. Practice of the European Court of Human Rights

Аннотация: Религиозные общины традиционно и повсеместно существовали в форме организованных структур. С точки зрения Европейской конвенции и Европейского суда по правам человека, право верующих на свободу религии предполагает ожидание того, что общине будет позволено функционировать мирно, без произвольного вмешательства государства. Автономное существование религиозных общин является обязательным условием плюрализма в демократическом обществе и, следовательно, является вопросом, лежащим в основе защиты, обеспечиваемой статьей 9 Конвенции.

Ключевые слова: Религиозные общины, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, европейский суд по правам человека, автономия религиозных организаций

Abstract: Religious communities traditionally and everywhere existed in the form of organized structures. From the point of view of the European Convention and the European Court of Human Rights, the right of believers to freedom of religion implies the expectation that the community will be allowed to function peacefully, without arbitrary state intervention. The autonomous existence of religious communities is a prerequisite for pluralism in a democratic society and, therefore, is an issue underlying the protection afforded by Article 9 of the Convention.

Keywords: Religious communities, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European Court of Human Rights, autonomy of religious organizations

Статья 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) устанавливает, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

Уважение автономии религиозных организаций с точки зрения Конвенции рассматривается как одно из негативных обязательств государств по обеспечению соблюдения конвенционного права граждан на свободу религии. Негативное обязательство – это обязанность государственных органов воздерживаться от действий, препятствующих пользованию лицом правом, гарантированным Конвенцией о защите прав человека и протоколами к ней. При этом сам Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ или суд) вместо понятия «негативное обязательство» чаще в своих решениях оперирует понятием «вмешательство».

В соответствии с пунктом 2 статьи 9 Конвенции законными целями, которые могут служить оправданием вмешательства в проявление лицом своей религии или убеждений, являются общественная безопасность, охрана общественного порядка, здоровья и нравственности или защита прав и свобод других лиц. Это перечисление законных

целей является строго исчерпывающим, а формулировка целей строго ограниченной; если ограничение этой свободы должно быть совместимо с Конвенцией, оно должно, в частности, преследовать цель, которая может быть связана с одной из целей, перечисленных в этом положении.

В рамках, приведенных выше общих положений в данном докладе и будет рассмотрено обязательство государств уважать автономию религиозных организаций в свете решений ЕСПЧ.

Религиозные общины традиционно и повсеместно существовали в форме организованных структур. Поэтому, с точки зрения ЕСПЧ, статья 9 Конвенции должна толковаться в свете статьи 11, которая гарантирует объединениям граждан защиту от необоснованного вмешательства государства. Рассматриваемое с этой точки зрения право верующих на свободу религии включает в себя ожидание того, что религиозной общине будет позволено функционировать мирно, без произвольного вмешательства государства. Автономное существование религиозных общин является необходимым условием плюрализма в демократическом обществе и поэтому является вопросом, лежащим в основе защиты, обеспечиваемой статьей 9. Оно непосредственно касается не только организации общины как таковой, но и эффективного осуществления права на свободу религии всеми ее активными членами. Если бы организационная жизнь общины не была защищена статьей 9 Конвенции, все другие аспекты свободы религии индивида стали бы уязвимыми. К таким выводам неоднократно приходил суд в своих решениях, например, *Hassan and Tchaouch v. Bulgaria* [GC], §§ 62 и 91; *Fernández Martínez v. Spain* [GC], § 127.

Также по мнению суд, выраженному, в частности в решении по делу *Svyato-Mukhaylivska Parafiya v. Ukraine* в § 150, внутренняя структура религиозной организации и правила, регулирующие ее членство, должны рассматриваться как средство, с помощью которого такие организации могут выражать свои убеждения и поддерживать свои религиозные традиции.

Вышеуказанные общие принципы нашли свое отражение в решениях ЕСПЧ при решении более частных вопросов.

Так по мнению суда принцип уважения автономии религиозных общин, в том числе означает, что государство не может обязать религиозную общину принимать новых членов или исключать существующих. Религиозные объединения должны быть полностью свободны в определении по своему усмотрению способа приема новых членов и исключения существующих членов (*Svyato-Mukhaylivska Parafiya v. Ukraine*, §§ 146 и 150).

ЕСПЧ в своей практике также учитывает, что при осуществлении своей деятельности религиозные общины соблюдают определенные правила, которые часто рассматриваются последователями как имеющие божественное происхождение. Поэтому богослужения, религиозные обряды и церемонии, которые проводятся священнослужителями, имеют свое значение и сакральную ценность для верующих, а личность религиозного служителя, несомненно, имеет важное значение для каждого члена общины. Таким образом, участие в жизни общины является особым проявлением религии, охраняемой статьей 9 Конвенции (*Hassan and Tchaouch v. Болгария* [GC], § 62; *Miroļubovs and Others v. Latvia*, § 80).

Например, ЕСПЧ установил нарушение статьи 9 в результате принятия мер, регулирующих религиозную жизнь греков-киприотов православной веры, находящихся в анклав в «Турецкой Республике Северного Кипра»: власти последней не одобрили назначение священников в регионе, несмотря на то, что остался только один священник,

окармливающий весь регион (Сургус V.Turkey [GC], § § 243-246). А в деле *Serif v.Greece* суд установил, что имело место нарушение статьи 9 на том основании, что заявитель, греческий мусульманский богослов, был осужден за «присвоение функций служителя «известной религии»» и за то, что «публично носил одежду такого служителя, не имея на это права». Этому предшествовало то, что заявитель был избран муфтием другими мусульманами без признания со стороны государства, которое назначило на должность муфтия кого-то другого. Он действительно принимал участие в ряде религиозных праздников в качестве муфтия, но при этом никогда не пытался осуществлять судебные и административные функции, предусмотренные в государственном законодательстве о муфтиях и других служителях «признанных религий».

Также ЕСПЧ был сделан вывод, что использование религиозной организацией военных метафор само по себе недостаточно для оправдания ограничения ее деятельности. Так же в решении по делу Московского отделения Армии спасения в России, внутренняя структура которой основана на системе рангов, аналогичных армейским, и на ношении униформы, суд постановил, что эта ситуация может рассматриваться как законное проявление религиозных убеждений этой организации. Соответственно, суд считает, что нельзя было всерьез утверждать, что это означает, что Армия спасения нарушает целостность или безопасность государства (*Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia*, § 92).

Важной составляющей сохранения автономии религиозных организаций, с точки зрения Конвенции, является вопрос о возможности вмешательства государства во внутри- или межконфессиональные конфликты. Этот вопрос был подробно рассмотрен ЕСПЧ в ряде дел в различных аспектах. Суд пришел к следующим выводам.

Основополагающий принцип подхода к разрешению подобных вопросов выражен судом в решении по делу *Leyla Şahin v. Turkey*, (§ 108). Суд указал, что плюрализм, терпимость и широта взглядов являются отличительными чертами демократического общества. Хотя в некоторых случаях индивидуальные интересы должны быть подчинены интересам группы, демократия не просто означает, что мнения большинства должны всегда преобладать: должен быть достигнут баланс, который обеспечивает справедливое и надлежащее обращение с людьми из меньшинств и избегает любого злоупотребления доминирующим положением.

Плюрализм также основывается на подлинном признании и уважении разнообразия и динамики культурных традиций, этнической и культурной самобытности, религиозных убеждений и художественных, литературных и социально-экономических идей и концепций. Гармоничное взаимодействие людей и групп с различной идентичностью имеет важное значение для достижения социальной сплоченности. Уважение к религиозному разнообразию, несомненно, представляет собой одну из наиболее важных проблем, с которыми приходится сталкиваться сегодня. Поэтому ЕСПЧ делает важный вывод о том, что по этой причине власти должны воспринимать религиозное разнообразие не как угрозу, а как источник культурного обогащения (*İzzettin Doğan and Others v. Turkey*, § 109).

Плюрализм и демократия должны также основываться на диалоге и духе компромисса, неизбежно влекущем за собой различные уступки со стороны отдельных лиц или групп лиц, которые оправданы в целях поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества (*S. A. S. V.France*, § 128).

При этом суд отмечает, что в обществе, в котором граждане придерживаются различных религиозных взглядов, может возникнуть необходимость в ограничении

религиозной свободы, с тем, чтобы примирить интересы различных групп и обеспечить уважение убеждений каждого. Однако, осуществляя свою регулирующую власть в этой сфере и в своих отношениях с различными религиями, конфессиями и верованиями, государство обязано оставаться нейтральным и беспристрастным (*Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*, §§ 115-116).

Учитывая вышесказанное, суд неоднократно подчеркивал роль государства как нейтрального и беспристрастного в отношении различных религий, верований и убеждений, подчеркивая, что эта роль способствует общественному порядку, религиозной гармонии и терпимости в демократическом обществе, например, в решениях по делам: *Bayatyan v. Armenia*, § 120; *S.A.S. v. France*, § 127.

Однако, при этом в решении по делу *Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and Others v. Georgia* (§ 132) суд отмечает, что обязанность государства придерживаться нейтралитета не может рассматриваться как способная уменьшить роль веры или церкви, с которой население конкретной страны исторически и культурно было связано. Решение о том, следует ли увековечивать ту или иную традицию, в принципе относится к сфере компетенции государства-ответчика. Суд при этом принимает во внимание тот факт, что Европа отличается большим разнообразием между составляющими ее государствами, особенно в сфере культурного и исторического развития. Однако ссылка на традицию не может освободить государство от его обязательства уважать права и свободы, закрепленные в Конвенции и протоколах к ней (*Lautsi and Others v. Italy*, § 68).

Судом отдельно отмечается в решениях по делам *Manoussakis and Others v. Greece*, (§ 47) и *Bayatyan V. Armenia*, (§ 120), что обязанность государства соблюдать нейтралитет и беспристрастность несовместима с любым определением со стороны государства того, являются ли религиозные убеждения или средства, используемые для выражения таких убеждений, законными.

Также обязанность нейтралитета не позволяет государству, включая национальные суды, решать вопрос о религиозной принадлежности отдельного лица или группы, что является исключительной ответственностью высших духовных властей соответствующей религиозной общины (*Miroļubovs and Others v. Latvia*, §§ 89-90; *İzzettin Doğan and Others v. Turkey*, § 121). Иными словами, государство не может произвольно «навязывать» или «переквалифицировать» религиозную принадлежность отдельных лиц или групп против их воли.

Так, например, суд установил нарушение статьи 9 в деле *Miroļubovs and Others v. Latvia* (§§ 33-36 и 88-8), в выполнении решения, принятого латвийским Управлением по делам религий в рамках ожесточенного спора в местной православной старообрядческой общине. Данное решение привело к изгнанию заявителей из мест отправления культа, потому что они *ipso facto* изменили деноминацию, приняв общение со священником Русской православной церкви. Однако, решение было основано на мнениях двух экспертов, ни один из которых не принадлежал к старообрядчеству.

Также суд установил нарушение статьи 9 в деле *Sinan Işık V. Turkey* (§ 45-46) из-за невозможности обеспечить заявителю замену записи «Ислам» в его удостоверении личности словом «Алави», поскольку государственный орган, ответственный за вопросы, связанные с мусульманской религией, считал, что Алави является лишь ветвью Ислама.

Кроме того, по мнению суда действия государства в пользу одного лидера разделенной религиозной общины или действия, предпринимаемые с целью заставить эту общину объединиться под единым руководством против ее собственных желаний, также

представляли бы собой вмешательство в свободу религии. Действительно, в некоторых странах независимость и единство исторически доминирующей церкви большинства являются вопросами первостепенной важности для общества в целом (*Greek-Orthodox Ohrid Archdiocese of the Peć Patriarchy v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*). Однако в демократических обществах государству нет необходимости принимать меры для поощрения одной интерпретации религии в ущерб другим или принуждения разделенной религиозной общины или ее части к объединению под единым руководством (*Hassan and Tchaouch v. Bulgaria*, § 78; *Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*, § 117). Когда группа приверженцев и / или служителей религии отделяется от общины, к которой они ранее принадлежали, или даже принимает решение об изменении вероисповедания, такой акт является примером коллективного осуществления «свободы менять религию или убеждения», которая прямо гарантирована пунктом 1 статьи 9 Конвенции (*Miroļubovs and Others v. Latvia*, § 93). Следовательно, национальные власти не могут требовать от верующих соблюдения их предписаний в рамках уже признанной или зарегистрированной организации на том основании, что, по мнению этих властей, их убеждения идентичны убеждениям последней организации (*Genov v. Bulgaria*, § 46).

Особенно стоит отметить то, что Европейский суд последовательно занимает позицию, согласно которой роль государственной власти заключается не в устранении причины напряженности путем устранения плюрализма, а в обеспечении того, чтобы конкурирующие группы терпимо относились друг к другу, даже если обе они происходили из одной и той же общины (*Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*, § 123).

Однако, по мнению суда, роль государства как конечного гаранта религиозного плюрализма может иногда требовать от него посредничества между противоборствующими сторонами. Нейтральное посредничество между группами верующих в принципе не будет равносильно вмешательству государства в права верующих, согласно статье 9 Конвенции, хотя государственные власти должны проявлять осторожность в этой особенно деликатной области. Так, например, суд установил нарушение статьи 9 Конвенции в деле *Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova* по причине того, что молдавские власти отказались подтвердить юридическое признание митрополии Церкви Бессарабии, Автономной православной церкви, действующей под управлением Бухарестского патриархата (Румынской православной церкви), на том основании, что такое признание поставило бы под угрозу интересы митрополии Церкви Молдовы, которая входит в состав Московского патриархата (Русской православной церкви) и которая уже была признана правительством. Суд установил, что отрицая признание на том основании, что церковь-заявитель была лишь «раскольнической группой» по отношению к Русской православной церкви, и, заявляя, что приверженцы церкви-заявителя могли исповедовать свою религию в другой Православной церкви, признанной государством, молдавское правительство не выполнило свой долг нейтралитета и беспристрастности.

При этом ЕСПЧ проводит различие между государственным вмешательством в межконфессиональный или внутриконфессиональный спор и тем, когда национальные власти делают неизбежные светские выводы из уже существующего религиозного спора, возникшего не по их вине, в котором они не принимали чью-либо сторону (*Griechische Kirchengemeinde München und Bayern e.V. v. Germany*; *Serbisch-griechisch-orientalische Kirchengemeinde zum Heiligen Sava in Wien v. Austria*).

В заключение считаю важным отметить, что отдельную категорию дел, где затрагивается принцип уважения автономии религиозных общин со стороны

государства, составляют дела по спорам между религиозными организациями и их членами и последователями, а также по спорам между религиозными организациями и их работниками.

ЕСПЧ считает, что государства не обязаны требовать от религиозных общин обеспечения свободы религии и выражения мнений для приверженцев и служителей данной религии. Общей чертой многих религий является то, что они определяют доктринальные стандарты поведения, которым их последователи должны следовать в своей частной жизни (*Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia*, § 118). Следовательно, Статья 9 Конвенции не предусматривает никакого права на инакомыслие в рамках религиозной организации. Уважение автономии религиозных общин, признанных государством, предполагает, в частности, что государство должно признать право таких общин реагировать в соответствии с их собственными правилами и интересами на любые возникающие в них диссидентские движения, которые могут представлять угрозу их сплоченности, имиджу или единству. Поэтому задача национальных властей не состоит в том, чтобы выступать в качестве арбитра между религиозными организациями и различными диссидентскими группировками, которые существуют или могут возникнуть внутри них (*Sindicatul "Păstorul cel Bun" v. Romania*, § 165; *Fernández Martínez v. Spain*, § 128).

Аналогичным образом, Статья 9 не гарантирует верующим право выбирать религиозных лидеров своей общины или выступать против решений религиозной организации, касающихся выборов или назначения служителей (*Kohn v. Germany*; *Sotirov and Others v. Bulgaria*). В случае доктринального или организационного несогласия между религиозной общиной и одним из ее членов свобода вероисповедания последнего реализуется, в том числе, и через свободу покинуть данную общину (*X. v. Denmark*, Commission decision; *Miroļubovs and Others v. Latvia*, § 80).

Применительно к взаимоотношениям религиозных общин с их работниками суд вывел следующие принципы. Вследствие своей автономии религиозные общины могут требовать определенной степени лояльности от тех, кто работает на них или представляет их интересы. Характер занимаемой этими лицами должности является важным моментом, который необходимо учитывать при оценке соразмерности ограничительных мер, принимаемых соответствующим государством или религиозной организацией. В частности, конкретная миссия, возложенная на соответствующее лицо в религиозной организации, является важным соображением при определении того, должно ли это лицо быть наиболее лояльным (*Fernández Martínez V. Spain*, § 131). При этом особое значение следует придавать близости между деятельностью заявителя и миссией соответствующей религиозной организации (*Schüth V. Germany*, § 69).

Асланова И.Ш.

Религиоведческая экспертиза в рамках уголовных дел по экстремизму: обзор судебной практики в Кыргызской Республике¹⁷

Aslanova I.Sh.

Religious expertise within the criminal cases on extremism: review of court practice in the Kyrgyz Republic

Аннотация: Данная статья посвящена практике проведения религиоведческой и теологической экспертизы в рамках уголовных дел по экстремизму и терроризму в Кыргызской Республике. В статье дается анализ судебных решений, непосредственной экспертиз и постановлений следователя, представленных за период 2014-2018 гг. Выявлены основные проблемы, включающие роль экспертизы в суде, постановку правовых вопросов перед экспертами, выход экспертами за рамки своих полномочий, низкое качество экспертиз и др.

Ключевые слова: религиоведческая экспертиза, требования к экспертизе, ответственный орган, постановка вопросов, список экстремистских материалов, умысел распространения

Abstract: This article is devoted to the practice of religious studies and theological examination in the framework of criminal cases on extremism and terrorism in the Kyrgyz Republic. The article provides an analysis of court decisions, provided expertises and investigators' decisions submitted for the period 2014-2018. The main problems have been identified, including the role of expertise in court, raising legal issues before experts, experts moving beyond their authority, poor quality of expertise, etc.

Key words: religious expertise, requirements for expertise, responsible authority, statement of questions, list of banned extremists' materials, intent of dissemination

При рассмотрении дел по преступлениям экстремистского и террористического характера, широкую практику получило проведение теологической и религиоведческой экспертиз по выявлению признаков экстремизма. Концепция государственной политики в религиозной сфере на 2014-2020 гг. и Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму на 2017 - 2022 гг. отмечают несовершенство существующей практики проведения теологической и религиоведческой экспертизы и подчеркивают инициативы по развитию института экспертиз посредством создания специализированного отдела при Государственной судебно-экспертной службе и разработке соответствующей методики проведения. Однако качество проводимых экспертиз, наличие стандартов проведения и компетенций экспертов все еще рассматриваются на различных экспертных площадках и ряде отчетов неправительственных и международных организаций¹⁸. В связи с чем, в рамках анализа судебной практики по преступлениям, связанным с терроризмом и насильственным экстремизмом за период с 2014 года по

¹⁷ Данная статья является сокращенной версией исследования судебной практики по делам, связанным с экстремизмом и терроризмом в рамках уголовного законодательства Кыргызской Республики за 2014-2018 гг, проведенного Верховным судом Кыргызской Республики совместно с общественным объединением «Кыргызская ассоциация женщин-судей» (автор являлся привлеченным экспертом по данному исследованию).

¹⁸ Свобода религиозных и иных убеждений в Кыргызской Республике/ ОФ «Открытая позиция» - Бишкек, 2014. «Мы живем в постоянном страхе». Хранение экстремистских материалов в Кыргызстане /Хьюман райтс вотч – США, 2018. Отчет мониторинга судебных разбирательств, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания в Кыргызской Республике. Результаты мониторинга 2017 и 2018гг/ МНК «Поиск общих интересов» – Бишкек, 2018, 2019.

2018 годы отдельно были рассмотрены вопросы проведения экспертизы по признанию материалов экстремистскими.

Согласно Закону КР от 24 июня 2013 года № 100 «О судебной-экспертной деятельности», статья 2, судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее в проведении исследований и даче заключения экспертом по вопросам, которые требуют специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному, гражданскому и административному делу. Методическое руководство по проведению религиозоведческой и комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы в Кыргызской Республике, одобренное к применению научно-методическим советом Государственного центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Кыргызской Республики в 2017 г., а также ряд других методических пособий по проведению экспертизы экстремистских материалов¹⁹ подчеркивают важность проведения комплексной (два и более экспертов разных специальностей) психолого-лингвистической экспертизы при выявлении признаков экстремизма перечисленных в статье 1 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 года N 150. Этим же Законом введен такой специальный вид экспертизы, как экспертиза на предмет выявления экстремистского содержания в тех или иных информационных материалах и устных высказываниях, для чего создается координационный экспертный комитет, Положение и состав которого утверждаются Правительством КР (абз. второй ст.4). Несмотря на высокую востребованность, данный комитет не был создан, и практически все материалы направлялись на религиозоведческую экспертизу в ГКДР.

Задачами комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, являются [Справочник экспертиз, проводимых в государственном центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции Кыргызской Республики, с.35]:

- установление наличия в тексте призывов к определенным действиям;
- установление наличия в тексте пропаганды (национального, религиозного, языкового, расового и др. превосходства, исключительности или неполноценности);
- установление наличия в тексте оправдания или обоснования экстремистской деятельности или терроризма;
- установление направленности речевых действий (текста) на возбуждение розни, вражды, ненависти, унижения достоинства человека, оскорбление человека по определенным признакам (пола, расы, национальности, отношения к религии и др.).

Нужно иметь в виду, что правовая оценка не входит в компетенцию экспертов и экспертизы. Эксперты могут указать имеются ли признаки экстремизма, в то время как правовую оценку дают специалисты правоохранительных органов и суд.

Общие статистические данные

Согласно обзору в рамках уголовных дел по преступлениям экстремистского и террористического характера было рассмотрено 404 экспертиз. Наибольшее количество

¹⁹ Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды - М., 1999; Типовая методика лингвистической экспертизы. М.: ЭКЦ МВД России, 2009, Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму –М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011; Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму –М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

экспертиз было инициировано по статье 299-2 УК КР «*Приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозка и пересылка экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских, или террористических организаций*» - 326; и по статье 299-1 УК КР «*Организованная деятельность, направленная на возбуждение национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды*» - 51.

95% экспертиз были проведены экспертами Государственной комиссии по делам религии, остальные 5% приходятся на Государственную судебно-экспертную службу (бывший Центр судебных экспертиз), Национальную академию наук КР и др.). В региональном срезе значительное число экспертиз было проведено в Ошской (32%), Джалалабадской (30%) областях и Бишкеке (14%). В 369 делах суд основывался на заключениях экспертиз в качестве доказательств. По статье 299-2 УК КР из 326 проведенных экспертиз, в 254 делах суды использовали заключения экспертиз в качестве единственного источника доказательств и основывали свои доводы в приговорах только на этих заключениях.

Анализ практики проведения экспертизы

Исходя из существенной роли экспертизы в качестве доказательной базы при вынесении приговоров, посредством случайной выборки было отобрано 163 дел (из 326) по статье 299-2 УК КР, в рамках которых проводилась религиозоведческая или теологическая экспертизы для анализа сложившейся практики проведения экспертиз. Были рассмотрены постановления следователя, непосредственно экспертизы и решения суда.

Тип и вид назначаемой экспертизы. Согласно предоставленным для анализа документам, в рамках уголовных дел в основном назначались религиозоведческая (201) и теологическая экспертизы, и лишь в пяти случаях была назначена комплексная экспертиза. При этом, как в постановлении следователя, так и судебном решении упоминаются «судебно-теологическая», «религиозная», «судебно-религиоведческая» экспертиза отсутствующие в реестре судебных экспертиз. Об ошибочной практике назначения теологической экспертизы в рамках дел по признанию материалов экстремистскими указал еще в 2016 году Верховный Суд КР в Обзоре судебной практики по рассмотрению уголовных дел о терроризме и экстремизме «... религиозоведческая и теологическая экспертизы имеют принципиальное отличие, поскольку религиозоведческая экспертиза использует нейтральные подходы, присущие светской науке, а теологическая экспертиза рассматривает материалы, исходя из позиций определенной религии или вероучения. Как показало изучение дел данной категории много случаев, когда следователь при расследовании уголовного дела выносит постановление о назначении теологической экспертизы, в основном указываются выводы с одинаковой формулировкой» [Бюллетень Верховного суда Кыргызской Республики за №2 (63)]. Как показывает текущий обзор, практика назначения теологической экспертизы в период с 01.2017 по 08.2018 гг. стало меньше, из 140 дел в 34 случаях зафиксировано проведение и рассмотрение судом теологической экспертизы.

Постановка вопросов перед экспертами. Как показывает обзор предоставленных дел, имеются две ключевые ошибочные практики при постановке вопросов перед экспертами:

1. *Ненадлежащий вид экспертизы*, при которой назначается один вид экспертизы, а перед экспертом ставятся вопросы, относящиеся к другому виду экспертизы. В данном обзоре, в 96% случаях перед экспертами религиоведами или теологами ставились вопросы, находящиеся в компетенции лингвиста, такие как определение призывов, пропаганды исключительности, разжигания розни и т.п. Та же ситуация наблюдается и при назначении так называемых политологических экспертиз.

2. *Постановка правовых вопросов* также получило довольно широкую практику. Так, перед экспертами ставятся типовые вопросы как «Содержатся ли в представленном учебном пособии, DVD диске, тетрадах, листовках, ежедневнике и микро флеш карте призывы к насильственному изменению Конституционного строя Кыргызской Республики?». Понятие «Конституционный строй» является правовым, на который эксперт не в праве отвечать. Эксперт может ответить на вопрос есть ли призыв в тексте и к чему конкретно призывает. Также довольно распространен правовой вопрос «Содержит ли текст призывы к экстремистским действиям?» или же «Является ли предоставленный материал экстремистским?». Согласно статье 13 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» информационные материалы признаются экстремистскими судом с особенностями производства по отдельным категориям дел по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора, заявившего требования о признании материалов экстремистскими.

Таким образом, 96% случаях постановка вопросов следственными органами носила некорректный характер и эксперты в своих выводах выходили за пределы экспертной специальности, отвечая на вопросы правового характера или находящиеся вне рамок компетенций. Примеры отказа от дачи экспертизы носят единичный характер.

Определение судебно-экспертного органа. Вышеприведенная практика неверной классификации экспертизы, связана с определением органа проводящего экспертизу. Из представленных статистических данных, 95% экспертиз на предмет выявления экстремистского содержания в тех или иных информационных материалах проводится Государственной комиссией по делам религий Кыргызской Республики (ГКДР). В ноябре 2014 года межрайонный суд Ошской области постановил, что заключение Государственной комиссии по делам религии по признанию материалов религиозно-экстремистскими является не нормативным документом, а выводами экспертов [Экспертизу Госкомиссии по делам религии признали ненормативным документом]. Проведение судебной религиоведческой экспертизы не может быть поручено ГКДР, поскольку данный орган не уполномочен проводить судебную экспертизу, но можно привлечь сотрудника ГКДР в качестве судебного эксперта в соответствии со статьей 204 УПК КР «Производство экспертизы вне экспертной организации» и части 6 статьи 13 Закона КР «О судебно-экспертной деятельности». В данном случае экспертиза представляет собой заключение конкретного специалиста, а не уполномоченного государственного органа по делам религии. Согласно официальному заявлению руководства ГКДР, с 1 января 2019 года уполномоченный орган по делам религии не проводит экспертизу на предмет выявления экстремистского содержания.

Проведение экспертизы Государственной судебно-экспертной службой является незначительным (6 случаев из 404), что связано как с формированием специализированного отдела, формированием штата специалистов и соответствующих методик. Ряд опрошенных адвокатов указывают на отказ ГСЭС в проведении комплексной

экспертизы в связи с отсутствием специалистов арабского и узбекского языка. Текущий анализ показывает, что материал на экспертизу поступает в основном на узбекском и кыргызском языках, иногда на русском языке, но во всех случаях религиозные тексты сопровождаются ссылками на Священные источники (Коран и Сунна) на арабском языке. Только в двух случаях текст был полностью на арабском языке, что было продиктовано его характером – нашиды (песни). Представленная статистика говорит о необходимости приоритетного укомплектования штата ГСЭС специалистами в области лингвистики узбекского и кыргызского языка.

Соответствие представленных экспертиз требованиям по оформлению заключения эксперта. Требования по оформлению экспертизы отражены в статье 29 Закона КР «О судебно-экспертной деятельности», а также более подробно в Инструкции о производстве судебных экспертиз [Инструкция о производстве судебных экспертиз в государственном центре судебных экспертиз]. 163 изученных заключения в той или иной степени не отвечают требованиям, изложенным в Инструкции и Положении. Основные несоответствия касаются:

- отсутствие в вводной части полного перечня поступивших материалов, указание методов исследования и списка использованной литературы;
- отсутствует или слабо представлена исследовательская часть, слабая корреляция между выводами и проведенным анализом;
- в выводах присутствуют вопросы, поставленные по инициативе эксперта, но не отраженные в вводной части; обилие вероятностных выводов, не носящих самостоятельного доказательного значения.

Список запрещенных материалов /процедура признания материала экстремистским. На настоящий момент, на сайте Министерства Юстиции КР имеется список материалов, признанных экстремистскими судами различных инстанций [Список экстремистских материалов/ Официальный сайт Министерства Юстиции]. Данный список состоит из 21 пункта, включающего более 100 наименований печатной, аудио-видео продукции и веб-страницы, имеющей экстремистский и террористический контент. Из указанного списка только 7 имеют наименования, способные идентифицировать материал²⁰, прочее представлено с типовой формулировкой “*Информация, публикация, материалы, атрибутика, символика и видеофильмы, размещенные на веб-сайтах:...*” и далее дается перечень вебсайтов и страниц в социальных сетях, которые могут достигать до 57 наименований [Список экстремистских материалов. Решение Октябрьского районного суда города Бишкек от 17 октября 2017 года].

Из идентифицированных в качестве экстремистских материалов лишь издание «Сабил жана Субул» находится в списке, представленного на сайте Министерства Юстиции КР. Более 60 «экстремистских» материалов (в рамках 104 дел) были уничтожены после вступления в силу приговора без инициирования признания их экстремистскими судом и опубликования на сайте Минюста. Имеются факты когда одно и то же издание подвергалось экспертизе два и более раз в рамках различных дел. Таким образом, в связи с отсутствием базы данных, признанных судами экстремистских материалов,

²⁰ 1. «Айкол Манас» книга в 10 томах. Автор Муса кызы Бубу Мариям; 2. Литература «Сабил жана Субул» в двух томах; 3. Фильм «Я–гей и мусульманин» - «Мен-гей жана мусульманин» - «I am Gay and Muslim»; 4. Статья «Люди как звери», размещенная на веб-сайте www.fergananews.com; 5. Статья «Дикари таджики спустились с гор: будьте осторожны кыргызы» от 08.09.2014 года; 6. Статья «Чисто кыргызский сом. Имамы-представители национальных меньшинств не получают зарплату» от 06.06.2016 года, размещенные на веб-сайте – “Eurasianews.info”; 7. Интервью А. Капарова распространенного на телеканале “Сентябрь” телевещания “С-2” ОсОО РТРК “С-2” 29.09.2016 года.

контента веб-сайтов, имеют место случаи, когда на экспертизу поступает литература (или фрагменты текста), ранее признанная судами экстремистскими, что, кроме прочего, влечет за собой дополнительные временные, и финансовые затраты. В рамках 57 дел, материалы были сохранены в качестве доказательств, однако, опять же, последующее включение в официальный список экстремистских материалов инициировано не было. В части дел как в постановлении, заключении эксперта, так и решении суда отсутствует перечень поступивших на экспертизу материалов, возможно, в силу большого количества. В подобных случаях указываются лишь носители материала как: “100 даана сурот, 97 даана аудио жазуу, 22 даана видео тасма”.

Умысел распространения экстремистских материалов. Статья 299-2 УК КР, устанавливающая уголовную ответственность за приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозку и пересылку экстремистских материалов, а также умышленное использование, в том числе демонстрация символики или атрибутики экстремистских или террористических организаций, предусматривает ответственность за «хранение» экстремистских материалов вне зависимости от наличия умысла распространения. Вступивший в действие с 1 января 2019 года Уголовный кодекс КР предусматривает уголовную ответственность по статье 315 «Изготовление, распространение экстремистских материалов». В соответствии с данной статьей лица ответственные за «изготовление, распространение, перевозку или пересыпку *экстремистских материалов* либо их приобретение или *хранение с целью распространения*, использование символики и атрибутики экстремистских организаций, а также посредством сети Интернет – наказываются лишением свободы II категории, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового».

Однако все еще остается открытым вопрос доказательства цели распространения, если речь идет об материале на электронном носителе. Так, текущее исследование показала, что в материалах, поступающих на экспертизу, все больше преобладают материалы на электронных или смешанных носителях:

1. аудио-видео-тестовый материал, представленный на различных *электронных носителях*, включая визуальный материал (картинки) и материал из социальных сетей (флэш- карты, ноутбуки, планшеты, DVD диски, жесткие диски, мобильные телефоны и др.) – 43.

2. *смешанные носители* - аудио-видео-текстовый материал представленный на различных электронных носителях, печатные издания и записи в тетрадях, блокнотах и т.п. – 82.

3. *только печатные и письменные издания* (книги, журналы, листовки) и записи в тетрадях, блокнотах и т.п. – 37.

Таким образом, материал, где умысел распространения можно было доказать по количеству печатных изданий, на сегодняшний день составляет 22%, остальные 78% приходится на электронный и смешанный носители информации, в случае которых умысел распространения должен основываться не только на количестве экземпляров, но и других доказательствах, обосновывающих причастность к деятельности экстремистских и террористических организаций.

Выводы

1. В рамках уголовного производства достаточно высокая роль отводится экспертизе при рассмотрении дел связанных экстремизмом и терроризмом. Наиболее распространена практика проведения религиозно-теологической или лингвистической экспертизы по статье 299-2 УК КР. По данной статье в 78% случаях суды использовали заключения экспертиз в качестве единственного источника доказательств и основывали свои доводы в приговорах только на этих заключениях. Во многих судебных актах суды не предпринимают попыток проанализировать рассматриваемые тексты и в решениях лишь воспроизводят заключение экспертизы.
2. Выявление признаков экстремизма и терроризма требует комплексного подхода, при котором лингвистом определяется смысловая направленность текста, психологом – его влияние в том или ином контексте, также, в зависимости от типа материала могут быть привлечены дополнительно профильные эксперты религиоведы, политологи, социологи, историки и т.п.
3. Существует системная ненадлежащая практика назначения и проведения экспертизы, как определение судебно-экспертного органа, типа и вида экспертизы, постановки вопросов перед экспертами, и соответствие представляемых экспертиз установленным требованиям.
 - a. В 95% случаях экспертизу назначали специалистам ГКДР, которые могут ее проводить согласно ст. 204 УПК КР «Производство экспертизы вне экспертной организации». Непосредственно ГКДР не является судебно-экспертным органом, однако в судебных решениях экспертиза в подавляющем большинстве случаев указана как экспертиза ГКДР или «уполномоченного органа по делам религии», что наделяет ее определенным статусом.
 - b. В 97% дел, рассмотренным в данном анализе, назначалась однородная религиозно-теологическая или лингвистическая экспертизы. Лишь в 1% дел имело место проведение комплексной экспертизы. Кроме того, несмотря на то, что религиозно-теологическая и лингвистическая экспертиза отсутствовала в реестре судебных экспертиз, а Государственный центр судебных экспертиз в 2015 году уже вводит комплексную психолого-лингвистическую экспертизу следственные органы практически не используют назначение как лингвистической, так и комплексной экспертизы.
 - c. Широкое распространение получила практика, когда перед экспертами религиоведами или теологами ставили вопросы входящие в компетенции лингвиста и психолога. Кроме того, в 96% случаях перед экспертами ставились вопросы правового характера или вопросы не требующие специальных познаний. В результате чего эксперты выходили в экспертных заключениях за рамки своих компетенций. Факты отказа от дачи экспертизы являются единичными.
 - d. Практически в 100% проанализированных экспертиз не соответствуют требованиям оформления экспертных заключений. Так, отсутствует указание методик, списка литературы, при помощи которых проводилось исследование; в некоторых заключениях отсутствует перечень предоставленных материалов (перечислены только носители), отсутствует или слабо представлена исследовательская часть, имеются логические ошибки при построении аргументации; превалирование вероятностных выводов. Случаи предъявление требований к качеству экспертизы со стороны следственных органов и судей единичны (3,9%).

4. При выявлении признаков экстремизма в поступивших на экспертизу материалов и вынесения обвинительного приговора, отсутствует процедура признания судом непосредственно материала экстремистским и включение его в список экстремистских материалов. Из более чем 60 источников, только один был в списке, опубликованном на сайте Министерства юстиции КР. Имеются факты когда один и тот же материал проходил в рамках различных дел. Кроме того, список экстремистских материалов, размещенный на сайте уполномоченного органа в сфере юстиции не содержит каких-либо характеристик либо решения суда о признании материала «экстремистским», которые позволили бы идентифицировать материал и способствовали повышению информированности граждан том, какие материалы запрещены.
5. Почти 77% материалов поступивших на экспертизу находился на электронных или смешанных носителях. Не смотря на то, что новый УК, вступивший в силу с 1 января 2019 года, устанавливает уголовную ответственность за «*хранение с целью распространения*», вопрос определения умысла распространения когда речь идет о материале, расположенном на различных электронных носителях все еще остается открытым.

Библиографический список

Бюллетень Верховного суда Кыргызской Республики за №2 (63) от 2016 года // [URL] <http://sot.kg/post/byulleten-verhovnogo-suda-kyrgyzskoj-respubliki-za-1-64-ot-2017-goda>

Инструкция о производстве судебных экспертиз в государственном центре судебных экспертиз // [URL] <http://sudexpert.gov.kg/instruktsiya-o-proizvodstve-sudebnyh-e/>

Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы (утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2014 года № 203) // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/68294/10>

Методическое руководство по проведению религиозоведческой и комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы в Кыргызской Республике /Под общ. ред. И.И. Ивановой //Государственный центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции Кыргызской Республики.- Бишкек, 2017.

Программа “Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017-2022 годы” (Утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 21 июня 2017 года № 394) // [URL] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/100104/10>

Список экстремистских материалов. Решение Октябрьского районного суда города Бишкек от 17 октября 2017 года // [URL] <http://minjust.gov.kg/ru/content/950>

Список экстремистских материалов/ Официальный сайт Министерства Юстиции КР // [URL] <http://minjust.gov.kg/ru/content/950>

Справочник проводимых экспертиз в государственном центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции Кыргызской Республики – Бишкек, 2014.

Экспертизу Госкомиссии по делам религии признали ненормативным документом // [URL] <http://vof.kg/?p=17184>

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ СЕКУЛЯРНОСТИ MODERN UNDERSTANDING OF SECULARITY

Ашраф А.

Идеологические основы секулярности, секуляризма и религиозные вызовы на постсоветском пространстве.

Ashraf A.

Ideological Underpinnings of the Secularity, Secularism and Religious Challenge in Post-Soviet Central Asian States

Аннотация: Главная обязанность любого государства - выживание и безопасность своих граждан. Светские государства должны и далее обеспечивать свободу совести и убеждений для всех своих граждан. Разнообразие убеждений и угроза, создаваемая все большей вероятностью политического насилия, проистекающая из идеологии и теологии сект, открыто или тайно выступающих за создание несветской тоталитарной системы правления, навязываемой, если это необходимо, путем насилия, создает сложные проблемы для выполнения этих обязательств. Уравновешивание этих конкурирующих приоритетов является новой проблемой для многих государств, особенно тех, где мусульманское население составляет большинство. Для того чтобы понять природу этих противоречивых вызовов, необходимо рассмотреть идеи, которые лежат в основе этих нетолерантных версий религии, а также идеологию секуляризма в контексте наследия марксистской политической мысли в бывших советских государствах.

Любая такая оценка требует понимания пределов и преимуществ, которые светское государство может предложить своим гражданам, а также преимуществ, которые свобода религии может принести их безопасности и реализации. Также стоит обратить внимание на то, как религиозные чувства в сочетании с политикой становятся мощным мотиватором общественного мнения и мобилизации. Это создает как для религиозных, так и для светских лидеров заманчивые возможности для получения власти, что создает долгосрочные угрозы безопасности и стабильности государства. Как религия и политика могут работать вместе на благо государства и граждан и как можно избежать потенциальных опасностей от них, являются важными областями для обсуждения в данной статье.

Ключевые слова: Секуляризм, светскость, религия, государство, идеология, просвещение, современность, этика, безопасность, политика

Abstract: The primary duty of any state is to its survival and the security of its citizens. Secular states are required further to provide freedom of conscience and belief for all their

citizens. Diversity of belief and the threat posed by the increasing possibility of political violence emanating from the ideology and theology of sects that overtly or covertly advocate a non-secular, totalitarian system of governance, imposed through violence if necessary, produces complex challenges to these commitments. Balancing these competing priorities is an emerging problem for many states, especially those where the Muslim population is in the majority. In order to understand the nature of these competing challenges, it is necessary to consider the ideas that drive these non-tolerant versions of religion, as well as the ideology of secularism in the context of the legacy of Marxist political thought, in former Soviet states.

Any such evaluation requires an understanding of the limits and benefits that a secular state can offer to its citizens, as well as the benefit that freedom of religion can bring to their security and fulfilment. Also, it is worth considering how religious sentiment married with politics, becomes a powerful motivator of public opinion and mobilisation. This presents both religious and secular leaders with tempting opportunities to acquire power, resulting in long-term threats to the security and stability of the state. How religion and politics can work together for the benefit of the state and citizens and how potential dangers from both can be avoided, are important areas of discussion in this paper.

Keywords: Secularism, Secularity, Religion, State, Ideology, Enlightenment, Modernity, Ethics, Security, Politics

Many countries in Central Asia are grappling with the question of secularity, secularism and religion in the political context of their post-Soviet experience. Those issues are best addressed through an ideological analysis, because ultimately everything is about how people behave or act. Those behaviours and actions are determined by their thoughts or interpretations of the world. Those thoughts are, in turn, determined by what people believe. Beliefs are based on religion or an ideology, or a combination of the two. Ideology could be thought of as a menu of ideas. Just as food menus are produced as themes, usually national or regional, ideology could also be defined as: ‘A system of ideas and ideals, especially one which forms the basis of economic or political theory and policy.’ [See Oxford English Dictionary.] For some, ideology can mean the study of the origins and development of those ideas. However, for the purposes of this paper, it is better to think of ideology as a system of ideas and beliefs that shape the way people see the world and how they want it to be.

Secularism is also understood in different ways by different people. For some, it is simply the absence of, or opposition to, religion. However, the roots of secularism lie in the idea of equality, the notion that all people and ideas should be treated as equal. If secularism is the concept, then secularity can be understood as the degree to which that concept is implemented in a society. Again, there are different notions of secularism and secularity, but these definitional explanations will suffice for now and will be expanded on further when considering the development of secularism.

Religion is much more complex and problematic to define. For many, it is no different from ideology, except that it relies on supernatural notions to explain the meaning of life and it supplies an ethical and moral framework for living. Indeed, the philosopher Eric Voegelin described modern political ideologies as political religions [See Voegelin E.]. However, there is a difference between religion and politics, particularly when its relationship with politics is involved. The most relevant point to consider is that religion has been, is and will continue to be, a dominant force in influencing human beliefs and behaviours. American sociologist Daniel Bell observed:

From Voltaire to Marx every Enlightenment thinker thought that religion would disappear in the 20th Century because religion was fetishism, animistic superstition. Well, it's not true, because religion is a response, and sometimes a very coherent response, to the existential predicaments faced by all men in all times. Empires have crumbled; political systems have crumbled; economic systems have crumbled. The great historical religions have survived [See Daniel B.].

This prescient comment highlights the superior endurance in society of religions over purely political ideologies and consequently on the development of political and economic ideas. It could also support the idea that regimes which allow freedom of religion, persist longer and develop more than those that do not.

Before present challenges can be analysed and solutions for the future are proposed, it is worth considering how the past has created the situation that exists today. The role of the Christian church in Europe during the Middle Ages, both as a political force and as a definer of science, led to the Reformation and the Enlightenment. These events indirectly and subtly shaped thinking on politics and society today, particularly in determining current political outlooks.

At the heart of the Enlightenment and modernity was the relationship between religion and power, the power of religion to influence both politics and knowledge. Diversity of thought, and consequently of behaviour, are an essential human trait. The singular dominance of the Catholic version of Christianity over medieval Western Europe, constrained those instincts of diversity and creative thought. Challenges to what had become a totalitarian version of Christianity came initially from within religion itself, through the Protestant movement and later through political and social reforms. The result of this struggle was the Enlightenment, which allowed academic freedom of thought on matters such as ethics, science and politics. In order to enable this, the idea of secularism, which allowed the coexistence of different versions of religion, at the time mainly of Christianity, was born. This concept allowed and encouraged the idea that religious beliefs and worship should be confined to the private sphere, while debate in the public sphere should be on the basis of the principles of science, the logic of rationality and the societal necessity of balancing individual rights with societal interests.

Just as diversity and creativity are fundamental human traits, the attraction of power is also a basic human instinct. Power allows control and that demands conformity from others. These human tendencies are often in contradiction. This dichotomy worked itself out initially in the West and later in the rest of the world, by developing political ideologies that responded to perceived injustices in society, by offering what were proposed as rational and scientific solutions.²¹ These took the form of Communism, Hindutva, Fascism, Zionism and Islamism, amongst others. While quite different in what they wanted to achieve and who they targeted, these ideologies had some things in common. They all construct a grievance narrative, where one group of people were oppressing another group and a narrative of how to rectify the injustice. These ideologies also sought to create a utopian ideal for the group they championed. In that ideal state, everyone would conform to a common set of ideas and work towards a common

²¹ For reasons of brevity, this point is necessarily simplistic. Alternatives to scientific reasoning coexisted in modernity. For example, romantic philosophy which prioritised instinct and emotion over purely rational argumentation. However, romanticism justified itself through the natural world, rather than through a supernatural framework used by religions. Realism, which also relied on the idea of the world being in a state of nature, where anarchy prevailed and power was the sole currency of survival, initially opposed romanticism's idealistic notions of unity through a common appreciation of aesthetics. Eventually, the two ideas fused and gave rise to fascist and nationalist ideologies. Such ideologies either sidelined religion or subordinated it to their totalitarian vision.

goal. As such, they were totalitarian ideologies.

If totalitarianism attempts to derive power from an idea that *should* be common to all, then secularism attempts to derive power from ideas that *are* common to all. Secularism mostly manifested itself through Western liberal democracy. The liberal element of this label referred to the values that peoples agreed upon, which were selectively extracted from Judaeo-Christian theology, even though many no longer belonged to those faiths. The nature of secularism or the degree of secularity has varied in Western countries. At one end of the spectrum is the French version, which has a strict separation between the church and the state, with all religious rituals or symbols effectively shunned from public professions of politics. At the other end of the spectrum is the USA's version, where religion is evoked in political discourse on an almost daily basis with, for example, presidents invoking the blessings of God on America. Religion is part of social and political life in that country, but it has no direct role in state power and there is no overt sectarian preference. Freedom of belief is publicly championed, although in private there is some prejudice against disbelief and against people of different versions of Christianity.

Therefore, secularism allows not just the diversity of belief, but also the degree of secularity that can exist. It largely succeeds in separating state and religious powers, minimising the incidence of religiously motivated violence in Western countries. In non-Western countries, especially Islamic countries, this is not the case. The primary reason is that in about a century, virtually all of the orthodox Muslim institutions have become politicised. That is true for both the Sunni and the Shia branches of Islam. Modernity has also impacted the Muslim world, through the writings of political philosophers such as Karl Marx. Maulana Maududi, the architect of the Jamaat-i-Islami, admits having expropriated Marxist ideas into his idea of political Islam, or Islamism, as a defence against the threat of Western political and cultural 'imperialism'. His idea that Muslims can only truly live their faith in an Islamic State governed by his concept of sharia (law), influenced others who had similar aspirations. For example, his work was read by many ideologues in the Islamic world, including the leadership of the Muslim Brotherhood. He also befriended Ayatollah Khomeini when the two men met at the Haj in the early 1960s. Their correspondence resulted in shaping the formation of the current Iranian government, the only example of a theocracy in Islam.

These two Islamist movements, the Jamaat-i-Islami and the Muslim Brotherhood, have had a profound influence over many other Muslim institutions, including the seminaries in Saudi Arabia and the religious schools in Egypt and Syria. Other institutions, such as the Deoband in India, were inherently political in that they were established as an anti-imperialist project. Subsequently, the original Deoband scholars have adopted a mildly nationalist approach, in order to avoid criticism of disloyalty from the Hindu majority. Those Deoband scholars who went to Pakistan, adopted either a nationalist approach supportive of state sponsored jihadi groups, or a revolutionary strand supportive of extremist movements, such as the Taliban and Al Qaeda. It is this ideological antecedence, the religious conversion of modern political thought of Marx and others, that underpins John Gray's claim that Al Qaeda is a product of modernity [See Gray, J.]. Al Qaeda is just one of many extreme extensions of Islamist movements, all of which set themselves up against the Western political culture from which they borrowed many of their central ideas [See Gray, J.]

Many Muslim countries, especially in the Middle East, have moved to control the potential for instability resulting from politically inspired religious diversity. They have restricted the number of religious sects that can be practised in their country, even going to the extent of writing sermons for imams to be delivered in state controlled mosques. Their policies have

replaced one form of totalitarian thinking with another. In so doing they have strengthened the Islamist narrative that these states are Western puppets, preventing 'true' Islamic worship and so need to be replaced as a religious duty.

While the majority of Muslims draw a secular distinction between their individual beliefs and worship and their dealings with others of differing interpretations and faiths, the institutional aspects of most of their sects or movements are coloured by two strands of political influence. Those that are influenced by modernity's revolutionary approach encourage, to varying degrees, the use of violence to replace existing Muslim governments with a totalitarian ideal, an 'Islamic' state or republic. The second group are influenced by state control and advocate a uniform and conformist approach to religion, where religion is subordinated to the policy of the state.²² Neither is conducive to the secular ideals of diversity of opinion and freedom of belief. It is as if the Islamic world is undergoing its own medieval age and is in need of a renaissance and a religious enlightenment.

Central Asian states accepted independence from the Soviet Union somewhat reluctantly because, unlike Eastern European states, their experience of communism had been mostly positive. The Soviet Union had transformed these largely underdeveloped peasant and nomadic societies into industrialised nations, with free education and healthcare for all. Food and accommodation were also highly subsidised, making life comfortable. The result is that decades later, many citizens look back on the communist experience as being more just, stable and fulfilling than the corruption and inefficiency that they perceive around them. Communist ideology continues to have influence on some, including by shaping the perception of religion as superstition with which they associate regressive and repressive attitudes. For them, the current resurgence of religion in society underscores the Soviet view that religion is at best a historic cultural legacy, contributing to the identity of nations in the same way that clothing and art does, but requiring its impact on the behaviours and values of people to be restricted by the state. Others believe that religion is their primary allegiance and that faith trumps any political authority, indeed, it should be their politics. Both views represent a possible threat to the secularity and security of a state and squeeze the middle ground, where the advantages of both approaches could be achieved without the disadvantages.

Secular constitutions were mainly adopted in this post-Soviet space, allowing the rejuvenation of religions. As the majority of the population was Muslim, religious links with seminaries and other theological institutions in non-Soviet countries were rekindled and developed, allowing the influx of politicised religious beliefs. At some level, those beliefs represent a potential political threat to the embryonic and nominally democratic regimes in power. By and large, these states have looked to government ministries of religion and to the Russian system of the muftiate to control religious affairs within their countries.

The muftiate system originated in Imperial Russia in 1788 and worked well in the context of a Christian empire needing to delegate religious control and administration of a largely apolitical Muslim population. It continued to serve its purpose during the Soviet era when religion had virtually no influence over politics. However, the suitability of the muftiate system

²² These views are of necessity a generalisation. There are Islamic groups and communities which exist outside these two descriptions. For example, Quintan Wiktorowicz describes what he calls a 'quietist' strand in Salafism, where communities withdraw from political involvement, preferring to create 'ideal' Islamic communities in their midst. Similarly, the Ahmadiyya movement in Islam has had a policy of avoiding institutional sponsorship of any political party or leader, but encourages its members to actively engage across the full lawful spectrum of politics, based on their personal political preferences. Its leadership has addressed houses of government in America and Europe on ethical and principle aspects of justice and conflict resolution, rather than advocating specific political policies.

for the current situation of sectarian conflict and political competition within the wider Muslim world needs to be questioned. The post of Grand Mufti or Mufti brings with it considerable power and influence. Increasing diversity and division within Islam, means that any mufti could not credibly regulate or oversee the affairs of the full range of sects and movements, as it is likely that some at least will have deeply opposing views to others. Within the wider Muslim world, these differences reveal themselves through declarations of apostasy which, according to the scriptural interpretation of most of these groups, should be punishable by death. Prevalent and mostly recent misconceptions of the meanings of apostasy and jihad have created the potential for violence and politics to coexist in many Islamic religious organisations. While the majority of Muslim scholars argue that violence under these concepts can only be approved by a recognised religious and political authority, the absence of a credible and unifying leadership in the Islamic allows the development of radical extremist groups. These represent a threat to states across the world. Therefore, there is a growing awareness of a potential security threat from within religious organisations, leading to some challenging questions.

The situation in Central Asian post-Soviet states is further complicated by the diversity of views on what secularism means and what secularity should look like. Society and politics in these countries is still undergoing a period of ideological evolution. Secularism has several models in practice: Fusion, Dominant Religion, State Neutrality, Sceptical/Insulating and Hostile [Cornell, S.E., Starr, S.F. and Tucker, J.]. Despite constitutions pointing towards a state neutrality model, societal factions either support the dominant religion model, at one end of the political spectrum and the sceptical or insulating model at the other. There is therefore a need for a public debate to choose the optimum model. If it is to be in line with the aspiration of the constitution of state neutrality, then it is important that the role of religion is perceived as positive. That way, it should pacify those for whom faith has primacy in their lives and pacify those who see it as a threat to their freedoms and to state development.

It would be wrong to assume that it is only religious organisations that seek advantage and power through politics. Secular politicians have long recognised the benefit of aligning with religious organisations in order to gain popular appeal and to ‘sanctify’ their authority. President Putin, an atheist in his youth, personifies the conversion from atheism to religious belief that has taken place in the post-Soviet space. His, or anyone else’s, sincerity of faith should not be questioned but it is evident that he has been keen to publicly associate himself with the Christian Orthodox church resulting in a positive impact on the Russian electorate. He has even used relativistic religious arguments for his foreign policy actions in Crimea, describing the peninsula as having ‘invaluable civilisational and even sacral importance for Russia, like the Temple Mount in Jerusalem for the followers of Islam and Judaism.’ [Putin, V.V., 2014. Presidential Address to the Federal Assembly.] This association with religion may be positive by providing what he calls the ‘morality’ necessary to underpin the ‘common sense’ required for governance [Time., 2007. Person of The Year 2007 - Putin Q&A: Full Transcript.]. That association has also led to allegations of discrimination from Protestant and other faiths. Most post-Soviet head of states follow this example, some in obviously superficial ways, to align themselves with religious movements in order to gain popular political support. They risk empower religious organisations in the process and dragging them into the political domain. Experiences of Egypt, Pakistan and other countries indicate that short term political strategies involving religion can lead to potentially long term dangers for any constitutional secular aspirations.

To achieve a positive role in a secular society, several questions about religious policy need

to be confronted. In their current context, can these post-Soviet, largely Muslim states, be fully secular? Can an individual or a small group of individuals, fairly regulate the affairs of a variety of Islamic groups, especially when many of them are vying for political as well as religious influence in the country? How can a religious affairs ministry regulate the affairs of a variety of religious groups, without being influenced by possibly parochial views of the muftiate?

There is likely to be more than one answer to these questions and they will only be found if there is an ‘appreciation of the power religious imagination still holds in public life, and the recognition that many will find in it a cure for violence instead of a cause.’ [See Juergensmeyer, M.] One of those answers could be to identify and promote the positive contributions that religion can make, so that the energies of religious institutions and faithful people can be directed towards societal development, without them challenging or pursuing power. That way, religions can fulfil a role for which their doctrine is optimised. That is in championing the obligations of individuals towards each other and cooperative solutions to problems at the societal level, rather than engaging in competitive strategies, involving power and influence at the state level.

Charitable work and the reduction of corruption are a couple of obvious areas for religious organisations to lead on. While the positive benefit of religion in the charitable sphere is well recognised, the performance of religion in influencing ethics to reduce corruption is less clearly demonstrated by evidence. As stated by a ‘review of several studies of the statistical relationships between religion and corruption...the evidence for a causal relationship between religion (or type of religion) and either higher or lower levels of corruption is in no way convincing.’ [See Marquette, H.] That outcome was based on a review of quantitative studies, which recommended a qualitative approach to address the question more effectively. A qualitative study might reveal that many religious organisations have themselves become corrupt, either in their pursuit of wealth or of power. Whatever the reality, it would be beneficial to both religions and society in general, if religious organisations were held to account for creating honest, just and peaceful societies through the power of their faith, rather than through the power of politics. Competition between religions in delivering communities that are ethically robust should create a healthy rivalry to the benefit of all.

For religions to make a positive contribution in a secular state, their administration and organisation also needs to be secular. Rather than have a dominant institution such as the muftiate, optimised for the centralised controlling needs of the pre-secular era, this could be evolved into a secular system, in the sense that all religious beliefs are accepted with equal value. That is to say that all Sunni and Shia sects of Islam have an equal vote in the way the affairs of the muftiate are organised. These affairs should be to support the existing constitution of the state, thereby limiting the role of religion on power.

Conclusions

If there is a single word that encapsulates the challenges of secularism, secularity and religion in the post-Soviet space, then that word is ‘transition’. There is a transition of political ideology affecting these states more than most. There is a transition of the meaning of secularity in these states, as well as the meaning and role of religion in their societies. The primary religion of the region, Islam, is undergoing a worldwide transition. There is a battle within that religion between those who advocate for it as a power in politics and those who preach its potential as a positive theological force on morality and ethics. These transitions represent legitimate concerns over state security and stability. They also offer opportunities for a positive outcome if the benefits of secularism and the benefits of religion are recognised and if balanced decisions are taken. Secularism can enable religions to make a positive contribution to society, by preventing

religions having political power and preventing politicians from exploiting religions for power. Debate and discussion of these crucial issues, underpinned by research and expert advice, at all levels of state and society, are critical to making the right decisions on relevant questions. The right decisions will be those that ensure a stable and prosperous future for these post-Soviet states through diversity of thought and creativity of imagination that comes from freedom of belief.

Bibliography

- Cornell, S.E., Starr, S.F. and Tucker, J., *Religion and the Secular State in Kazakhstan*, 2018.
- Daniel, B. *Critique of Modernization Theory*. New York Times.
- Gray, J.,. *Al Qaeda and what it means to be modern* (Vol. 2). Faber & Faber.
- Juergensmeyer, M., *Terror in the mind of God: The global rise of religious violence*. University of California Press.
- Marquette, H. *Whither morality? 'Finding God' in the fight against corruption*, 2010.
- Oxford English Dictionary.// [URL]: <https://www.lexico.com/en/definition/ideology>
- Putin, V.V., 2014. Presidential Address to the Federal Assembly.//[URL]: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/47173>
- Time.,2007. Person of the Year 2007-Putin Q&A: Full Transcript.//[URL]: http://content.time.com/time/specials/2007/personoftheyear/article/0,28804,1690753_1690757_1695787,00.html
- Voegelin, E. *Modernity Without Restraint: The Political Religions, the New Science of Politics, and Science, Politics, and Gnosticism* (Collected Works of Eric Voegelin, Volume 5) , 2000.

Феррари С.

Действительно ли безопасность и свобода религии или убеждений являются несовместимыми?

Ferrari S.

Are freedom of religion or belief and security reconcilable?

Аннотация: В данной работе представлен документ ОБСЕ/БДИПЧ «Свобода религии или убеждений и безопасность», который рассматривается в более широком контексте дебатов о секьюритизации религии. В нем кратко рассматриваются теоретические последствия взаимосвязи между свободой религии или убеждений и безопасностью и более подробно рассматриваются два вопроса (преобразование и регистрация религиозных организаций).

Ключевые слова: Свобода религии или убеждений, безопасность, обращение в другую веру, регистрация религиозных организаций

Abstract: This contribution presents the OSCE/ODIHR document on “Freedom of Religion or Belief and Security”, placing it in the broader context of the debate about securitization of religion. It briefly explores the theoretical implications of the relationship between freedom of religion or belief and security and discusses two issues (conversion and registration of religious organizations) more in details.

Key-words: Freedom of religion or belief, security, conversion, registration of religious organizations

I was asked to present the document on “Freedom of Religion or Belief and Security” that the OSCE has recently published [See OSCE/ODIHR, Freedom of Religion or Belief and Security: Policy Guidance] and I shall do that in three steps. First, I shall place the document in its context, second I shall devote some time to explaining the notion of comprehensive security developed by the OSCE and finally I shall make a few considerations concerning its application to freedom of religion or belief.

First, the political and cultural context. If I should name the two global processes that today most affect freedom of religion or belief all over the world, I would name the nationalization of religion and its securitization. Leaving aside the first and focusing on the second process, in many countries religions are seen as a potential danger to security. This view is supported by the fact that religiously inspired violence and terrorism have unfortunately become more and more frequent in many parts of the world. One may ask how sincere the religious motivations of these violent acts are, but it is undeniable that they are often justified through the reference to religion. In this perspective, some limited restrictions of freedom of religion are seen as a reasonable price to pay to grant personal and societal security. Let me make a couple of examples. Violent antisemitism is growing in a country and a government spokesperson suggests that Jews should refrain from wearing the kippà in public to avoid becoming the target of religious violence. It is a reasonable and well-intended proposal, but at the same time is a limitation of the freedom of Jews to manifest their religious faith. In another country, some places of worship are deemed to be places where religious radicalism is preached and taught. To contrast this dangerous drift, people attending religious services in those places are subjected to security screenings that go from identification to body searching and affect also the peaceful believers (who are likely to be the majority) who want to access that place of worship without any intention of perpetrating crimes. Who could question the reasonableness of these measures, which aim at granting security for all? At the same time, they entail a limitation of freedom of religion that in the long run will be internalized and accepted as a matter of fact. These examples do not come from totalitarian or authoritarian States that do not care about human rights. They are taken from the daily life of democratic States and this is the most worrying element of the picture. Security and freedom of religion or belief are on collision course even in countries that prize human rights and sincerely try to implement them. This is why we need to pay close attention to how to defuse the potential clash between freedom of religion or belief and security in contemporary society.

I assume you are quite familiar with the meaning, content and role of the right to freedom of religion or belief, therefore I shall not dwell too much on it. It is a right that covers both the internal and external dimensions of human life. I have the right to adopt and change my religion –this is a matter for my conscience and nobody else- and I have the right to manifest my religion or belief through worship, observance, practice, teaching and many other activities [See OSCE/ODIHR, Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach]. Moreover, it is both an individual and a collective right. Each individual is entitled to enjoy freedom of religion or belief irrespective of his or her race, sex, colour, social origin or nationality and each religious or belief community has the right to define autonomously its internal organization, provided it is not against the constitutional order of a country. The increasing religious diversity and the growing public role religions have acquired in many countries raise new problems but we all have an idea of what freedom of religion or belief means.

When we come to security, things are a little more complex. First of all, security is a polysemic word that has many and different meanings. We speak of national security, State security, public

security, international security, military security and so on and each of these expressions has different implications. Second, there is a question that needs to be answered before we start considering the relationship between security and freedom of religion or belief: is security a human right? While the answer is definitely yes when we speak of freedom of religion or belief, the answer is no when we speak of State, national, international or military security. They may represent, in some cases, legitimate limitations to the enjoyment of human rights but nothing more. However, other dimensions of security need to be taken into consideration. Take for example, art. 12 of the South African constitution. It declares “Everyone has the right to freedom and security of the person, which includes the right [...] to be free from all forms of violence from other public or private sources”. The security of the person is a human right that States have the obligation to uphold [See OSCE/ODIHR, p.19]. In this perspective, national, State, military security are tools to grant personal and community security, which are at the core of today’s concept of security [See Crawford A.]. As underlined in many UN documents, the notion of security needs to be re-conceptualized “in a fundamental way by: (i) moving away from traditional, state-centric conception of security that focused primarily on the safety of states from military aggression, to one that concentrates on the security of the individuals, their protection and empowerment” [United Nations Trust Fund for Human Security, chapter 1, sect. 1.1.].

I think that addressing the relationship between freedom of religion or belief and security of the person as a relationship between two human rights provides us with a better way to deal with the potential conflicts between these rights. When a State enacts legal provisions that limit freedom of religion or belief in the name of security, the first question is not whether they are legitimate restrictions to the liberty of an individual or a community. Rather, it is whether the State security they invoke is really necessary to ensure the security of the person that is at the center of the notion of security. In this perspective, the relationship between freedom of religion or belief and security cannot be reduced to a matter of restricting, when necessary, the enjoyment of the former right in the name of one of the multiple dimensions of the latter right. It is a matter of conceiving and implementing both freedom of religion or belief and security of the person in a way that corresponds to the primary role of each human right, which is upholding human dignity.

OSCE was the first security organization that conceived of and adopted a multi-dimensional concept of comprehensive security. In this perspective, security is comprised of three equally important dimensions: the politico-military, the economic and environmental, and the human rights dimension. This concept entails the idea that the protection of human rights and fundamental freedoms and economic and environmental governance is as important for the sustainability of peace and security as is politico-military co-operation. Security cannot be attained if these three goals are not pursued and attained simultaneously [OSCE/ODIHR, p.17].

When we come to the relations between security and freedom of religion or belief the OSCE document I am presenting offers three guiding principles that provide a sound framework for addressing what I called hotspots, that is the issues where a conflict between these two rights is more likely to develop. The first principle concerns learning. Religious illiteracy is increasing, particularly in the young generations, and we are in need of educational programs that foster the knowledge of different religions and their social manifestations. However, these programs are not enough if they are not supported by the awareness that religious or belief diversity is a permanent feature of our societies. Therefore, learning how to live peacefully in a religiously diverse environment is not enough. We need also to understand how to make use of this diversity to build a cohesive and inclusive “living together”. This second type of learning, however, is not

only a matter of knowledge. It requires –and this is the second guiding principle- engagement. Without engaging personally in a dialogue that takes seriously our different *Weltanschauungen*, knowledge alone is unable to create mutual respect. Finally, learning and engagement require a favorable habitat, that can be built through political and legal measures that create confidence and trust through the recognition of rights: granting the right to freedom of religion or belief is the first and most important of these measures.

On the basis of these guiding principles it is possible to address the four case studies considered in the document. They concern conversion, religious extremism, worship and meeting places, registration of religious organizations. I shall focus on the first and the last of them.

From a legal point of view, conversion may have two different meanings. It may indicate the act through which I adopt, change or leave a religion or a belief and this is an individual right that is absolute and cannot be limited or restricted. The same word may designate the act of converting somebody, that is persuading a person to adopt, change, leave his or her religion or belief and this is a right that in a few well-defined cases can be subjected to some limitations. In general, when converting a person implies some forms of coercive persuasion –which may be violent or non-violent- both freedom of religion or belief and personal security may be jeopardized. Short of this, proselytism and missionary activities are a manifestation of the right of freedom of religion or belief that cannot be limited for security reasons. Accordingly, the OSCE document concludes that “the state has a duty to provide a legal and social framework in which the rights [...] to engage in non coercive persuasion can be freely and fully exercised”, including the State duty “to protect individuals and communities engaging in non-coercive persuasion from violence, intimidation, harassment and discrimination” [OSCE/ODIHR, p. 67].

The registration of a religious or belief organization is far from being a technicality that concerns only lawyers. It may be a matter of life or death for the whole organization as simple operations such as opening a bank account or renting a room for prayer meetings may depend on registration. This is why obtaining legal personality in a form that allows the basic activities of religious or belief organizations is considered to be part of the right to collective and institutional freedom of religion or belief. The picture becomes more problematic when we speak of the so called “extremist” religious organizations. Aren’t they a security danger (including personal security) that requires that they are put in a position to do no harm? The answer to this question is based on the distinction between extremism and violent extremism. As long as are not translated into violent acts or incitement to violence or discrimination, extremist views are a manifestation of freedom of expression that should be countered on its own ground, that is by opposing ideas to ideas. Only when extremist ideas are translated into violence or incitement to violence they become a threat to the security of a person or a community. Therefore, the OSCE document recommends that the OSCE participating States “ensure that security-related measures address behavior rather than opinions or beliefs and distinguish between violent extremism and “extremism”” [OSCE/ODIHR, p. 32].

However, recommendations are not directed only to States. Religious or belief communities, civil society organizations and the media “have important roles to play in the interface between freedom of religion or belief and security” [OSCE/ODIHR, p. 26]. They bear the responsibility for creating a cultural and social environment grounded on responsibility and commitment, two virtues that are indispensable to harmonize freedom and security. For this reason, they are the recipients of specific recommendations that aim at enhancing their capacity to generate civic values and attitudes that support the State’s political and legal activity.

It is time to conclude. The road toward the harmonization of freedom of religion or belief

and security is long and rather difficult. We need to go patiently through a process of trial and error that teaches us how to deal with the most difficult situations. The OSCE document is a step forward in the right direction.

Bibliography

Crawford, Adam Public safety and private security: are they reconcilable? in Alessandro Torre (a cura di), *Costituzioni e sicurezza dello Stato*, Santarcangelo di Romagna, Maggioli, 2019.

European Consortium of Church and State Research. *Securitization of Religious Freedom - Religion and Scope of State Control* (proceedings of the conference, Tallinn, 16-18 November 2017, in print with the publisher Comares)

Laegaard, Sune Religious Toleration and Securitization of Religion, in Luiza Bialasiewicz and Valentina Gentile (eds.), *Spaces of Tolerance. Changing Geographies and Philosophies of Religion in Today's Europe*, London, Routledge, 2019.

OSCE/ODIHR, *Freedom of Religion or Belief and Security: Policy Guidance*, 2019// [URL]: <https://www.osce.org/odihr/429389>

OSCE/ODIHR, *Preventing Terrorism and Countering Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Community-Policing Approach*, 2014, // [URL]: <https://www.osce.org/secretariat/111438?download=true>

United Nations Trust Fund for Human Security, *Human security in theory and practice*, New York, United Nations, 2009

Zedner., Lucia Pre-Crime and Post-Criminology, in *Theoretical Criminology*, 11, pp. 261-62, 2007.

Эмон А.

Развертывание “исламского”: четыре регистра для анализа

Emon A.

The ‘Islamic’ Deployed in Post-Soviet Central Asia – 4 registers of analysis

Аннотация: Этот доклад прозвучал в Бишкеке (Кыргызстан) в рамках конференции, посвященной теме свободы религии и секуляризму в постсоветских республиках В докладе, с североамериканской точки зрения, отражается конструкция ислама и мусульман в контексте программ государственного управления. Несмотря на то, что исламская наука была и остается сильной, я утверждаю, что ученым ислама и государства было бы неплохо подумать о том, как различные конструкции ислама и мусульман различаются по своим последствиям для различных программ государственного управления. С этой целью я предлагаю, чтобы изучение ислама и мусульман проводилось в четырех аналитических реестрах: время, пространство, масштаб и риторика.

Ключевые слова: Ислам, мусульмане, время, пространство, масштаб, риторика

Abstract: This talk was delivered in Bishkek, Kyrgyzstan as part of a conference on Religious Freedom and Secularism in Post-Soviet Republics. It reflects comparatively, from a North American perspective, on the construction of Islam and Muslims in relation to projects of state governance. While the field of Islamic studies has been and continues to be robust, I argue that scholars of Islam and the state would do well to think of how different constructions

of Islam and Muslims differ in their implications for distinct projects of state governance. To that end, I suggest that the study of Islam and Muslims attend to four registers of analysis: Time, Space, Scale, and Rhetoric.

Keywords: Islam, Muslims, Time, Space, Scale, Rhetoric

My talk today is based on a forthcoming article in which I challenge my colleagues in the Islamic studies academy in Europe and North America to reconsider how we define the study of Islam [See Emon A.]. For a long time, I and many others have treated Islam as an object of analysis to be examined, dissected, researched, and interrogated. In grammatical terms, I have treated Islam as a *noun*, a thing with a thingness that I never questioned or doubted.

But in recent years, I've come to reconsider the thingness of Islam. It is not that Islam is not grammatically a noun. Sure it is. But I increasingly have noticed, in particular in the shadow of the so-called War on Terror, that when we talk about Islam or Muslims today, we aren't really interested in them. Rather, what we are interested in is what the implication of one version of Islam or another will have on a project of state governance. For that reason, I want to challenge you to reconsider our grammatical usage. I'd like you to join me in thinking of Islam not so much as a noun, but rather as an adjective. It is for that reason that my title uses the adjectival form 'Islamic'. As an adjective, 'Islamic' is always modifying something, instrumentalized for the benefit of something else, with a thingness all of its own. But what is that something else.

That is the real question here. It's not always clear is it? For that reason, I bring your attention to a different grammatical usage in my title. I use the word "deployed". Grammatically, deployed is in the passive tense. Its usage begs the question – deployed by whom? Deployed to what end? My argument to you is that if we begin to see the study of Islam as really the study of the 'Islamic' we will begin to pay greater attention to the ways in which different and competing constructions of Islam and Muslims are instrumentalized. And the one thing that benefits from these different instrumentalizations is the state. Indeed, I want to suggest that as we sit here in Kyrgyzstan, this conference on secularism and religious freedom is really about the state. And it's really about a state worried about Muslims and Islam, in particular extremist Muslims and jihadist Islamic ideals. We know that this jihadist Islam worries a lot of states here and abroad. We know that the UAE and Saudi Arabia worry about it so much that they send diplomatic missions around the world to talk about their deradicalization programs. We know that China is worried about it enough to put Uighur Muslims in what many call modern day concentration camps of the Nazi variety. We know that governments like the US and Canada are so worried about this form of jihad that they have no-fly lists that include 3-year old children whose names all sound foreign and happen to sound like other foreign names. This is not to suggest there is no reality to the concerns posed by groups like the Taliban, ISIS and al-Qaida. I recognize that, like other forms of criminal conspiracy, they pose real concerns here. But the problem is really about what those concerns are, and how they get deployed in the service of state projects. So while we might center our discussion here around theories of secularism or theories of religious freedom, it is my view that those thematic poles hide a more brutal, vulgar reality that our good liberal selves are not willing to admit, even to ourselves. As I show in my forthcoming work and argue here, for as long as look to the European-inspired models of state-ness, religious freedom, and secularism, we will remain wedded to an epistemic inheritance in which the 'Islamic' is always other and foreign, and where the paradigmatic image of the 'Muslim' is foreign and other, even racially non-White. No matter what we say about secularism and religious freedom, these concepts always and at all times hide in the background a state that is

increasingly animated by concerns of the paradigmatic Muslim extremist.

To that end, I want to suggest that how we study Islam and Muslims today needs to increasingly take into account four specific registers of analysis if we are to both treat them as things, while also foregrounding the state projects that instrumentalize the discourse on the 'Islamic' and 'Muslim'. Those four registers are Time, Space, Scale and Rhetoric. I will explain what I mean by these registers, and what they imply for our study of Islam today.

Time

When we talk about Islam today, what do we talk about? Do we talk about the past, the present, or some future? I want to suggest that scholars of Islam would do well to pay heed to what Fernand Braudel called the *Longue Durée* to identify a continuity in our epistemic inheritance. For instance, let's take the example of Pope Urban II's speech calling for the First Crusade. In that speech, he said:

Of holy Jerusalem, brethren, we dare not speak, for we are exceedingly afraid and ashamed to speak of it. This very city, in which, as you all know, Christ Himself suffered for us, because our sins demanded it, has been reduced to the pollution of paganism and, I say it to our disgrace, withdrawn from the service of God. Such is the heap of reproach upon us who have so much deserved it! Who now serves the church of the Blessed Mary in the valley of Josaphat, in which church she herself was buried in body? But why do we pass over the Temple of Solomon, nay of the Lord, in which the *barbarous nations placed their idols contrary to law, human and divine?*

There are a number of passages here that I find fascinating, but for now let's focus on one: "But why do we pass over the Temple of Solomon, nay of the Lord, in which the *barbarous nations placed their idols contrary to law, human and divine?*" The term barbarous has a history when applied to Muslims and Islam. Here it justified a directive to Europe's medieval populations to fight and attack Muslim forces. It continues to haunt us today. In 2015, Canada passed a statute to ban polygamy and forced marriage. The legislation outlines a number of practices. It never identifies them with one religion or another, but it was clear from the debates that the government was really targeting Indian and Pakistani immigration, in particular Muslim immigration. What gave it all away? The title of the act. The Government called it "The Zero-Tolerance for Barbaric Cultural Practices Act." Now I'm not suggesting that the Canadian government was reading Pope Urban II's speech. Rather what I'm arguing is that certain tropes about Islam and Muslims have a history to them that we miss if we do not attend to the way the past and present remain intertwined. This is especially important for those of us who teach in history departments. All too often we are organized by periodization schemes that put us in certain silos. I'm a medievalist, my colleague is an Early Europeanist, my other colleague is a modern Southeast Asian Historian. But when it comes to the study of Islam, I argue that we need to take heed of how the medieval history of Islam and the European reception of Islam continue to inform our epistemic heritage of the 'Islamic' and how it gets deployed.

Space and Scale

When we talk about Islam or Muslims, we often focus on one country or one region. For instance, the American Academy of Religion has an Islamic Studies Section. What we see there is an increasing focus on research that centers questions that are distinctively American. Here at this conference, I cannot help but notice that most of us here are from Central Asia. This is of course to be expected. But I want to suggest that we run the risk of being blind to how the very state or region that we inhabit actually structures how the Islamic takes shape. In the US,

for instance, 2011 witnessed a series of bills that banned Sharia. For instance, in the initial draft of the Tennessee Senate Bill 1028, Sharia was defined and described as follows:

Sec. 39-13-904

As used in this part, unless the context otherwise requires:

(1) “Sharia” means the set of rules, precepts, instructions, or edicts which are said to emanate directly or indirectly from the god of Allah or the prophet

Mohammed and which include directly or indirectly the encouragement of any person to support the abrogation, destruction, or violation of the United States or Tennessee Constitutions, or the destruction of the national existence of the United States or the sovereignty of this state, and which includes among other methods to achieve these ends, the likely use of imminent violence. Any rule, precept, instruction, or edict arising directly from the extant rulings of any of the authoritative schools of Islamic jurisprudence of Hanafi, Maliki, Shafi’i, Hanbali, Ja’afariya, or Salafi, as those terms are used by sharia adherents, is prima facie sharia without any further evidentiary showing [URL:<http://www.capitol.tn.gov/Bills/107/Bill/SB1028.pdf>]

In this passage, we certainly find law in Islam, but it is in the service of a *telos* that poses an existential crisis for states in the US that seek to remain free and sovereign. Like Pope Urban II’s barbarians whose polluting traditions laid waste to Jerusalem, so too does Sharia seemingly threaten the American way of life. This explains why a year earlier, Oklahoma’s constitutional amendment to ban Shari’a was called, without irony, the “Save Our State Amendment”. What is interesting here is that this bill centers a discussion of Sharia in order to enhance a particular view of the rule of law and the Tennessee State – a democratic state premised on popular sovereignty.

Given the current president in the Whitehouse, perhaps this is not a surprising take on Sharia. But it isn’t only the US that has legislation on Sharia. Indeed, I argue that only by juxtaposing how Sharia operates across space do we begin to see that what’s at issue here is not a debate about Islam, but rather the mechanizing logic of state projects. To give you an example, let’s look at Saudi Arabia and the issue of insurance.

Internally, the country’s governing rules are informed by a combination of royal decrees and historic Islamic law, though the latter operates only to the extent not preempted by royal decree [See Vogel F.]. Moreover, the operation of the ‘Islamic’, such as the predominance of Hanbali doctrine in matters of law, extends only to the extent such provisions also uphold the claims of the state to an Islamically grounded form of *domestic* legitimacy in an international state system. This complex legal environment creates at times a dissonance in constructing the ‘Islamic’ – a dissonance that, when taken in the aggregate, can be made to work in the service of the state.

One example of such ‘dissonance’ concerns the rather ordinary, if not mundane, issue of insurance. Insurance is a contract that often involves purchasers making payments on a regular basis to control for the financial challenges that arise in the event of an untimely accident. A student of Islamic economics will immediately identify this contract as problematic: it involves current payments for a payout at an unknown time, and thereby violates a core Islamic prohibition of speculation (*gharar*). Saudi Arabia’s government institution of clerics, the Permanent Committee (*lajna al-da’ima*) held insurance violation Islamic law. In *fatwa* 3249, the Permanent Committee states:

Commercial insurance is a commitment to do something that is not legally obligatory (*fi ‘aqd al-ta’min al-tijari ilzam bima la yalzam, shar’*). The insurance company is not responsible for the accident; it only makes a contract with insurers to protect them against accidents, in case

they take place, in return for a sum of money which the insurer pays to the insurance company and the latter does nothing for the insurer to deserve this money. Hence, *commercial insurance is haram*. [URL:<http://www.alifta.net/Fatawa/FatawaChapters.aspx?languagename=en&View=Page&PageID=5639&PageNo=1&BookID=7>]

If we stopped our analysis here, we would presume Saudi Arabia does not make insurance available in the country. In the case of injury or accident, we would be justified to think that one is simply left to the court adjudicated schemes that prevail in the country. Moreover, we would be justified to think that adopts a very narrow construction of the ‘Islamic’ for domestic political consumption, and thereby perpetuate predominant stereotypes of Islamic law as rigid, and the Saudi regime as religiously conservative.

The problem, though, is that Saudi Arabia also exists in an international context in which migration flows, capital flows, oil wealth, and political multilateralism situate it as a significant political player on the world stage. This why, in addition to space, scale is an important register of analysis. If we collapse the ‘Islamic’ solely and completely with the Fatwa Council would presume far too much of what Sharia is and what it must look like. Moreover, it would blind us to the ways in the Saudi Arabia, as a state project, works across different scales of activity to effectuate its domestic *and* global policies. As we begin to look across different departments of the Saudi State, we begin to see something quite curious.

According to Saudi Arabia’s Monetary Authority (SAMA), commercial insurance is, contrary to any fatwa, a vibrant reality in the Kingdom. The SAMA website explains that Saudi Arabia’s relatively new insurance sector “is to be a cornerstone of the Saudi financial services sector by providing reliable risk transfer mechanisms, promoting long-term savings, and serving as a conduit to channel funds from policyholders to investment opportunities, thus being a key enabler of a healthy Saudi economy.” [See: Saudi Arabian Monetary Authority] According to the Law on Supervision of Cooperative Insurance Companies (Law No. 32 of 1424 AH), insurance in the Kingdom is a regulated activity subject to SAMA’s oversight. Insurance companies are to operate in accordance with earlier legislation on cooperative insurance, as well as ‘in accordance with the principles of Islamic Shari’a’ (*wa bi ma la yata’arud ma’a ahkam al-shari’a al-islamiyya*) [See Saudi Arabia’s Law on Supervision of Cooperative Insurance Companies,]. Defining what counts as permissible falls within the administrative oversight of SAMA, and is outlined in its Implementing Regulations [See Saudi Arabia’s Law on Supervision of Cooperative Insurance Companies]. The Implementing Regulations specify the objects of both Law No. 32 and SAMA’s broad oversight over insurance:

1. Protection of policyholders and shareholders.
2. Encouraging fair and effective competition (*tasji’ al-munafisa al-’adala wa al-fa’ala*).
3. Enhancing the stability of the insurance market (*suq al-ta’min*)
4. Enhancing the insurance sector in the Kingdom, and providing training and employment opportunities to Saudi nationals [See Saudi Arabian Monetary Authority].

Nothing in these stipulated objectives mentions Shari’a, nor do they expressly engage the Permanent Committee’s *fatwa*. Rather, by looking at both the *fatwa* and SAMA’s insurance market together, we find in the aggregate an institutional dissonance that might appear inconsistent, but which together contribute to the project of the Saudi state in different ways, depending on who the relevant audience is. The respective audiences of the Permanent Council and SAMA are not likely the same. In each case, the Saudi state can say it remains committed to Islamic law, whether by referring to the *fatwa* or by the opening provisions of Law No. 32, which caution against any contradiction of Islamic principles. Yet it can also re-assure its

international trade partners and foreign investors that any risk in their Saudi investments can be mitigated and controlled by insurance. By attending to Scale, we can better appreciate how maintaining an ‘Islamic’ milieu and a vibrant economy demands the very inconsistency or dissonance observed here; and in the end, the dissonance across different scales of governance remains in the service of the state.

Rhetoric

The final scale is rhetoric – by which I refer to the audience. In everything I’ve talked about, we can imagine that what matters is not only the audience reading the legislation, the fatwa, or the banking regulation – but what the different claims about the ‘Islamic’ allow the state to do and claim for itself.

In the case of Tennessee, the polemic about Sharia informs a populist uprising that now takes the shape of a nationalist, xenophobic presidency. In the case of Saudi Arabia, the Fatwa is only provided in Arabic, whereas the SAMA website allows one to toggle between Arabic and English. We have to ask – why go through the trouble to translate on authority’s material but not the fatwa? Who is the audience, and what do they need to be convinced of?

Conclusion

As I bring these remarks to a close, I am painfully aware that my examples all come from outside Central Asia. I do not see this as a hindrance, but rather as an opportunity. The conference was an important opportunity to reflect on the implications of the Soviet era on the very construction of religion, and in particular Islam and Muslims, as relatively new states enter the global marketplace. Being post-Soviet politically does not mean that there is no Soviet epistemic inheritance. We all are beneficiaries of some epistemic inheritance, and through comparative and collaborative conferences like this, we are able to put our distinct inheritances into sharper relief. I am deeply honoured to have been part of this conference, and it is my hope that I will have future opportunities to think with others in the region across the registers of time, space, scale and rhetoric.

Bibliography

Anver M. Emon, “The ‘Islamic’ Deployed: The Study of Islam in Four Register,” Middle East Law and Governance (forthcoming 2019).

Frank E. Vogel, *Islamic law and legal system: studies of Saudi Arabia*, Leiden: Brill, 2000.

Saudi Arabia’s Law on Supervision of Cooperative Insurance Companies, Law No. 32 of 1424 AH), Article 1.

Saudi Arabia’s Law on Supervision of Cooperative Insurance Companies, Law No. 32 of 1424 AH), Article 2(2).

Saudi Arabian Monetary Authority Website// [URL]: <http://www.sama.gov.sa/en-US/Insurance/Pages/AboutISD.aspx>

Saudi Arabian Monetary Authority, “Implementing Regulations of the Cooperative Insurance Companies Control Law,” Article 2.

URL: <http://www.capitol.tn.gov/Bills/107/Bill/SB1028.pdf/>

URL: <http://www.alifta.net/Fatawa/FatawaChapters.aspx?languagename=en&View=Page&PageID=5639&PageNo=1&BookID=7>. (Arabic version: <http://www.alifta.net/Fatawa/FatawaChapters.aspx?languagename=ar&View=Page&PageID=5645&PageNo=1&BookID=3> (accessed January 22, 2018). Emphasis added.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алла Владимировна Клевакова - эксперт, клинический психолог, магистр психологии, старший преподаватель кафедры Психологии, психиатрии и психотерапии КРСУ (Кыргызская Республика)

Анатолий Васильевич Пчелинцев - доктор юридических наук, профессор, заслуженный адвокат России, старший партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр», главный редактор журнала «Религия и право» (Российская Федерация)

Анвер М. Эмон - профессор права и истории университета Торонто, Директор Института исламских исследований (Канада)

Андрей Львович Мельников - главный редактор НГ-религии (Российская Федерация)

Афзал Ашраф - PhD, профессор кафедры Международных отношений Центра по изучению конфликтов, безопасности и терроризму Ноттингемского университета (Великобритания)

Василий Константинович Пинкевич - доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация)

Вильям Владимирович Шмидт - доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений, директор Центра этнокультурных и религиоведческих исследований и экспертизы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация)

Вита Владимировна Титаренко - доктор философских наук, старший научный сотрудник Отделения религиоведения Института философии имени Г.С.Сковороды НАН (Украина)

Владимир Васильевич Ряховский - адвокат, управляющий партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр» (Российская Федерация)

Владимир Анатольевич Озолин - адвокат, адвокатское бюро «Славянский правовой центр» (Российская Федерация)

Гульшайыр Жанызаковна Абдирасулова - Кылым Шамы, эксперт по правам человека (Кыргызская Республика)

Екатерина Сергеевна Элбакян - доктор философских наук, эксперт Центра этнокультурных и религиоведческих исследований и экспертизы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация)

Зульфия Юрьевна Павличенко - старший преподаватель КРСУ кафедра НЕСКО по изучению мировой культуры и религий

Зринка Стимак - доктор философских наук, старший научный сотрудник Института Георга Эккерта (Федеративная Республика Германия)

Индира Шахминовна Асланова - председатель Центра религиоведческих исследований Кыргызстана, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО по изучению мировой культуры и религий, Кыргызско-Российский Славянский университет

Инна Владимировна Загребина - председатель правления гильдии экспертов по религии и праву, адвокат (Российская Федерация)

Канатбек Саитмуратович Мурзахалилов - эксперт, старший преподаватель кафедры религиоведения и теологии КНУ им. Ж.Баласагына (Кыргызская Республика)

Клара Ажыбековна Ажыбекова - доктор философских наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского Университет (Кыргызская Республика)

Михаил Николаевич Ситников - главный редактор информационного ресурса «РелигиоПолис»

Назира Умаровна Курбанова - декан факультета истории и социально-правового образования, КГУ им. И. Арабаева (Кыргызская Республика)

Николай Витальевич Шабуров - кандидат культурологических наук, профессор, директор Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация)

Олег Сергеевич Киселев - кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии имени Г.С. Сковороды НАН Украины (Украина)

Ольга Александровна Сибирева - эксперт Информационно-аналитического центра «Сова» (Российская Федерация)

Раван Гасанов Вагиф оглу - исполнительный директор Бакинского Международного Центра Мультикультурализма (Азербайджанская Республика)

Рагим Юсиф Рагимов - советник Бакинского Международного Центра Мультикультурализма (Азербайджанская Республика)

Роман Анатольевич Подопригора - доктор юридических наук, профессор Каспийского общественного университета (Республика Казахстан)

Руслан Халикович Халиков - кандидат философских наук, Президент Молодежной ассоциации религиоведов, Тернопольский национальный педагогический университет имени В.Гнатюка (Украина)

Рустам Анварзода Азизи - доктор философских наук, заместитель директора центра исламоведения при Президенте Республики Таджикистан (Республика Таджикистан)

Светлана Геннадьевна Карасева - кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук, Белорусского государственного университета (Республика Беларусь)

Сергей Владимирович Чугунов - адвокат, адвокатский кабинет Чугунова С.В. (Российская Федерация)

Станислав Сергеевич Кулов - адвокат, адвокатское бюро «Славянский правовой центр» (Российская Федерация)

Сильвио Феррари - профессор права и религии, Миланского университета и Левенского католического университета (Италия)

Чынара Абдыбакасовна Мусабекова - кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теории и истории государства права» Юридического факультета КРСУ (Кыргызская Республика)

Юлия Васильевна Шаповал - профессор кафедры религиоведения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан)

Юрий Владимирович Подкуйко - кандидат исторических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по изучению мировой культуры и религий Кыргызско-Российского Славянского Университета (Кыргызская Республика)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Afzal Ashraf - PhD, Assistant Professor, University of Nottingham School of Politics & International Relations (United Kingdom)

Alla Klevakova - Expert, Clinical Psychologist, Master of Psychology, Senior Lecturer of the Department of Psychology, Psychiatry and Psychotherapy of Kyrgyz Russian Slavic University (Kyrgyz Republic)

Anatoliy Pchelintsev - Doctor of Law, Professor, Honorary Advocate of Russia, Senior Partner of the Law Office “Slavic Center for Law and Justice,” Chief Editor of “Religion and Law” (Russian Federation)

Andrey Melnikov - Chief Editor, Independent newspaper “NG Religion”, (Russian Federation)

Anver M. Emon - Professor of Law and History, University of Toronto; Director, Institute of Islamic Studies (Canada)

Chynara Musabekova, PhD in Law, Associate Professor, Theory and History of the State and Law Department, Faculty of Law, Kyrgyz Russian Slavic University (Kyrgyz Republic)

Ekaterina Elbakyan - Doctor of Philosophy, Center for Religious Studies and Ethnocultural Studies and Expertise at the Department of State-Confessional Relations of the Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation)

Gulshaiyr Abdirasulova - Human Rights Expert, Public Foundation “Kylym Shamy” (Kyrgyz Republic)

Indira Aslanova - Head, Research Center for Religious Studies of Kyrgyzstan, Senior Lecturer, UNESCO Chair of World Cultures and Religions, Kyrgyz Russian Slavic University (Kyrgyz Republic)

Inna Zagrebina - Lawyer, Chairman, Board of the Guild of Religious and Legal Experts, Counsel (Russian Federation)

Kanatbek Murzahalilov - Expert, Senior Lecturer, Department of Religious Studies and Theology, Kyrgyz National University (Kyrgyz Republic)

Klara Azhybekova - Doctor of Philosophy, Professor of Kyrgyz Russian Slavic University

Mikhail Sitnikov - Chief Editor, Center for Religious Studies “ReligioPolis” (Russian Federation)

Nazira Kurbanova - Dean, Faculty of History and Social Law education, Kyrgyz State University named after I. Arabayev, (Kyrgyz Republic)

Nikolai Shaburov - Candidate of Cultural Studies, Director, Center for the Study of Religion, Professor, Russian State University for the Humanities (Russian Federation)

Oleg Kyselov - Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Skovoroda Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine)

Olga Sibireva - Expert Information-Analytical Center “Sova” (Russian Federation)

Rahim Rahimov - Adviser, Baku International Centre of Multiculturalism (Republic of Azerbaijan)

Ravan Hasanov –Executive Director, Baku International Centre of Multiculturalism (Republic of Azerbaijan)

Roman Podoprigora - Doctor of Law, Professor, Caspian University (Republic of Kazakhstan)

Ruslan Khalikov - Candidate of Philosophy, President of the Youth Association of Religious Scientists, Member of the Donetsk Branch of the Ukrainian Association of Religious Scientists,

Member of the Ukrainian Centre for Islamic Studies, (Ukraine)

Rustam Azizi - Doctor of Philosophy, Deputy Director, Islamic Studies Center under the President of Tajikistan (Republic of Tajikistan)

Sergei Chugunov, Lawyer, Law Office of Chugunov S.V. (Russian Federation)

Silvio Ferrari - Professor of Law and Religion, University of Milan and Catholic University of Leuven (Italy)

Stanislav Kulov - Lawyer, Slavic Center for Law and Justice (Russian Federation)

Svetlana Karassyova - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Philosophy, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University (Republic of Belarus)

Vasily Pinkevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Russian Federation)

Vilyam Shmidt - Doctor of Philosophy, Professor, Department of State and Confessional Relations; Director, Center for the Studies of Religions, Ethnic Cultures and Expertise, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation)

Vita Titorenko - Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Department of Religious Studies, Skovoroda Institute of Philosophy, NAS (Ukraine)

Vladimir Ozolin - Lawyer, Slavic Centre for Law and Justice (Russian Federation)

Vladimir Ryakhovskiy - Lawyer, Managing Partner, Slavic Center for Law and Justice (Russian Federation)

Yuliya Shapoval - Professor, Religious Studies Department, Eurasian National University named after L.N. Gumilev (Republic of Kazakhstan)

Yuriy Podkuiko - Candidate of Historical Sciences, Head of the UNESCO Chair of World Culture and Religions, Kyrgyz Russian Slavic University, (Kyrgyz Republic)

Zrinka Stimac - Doctor of Philosophy, Senior Research Fellow, Georg Eckert Institute (Federal Republic of Germany)

Zulfiya Pavlichenko - Senior Lecturer, UNESCO Chair of World Culture and Religions

Подписано в печать 10.02.2020г.
Офсетная бумага 80 г. Офсетная печать.
Размер бумаги 45х64. 1/16
Объем 14,25 п. л.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ИП «Дуйшебаев Б.С.».

